МВ И ССО РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XIII-XV вв.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК 95
СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Горький 1971

МВ И ССО РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XIII-XV вв.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК 95
СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Горький 1971

РЕДКОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА:

Е. Д. Воробьева, Н. П. Соколов (редактор), **Е. В. Кузнецов**

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ВЕНЕЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Н. П. СОКОЛОВ

Автор настоящего сообщения уже имел случай высказать некоторые суждения об основах экономической жизни и социальной структуры Венеции во второй половине XIII в., в достаточной степени объясняющих те социальные движения, которыми отмечена история Венецианской республики в самом конце XIII и первой половине XIV в.[1] Здесь, поэтому, нет необходимости еще раз возвращаться в этому вопросу.

Предметом настоящего сообщения являются социальные движения первой половины XIV в.,—заговор Бокконио (1300 г.), вооруженное восстание Баямонте Тьеполо (1310 г.) и заговор Марино Фальери (1355 г.). Вместе с тем полагаем, что не будет бесполезным хотя бы очень кратко остановиться на социальных движениях 60-х и 70-х годов XIII в. и завершении процесса конституционного господства венецианской олигархии, известное под названием «закрытия Большого Совета» (1297 г.).

Венецианские анналисты не любят освещать фактов классовой борьбы в Венеции. Они умалчивают о брожении попланов в XII в., возникшем во время Венецианского конгресса (1177 г.), и мы узнаем о нем от Ромоальда Селернского; в XIII в. движение это иногда принимало такие размеры, что скрыть его было невозможно,и тогда ничего не оставалось другого, как его преуменьшить, или истолковать наиболее приемлемым для венецианских плутократов образом.

А. Дандоло, а за ним и Лоренцо да Моначи сообщают нам о двух случаях проявления народного возмущения в Венеции в 60-х г. XIII столетия, в 1266 и 1267 гг.

В первом случае возникновение народного движения Дандоло объясняет недоразумением. Разнесся слух, что дож и его Совет обсуждают вопрос об удвоении платы, взимаемой за

[1] Метрополия Венецианской долониальной кержавы во второй половине XIII в. Уч. Зап. Г.Г.У., вып. XXVI, Горький, 1954, стр. 47 и след.

размол зерна, тогда как обсуждался совсем другой вопрос. «Тогда плебс—пишет Дандоло,—с демагогическими выкрикиваниями и проклятиями направляется ко дворцу и забрасывает каменьями дожа, пытавшегося успокоить пришедших, а затем толпа, напав на дома кое-кого из знати, подвергла их разграблению».[2] Перед нами вспышка гнева народных низов из-за непроверенного, как нас уверяет анналист, слуха. Ясное дело, что истиной причиной был не этот слух, а общее недовольство политикой венецианской олигархии,—не даром объектом нападения были олицетворение ее,—дож и нобили. Дандоло сообщает далее, что после прекращения «бунта», последовала расправа: десять «зачинщиков» были публично казнены, а приписка в Аморосианском кодексе добавляет еще: «И многие были по приказанию дожа убиты тайно».[3]

Народное движение следующего года изображается как следствие вражды двух аристократических фамилий, Дандоло и Тьеполо. Один из Тьеполо был смертельно ранен братьями Дандоло, Леонардо и Джованни, и по этой причине «всеобщая вражда возникла среди граждан»—сообщает нам Дандоло.[4] Венецианское правительство, наказав активных участников «всеобщей вражды», вынесло решение, категорически воспрещавшее пополанам хранить у себя на дому оружие, даже если этоб ыло оружие какого-нибудь знатного человека. Очвидно, в данном случае была сделана попытка одной из враждующих фамилии использовать недовольство пополанов в своих частных видах. Не без основания венецианская олигархия всегда боялась именно этой опасности,—попытки какого-нибуь честолюбца из собственной среды противопоставить силы народного движения ее господству.

Под 1275 г. А. Дандоло, по своему обыкновению, очень кратко сообщает, что в этом году несколько лиц—он называет 7 имен—«составили заговор и сообщество против Венецианской республики, за что и были осуждены на вечное изгнание из Венеции и прочих владений республики».[5] Дандоло указывает на род занятий только одоного из заговорщиков, некоего Флора, которого он называет «золотых дел мастером», но нет сомнения, что и все остальные заговорщики были людьми «из народа», так как ни один из них не носит имени какой-либо знатной венецианской фамилии.

Подобной же участи подвергся еще один «заговорщик против республики» в 1278 году. Его звали Джованни Сара

[2] A. Danduli. Chronicon Venetum Muratori, RIS, v. XII, col. 373.
[3] Sed non pauci jussi sunt interfici clam., Ibid., col. 374.
[4] Ibidem, col. 374.
[5] Ibid., col. 389.

чено. Дандоло ничего не говорит о прочих участниках движения, но они, очевидно, были, так как в тексте хроники речь идет о том, что виновник вступил в преступное сообщество».[6]

Из всех этих фактов видно, что народные массы не были довольны сложившимися политическими отношениями, но попытки изменить их делались неорганизованно, не носили массового характера, а потому и подавлялись правящей олигархией без особого труда и напряжения.

В конце XIII в. господство венецианской плутократии получает конституционное оформление: происходит «закрытие Большого Совета».

Ни один из историков Венеции не проходит мимо этого факта, но в исторической литературе до сих пор нет полного единства во взглядах на это событие. Для доказательства этого мы остановимся на взглядах крупнейших историков Венеции нашего столетия—Г. Кречмайра и Р. Чесси.

Кречмайр считает «закрытие Б. Совета» очень важным моментом во внутренней истории Венеции и заявляет: «Оно было, очевидно, шагом в сторону от олигархии, но было вместе с тем и утверждением господства аристократии».[7] С этого времени «новые люди» не допускались к участию в Б. Совете, а вместе с тем и к отправлению государственных должностей. С 1319 г. каждому нобилю, достигшему 25 лет, предоставлялось право участия в высшем органе управления республикой. Положение члена Б. Сов. делается наследственным, а выборы ненужными. Из этого Кречмайр делает заключение, что «закрытие Б. С.» было не единичным актом, а суммой мероприятий, проводившихся последовательно в течение жизни цлого поколения и преследовавших цель аристократизации управления республикой.[8]

Р. Чесси полагает, что «закрытие Б .С.» не было «антинародным мероприятием», что реформа Большого Совета не сужала, а расширяла социальную базу высшей государственной власти в Венеции. В своих «Очерках» по политической и экономической истории Венеции об интересующей нас реформе он пишет: «Нельзя сказать, что вдохновлена она была ограничительными тенденциями,—скорее она выражала желание расширить круг участников (во власти)»[9]. В предисловии к первому тому издаваемых им актов Боль-

[6] Ibid., col. 395.
[7] H. Kretschmayer. Geschichte von Venedig. B. I—III, Gotha, 1905—1934—. B. II, S. 74.
[8] Ibid., S. 75.
[9] R. Cessi. Politica ed economica di Venezia nel trecento. Saggi, Roma, 1952, p. 10.

шого Совета Чесси утверждает, что суть реформы в своей основе заключалась не в стеснении принципа выборности членов Большого Совета, но в замене определенной численности его состава численностью неопределенной[10]. Стоя на позициях отрицания в истории Венеции классовой борьбы, Р. Чесси и в данном случае считает своею обязанностью подчеркнуть полное отсутствие какого-либо проявления социальной розни в этих преобразованиях[11].

Нельзя не заметить существенной разницы в изложенных здесь взглядах Кречмайра и Чесси на конституционную реформу 1297 г. Возникает вопрос, в какой мере повинно в этом состояние наших источников.

Источники повествовательного характера, наиболее близкие по времени своего возникновения к рассматриваемым здесь событиям, излагают обстоятельства дела лишь очень кратко. Краткая хроника А. Дандоло делает лишь такое замечание: «Этот дож—речь идет о Пьетро Градениго—вместе со своими конституцией установленными Советами постановил исключить из состава Б. Совета нескольких пополанов»[12].

Гораздо более подробно излагают события 1297 г. более поздние историки Венеции и среди них особенно подробно Марино Сануто Младший, писавший, как известно, во второй половине XV в. Марино Сануто использовал документальные материалы, свидетельства более ранних анналистов, но признается, что ход событий и ему не был ясен во всех своих подробностях[13].

По словам Марино Сануто, в 1296 г., по предложению Совета 40 (Кваранции), в Большом Совете было принято следующее решение: 1) Кваранция 12 голосами комплектует первую группу членов Б. Совета из числа лиц ,заседавших в нем в течение последних четырех лет; 2) Б. Совет создает трехчленную комиссию электоров, которые избирают кандидатов в Б. Совет из числа лиц, не участвовавших в его заседаниях в последние четыре года; 3) Кваранция 12 голосами избирает из числа этих кандидатов вторую группу членов Б. Совета; 4) избранные Б. Советом три электора также должны быть членами Б. Совета. Вместе с тем было принято решение, что указанный порядок комплектования Большого Совета вводится с 29 ноября 1296 г. сроком на один год, т. е.

[10] R. Cessi. Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia. v. I, Bologna, 1950, p. XIX.

[11] Ibid., p. XVII.

[12] Продолжение цитированной большой Хроники дожа анналиста, ed. Muratori, RIS, v. XII, col. 409.

[13] Vite dei duchi. Ed. Muratori, RIS, v. XXII, col. 581.

до 29 ноября 1297 г. и останется на последующее время, если не будет опретестован 5 членами Малого Совета, 25 членами Совета 40 и двумя третями Б. Совета[14]. Сануто сообщает далее, что Б. Советом дано было указание, что общее число избранных членов Б. Совета не должно превосходить 450-470 лиц, причем из одной и той же фамилии нельзя было избрать более 3—4 человек. Наконец, по известию Сануто, в самом начале XIV в. было принято решение о неизменности этого порядка и праве заседания в Б. С. каждого, кто в этом порядке однажды в его состав был избран[3].

При всем различии в истолковании этих фактов Кречмайром и Чесси, они сходятся в одном: постановление 1296 г. расширяло социальную базу Б. Совета. Основанием для такого толкования закона для них является второй из приведенных выше его четырех пунктов., именно тот, где речь идет об избрании кандидатов в члены Б. С. из числа лиц, которые не состояли в нем за 4 последние года. Мы считаем такое истолкование пункта ошибочным, и самый вывод неправильным.

В рассматриваемом пункте закона речь идет не о пополанах (populares), а о лицах, не состоявших в Б. С. за последние 4 года. Если принять во внимание, что число «выбираемых» членов Б. С. в XIII в. достигало 100 человек, из которых значительная часть несомненно переизбиралась, то укомплектовать Б. С. в новом составе свыше 400 членов из числа таких лиц было очевидно невозможно. Если учесть далее, что попытки проведения реформы делались еще в 80х годах, и тогда предлагалось «избрать» в члены Б. С. как тех, кто уже входил в состав его ранее, так равно и тех, чьи отец, дед, другие предки по мужской линии заседали в Б. С., и это предложение, как непопулярное, было отклонено[17], то будет вполне логичным сделать такое заключение: в новом варианте закона проводилась все та же мысль о праве заседания в Б. С. лишь **таких лиц, которые или сами, или их предки были в составе Б. С., но** только в завуалированной форме. Таким образом **ни о каком расширении социальной базы** Большого Совета в законодательных актах 1296 и 1297 гг. не может быть и речи.

Современники так именно и понимали эти установления. В приведенном выше отрывке из краткой хроники Дандоло речь идет об устранении из Большого Совета «популяров»: заговор Бокконио ставил задачей отстоять право «популя-

[14] Ibid., col. 580, 581.

[15] Ibid., col. 583.

[16] R. Cessi. Deliberazioni, ed. cit., p. XIII.

[17] H. Kretschmayer, op. cit., B. II, S. 73.

ров» (пополаров) на избрание в Б. Совет; участники движения, возглавленного Тьеполо, со своей стороны пытались использовать этот непопулярный закон для привлечения на свою сторону «людей из народа». Никакого **сомнения не может быть в том**, что именно пополанам **закрывала реформа доступ в Б. С., сохранив** его в качестве привилегии венецианского нобилитета, фактически и до реформы державшего Б. С. в своих руках. Это **не было «отходом от олигархии»**, как **думал Креймайр, а было ее конституционным** оформлением

Реформа не устанавливала наследственного права замещения состава Большого Совета кругом определенных фамилий, и нам неизвестно ни одного акта, который бы устанавливал такой порядок в ближайшие за 1297 годы; тем не менее в первой четверти XIV в. он был уже фактом. Можно согласиться с Кречмайером, что **с 1319 г. выборы вообще стали ненужными,** так как в этом году было установлено, что **нобили, имевшие «право» быть** избранными в Б. С. по новым установлениям, могли вступать в его состав по достижении двадцатипятилетнего возраста.[18] Реформа, однако, не была даже «в некоторых своих деталях продуктом случайного развития», как думал Кречмайр[19], а была логическим завершением всего предшествующего внутриполитического развития Венеции.

Что же представлял собою **замкнувшийся политически круг венецианских нобилей в социально**-экономическом отношении? Наш ответ на этот вопрос может быть лишь только предположительным, хотя, по нашему мнению, и вполне вероятным. Для бесспорного решения этого вопроса в том или ином смысле нужно было бы изучить те десятки тысяч документов Венецианского Государственного Архива, которые значатся там под рубрикой mani morti и содержат завещания и другие хозяйственные акты венецианских патрицианских фамилий, чего мы, по понятной причине, сделать не можем. Однако авторы, использовавшие эти архивные фонды для тех или других своих работ, сделали известным некоторое количество таких документов. Это в особенности относится в Джино Луццатто, автору ряда очерков по экономической истории Венеции[20]. Все данные, которые приводит Луццатто об имуществе венецианских нобилей, неизменно говорят о том, что в состав их достояния всегда входит некоторое количество земельных владений, как в пределах дуката,

[18] Ibid., S. 75.
[19] Ibid., S. 76.
[20] G. Luzzato. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954.

так и еще большей степени за его пределами—во Фриуле, в Истрии и т. д., с которых они получают феодальную ренту[21]. Велика она, или мала—в данном слчае вопрос этот имеет второстепенное значение—,важно то, что нобили—получатели земельной ренты, занимающиеся, однако, и торговыми делами, и ростовщичеством. Этот вывод подтверждают и данные других авторов, использовавших тот же архивный фонд[22]. С другой стороны хорошо известно большое число фамилий венецианских **нобилей,** представители **которых имели лены в колониальных владениях Венеции, таких как Крит,** Негропонт, островной мир Киклад и т. д.

Эти частичные данные позволяют сделать тот вывод, что замкнувшаяся политически группа венецианского патрициата, нобили, состояла из получателей феодальной ренты. Нам известны случаи, когда земельной собственностью владели и некоторые пополаны,—тот же Джино Луццетто приводит один такой пример[23]; однако нам неизвестно ни одного случая, когда та или другая фамилия нобилей не обладала бы феодальной земельной собственностью.

Этот вывод, как нам кажется, не лишен значения при установлении причин, по которым Венеция с XIV в. в своей внешней политике взяла курс на создание и расширение своих владений на континенте.

Заговор Марино Бокконио и хронологически, и по данным наших источников непосредственно примыкает к «закрытию Б. Сов.» и им в известной степени обусловлен. Один из лучших представителей позитивистского направления в венецианской историографии XIX в. **С. Романин** прямо объясняет происхождение заговора реформой 1297 года[24]. В XX в. **Кречмайр** также связывает эти события между собою и вместе с тем утверждает, что в движении Марино Бокконио приняли участие и некоторые представители нобилитета[25]. **Р. Чесси** связывает заговор с теми экономическими трудностями, которые Венеция испытывала, ведя в 90-х годах XIII в. одновременно и войну с Генуей, и войну с Византией[26].

Ранние наши источники рассказывают о событиях очень кратко. В краткой хронике А. Дандоло говорится: «В то же

[21] Op. nom., pp. 82, 126, 168, 289.
[22] M. Merores. Die venezianische Salinen der älteren Zeit. (Vierteljahrsch. für soz.—und Wirtschaftsgesch. 1916, B. XIII, SS. 77, ss.
[23] G. Luzzato, op. cit., p. 62.
[24] S. Romarin. Storia documentata di Venezia. Venezia, 1853 ss., vv. I—X; v. III, p. 5.
[25] H. Kretschmayer, op. cit. B. II, S. 181.
[26] R. Cessi. Storia della repubblica di Venezia. Milano-Messina, 1944—1946, vv. I—II; v. I, p. 277.

время некий Марино Бокконио, составивший изменнический заговор против дожа, был арестован вместе со своими соумышленниками, и все они были повешены»[27]. В другом месте того же источника Марино Бокконио назван «популяром»[28]. Лоренцо да Моначи сообщает о заговоре приблизительно то же самое: «Некий Марино Бокконио, венецианский «популяр», с несколькими гнусными соучастниками составил заговор с целью убить дожа; после того как заговор был раскрыт, названные выше лица были казнены через повешение»[29].

В конце XIV и в XV в. венецианские историки и анналисты сообщают дальнейшие подробности, не совсем согласные с приведенными известиям. Марино Сануто Младший, ссылаясь на свидетельство хроники Пьетро Дельфино, выводит заговор непосредственно из реформы 1296—1297 гг. Когда нобили приступили к реализации этой реформы, Марино Бокконио и Якопо Бильдо со своими многочисленными родичами, будучи людьми богатыми, но не принадлежали к нобилитету, боялись, что им будет закрыт доступ в Б. Совет. С большою толпою людей они появились на площади перед дворцом дожа, но нашли его ворота закрытыми. Тогда заговорщики подняли шум и требовали дожа для переговоров. Пьетро Градениго пытался уговорить шумевших пополанов, пробовал будто бы даже обмануть их, ссылаясь на то, что в Б. Совете дело идет в данный момент совсем не о том, что они думают. Не веря дожу, Марино Бокконио и его сообщники требовали допуска в Большой Совет. Дож принял решение уничтожить заговорщиков. Им было объявлено, что их будут пускать на заседание Б. Совета по пять человек. Первыми были впущены Марино Бокконио, Якопо Бильдо и еще трое других. Двери за ними были заперты, вся пятерка подвергалась немедленному вооруженному нападению и была перебита. Так было поступлено и с некоторыми другими сторонниками Марино Бокконио. Всего погибло человек **150 или 160**, остальным просто было приказано разойтись по домам. Тела умерщвленных заговорщиков были потом выставлены на площади с приказанием их не трогать. Рассказ заканчивается словами: «Именно так было покончено с мятежом, и уже никто более не смел открыть рта по этому делу».[30]

---

[27] A Danduli Chr. ed. cit., v. XII, col. 409.

[28] Ibid., col. 401.

[29] Laur. de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum. Ed. Fl. Cornelius Venetils, 1758, p. 279.

[30] Op. cit., col. 584.

Все эти подробности, вероятно, плод позднейших измышлений, но заслуживает внимания отчетливо проведенная мысль о связи движения с реформой 1296—1297 гг.

В еще более поздней хронике, написанной около 1560 г. и принадлежащей Пьетро Джустиниани, делается упор на злостность замыслов Бокконио и его сообщников. У Дандоло речь идет только об «измене против дожа», у Лоренцо да Моначи говорится об «убийстве дожа», а у Джустиниани планы заговорщиков расширяются до «убийства дожа, Сената знати вообще».[31] Легко понять, что все эти «ужасы» также— выдумки позднейшего времени. Однако и хроника Джустиниани ставит заговор в непосредственную связь с «закрытием Б. Совета» и считает Марино Бокконио состоятельным человеком.[32]

Все эти данные, как нам кажется, позволяют сделать следующие выводы.

Заговор Марино Бокконио был частным выражением общего недовольства пополанов внутренней и внешней политикой нобилитета. Марино Бокконио и Якопо Бильдо представляли ту группу пополянов, которая по своему имущественному положению не уступала или уступала незначительно нобилитету. Окончательно оттертая от дел государственного управления реформой 1297 года эта группировка рассчитывала использовать в своих целях недовольство народных масс против нобилей, недовольство, бывшее следствием все более возраставшего имущественного неравенства и приниженного политического положения этой части венецианского населения. Неудачная внешняя политика момента обостряла это недовольство и, как казалось, давала почву для открытого выступления против олигархии. Рассчеты заговорщиков, однако, оказались ошибочными. Ремесленники и мелкие торговцы остались спокойными. При этих условиях подавление заговора и расправа с его участниками не представляла для правительства больших затруднений. Венецианская олигархия расправилась с заговором так же быстро, как и с движениями народных низов в 60 и 70-х годах. Вопрос о том, принимали ли какое либо участие представители знатных фамилий, как нам кажется, должен быть решен в отрицательном смысле.

Заговор Баямонте Тьеполо и последовавшее в результате его вооруженное выступление является в истории Венеции самой крупной попыткой низвергнуть установившийся государственный строй. Венецианское правительство отнеслось

---

[31] Petri Justiniani patritii veneti Aloysi Rerum venetarum ab urbe condita historia. Venetiis, MDLX, p. 87.

[32] Ibid., p. 87.

к событиям 1310 г .очень серьезно. Оно поспешило уведомить о происшедшем всех своих колониальных магистратов и некоторые иноземные дворы. Сообщения об июньских событиях 1310 г. в ближайшие за ними дни получили дука Кандии, байло Константинополя, Армении, Кипра, Негропонта, подеста Каподистрии, Пирано, Умаго, Читтануова, Паренцо, Ровиня, Пулы и др.; специальные письма были направлены венецианским комитам далматинских городов, крупнейшим феодалам, держателям некоторых венецианских владений, вроде сеньеров Негропонта; получил официальное освещение событий венецианский уполномоченный при папском дворе, направлены были письма графу Горицы, Тироля, патриархату Аквилей, «генеральному капитану» Вероны; направлены были, наконец, специальные посольства в Милан, Брешию, Кремону, Парму и др. города Италии.[33] Рассылка такой информации диктовалась соображениями как внутреней, так и внешней политики. В заговоре приняли участие выдающиеся представители венецианского нобилитета с родственными связями среди венецианских провинциальных магистратов,—их надо было уведомить о полном крушении дела заговорщиков и бесполезности всякой поддержки их дела. Вместе с тем события произвели большое впечатление в городах Италии и далеко за ее пределами, поколебался незыблемо до того времени стоявший кредит на иноземных товарных и денежных рынках венецианских купцов и денежных дельцов. «Многие города Италии и Германии —писал Лоренцо да Моначи—решил, что в это время с венецианской свободой было покончено, и в короткое время иностранцы изъяли из Венеции в виде востребованных депозитов, деньгами и товарами, на сумму до двух миллионов дукатов».[34] Надо было показать всем, усумнившимся в прочности венецианского государственного строя, что с бунтовщиками покончено, и дела идут своим обычным порядком. Наконец 15 июня, день св. Вита, когда на площади св. Марка были разгромлены силы заговорщиков, объявлен был праздником в память «избавления республики» от угрожавшей ей опасности.

Помимо указанных документов официальной информации, мы располагаем и рядом других источников по истории заговора 1310 г., документальных и повествовательных. К документальным источникам относится: постановления Большого Совета, решения Совета 40 и др.; к повествовательным принадлежат: хроники и «истории». Венецианские анналисты и историки уделяли большое внимание событиям 1310 г. Если в кратких записях, представляющих собою продолжение большой Хроники А. Дандоло, они изложены довольно лаконично,[35] то Лоренцо да Моначи излагает их достаточно подробно. Еще более подробные данные находим мы у авторов XV в. и прежде всего у Марино Сануто Младшего, который использовал для своих известий не только документальные и летописные известия XIV в. но также и некоторые надписи[37]. Более поздняя хроника Пьеро Джустиниани, как и «истории» по заказу Синьории, вроде сочинения Марка Антонио Сабеллико, украшают свой рассказ различными вымышленными подробностями, вроде, например, подробного описания битвы, происшедшей на площади св. Марка, которое мы находим у Джустиниани.[38] Все эти произведения написаны в резко враждебном делу заговорщиков духе. События июньского заговора 1310 г., как нам уже известно, вышли за рамки местного к ним интереса и нашли отражение в других источниках по истории Италии, например в известной хронике Джованни Виллани.[39] Известия Виллани, однако, не дают чего либо нового по сравнению с тем, что мы знаем из венецианских источников.

В исторической литературе заговор Тьеполо оценивается далеко не единодушно. Еще Романин сделал сводку высказанным до него взглядом на события 15 июня 1310 г.: одни выводили заговор из «закрытия Б. С.»; другие объясняли выступление Тьеполо и его товарищей личной враждой этой фамилии к фамилии Градениго, представитель которой был тогда дожем; третьи приписывали все дело честолюбию Б. Тьеполо, который хотел низвергнуть республиканское устройство и установить единоличную власть; наконец, осужденный и изгнанный, в демократических кругах современников и потомства он слыл «защитником народных прав, который хотел обуздать узурпацию нобилей и восстановить старую народную форму правления».[40]

Сам Романин поставил своею целью «выяснить истину, опираясь на факты».[41]. Он усматривает в заговоре Тьеполо попытку установления тирании по образцу тирании Скалигери в Вероне, Каррара в Падуе, да Камино в Тревизо.[42]

[33] Дополнения к хронике Rafaino Caresini, Muratiri, RIS, v. XII, col. 484, 485, 486.
[34] Op. cit., p. 276.
[35] Editio cit., col. 410.
[36] Op. cit., pp. 274—277.
[37] Op. cit., col. 586.
[38] Op. cit., pp. 87—92—.
[39] G. V i l a n i. Historie fiorentine. Muratori, RIS, v. XIII, col. 785, 786.
[40] S. R o m a n i n. Storia documentata, v. III, p. 25.
[41] Ibid., p. 26.
[42] Ibid., p. 50.

Преследуя эту цель, Тьеполо и его сторонники шли под гвельфским знаменем, обвиняя Градениго в гибеллинстве,[43] причем личные честолюбивые замыслы прикрывались личной сочувствия наряду[44].

Сходные взгляды были высказаны несколько позднее Лаццарини[45] и Баттистелли.[46] Несколько дополнительных деталей, сообщенных Лаццарини, и подробная справка Баттистелли о предшествовавшей заговору карьере Тьеполо, сами по себе не представляют особого интереса.

Р. Чесси, объясняя происхождение заговора, придает большое значение неудачами правительства Градениго во внешней политике, в частности неудачной войне с Феррарой. Вместе с тем он выводит июньские события 1310 г .из честолюбивых замыслов Тьепло и его сторонников, а их демократические лозунги считает неискренними. Участие в деле Тьеполо пополанов Чесси объясняет «надеждой на добычу». В своей «Истории Венецианской республики» он пишет: «Заговор был задуман и руководим нобилями, вышедшими из среды правящего класса, воспользовавшимися для достижения своих целей людьми из народа, привлеченными, быть может, более жаждой добычи, чем политическим идеалом[47]». В другой уже цитированной выше работе Чесси усматривает в выступлении Б. Тьеполо попытку «увековечить власть даже в одной и той же фамилии», т. е. фамилии Тьеполо[48].

Нельзя не согласиться с тем, что во всех этих взглядах есть ряд правильных суждений, находящих необходимые основания в первоисточниках.

Восстание было поднято **группой венцианских нобилей:** в заговоре участвовали и были затем осуждены двое **Тьеполо**, восемь **Квирини**, двое **Бадоеро**, двое Барощци[49] и многие других,—у Марино Сануто приведен список из **двух или трех десятков** представителей знатных фамилий, ставших под знамя Тьеполо.[50] Гораздо более многочисленная группировка знати стала, однако, за дожем, Пьетро Градениго. Борьба двух группировок венецианской знати между собою имела место и ранее: выше мы уже вели речь о вражде таких группировок в XIII в.,—их возглавляли тогда Тьеполо и Дандоло; новое теперь заключалось в том ,что борьба шла за обладание властью в республике.

[43] Ibid., p. 26.
[44] Ibid., p. 50.
[45] V. Lazzarini. Anecdotti della congiura Quirini Tiepolo. (Nuovo Arch. Veneto, X, pp. 81, ss).
[46] B. Battistelli. L'ultimo ufficio publico di Bajamonte Tiepolo. (Nuovo Avch. Veneto, nuova serie, v. II, pp. 51 ss).
[47] Storia della rep. di Ven., v. I, p. 284.
[48] Politica ed economica, p. 9.
[49] A. Danduli Chr., ed. cit., col. 410
[50] Marino Sanuto, op. cit., col. 591.

Вооруженной борьбе предшествовали схватки у избирательных урн и в высших учреждениях республики. Еще при выборах Пьетро Градениго (1289 г.) толпа требовала избрания дожем Якопо Тьеполо, но избирательная коллегия из 41 электора, хоть и боялась открытого бунта, остановила свой выбор на Градениго. В годы, предшествовавыие восстанию, в Советах республики и на улицах города не раз происходили открытие схватки стронников Тьеполо и Градениго между собою.

В некоторых наших источниках эта борьба изображается как **борьба гвельфов и гибеллинов**, причем Тьеполо и Квирини представляли первых, Градениго и стоявшие за ним нобили—вторых.[52] Попытки папы Ионна XX смягчить приговор Синьории в отношении заговорщиков после их поражения как будто подтверждают эту точку зрения.[53] Однако, если стороны и пытались выкинуть гвельфское или гибеллинское знамя, то для существа происходившей борьбы это не имеет никакого значения. Тьеполо, как и Градениго, принадлежали к одному и тому же классу, экономической базой которого были не только торговля и ростовщичество, но также и крупные земельные владения. О Тьеполо, в частности, известно, что он располагал обширными феодальными владениями в Далмации и Сербии, которые он унаследовал от своей матери, происходившей из дома Неманичей.[54]

Слабейшая из двух вступивших в борьбу группировок естественно пыталась привлечь на свою сторону всех тех, кто имел основание быть недовольными установившимся политическим режимом. Заговорщики были вынуждены выбросить **лозунг «свободы»**, призывы **против «закрытия** Б. Совета», обращенные как в сторону тех, кто ранее шел за Бокконио, так и в сторону народных масс Венеции. Наши источники указывают в числе сторонников Тьеполо изгнанников из Венеции, пополанов, «которые не входили и не могли войти

[51] Ibid., col. 577.
[52] У Крейчмайера приведена выдержка из работы Альбертино Муссато, падуанского гуманиста, современника событий: Bajamontus Theupolus Gelfae fractionis princeps... Petrum Gradonicum ducem insultaturus viribuss suffragantium illustrium Gibelgarum impar propulsatus urbe... cessit. (Op. cit., B. II, S. 665).
[53] Laur. de Mon., op. cit., p. 77—279.
[54] Ibid., p. 274.

в состав Б. С.»,[55] некоторое число ремесленников, вроде Илария из шелко-ткацкого цеха.[56]

Сознание своей слабости побудило Тьеполо обратиться за помощью в Падую, где значительная часть нобилитета готова была поддержать заговорщиков. Посланный сюда с этой целью Бадоэро сумел привлечь к себе кое-кого из падуанской знати и навербовал значительный вооруженный отряд из низших слоев населения этого города, «можество... людей темной, грязной и отчаянной жизни», как выражается апологет венециаской олиграхии Лоренцо да Моначи.[57]

Заговорщики в ночь на 15 июня собрались в домах Тьеполо и Квирини, ожидая подхода Бадоэро с падуанскими подкреплениями. Вечером 14 о готовящемся выступлении стало известно дожу. Он созвал свой Малый Совет. Совет 40 и «господ ночи», т. е. должностных лиц, ведавших полицей города. Один из советников дожа, Андреа Дауро, на призыв его не явился,—он был среди заговорщиков.[58] Дож попробовал вступить с заговорщиками в переговоры, но послы дожа едва не были убиты ими.[59]. Дож концентрирует на площади св. Марка вооруженные силы.

Потеряв надежду на внезапность нападения, заговорщики решили перейти в наступление: заняты были некоторые учреждения, находившиеся вне дворца дожей, захвачена касса «двора» производившего снабжение города мукой. На заре 15 июня, не дождавшись подхода Бадоэро, отряды Тьеполо и Квирини атаковали площадь св. Марка. Дож отразил нападение и оттеснил нападавших к мосту на Риальто. К дожу начали подходить подкрепления, между тем отряды Бадоэро все еще были в пути.[60].

Это обстоятельство а также потери, понесенные заговорщиками в схватке на подступах к площади, заставили их вступить с дожем в переговоры. Они выразили готовность прекратить борьбу и удалиться в изгнание, куда им будет указано. Дож принял это предложение. Это дезорганизовало заговорщиков, и отрядам дожа без особого труда удалось разгромить подошедшего, наконец, Бадоэро, взяв его самого и ряд других близких к нему лиц в плен.

Вооруженная борьба была закончена. Победившее правительство приступило к ликивидации движения и наказанию его виновников. Баямонте Тьеполо и другие нобили, сражавшиеся вместе с ним, бежали. Они были потом присуждены к изгнанию. Бадоэро и другие пленники были казнены. Большое количество участников подверглось разным другим наказаниям.[61] Ликвидация восстания заняла, однако, более двух месяцев. Правительство пыталось добраться до корней движения и производило тщательное расследование, применив пытки. Специальная следственная комиссия по делу, состоявшая из 10 членов, требовала все нового и нового продления полномочий. Сначала они продлены были на 2 месяца, потом на шесть, потом и далее.[62] В дальнейшем эта комиссия превратилась в постоянно действующий политический **институт, знаменитый» «Совет 10».**

Все эти факты дают возможность констатировать, что и на этот раз бунтарское выступление незначительной социальной группы не переросло в большое революционное выступление народных масс, хотя Тьеполо и его сторонники хорошо понимали его значение и приняли некоторые меры к вовлечению их в происходившие тогда события.

Заговорщики, не попавшие в руки правительства, оказались в изгнании. Они, разумеется, не пожелали воспользоваться теми адресами, которые им были указаны привительством и рассеялись преимущественно по северной Италии. Главный заговорщик, Баямонте Тьеполо, удалился в свои поместья на Балканском полуострове.[63]. Находясь вдали от родного города, они вовсе не думали прекратить борьбу, но вели ее все теми же заговорщическими методами.

По сообщению краткой хроники Дандоло и Лоренцо да Моначи новая попытка изменить существующий политический строй была сделана в 1328 г.. Дандоло сообщает, что в последний год догато Джованни Суперанцио родственники изгнанников 1310 г., Якопо Квирини и Якопо Бароцци оказались виновными в «измене отечеству» и были подвергнуты смертной казни[64]. Лоренцо да Моначи прямо называет того и другого сообщниками изгнанников и также утверждает, что дож и Советы быстро расправились с виновниками.[65].

В середине XIV в. была сделана еще одна попытка низвергнуть владычество венецианской олиграхии. На этот раз

[55] Laur. de Mon., op. cit., pp. 275, 276.
[56] A. Danduli Chron., col. 410.
[57] Laur. de Mon., op. cit., p. 275.
[58] Marino Sanuto, op. cit., col. 585.
[59] G. A. Avegardo. La congiura Tiepolo—Querini. (Archivio Veneto, v. II, 1871, p. 218).
[60] Marino San. op. cit., col. 585. Laur. de Monacis, op. cit., p. 276.

[61] Laur. de Mon. op. cit., pp. 276, 277. A. Danduli Chr., col. 491, 492. Mar. San. op. cit., col. 585.
[62] Marino Sanuto, op. cit., col. 586.
[63] Laur. de Monacis, op. cit., p. 277.
[64] A. Danduli Chr. ed. cit., col. 412.
[65] Op. cit., p. 277.

инициатором ее стал избранный в 1354 г. дож республики, Марино Фальери.

Для истории этой попытки мы располагаем почти одними только нарративными источниками. Официальные документы, входившие в особый том Senato dei Misti, погибли или во время пожара, или по какой либо иной причине.[66] Кое-что из них известно нам через посредство нарративных источников, авторам которых в свое время часть из них была доступной.

На первом месте среди таких источников стоят естественно хроники, авторы которых были близки интересующим нас событиям; однако среди них опубликованы до сих пор сравнительно лишь немногие. Из авторов XIV в. такими являются лишь хроника Р. Карезини, сообщающая об интересующих нас событиях довольно кратко, произведение Лоренцо да Моначи, которое обрывает рассказ о событиях заговора на середине его, Матео Виллани, писавшего со слов какого-нибудь флорентийского купца, находившегося весной 1355 г. в Венеции. Хроника Тревизана, Энрико Дандоло, Франческо де Грация, Пьетро Джустиниани все еще не опубликованы и нам были доступны лишь в кратких извлечениях из них у Лаццарини, работавшего в венецианских архивах. Среди сочинений XV в. о заговоре Фальери довольно подробно рассказывает не раз упоминавшаяся «История дожей» Марино Сануто. Хроника и дневник Антонио Моросини, относящиеся к этому же времени, не опубликованы.

Среди нарративных источников мы должны далее назвать переписку Петрарки,[67] относящуюся к 1355 г. и письма Паоло да Бернардо, нотариуса канцелярии дожа к канцлеру Бенинтендии от ноября 1355 г.[68]

Кое-что из документального материала второстепенного значения было опубликовано в приложении к статье о заговоре Марино Фальери Лаццарини,[68] ранее его—Фулином.

В исторической литературе апрельские события 1355 г. довольно согласно расцениваются как попытка со стороны дожа Марино Фальери низвергнуть олигрхический строй республики и установить тиранию по образцу других тираний в Италии того времени. Разница во взглядах заключается

[66] V. Lazzarini. Marino Faliero. La congiura. (Archivio Veneto, v. XIII, 1897, p. 7).

[67] Sd. Jos. Fracassetti. Epistolae. Firenze, 1862, v. II, pp. 539—541.

[68] Bayer. Ak. der Wissensch. 3-te Kl. B. XVI, 1882.

[69] Op. nom., pars II, pp. 370—374.

[70] R. Fulin. Due documenti del doge M. Ealier. (Arch. Veneto, v VII,

лишь в том, какое место отводится в планах дожа—заговорщика личным мотивам и как расценивается роль пополанского элемента в этих событиях.

Романин, подчеркнув участие в заговоре значительного числа пополанских элементов, считает, что Марино Фальери стремился к тирании. Рассказав о ходе событий и ликвидации заговора, он пишет: «Таким образом республика избавилась от великой опасности, которая ей угрожала, подобно тому как это было в 1310 г., во времена Баямонте Тьеполо.[71]

В. Лаццарини считает заговор плодом **честолюбия Марино Фальери**, стремившегося к единовластию. Чувствуя, однако, что у читателя может возникнуть вопрос, как можно говорить о честолюбии восьмидесятилетнего старика, прошедшего большую политическую карьеру, увенчанную, наконец, достоинством дожа, Лаццарини объясняет: «На это легко можно ответить, что честолюбие безгранично и оно никогда не покидает человека, какой бы степени и какого почета он ни досиг; Фальеро, достигнув такого величия, захотел получить еще и то, чего у него не было». В подкрепление этой своей мысли он цитирует Тревизана: «Тот, кто обладает многим, стремится идти к еще большему.[72]

Кречмайр видит в планах Фальери стремление к **единоличной** власти и к превращению республики в единоличную сеньорию. Естественно, что он искал содействия у пополанов, которые одни только и могли быть его союзниками. Известия источников о личном оскорблении, нанесенном дожу представителями золотой молодежи Венеции, Кречмайр считает легендарными, но излагает их тем не менее довольно подробно.

Р. Чесси отказывается видеть в апрельских **событиях 1355 года какое либо социальное или политическое содержание:** «Ниспровержение патрицианского режима, предполагаемое создание народной тирании, установление тиранической власти с помощью пополанского элемента,—все это последующие интерпретации историков». Впрочем, Роберто Чесси тут же добавляет, что «интрига, быть может, имела более глубокое основание и не ограничивалась только удовлетворением личного честолюбия и справедливой мести», имея при этом в виду романические подробности, которыми традиция обогатила события 1355 г. По своему обыкновению, Р. Чесси придает также большое значение внешнеполитическим обстоятельствам, ищет причину заговора в неудачном

[71] S. Romanin, op. cit., v. III, p. 191.

[72] V. Lazzarini, op. cit., pars II, p. 352.

[73] H. Kretschm., op. cit., B. II, S. 212, 213.

[74] Storia della repubbl. di Venezia, v. I, p. 314.

ведении войны против Генуи, ссылаясь в частности, на поражение венецианского флота при Портелонго.[75]

Для историка—марксиста личные мотивы действующих лиц стоят на заднем плане,—важно социальное содержание событий. По этой причине мы не будем останавливаться на романической стороне заговора и остановимся на выяснении тех социальных сил, при помощи которых престарелый дож имел в виду произвести политический переворот.

Совет 10 привлек к ответственности в связи с заговором довольно большое количество лиц, но среди них был только один нобиль, племянник дожа Бертуччо Фальери,[76] все остальные были «людьми из народа» Р. Карезини называет резчика по камню Филиппо Календарио, матроса Бертуччо Израели.[77] Марино Сануто, кроме них, называет еще шесть лиц, не указывая их профессий, но делает исключение для матросов Николетто диРоза, Николетто Альберто, Гуардьяго, добавив к их именам—«и другие»[78]. Пьетро Джустиниани, современник событий, говорит о кожевниках и корабельных плотниках, не называя имен[79]. Антонио Морозини, также умалчивая об именах, указывает в качестве заговорщиков «людой моря и других лиц низкого положения»[80]. Изучив только что указанные и еще не опубликованные хроники, а также и некоторые другие материалы, Лаццарини среди более чем двух десятков репрессированных лиц называет девятерых «людьми моря», пятерых и шестерых людьми, «связанными по их ремеслу или делам с морским людом»[81].

Из всего этого следует, что Марино Фальери думал опереться на цехи и среди них в первую очередь на цех корабельных плотников, и неорганизованные матросские массы. Быбор этот не был случайным: среди венецианских цехов цех кораблестроителей был самым многолюдным, а матросы насчитывали в своих рядах тысячи людей.

Полтора десятка ближайших к дожу заговорщиков должны были завербовать каждый по 40 человек и с ними по звону большого колокола корабельных плотников,[82] внезапно явиться на главную площадь, призвав народ к низвержению существующиего порядка и провозгласив одновременно единовластие дожа[83]. Вербовка происходила среди ремесленников, и вербовщики сразу натолкнулись на предателей: скорняк **Бельтрамо Бергамаско и конопатчик Марко Фава** независимо друг от друга довели о готовившихся событиях до сведения властей.

Заговор был пресечен в самом начале. Дож был осужден расширенным Советом 10 и обезглавлен 17 апреля, прочие заговорщики понесли различные другие суровые наказания—повешение, пожизненное тюремное заключение и др.[84]

Программа заговорщиков всеми источниками без исключения характеризуется как дерзкий замысел низвергнуть существовавший в Венеции государственный строй и заменить его тиранией Фальери.

Таким образом в заговоре Марино Фальери мы имеем третью попытку на протяжении полустолетия низвергнуть установившийся в Венеции государственный строй и заменить его иной политической системой. В этой третьей попытке, быть может в большей степени, чем в двух предыдущих, рассчет был построен на недовольстве народных масс. Эта попытка оказалась такой же неудачной, как и все предыдущие.

Социальные движения первой половины XIV в. доказывают ошибочность не раз. высказанного в буржуазной исторической литературе мнения об отсутствии в Венеции социальных противоречий и классовой борьбы. Нельзя согласиться с тем, что в Венеции не существовало класса пополанов, (una classe popolare), оппозиционного или враждебного классу аристократии», как нельзя признать и того, что «полански элемент выступал не как класс, действовавший в защиту собственных интересов, но как совокупность индивидуумов на слубже у третьих лиц»[85].

В основе этих и им подобных рассуждений лежит логическая ошибка, заключающаяся в том, что из отсутствия больших и организованных выступлений общественных классов на том или другом отрезке времени делается заключение об отсутствии самых классовых противоречий. Выступления представителей «высших социальных групп», неизменно адресовавшихся к «народным низам», свидетельствует о том, что они хорошо понимали наличие в Венеции масс недовольных людей, на помощь которых они могли рассчитывать. История знает много примеров того, как социальные движения

---

[75] Ibid., p. 313.
[76] Marino Sanuto, op. cit., col. 632.
[77] R. Caresini, op. cit., col. 424.
[78] Op. cit., col. 632, 634.
[79] Lazzarini,pars II, p. 345.
[80] Ibid., p. 347.
[81] Ibid., p. 352.
[82] Marangona,—так называли в Венеции тот колокол, по звону которого кораблестроители собирались на работу.
[83] Marino Sanuto, op. cit., col. 632.
[84] Rafaelo Caresini, op. cit., col. 424. Датой казни дожа Карезини считает, вероятно ошибочно, 15 апреля.
[85] R. Cessi, Politica ed economica, p. 8.

народных масс протекали при участии в их рядах некоторых представителей враждебных им классов, или того, как движения, начатые «верхами», перерастали в мощные народные выступления.

В связи с таким пониманием дела историк обязан не отрицать наличие классовых противоречий, а объяснить, почему они не привели к крупным и более или менее организованным выступлениям народных масс Венеции, т. е. венецианских ремесленников и «людей моря», и почему те выступления, которые имели место, оказались безуспешными.

Высказывалась мысль о том, что в Венеции ремесленная промышленность «не только не была способна давать избыток, но и покрывать потребности внутреннего потребления», что она вообще была незначительна, и что в Венеции, поэтому «не возникло класса ремесленников (artigianato), способного к политическим функциям, как это было в других итальянских коммунах».[86]. Несмотря на то, что это мнение высказано, очень авторитетным и знающим итальянским ученым, мы не можем с ним согласиться. Венецианская промышленность не только удовлтворяла местный спрос, но и широко работала на экспорт, а общее количество организованных ремеслинников в Венеции было не меньше, если не больше, чем, например, во Флоренции, итальянской коммуне с особо развитым производством.[87]

Мы полагаем, причиной слабой согласованности действий народных масс в Венеции является не их численная незначительность, а большая, чем например в той же Флоренции, неогранизованность и разобщенность. Количество «людей моря» в Венеции, т. е. матросов и наемных гребцов, превосходило в XIV в. 20 тыс. человек, т. е. соответствовало численности чомпи во Флоренции. Однако чомпи, не организованные в цехи, составляли однородную и компактную массу, в то время как «люди моря» в Венеции, также не знавшие цеховой организации, были рассеяны по всем портам Средиземноморья и никогда не собирались вместе. Уже всилу этого массовые выступления матросов и гребцов в Венеции исключались. Во Флоренции существовал 21 цех, причем представители торгового и ростовщического капиталов входили в их состав и играли в них руководящую роль, в то время как пополанский элемент в Венеции был распределен более чем в

[86] R. Cessi, Politica ed economica, p. 8.

[87] Подробности и цифры в упоминавшейся выше статье автора «Метрополия Венецианской колониальной державы» стр. 49 и след., а также в специальной, опубликованной в «Трудах» Горьк. Педагогич. Института, т. XVIII, под заголовком «Венецианское ремесленное производство в XIII и XIV вв.», Горький, 1956, стр. 209 и след.

50 цехах, и представители торгового и ростовщического капиталов не входили в их состав. Это несомненно ослабляло венецианские цехи и затрюдняло их организованное выступление на политическом поприще. В других итальянских коммунах владельцы феодальной собственности противостояли купцам и роставщикам, тогда как в Венеции первые задолго до XIV в. сомкнулись с верхами второго в одно компактное, экономически и социально сильное, целое. Это усиливало господствующий класс в Венеции и, следовательно, затрудняло положение пополанов.

Немаловажное значение имеет и степень политической организации города—государства, в частности организация «службы безопасности» существующего режима. Необходимо признать, что господство венецианской олигархии было достаточно сильно. Все государственные должности отправляли в Венеции только представители господствующего класса, только им принадлежали даже не особенно значительные командные посты в армии и флоте, только они стояли во главе таких судебно-полицейских и жандармских организаций, как »Совет 40», «синьоры ночи», «пятерка мира», а после 1310 г. знаменитый «Совет 10» Система шпионажа, сысков и доносов нигде, может быть, не была поставлена настолько широко, как это было в Венеции. В уставах цеховых организаций были введены специальные статьи, вменявшие в обязанность членам цеха немедленно доносить о всяком проявлении недовольства существующим строем giustizia vecchia, органу, ведавшему цехами[88]. Совет 10 принимал любые доносы, подача которых была упрощена до предела, и своими агентами наводнил не только Венецию, но и раскинул широкую сеть их в ряде городов Италии и далеко за ее пределами. Наказания были жестоки, награды за донос щедры,— Марко Фава, сообщивший о заговоре Марино Фальери, получил пожизненную пенсию в 1000 дукатов ежегодно.[89]

При таких условиях ведение какой бы то ни было массовой противоправительственной деятельности было невозможным. Именно по этой причине, отчасти, социальные движения в Венеции в рассматриваемое время были или стихийными взрывами народного недовольства, каковы были события 1266 г., или тайными заговорами, каковы были выступления Марино Бокконио, Марино Фальери и, до известной степени, Баямонте Тьеполо. Стихийность выступлений без

[88] I capitolari delle arti veneziane. Ed. G. Monticolc, vv. I—III, Roma, 1896—1916, v. II, pp. 23, 48, 76, 109, 122; v. III, pp. 14, 15, 162, 190, 200, 201...

[89] S. Romanin, op. cit., v. III, p. 191.

определенной программы, или заговорщические методы борьбы без широкого вовлечения народных масс были важнейшими причинами провала этих выступлений. Однако из этого вовсе не следует, что в Венеции не существовало класса, который не раздлял правительственной внутренней и внешней политики. По необходимости содерживаемое недовольство нельзя принимать в классовом обществе за политическую незрелость класса или отсутствие классовых противоречий.

Некоторые историки, и в особенности Роберто Чесси, в качестве причины возникновения социальных движений в Венеции большое значение придают внешне-политическим событиям. Это соображение не лишено некоторого значения. Не особенно удачно протекавшая война с Генуей в XIII в. неудачная война с Феррарой в начале XIV в. и новая война с Генуей в середине этого века ослабляли позиции венецианских олигрохов, но из этих внешнеполитических осложнений отнюдь нельзя вывести ни событий 1300 г., ни 1310, ни 1355 гг. Они коренятся во внутренних противоречиях венецианскоо общества этого времени.

Е. В. КУЗНЕЦОВ

ДВИЖЕНИЕ ЛОЛЛАРДОВ В АНГЛИИ

(конец XIV—XV вв.)

> —Это движение очень сложного характера, к которому в разное время примыкали разные общественные группы, враждебные «богатой церкви»... Но все же определяющим в нем является наличие сильной демократической, в основном — крестьянско-плебейской струи.
>
> Академик Е. А. Косминский

До второй половины XIV столетия Англия в отличие от стран континентальной Европы почти не знала ереси. Антикатолическое движение возникло здесь в 60—70 гг. XIVвека[1] и продолжалось, как будет показано в дальнейшем, беспрерывно свыше ста пятидесяти лет, влившись одним из ручейков в могучий поток общеевропейской реформации.

Преповедники ереси сами себя называли «pore prestis», «simplices sacerdotes», «simplices patres»,—«бедными священниками», реже «бедными проповедниками», «странствующими проповедниками» и «бедными проповедующими священниками».[2] Шедшие за ними миряне звали себя «истинными христианами» (true christmen), «приверженцами простого (или

---

[1] Вопрос о формировании антикатолической идеологии был рассмотрен Ю. М. Сапрыкиным в статье «Антифеодальные идеи английского крестьянства в XIV веке».—Вестник Московского университета, 1967, № 3. См. особенно стр. 47—8.

[2] Так называл их сам Виклиф. Им написан специальный трактат. «О бедных проповедующих священниках». — «Of Poor Preaching Priests» (WEW, p. 275 ff). Существует также другое произведение—«Почему бедные священники не имеют бенефициев?», написанное если не самим «евангелическим доктором», то одним из его учеников.—WEW, p. 244 ff. Смотри также «Epistola missa ad simplices sacerdotes».—OM, p. 7—8.

чистейшего) евангельского закона»: «simple», «cleanest» «reule of cristis gospel».[3] Все они почитали себя учениками Джона Виклифа,[4] носившего почетное университетское прозвище—«евангелический доктор». В летописи их идейного противника лейстерского монаха мы нашли такие слова: «Итак, они звались народом учениками Виклифа и виклифитами или лоллардами».[5] Слово «лолларда» было использовано здесь как синоним понятия «ученики Виклифа», «виклифиты». Подобное употребление этих терминов неоднократно встречается на страницах труда продолжателя Найтона, написанного в 80—90 гг. XIV в. Рассказывая о делах парламента 1388 г., он замечает: «в те дни процветали и увеличивались виклифиты, которые зовутся также лоллардами».[6] В 1392 г. кентерберийский архиепископ перед канониками монастыря св. Марии, где жил летописец, произносит «акт отлучения от церкви лоллардов или виклифитов».[7] Хронист ивесхемского монастыря пишет о «виклифитах», которых «некоторые называют также лоллардами».[8] Повествуя о событиях 1389 г., он вновь подчеркивает, что лолларды — это «последователи» (sequaces) Виклифа.[9]

Впервые слово лоллард было произнесено эмиссаром архиепископа Куртнэ цистерцианским монахом из Ирландии Генрихом Крэмпом летом 1382 г., во время его публичных выступлений в Оксфорде против учеников евангелического доктора. Тексты его проповедей не сохранились. Известно лишь, что администраторы университета, поддерживавшие тогда виклифитов, отстранили его от выступлений с проповедями, обвинив в нарушении мира, так как «он называл еретиков лоллардами» (vocavit haereticos Lollardos).[10] Важно подчеркнуть, что в глазах противников католицизма последнее слово несло столь оскорбительный смысл, что могло спровоцировать столкновение противников.

---

[3] WEW, p. 275—6.

[4] Прямое указание на «Триалог» Виклифа содержат составленные группой Пэрви в 1395 г. «Двенадцать положений» (FZ, p. 361; Foxe, III, p. 204). Учеником оксфордского теолога назвал себя перед лицом трибунала католической церкви У. Торп (Foxe, III, p. 250 ff.). Открыто защищал доктрину Виклифа на суде и Д. Олдкасл (Bale, p. 256).

[5] Kn, II, p. 184: «Sicque a vulgo Wyclyff discipuli et Wyclyviani sive Lollardi vocati sunt».

[6] P. 260: «...his diebus florescunt et increscunt Wyclyviani, qui et Lollardi dicti sunt».

[7] P. 311—2: «...firmavit sententiam excommunicationis super Lollardos sive Wyclyvianos».

[8] HE, p. 80.

[9] HE, p. 113—4.

[10] FZ, p. 312.

Почему Крэмп употребил такое слово? По мнению большинства историков,[11] речь шла об аналогии с существовавшими в Нидерландах XIV столетия различными полумонашескими организациями,[12] чьи тихие молитвы[13] облегчали страдания недужных бедняков и сопровождали их в последний путь. Известно также, что лоллардами на континенте назывались иногда францисканцы. Порой это слово использовалось для обозначения любого, кто обращался с тихой молитвой ко всевышнему.[14] Во всех этих случаях термин «лолларды» не мог рассматриваться в качестве скандального, порочащего людей. Он в слабой степени связывался с ересью. Стало быть, если следовать указанной версии, то Крэмп даже в пылу острейшей полемики дал ученикам евангелического доктора очень скромную оценку по сравнению с советом английских прелатов, состоявшемся в мае этого же года.[15] Едва ли подобное возможно. Больше доверия вызывает предположение Г. Б. Уоркмена,[16] что английское «lollard» посредством каламбура возникло от латинского «lollium» —плевелы.[17] «Лолларды являются плевелами»—читаем мы в одном из латинских стихотворных произведений конца XIV столетия.[18] Рассказывая о деятельности Болла, продолжатель Найтона указывает, что он «известнейший среди мирян предсказатель, много времени тому назад божье слово по-глупому распространял, смешивая плевелы с пшеницей».[19] Созвучно приведенной цитате и название труда, найденного в архиве Т. Неттера «Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico», т. е. «связки сорняков, смешанные с пшеницей магистром Иоанном Виклифом».

---

[11] J. R. Green, History..., II, p. 389—90; G. H. W. Parker. The Morning Star..., p. 50—1; F. F. Bruce, The English Bible..., p. 13; A. Dictionary of the British History, ed. J. A. Brendon, L., 1937, p. 329—30; M. Deansly, The Significance of the Lollard Bible, L., 1951, p. 3. Из советских историков эту точку зрения защищает Г. Р. Левин (Советская историческая энциклопедия, т. 8, стр. 765).

[12] The Oxford English Dictionary, VI, Ox., 1933, p. 407.

[13] Буквальный перевод старо-голландского «luller», «lollard»—бормочущий молитвы, тихо молящийся.

[14] The Oxford English Dictionary, VI, p. 407.

[15] Имеется в виду «consilium terramotus».

[16] М. Динсли пишет: «...очень интеллигентный проповедник ... использовал его, чтобы намекнуть, что они не лучше, чем фламандские полуеретики» (The Significance..., p. 3).

[17] H. B. Workman, John Wyclif, A Study of the English Medieval Church, vol. I, Ox., 1926, p. 327.

Связь этих двух слов допускал, наряду с Г. Б. Уоркменом, Б. Г. Сэммерс (The Lollards..., p. 41).

[18] Poems, I, p. 232.

[19] Kn, II, p. 131—2: «...per plura retroacta tempora verbum dei insipienter sparserat, lollium cum tritico inmiscendo...».

В первых известных нам английских текстах также связываются слова: лолларды и плевелы. Так поступает Чосер[20] в одном из своих «Кентерберийских рассказов», написанном около 1386.[21] Об этом же можно прочесть в послании архиепископа У. Куртнэ вустерскому епископу: «...Объединенные в некий союз, запрещенный законом, под именем и посредством ритуала лоллардов, они под видом великой святости сеют плевелы вместо пшеницы в божьем поле».[22] М. Динсли приводит текст работы Пэрви, написанной в конце 80-начале 90 гг.. XIV в., из которого явствует, что защитники католицизма в своих проповедях, обращенных к народу, весьма вольно играли словами, производя лоллардов от хорошо известного слушателям выражения «to be lolled up» — «быть вздернутым», «быть повешенным». Отвечая им, Пэрви заметил: «... Самым блаженным висельником, который был и когда-либо будет, является наш господь Иисус Христос, за наши грехи повешанный на деревянном распятии».[23] Нет смысла из-за отсутствия достаточного текстового материала проверять эти гипотезы. Важнее обратить внимание на другое.

С легкой руки ирландского монаха слово «лоллард» стало в Англии общеупотребительным эквивалентом понятия «еретик» в ученом латинском, разговорном английском[24] и даже применявшемся в парламенте, французском[25] языках. Этим термином, как уже отмечалось, еще в 80 гг. XIV в. стал пользоваться Чосер, Дж. Гауэр писал в 1390 г. о «новой секте лоллардов».[26]

Десять лет спустя, он признал, что «теперь наша вера слабеет, а лоллардизм растет»,[27] и приписывал это «дьявольской хитрости лоллардов».[28] Словом «лолларды» широко пользуется лейстерский летописец.[29] В 1395 г. Рожер Диммок пишет «Книгу против ошибок и ересей лоллардов».[30] К началу XV столетия этот термин стал настолько популярным, что сначала Пэрви, а позднее неизвестный автор трактата «Лампада света» оказались вынужденными, хотя и изредка, употреблять его.[31]

Лишь один писатель XV столетия Р. Пикок считал более правильным описывать еретиков иначе: «светская партия» (lay party), «некоторые из светских людей» (summe of the lay people), «люди Библии» (Biblemen), «некоторые из светской парти» (summe of the lay partie) и т. п.[32]

Так термин «лолларды» и его эквиваленты «виклифиты», «бедные священники», «бродячие проповедники» прочно вошли в лексикон историков. Будут они использоваться и на страницах данной работы, причем в традиционном смысле— для обозначения людей, различных по социальной принадлежности и далеко не одинаковых в своих убеждениях, но объединяемых современниками по одному формальному признаку—отрицанию католического конформизма.

История лоллардов в предреформационное время делится на два неравных по продолжительности периода. Их разделяет 1381 г. Короткая, но страшная по своей мощи народная война всколыхнула английское общество—крестьян и горожан, белый клир и монахов уединенных обителей. В то кровавое лето погибли не только Уот Тайлер и другие военные руководители крестьянских отрядов: жестоким репрессиям подверглись идеологи крестьянско-плебейского восстания, сыгравшие активную роль в его организации.[33] Физическому истреблению или политической изоляции этих людей сопутствовала гибель их немногих писаний. Тем самым

---

[20] «I smell a lollere in the winde... who wolde sprengen cokkel in our clene corn».

[21] The Oxford English Dictionary, VI, p. 407.

[22] Оно опубликовано в собрании Д. Уилкинса (III, p. 202). Характеристику документа см. в книге Г. Б. Уоркмена (op. cit., II, 1926, p. 162).

[23] «...The most blessed Loller that ever was or ever shall be was our lord Jesu Christ for our sins lolling on the rood tree». — M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 274.

[24] Самым ранним английским вариантом слова было «lollers» в 1386 г., затем появилось «lollardry» (1390), на рубеже XIV—XV вв. —«lollards». —«The Oxford English Dictionary», VI, p. 407.

[25] В знаменитом акте 1414 гг. говорится о «heresiez et errours appellez vulgairement Lollardrie».

[26] «This new secte of Lollardrie».

[27] «Now is oure bileve laft and Lollardi growith»,—Poems, II, p. 41.

[28] Ib., I, p. 347, 349.

[29] Kn, II, p. 155, 174, 179, 183, 210, 313, 318.

[30] «Liber contra XII Errores et Hereses Lollardorum».

[31] Пэрви написал в первую декаду XV в. трактат «Шестнадцать пунктов, которые епископы выдвигают против людей, называемых ими лоллардами». В «Лампаде света» говорится о том, что католики клевещут на лоллардов (to sclaundir for Lollardis).—LL, p. 11.

[32] Repressor, I, p. 86, 87, 253; II, p. 462, 465 etc. В этом крупнейшем своем трактате Р. Пикок употребил понятие «лоллард» только один раз: «...заблуждающиеся люди из светской партии, которых называют лоллардами» (tho erring persones of the lay party which ben clepid Lollardis).—Ib., I, p. 127—8.

[33] Сохранились сведения лишь о немногих единомышленниках Болла. Довольно популярно у историков такое имя, как Грейндкоп, игравший важную роль в Сент-Олбенсе. На территории Сомерсета подстрекал народ к возмущению Никлас Фромптон из Бриджуотера (CPR, 1381—5, p. 74—75). Среди повстанцев Сеффолка выделялся капеллан Томас Дэвид из Броустона (Ib., p. 294).

насильственно оказалось прерванным распространение идей революционного крыла крестьянско-плебейской ереси. На какой-то срок среди трудящихся наступило разочарование в программе коренного революционного переустройства общества, которую пропагандировали Джон Болл и другие идеологи крестьянско-плебейского еретического течения.[34] Умеренное и респектабельное учение Виклифа стало казаться им более привлекательным, чем майлэндские и смитфилдские пункты.

В условиях кровавого террора феодальных верхов по отношению к повстанцам, драконовских статутов парламента о рабочих и слугах, продолжавшейся грызни за контроль над советом несовершеннолетнего контроля коррумпированных баронских клик, когда настроения разочарования и уныния в среде крестьянства и городского плебейства, страха перед новым Джеком Строу и недовольства «слабым правительством» у зажиточных слоев населения, стали доминирующими, виклифизм воспринимался многими людьми различных классовых групп как единственный солнечный луч в кромешной тьме торжествовавшего зла, сделался знаменем идейной оппозиции официальной идеологии и защищаемых ею общественных порядков. Было бы неправильным, однако, рассматривать движение лоллардов конца XIV —XV вв. только как реакцию народа на неудачное восстание 1381 года. Виклифизм креп и расширял свое влияние в силу целого ряда постоянно действовавших на протяжении данного отрезка времени факторов—политических и социально-экономических.

Процесс отмирания крепостническо-манориальных порядков, начавшийся еще в начале XIV века, значительно усилился после революционного взрыва 1381 года. Классовая борьба крестьян приносит им успехи на тернистой дороге к свободе, хотя и не без сопротивления со стороны феодальных собственников. С наибольшим упорством отстаивали старые обычаи вилланства представители церковной католической иерархии. Из 26 значительных[35] антикрепостнических выступлений крестьян, имевших место с 1382 г. по 1441 г.

[34] В цитированной выше статье Ю. М. Сапрыкин отмечает: «... выступление крестьянско-плебейской ереси на арене политической борьбы было очень кратковременным, — оно было пресечено разгромом восстания У. Тайлера и жесточайшими репрессиями против ее проповедников» (стр. 48).

[35] Мы считаем их значительными, так как лендлорды тех маноров, где они происходили, обращались за помощью к центральным органам государственного управления.

по меньшей мере 14 произошли на их землях, в то время, как в именьях светских лендлордов только пять.[36]

Церковные организации продолжали эксплуатировать держателей с помощью десятин и высоких поборов за проведение треб. Все это не могло не сделать население деревни восприимчивым к доктринам, направленным против римской церкви.

Стабильность юридического и социально-экономического положения крестьянства, существовавшая в «классический период» манориальной системы, ушла в прошлое. Борьба разнообразных, порой противоречивых тенденций стала характеризовать условия его существования, начиная со второй половины XIV в. Процесс коммутации барщинных повинностей усилил связь крестьянского хозяйства с рынком. Последнее обстоятельство способствовало поляризации крестьянской общины. Рядом с крепнувшей зажиточной верхушкой в крестьянстве растет слой малоземельных хозяйств и лишившихся земли наемных рабочих. Потеряв связи с традиционным укладом жизнь, страдая от тяжелых условий труда, сельская беднота становилась восприимчивой к новым идеям, направленным на изменение существующих порядков, на улучшение положения народа.

В среде торговцев и ремесленников городов Англии также было немало людей, относившихся без должного почтения к католическим иерархам. В Солсбери, Линкольне, Честере, Беверли, Линне и др. в конце XIV—XV вв. имели место острые конфликты между верхушкой городской общины, контролировавшей органы самоуправления, и церковными феодалами. Причины конфликтов разнообразны: в некоторых случаях горожане выступали против обременительной для них опеки князей церкви над администрацией и судебными органами города, в других—за ликвидацию сеньориальных прав на земельные участки, расположенные в пределах городских стен, иногда стремились отнять ярмарочные и рыночные баналитеты.[37] В Лондоне глава захватившей в 1381 г. власть партии молодого партициата и цехов Джон Нортгемптон специальным постановлением понизил плату священникам за исполнение заупокойных треб, предпринял ряд

[36] В пяти случаях движение крестьян ставило широкие задачи, ущемляющие интересы и духовных, и светских феодалов. См. подробно нашу статью «Антифеодальные выступления английского крестьянства конца XIV—XV вв.»—УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, вып. 88, ч. 2, стр. 62—85.

[37] Подробности см. в нашей статье «О некоторых формах классовой борьбы в английских городах (конец XIV, XV, начало XVI вв.)». — УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, вып. 88, ч. 2, стр. 37—8.

шагов к уничтожению церковных кабаков и домов терпимости в Саутворке.[38] Столкновения между лондонскими горожанами и слугами винчестерского епископа в 1393 г. привели к временному лишению английской столицы прав на самоуправление.[39]

Кризис старой манориальной системы сокращал доходы феодального класса, в то время как быстрое увеличение на рынке дорогостоящих товаров как заморских, так и отечественных—оружия и предметов туалета, пряностей и ювелирных изделий, разнообразных вин и не менее богатого ассортимента роскошных тканей — предъявляли все более и более серьезные требования к пустеющим дворянским кошелькам.[40] Их владельцам надлежало найти дополнительные источники обогащения за пределами родовых поместий. Государственная служба, грабительские походы или перераспределение земельного фонда за счет церковных «temporalties»—таковы были возможные варианты решения этой задачи перед «благородным сословием» Англии в конце XIV в., еще не вкусившим прелесть коммерческих операций с сукном на заморских рынках. Отсюда становится понятным враждебное отношение к церкви немалого числа представителей дворянства.

Тяжелое финансовое положение, в котором неоднократно оказывалось английское королевство,—в частности, в начале 80 гг. XIV в. и в первое десятилетие XV столетия[41] — заставляло различных политических деятелей, в том числе членов платы общин искать в секуляризации церковных имуществ средство для уменьшения налогового давления на население.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ЛОЛЛАРДАХ

Характеристике виклифитского этапа еретического движения в Англии, охватывающего сто сорок лет с 1381 г. до проникновения лютеранства на британский остров в начале

---

[38] Политика Джона Нортгемптона рассмотрена нами в работе «Борьба цехов и купеческой олигархии в Лондоне 70—80 гг. XIV г.»—УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, вып. 88, ч. 2, стр. 85—127.

[39] О конфликте 1392 г. пишут многие хронисты. См., например, известную хронику Джона Стау (р. 492—3).

[40] О необычайном распространении роскоши в Англии XIV в. среди дворянства, как, впрочем, и среди верхушки горожан, писалось много. Сошлемся на книгу Д. М. Тревельяна «Социальная история Англии», М., 1959.

[41] Политической истории Англии данного периода мы посвятили статью «Борьба феодальных группировок в Англии конца XIV— начала XV вв.», которая будет помещена в одном из ближайших выпусков «Ученых записок» Горьковского гос. университета. См. также нашу «Политическую историю Англии 20—40 гг. XV в.»— Восстание..., стр. 3 след.

двадцатых годов XVI столетия, посвящается работа.[1] Автор ее отдает себе отчет, что он отнюдь не является пионером в этой области. Лолларды уже свыше пяти столетий привлекают внимание историков.

Летописцы католических монастырей, жившие в конце XIV—начале XV вв., внесли первый вклад в прагматическую историю лоллардизма. Среди них заслуживают быть упомянутыми раньше всего бенедиктинцы известного монастыря в Сент-Олбенсе, которые под руководством Томаса Уолсингема,[2] наряду с другими хрониками, составили знаменитую «Английскую историю»[3]. На ее страницах можно найти описание многих важных событий политической и церковной жизни Англии интересующего нас времени. Уолсингем и его коллеги не скупятся на черные краски[4], живописуя «бедных священников», не щадят крепких выражений, когда ведут речь об их религиозных воззрениях.[5] Особенно мрачно ими обрисована деятельность «герцога вероломных» Джона Олдкасла. В хронике подробно рассказывается об антиправительственных воззваниях лоллардов, о заговоре их против Генриха V.[6] Все это призвано убедить читателя в том, что противники католицизма являются «врагами общества», социального мира и преуспеяния.[7]

Столь же негативная позиция по отношению к виклифтам изложена в другом историческом сочинении—«Связки сорняков».[8] Оно были найдено среди бумаг знаменитого богослова ордена кармелитов Джона Неттера из Уолдена,

---

[1] История ранних лоллардов —тема специального исследования. Интенсивно работают над ней профессора Московского университета Е. В. Гутнова (см. ее статью «Основные источники и историография по истории крестьянской идеологии в Англии XIII—XIV вв.», в сборнике «Средние века», вып. 29, М., 1966, стр. 70—90) и Ю. М. Сапрыкин: кроме упоминавшейся здесь статьи, увидевший свет в1967 г., им сдано в печать другое исследование о виклифизме.

[2] Т. Уолсингем возглавлял монастырский скриптбрий с 1395 г. по 1418 г.

[3] Далее—НА.

[4] Джон Виклиф аттестуется ими как «старый обманщик» и «прислужник сатаны». К его продолжателям применяются такие эпитеты, как «flagitiosus» (бесстыдный), «inbulos» (негодяй).—НА, II, p. 157—158.

[5] На одной из страниц «Истории» можно прочесть, что учение «бедных священников» — «порочная доктрина» (doctrina parva), которая, к сожалению, «оскверняет многих».—НА, II, p. 157.

[6] НА, II, p. 291, 297—9, 317, 327.

[7] Джон Олдкасл, в глазах составителей хроники, —«герцог и принц вероломных» (dux et princeps perfidorum), «общественный враг» (hostis publicus). —НА, II, p. 327.

[8] Далее—FZ.

умершего в 1430 году.[9] Составитель этого манускрипта выдвинул неоднократно потом обсуждавшуюся историками точку зрения, согласно которой Джон Виклиф и его сторонники из-за «злобы» и «легкомыслия» «посредством своих губительных доктрин» спровоцировали «простонародье» (plebem) на восстание 1381 г. Адам де Эск, Джон Стреч, Джон Эмендсхем[10] и другие представители римской церкви, подвизавшиеся на поприще летописания, также неукротимы в обличениях врагов. Для каждого из них «Джон из Старой Крепости»—«пособник ересиарха преисподней», «архилоллард».[11] Под влиянием воинствующих идеологов католической церкви находились и те немногочисленные светские хронисты XIV—XV вв., которые осмеливались затрагивать этот сюжет. Впрочем, существует одно исключение. Во многих строках «Истории славнейшего английского короля Генриха V» (Henrici Quinti Illustrissimi Anglorum Regis Historia), написанной Р. Рэдменом, сквозит сочувствие к лорду Кобхему и плохо замаскированное недружелюбие к его политическим противникам. Рэдмен пишет о руководителе еретиков как об «отважном человеке и прекрасном наезднике». Он стремится снять с Олдкасла ответственность за мятеж против «второго Ланкастера». «Вождем заговора», по его мнению, являлся Рожер Эктон.[12] Автор «Истории» Генриха V первым противопоставил программу внутренних преобразований в государстве, предложенную лоллардами, завоевательным проектом «папистов».[13] Версия, что английские церковники являлись инициаторами возобновления Столетней войны, получила признание у Бэйла, Фокса и других протестантских историков XV столетия. К сожалению, никаких биографических сведений о Рэдмене не сохранилось. Вероятно, он—один из рыцарей «славнейшего Генриха», участник завоевательных походов во Францию, свидетельством чему детальное описание азенкурского сражения и других боевых действий английского войска.

[9] Д. Неттер был родом из Saffron Walden (Эссекс), окончил Оксфордский университет. В ордене кармелитов он сделал блестящую карьеру, став главой ордена на территории Англии, исповедником короля. Участник соборов в Пизе и Констанце, автор крупной теологической работы, направленной в защиту католицизма, «Doctrinale Fidei» (1426—1427).

[10] Usk, p. 140; Strecche, p. 145; Am, I, p. 50, 51, 56, 57, 61 etc.

[11] См., например, «Elmhami Liber Metricus de Henrico Quinto».—MH, p. 81—82 etc.

[12] MH, p. 15, 21, 22, 23. Вот одна фраза четко характеризующая позицию Рэдмена по отношению к главарю еретиков: «Такое дружественное расположение было в то время у всех сословий к Кобхему и столь велик был его авторитет, что предписание короля оказалось бессильным помешать сохранению жизни **прекрасного рыцаря** (выделено мной — Е. К.), и величина премии (речь идет о тысячи золотых марок —Е. К.) не могла побудить и поощрить их на то, чтобы они донесли на обвиняемого, совершив предательство» (MH, p. 17).

[13] «Papistae» — так описывает Рэдмен католических прелатов (MH, p. 18). Довольно подробно рассказывая читателям о секуляризационном плане лоллардов (MH, p. 25; см. также речь Олдкасла, p. 17—21), он в противовес ему пространно излагает аргументы архиепископа Чайчила в пользу завоевания короны и земель Франции (MH, p. 25).

Церковно-католическая доктрина истории виклифитской ереси безраздельно господствовала в английской историографии до последних лет правления Генриха VIII. После торжества тюдоровских церковных реформ положение изменилось. Защитники реформированной церкви повели острую идеологическую борьбу против своих политических противников — и том числе и на историческом фронте. В лоллардах реформаторы XVI в. увидели своих предшественников. Воссоздавая их историю, они стремились лишний раз подтвердить правомерность осуществляемых в их время королевской властью церковных преобразований. Одним из видных представителей этого нового в исторической науке течения был епископ Оссори (Ossory) Джон Бэйл. Его работа, законченная летом 1544 года, имеет пространный заголовок, недвусмысленно раскрывающий авторский замысел: «Краткая хроника относительно допроса и смерти блаженного мученика за Христа сэра Джона Олдкасла, лорда Кобхема, канонизированного не папой, но небесной кровью Господа Иисуса Христа».[14] На страницах этого исторического сочинения, мало похожего на традиционную летопись средневековой эпохи, делается все, чтобы увенчать главу вождя антикатолического движения XV века терновым венцом великомученика. Образ «доброго лорда Кобхема» как небо от земли отличается от «бесславно пострадавшего за злые дела» главаря еретиков монастырских хронистов предшествовавшего времени. Идеализируя Олдкасла, его биограф стремится снять с него обвинения в злодейских кознях против короля, о которых пишут Уолсингем и другие анналисты католической школы. Он полностью отрицает факт участия этого «в высшей степени благородного рыцаря» в заговоре 1413—4 гг., стремится внушить читателю мысль, что такового вообще не было. Заговор выдумали пастыри католической церкви, чтобы добиться от Генриха V санкции на расправу миролюбивыми руководителями лоллардов.[15] Несомненно, епископ Бэйл очень далек от беспристрастного историка. Его небольшая книжка апологетична от первой до последней страницы. Перу епископа Бэйла принадлежат так-

[14] Хроника неоднократно переиздавалась: 1544, 1560, 1719 гг.

[15] Bale, p. 260.

же «Каталог британских писателей[16] и «Краткое изложение писателей Великобритании».[17] В последний из этих работ он в афористичной форме выдвинул положение о том, что евангелический доктор является основоположником европейского реформационного движения: Виклиф—«утренняя звезда реформации». Это положение стало краеугольным камнем протестантской концепции лоллардизма.[18] Оно энергично было поддержано младшим современником епископа Оссри Джоном Фоксом.[19]

Фундаментальный труд Фокса «Документы и памятники церкви, содержащие историю страданий мученников»,[20] впервые увидел свет в 1563 году, потом он многократно переиздавался с дополнениями и исправлениями. Если Джон Бэйл касается только эпизодов, связанных с жизнью и деятельностью Олдкасла, то Фокс воссоздает полную историю лоллардов—от первых выступлений Виклифа до кровавых преследований его последователей католическими иерархами в первые годы правления Генриха VIII. Богатейший фактический материал подчинен одной цели: возвеличить в назидание современникам деятелей антикатолического движения XIV—XV вв. С глубоким пиэтетом он отзывается о Виклифе и его последователях, отрицает существование заговора лоллардов зимой 1413—14 гг.[21] Возвеличивая кротость, миролюбие, преданность королю виклифитов различных поколений, Фокс выполнял классовый заказ правящей верхушки тюдоровского государства, видевшей в проведении англиканской реформации средство к укреплению абсолютизма. Под пером этого историка апологетической школы обесцвечивался социальный смысл выступлений лоллардов, их руководители превращались в бесплотных религиозных фанатиков—борцов, лишенных связи с социально-политическими и хозяйственными условиями окружавшего их «материального» бытия.

Фоксу пришлось отстаивать свои исторические взгляды в острой полемике с идеологами католического лагеря. Против него, в частности, выступил Никлас Хэрпсфилд, который в своем «Диалоге» защищал традиционную оценку исторической деятельности Дж. Олдкасла. Дж. Фокс ответил блестящим по форме, хотя и мало убедительным в глазах историков нашего времени, трактатом—«Защита лорда Кобхема против Никласа Хэрпсфилда».В трактате он стремился доказать, что обвинения Дж. Олдкасла в измене правящему монарху—не что иное, как лживые инсинуации его врагов, Д. Олдкасл был предан королю и умер, как великомученик, за истинную христианскую веру.[22]

Созданная Бэйлом и Фоксом, **протестантская апологетическая** концепция движения лоллардов господствовала в Англии следующие три столетия. Бэйкер[23] в XVII, Льюис[24], Уилкинс[25] и Джилпин[26] в XVIII свято следуют ее принципам. Традицию протестантских историков в XIX веке продолжали Томас Гэспи, автор двухтомной монографии «Жизнь и времена доброго лорда Кобхема»[27], Э. М. Браун[28], Генрих, лорд Браугем, осветивший историю Англии и Франции в годы правления ланкастерской династии[29], автор популярной «Истории английской церкви »Г. О. Уэйкмен[30] и др. Не считая немногих деталей, все эти историки воспроизводят положения Бэйла и Фокса. Гэспи и лорд Браугем, например, отрицают виновность Олдкасла в заговоре против Генриха V. Они уверены, что эта история была выдумана Эрунделом и

---

[16] «Index Britanniae Scriptorum» (Clarendon, Press, 1920).

[17] «Majoris Britanniae Scriptorum Summarjum» (1559).

[18] В конце XIX столетия один из апологетов виклифизма повторит афоризм Бэйла чуть ли ни дословно: «он был как утренняя звезда среди облаков».—H. O. Wakeman, The History of English Church, L., 1898, p. 152. Подробнее об исторических судьбах этого выражения можно прочесть у Д. Г. Паркера (The Morning Star..., p. 56).

[19] Джон Фокс (1517—1584) окончил университет в Оксфорде. Ярый защитник англиканизма, он был вынужден бежать в Швейцарию во время контрреформации Марии Тюдор. В эмиграции он начал работу над сочинением, посвященным предистории тюдоровской реформации. В царствование Елизаветы Фокс—сотрудник небезизвестного Томаса Уолсингема.

[20] Foxe. Мы пользовались двумя изданиями книги, осуществленными в XIX веке,—Роберта Сеймура (1838) и Джозии Претта (1877). Ссылки даются на издание Д. Претта, как более полное, исключая отдельных случаев, особо оговоренных в примечаниях.

[21] На поле св. Джайлса лолларды, оказывается, собирались в январе 1414 г. не для того, чтобы атаковать королевский дворец в Илсем, а дабы прослушать проповедь некого Джона Беверли.

[22] Foxe, III, p. 392—402.

[23] R. Baker. A Chronicle of the Kings of England, L., 1684.

[24] J. Lewis, A History of the Life and Sufferings of the Reverend and Learned John Wicliffe, L., 1720.

[25] D. Wilkins, Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae, 4 vols, L., 1737.

[26] W. Gilpin, The Lives of John Wicliffe and of the most eminent of his disciples, Lord Cobham, John Huss, Jerome of Prague and Zisca, L., 1764 (Second ed.).

[27] Th. Gaspey, The Life and Times of the Good Lord Cobham, 2 vols., 1843.

[28] A. M. Brown, The Leaders of the Lollards, his Times and Trials L., 1848.

[29] Henry, lord Brougham, A History of England and France under the House of Lancaster with an Introductory View of Early English Reformation, L., 1861.

[30] См. прим. 18.

его окружением, дабы окончательно погубить «доброго лорда Кобхема»[31].

К 70 гг. XIX в. относятся первые попытки выйти за пределы узких рамок протестантско-апологетической школы. С. Э. Моурис в своих очерках, посвященных жизнеописанию вождей английского народа[32], заносит в один ряд с Боллом и Тайлером, лондонского купца Джона Нортгемптона[33] и даже барона Олдкасла.[34] «Начавшись с покровительства баронов и короля, движение лоллардов благодаря Джону Боллу все теснее и теснее связывает себя с бедняками и выступлениями за народную свободу».[35] Моурис многократно подчеркивает простонародный характер лоллардизма[36], считает, что в конце XIV-XV вв. он продолжал революционную линию Болла. «Сумасшедший священник из Колчестера» не был оригинальным мыслителем, в своих проповедях он излагал учение оксфордского теолога.[37] Взглядам же последнего наш автор тоже дает весьма определенную и своеобразную оценку: «Сейчас становиться ясным, что взгляды Виклифа и его последователей были в такой же степени опасными для светской тирании, как для церковной».[38] К сожалению, решительность тона и смелая независимость суждений английского историка не подкрепляются сколько-нибудь продуманной аргументацией. Прямолинейный подход ведет к преувеличению революционности виклифитов, к переоценке роли Болла в судьбах движения и т. д. Поэтому творение С. Э. Моуриса не оставило после себя заметного следа в историографии.

Подлинным создателем нового, по-настоящему научного подхода к исследованию лоллардизма следует считать Готтхарда Виктора Лехлера. Ему удалось значительно расширить круг источников, включив в него несколько произведений оксфордского еретика.[39] Высокий уровень научного исследования отличает его основной труд «Джон Виклиф и

[31] Th. Gaspey, The Life.., I, p. 276; Henry, lord Brougham, A History..., p. 75—76, 77.

[32] C. E. Maurice, The Lives of English Popular Leaders, L., 1875.

[33] P. 209—10. На самом деле Д. Нортгемптон, мэр Лондона 1382—1384 гг., не был ни лоллардом, ни революционером—сошлемся на упоминавшуюся уже на этих страницах нашу статью «Борьба цехов и купеческой олигархии в Лондоне...».

[34] Олдкасл, по мнению Моуриса, «симпатизировал... портным и сапожникам». — P. 279.

[35] P. 199, 209—210, 244 etc

[36] P. 199, 209—210, 244.

[37] P. 198.

[38] P. 198.

[39] Г. В. Лехлер подготовил к публикации некоторые произведения Виклифа, в частности—«De Officio Pastorali» (1863), «Trialogus» (1869).

предистория реформации».[40] Эта книга с полным ет исследо-
заслужила признание на британском острове в ка- Исследова-
вой научной биографии оксфордского теолога. милости»
положительное мнение о главной фигуре своих шту- октора.[57]
лер сочетает с указанием на огромный общественны
нанс его учения. В конце XIV столетия, по его мнени тифита-
ловина английского населения находилась на стороне ока-
ников Виклифа.[41] С большим сочувствием повествует Лехлер о страданиях и трагической смерти лорда Кобхема.[42]

К труду Г. В. Лехлера тесно примыкает небольшая книжечка Рудольфа Буддензига «Джон Виклиф и его время».[43] Евангелический доктор рассматривается им в качестве прямого предшественника Яна Гуса и Мартина Лютера.[44]

Немецкие историки-протестанты в своей общей оценке виклифизма солидаризировались с английской апологетической школой. К концу XIX в. центр изучения движения лоллардов переместился из Германии в Великобританию, чему не в малой степени способствовало создание Дж. Форшеллом и Ф. Д. Мэтью «Виклифского общества» (The Wyclif Society»), которое приступило к интенсивному изданию многочисленных работ первого английского еретика. За тридцать лет (с 1884 по 1913) обществом было издано 25 томов его латинских сочинений.[45]

Параллельно с интенсивными штудиями текстологов развивались исторические исследования. На первое место среди них следует поставить труд Д. М. Тревельяна «Англия в эпоху Виклифа».[46] Анализ взглядов евангелического доктора и его учеников ведется в тесной взаимосвязи с социально-экономической и политической обстановкой. В целом движение лоллардов оценивается как прогрессивное явление. В бедственную эпоху, когда «благородные институты ранней Англии подали в могилу не без грохота при падении», обнаружилась неадэкватность католической церкви изменившимся усло-

[40] G. V. Lechler, Johann von Wiclif und Vorgeschichte der Reformation, Bande I, II, Leipzig, 1871—3.

[41] B. II, S. 7.

[42] Ebenda, S. 302—4.

[43] R. Buddensieg, Johann Wiclif und seine Zeit, Halle, 1885.

[44] Edenda, S. 3, 213. Имя Мартина Лютера, указывает на Р. Буддензиг, написанное рукой XVI столетия, содержит один из рукописных фолиантов с произведениями оксфордского теолога, хранящийся в венском хранилище рукописей. Поэтому он полагает, что его владельцем являлся зачинатель реформации XVI века (S. 213).

[45] Оценку деятельности «Виклифского общества» см. R. L. Poole, Wycliffe and Movements for Reform, L., 1911 (New Impression), p. 112.

[46] G. M. Trevelyan, England in the age of Wycliffe. Мы пользовались третьим лондонским изданием 1900 года.

его окруже[ние] «Великой попыткой» дать ответ на эти измене[ния] да Кобхем[ся учение Виклифа.[47] Д. М. Тревельян, подобно] ошественникам, считает, что «век Виклифа» гене[тически] К 70 [связан с тюдоровской реформацией[48]. Впрочем, бри]делы уз[танский] С. Э. М[историк в отличие от апологетов стремился акценти]вожд[ровать внимание не только на сильных, но и слабых сторо]их деятельности лоллардов. Мысль Виклифа, что один «необразованный» человек «с божью помощью» сделает для церкви больше, чем многие, имеющие ученую степень, кажется ему абсурдной. К числу ошибок лоллардов он относит требование лишить университетские корпорации права пользоваться десятиной и пожертвованиями по посмертным завещаниям.[49] Отвергнув попытки католических летописцев взвалить вину за кровопролитие 1381 г. на Виклифа и его учеников[50], Тревельян в то же время развенчивает легенду протестантских теологов о смирении и кротости сподвижников лорда Кобхема.[51] Тревельян весьма скромно оценивает результаты проповеднической деятельности еретиков в XV столетии.[52]

Оценка деятельности Виклифа и его учеников, данная в работах Р. Л. Пула,[53] ничем не расходится с тем, что писал Тревельян.[54] Но если Тревельян уделяет львиную долю своего внимания социальным, политическим и экономическим предпосылкам возникновения еретического движения в Англии, то в центре внимания Пула генетическая связь виклифской доктрины со взглядами предшественников, в первую очередь с Ричардом Фитц-Ролфом.[55]

---

[47] P. 332: «A great attempt is made to answer the call for something new».

[48] P. 332.

[49] P. 306, 171—2.

[50] P. 197—8.

[51] P. 337. Окончательно доказал факт существования заговора приверженцев Олдкасла против Генриха V У. Т. Во.—W. T. Waugh, Sir John Oldcastle... Выходные данные см. «Список сокращений».

[52] Даже до разгрома в 1414 г. заговора Олдкасла движение лоллардов было слишком слабым, чтобы серьезно противостоять ланкастерским королям. —P. 337—40.

[53] Первая из работ Р. Л. Пула «Виклиф и движение за реформу» увидела свет в 1888 г. В 1911 г. вышло ее новое издание. Неоднократно переиздавались также «Illustrations of the History of Medieval Thought and Learning». Мы пользовались повторным улучшенным изданием 1962 года, а первое увидело свет в 1920 г.

[54] Р. Л. Пул, подобно Тревельяну, отрицает причастность Виклифа к Боллу и революции 1381 г. (Wycliffe..., p. 106).

[55] Ib., p. 84—163; Illustrations..., p. 255 ff.

К трудам Пула теснейшим образом примыкает исследование Маргариты Динсли «Библия лоллардов».[56] Исследовательница разделяет мнение Пула, что «учение о милости» явилось фундаментом теории евангелического доктора.[57] Анализируя цепь фактов, связанную с созданием виклифитами английского перевода библейских книг, М. Динсли оказалась вынужденной поместить в центре своего рассказа дотоле мало привлекавшую внимание историков фигуру секретаря первого еретика Англии Джона Пэрви.

В итоге оказалось написанной не только «биография» Библии английских еретиков, но и создан—последнее, на наш взгляд не менее важно—очень содержательный творческий портрет одного из ведущих идеологов движения; впрочем лишенный детального анализа социально-политической платформы.[58]

Вершиной этого течения английской историографии, методологическим кредо которого является позитивизм, следует признать двухтомное жизнеописание[59] оксфордского еретика, составленное богословом Гербертом Б. Уоркменом. Уоркмен значительно сильнее своих предшественников в текстологическом анализе. Внимательное изучение произведений евангелического доктора[60] позволило ему внести немало существенных уточнений и дополнений в историю виклифизма 70—80 гг. XIV века.[61]

Общая оценка исторической роли Виклифа, которую дает Г. Б. Уоркмен, лишена двусмысленности и полностью гармонирует с тем, что писали о нем представители «позитивного периода» историографии. Первый оксфордский еретик изо-

---

[56] M. Deansly, The Lollard Bible... Выходные данные см. «Список сокращений». В сжатом виде взгляды исследовательницы на движение лоллардов изложены в лекции прочитанной 3 марта 1951 г. в Лондонском университете. —The Significance of the Lollard Bible, L., 1951.

[57] M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 227 ff.

[58] М. Динсли отметила «тенденцию к умеренности» у Пэрви в богословских вопросах (The Lollard Bible..., p. 234), но она умалчивает о созданной им компромиссной программе секуляризации.

[59] См. стр. 27, прим. 17.

[60] В предисловии к своему труду Г. Б. Уоркмен сообщает, что на его подготовку было затрачено 12 лет.

[61] Г. Б. Уоркмен, в частности, установил, что «бедные священники» впервые упомянуты в трактатах Виклифа, относящихся к 1377 г. (II, p. 201—2), что его первое выступление против евхаристии относится к 1379 г. (II, p. 408). Текстологическое сопоставление позволило Г. Б. Уоркмену лишить евангелического доктора авторских прав на отдельные произведения. Однако, «факт, что многие трактаты, приписываемые Виклифу, созданы другими, позволяет более правильно судить о масштабах движения в 80—90 гг. XIV в.» (II, p. 336).

бражается им в качестве выдающегося философа,[62] популярного университетского преподавателя, незаурядного политика[63] и глубоко теолога,[64] взгляды которого оказали воздействие на Чехию и Шотландию[65] и вызывали мощное движение в Англии. Однако, называя Виклифа «утренней звездой» реформации,[66] Г. Б. Уоркмен не скатывается на позиции тенденциозной апологии.

Характеризуя положительные черты в деятельности оксфордского теолога, Уоркмен стремится выяснить и его просчеты. Он видит причины неудач виклифитов в отсутствии четкой позитивной программы,[67] в излишней страстности и непримиримости их вождя, которая оттолкнула от движения колеблющихся людей.[68] Виклиф недооценил важность борьбы за Оксфордский университет.[69] Он часто связывал свою судьбу с политиками сомнительных принципов. Крупной ошибкой его, как «провозвестника прогресса», является блок с «реакционером» Джоном Гентским.[70] Не всегда практические дела Виклифа можно увязать с важнейшими положениями его учения.[71] «Бедные священники», если верить Г. Б. Уоркмену, во многом уступали проповедникам нищенствующих орденов в умении играть на чувствах и воображении людей. Поэтому-то им не удалось завоевать на свою сторону «массы народа».[72]

---

[62] Vol. II, p. 4. Г. Б. Уоркмен приводит, в частности, такую оценку ученых заслуг Виклифа, заимствованную им у хрониста XIV столетия Найтона: «Наиболее выдающийся доктор теологии своего времени, в философии не было равного ему, в искусстве обучения также не знал соперников».

[63] Г. Б. Уоркмен подчеркивает, что в течение нескольких лет он был рупором «народного стремления» (I, p.3; см. также I, p. 212).

[64] Vol. II, p. 375.

[65] По мнению Г. Б. Уоркмена, учение Виклифа нашло больше сторонников за рубежом, чем в самой Англии. Немало страниц уделяется им рассказу о том, как проникли идеи Виклифа в Чехию и Шотландию (I, p. 8—12, 17—20 etc.; II, p. 7).

[66] Vol. I, p. 12.

[67] Виклиф, по мнению Г. Б. Уоркмена, тщательно отработал негативную часть своей программы. Но в позитивном отношении его работы мало что могли дать читателям (II, p. 324).

[68] Vol., II, p. 323.

[69] Г. Б. Уоркмен упрекает Виклифа в том, что он «без боя» покинул Оксфордский университет, уехав в Лоттерворт (II, p. 323).

[70] Vol. I, p. 275—84. Уместно привести ту оценку, которую Г. Б. Уоркмен дает группировке герцога Ланкастера: Джон Гентский—«глава небольшой, но хорошо организованной банды баронов и убийц, единственной целью которых было их собственное преуспеяние» (I, p. 216).

[71] Например, втянувшись в 70 гг. в политическую борьбу, Виклиф вступил в противоречие с таким пунктом его теории, как неучастие клира в светских делах (I, p. 217).

[72] Vol. II, p. 220.

Вцелом, концепция Тревельяна—Пула—Уоркмена может быть охарактеризована как умеренно-протестантская, более точно и глубоко определившая сущность лоллардисткого движения, чем это делали апологеты.

Другое течение исторической мысли нового времени ведет свое начало от многотомной «Истории Англии» Дж. Лингарда.[73] Ее автор стремился обосновать тезис о реакционном характере деятельности лоллардов. Антикатолические выступления Виклифа для него лишь «ругань», или «грубая ругань».[74] Поведение его учеников определяется эпитетом «упрямое».[75] Они поневоле «вскоре становятся причиной удивления и жалоб».[76] «Не может вызвать удивления, если столь грубая ругань и столь пагубные взгляды встревожили и возмутили клир...».[77] Саутри назван несчастным человеком, которого следовало поместить в сумасшедший дом.[78] Главарям заговора 1414 г. в том числе, следовательно, и Олдкаслу приписываются,—несомненно, с целью их опорочить—уравнительные принципы в вопросе о судьбах собственности.[79] Правда, английский перевод Библии получил уважительную оценку: это «оружие удивительной силы», благодаря которому «через сто слишком лет народы Европы оказались удивленными и возбужденными реформационным движением». Д. Линаград защищал версию, что обида на короля и церковь, отказавших ему в достойном вознаграждении, толкнула Виклифа на выступление против католицизма.[80]

Негативное отношение к английскому еретическому движению заметно усилилось в XX столетии. Г. Д. Кронин бросил вызов концепции Г. В. Лехлера, поддержанной Д. М. Тревельяном, о большом влиянии лоллардов на общественную жизнь Англии конца XIV в.[81] Он особо подчеркнул, что после 1381 г. только немногие из дворян смотрели на «бед-

---

[73] J. Lingard, A History of England, 8 vols. Интересующий нас сюжет мы нашли в IV (1837) и V (1851) томах, изданных в Лондоне.

[74] Vol. IV, p. 158, 159, 160, 192.

[75] Ib., p. 160.

[76] Ib.

[77] Ib., p. 192—3.

[78] Ib., p. 333.

[79] Vol. V, p. 2.

[80] Vol. IV, p. 158—9. Более подробно эта точка зрения на личные мотивы выступления Виклифа против католической церкви будет развита К. Б. Мак-Фарленом. См. стр. 49—51 данной работы.

[81] Речь идет о двух работах бэчелора богословия и декана колледжа св. Троицы в Кембридже. Первое его исследование «The Twelve Conclusions of the Lollards» было помещено в 1907 г. в «English Historical Review». Второе представляет собой «Введение» к изданию «Книги против двенадцати ошибок и ересей лоллардов», написанной доминиканцем Р. Диммоком в 1395 году.

ных священников» без подозрений.[82] Надежда виклифитов на поддержку палатой общин «Двенадцати положений» также была совершенно напрасной.[83]

Дж. Гайрднер попытался поставить под сомнение выражаясь его словами, «популярную теорию», что реформационные идеи XVI ст. могут быть найдены на сто и более лет раньше у Виклифа и лоллардов.[84]

По мнению исследователя, «современные протестанты» смогут найти во взглядах евангелического доктора «больше такого, что они не смогут принять», нежели приемлемого для них.[85] Учение оксфордского теолога было «скорее схоластическим, чем практическим».[86] Оно являлось опасным для существующей системы.[87] «Он, сам хорошо понимавший опасные тенденции некоторых его принципов,... снабжал их противоядиями, которые случайно вели к другим парадоксам».[88] Не рискуя в отличие от Лингарда порочить личные качества Виклифа, Дж. Гайрднер называет его «гениальным ученым», но взваливает ответственность за «крайности» движения на плечи его менее даровитых последователей.[89] Вообще, его способ реформы был несовместим с практической политикой и церковь нашла свой путь выхода из той подлинной анархии, которую вызывали столь сильно действующие средства.[90] Подобно Лингарду, Гайрднер оправдывает статут «О сожжении еретиков»[91] и вызванные им расправы. В сожжении Бэдби, замечает он, мало гуманности, но, несомненно, «как в церкви, так и в государстве надлежало сохранить порядок».[92] Дж. Р. Витни и В. Г. Г. Грин выступили против «в высшей степени банальной формулы»: «Виклиф—утренняя звезда реформации». «Если бы все, что он предлагал, было проведено в жизнь, мы получили бы не реформацию, а хаос».—такова их точка зрения.[93] Вивьен Г. Г. Грин полагает, что «вторжение» Виклифа в политические дела «было безграничено более бедственным» (если не для него, то для Англии), чем деятельность епископа Чичестера Р. Пикока в 40—50 гг. следующего века.[94]

Широкой известностью пользуется книга Д. Р. Оуста «Литература и проповедь в средневековой Англии».[95] Кембриджский филолог тщательно изучил литературное наследие известных проповедников XIII—XIV вв.—доминиканца Джона Бромьярда, епископа Томаса Брантона, Ролфа Эктона, Томаса Уимбледона, Бозона, Рипона и др.—и сделал выводы, во многих случаях противоречащие взглядам Г. Б. Уоркмена[96] и Д. М. Тревельяна.[97] По его наблюдениям, ортодоксальные ораторы, изобличавшие с высоты церковных кафедр современное им общество, предвосхитили социальные и политические идеи лоллардов.[98]

Трудно спорить с Оустом в том, что гениальный автор Петра Пахаря и «бедные священники» XIV века немало заимствовали у более ранних идеологов, хотя общность их взглядов в некоторых случаях объясняется влиянием сходных социальных и политических условий, в которых происходили их выступления[99].

Вряд ли могут вызвать удивление и приведенные Оустом факты широкого использования Боллом и Виклифом привычных для своих читателей и слушателей речевых оборотов и образов, сложившихся в ходе многовековой проповедни-

---

[82] Dymmok, p. XLIV.
[83] Ib., p. XLV.
[84] J. Gairdner, Lollardy..., I, p. 7.
[85] Ib., p. 8.
[86] P. 11.
[87] P. 12.
[88] P. 14. Дж. Гайрднер приводит пример такого парадокса Виклифа: с одной стороны «грешный человек не имеет никакой власти», а с другой — крепостной должен подчиняться даже господину-язычнику: «бог (так это Виклиф странно сформулировал) должен слушаться дьявола».
[89] P. 66.
[90] P. 12, 16. На последней из этих страниц Гайрднер, противореча себе, утверждал: «Виклиф не должен никогда оцениваться как еретик», поскольку он никогда не отказывался признать свои заблуждения, если это будет доказано.
[91] P. 48.
[92] P. 68.

[93] V. H. H. Green, Bishop, p. 91, note 1.
[94] Ib., p. 9.
[95] G. R. Owst, Literature and Pulpit in Medieval England, Cam., 1953. Нам оказалось доступным второе издание книги, вышедшее в 1961 г. в Оксфорде. Д. Р. Оустом были написаны и другие работы. Их характеристику можно найти в упоминавшейся статье Е. В. Гутновой «Основные источники...», стр. 86—9.
[96] Д. Р. Оуст, например, советует Г. Б. Уоркмену переписать одну из глав (седьмую из II тома). —P. 306. См. также p. 289, 295.
[97] P. 289.
[98] Какой-либо отличительной виклифистской точки зрения на положение в Англии 70—80 гг., по мнению Д. Р. Оуста, совершенно не существовало (p. 306). Проповедники католического лагеря хорошо понимали сложившуюся ситуацию и «бесстрашно превоглашали то, что видели» (p. 289).
[99] Д. Р. Оуст обращает внимание на совпадение мыслей, высказанных епископом Брантоном с кафедры проповедника в Лондоне в апреле 1376 г. и Питером де ля Мар, спикером палаты общин, в его речи к королевскому совету в тот же месяц (p. 584—5). Верный своей общей тенденции Оуст считает, что руководитель дворянской оппозиции был вдохновлен и ободрен примером прелата. Оуст убедительно доказывает, что оба обличительные выступления нашли отражение в том варианте поэмы о Петре Пахаре, который написан Ленглендом в 1376—7 гг.—Ib., p. 573—6.

ческой деятельности католических пастырей.[100] Но Д. Р. Оуст в своем восхвалении проповеднической деятельности священнослужителей римской церкви увлекается нередко настолько, что стирает грань между лоллардами и католическими проповедниками.[101] Особенно ясно это проявляется в оценке проповедей Джона Болла (глава VI). Д. Р. Оуст приводит текст проповеди неизвестного проповедника из «лагеря ортодоксов», которая, по его мнению, исключая вводных и заключительных фраз (passages), напоминает изложение Фруассаром проповеди Д. Болла.[102] Однако, как нам кажется, сопоставление этих двух отрывков не столько подтверждает, сколько опровергает суждения оксфордского филолога:

Ортодоксальный проповедник	**Джон Болл**
Некоторым кажется, что большим беззаконием и грехом является то, что одно лицо имеет на год столь много всевозможных одеяний различных цветов, посредством которых многие бедные и нуждающиеся люди могли бы быть укутаны и одеты, как требует милосердие. И поэтому, если бы такие одежды, после того как они (богачи—Е. К.) поносят их, сколько хотят, затем были отданы бедным нуждающимся (людям)..., это помогло бы их душам, но они обычно делят их проституткам, певцам... А это большой грех[103].	Дорогие друзья, дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда все станет общим, когда не будет больше ни вассалов, ни лордов, когда лорды перестанут быть господами и будут такими же, как и мы. Как ужасно они обращаются с нами! По какому праву они держат нас в крепостном состоянии? Не происходим ли мы все от одного отца и одной матери—Адама и Евы? И как они могут доказать, какие основания они могут привести, почему они должны быть большими господами, чем мы? Они одеваются в бархат и дорогие ткани, украшенные горностаем и другими мехами, а мы вынуждены одеваться в лохмотья? У них вина, пряности и хороший хлеб, а у нас только мякина и солома, да ржаной хлеб, и пьем мы только воду. Они владеют богатыми дворцами и поместьями, а мы должны переносить дождь и стужу, работая на полях, между тем вся их роскошь держится нашим трудом. Нас называют рабами и бьют, если мы не выполняем возложенных на нас повинностей, и у нас нет государя, которому мы могли бы жаловаться или который захотел бы нас выслушать. Давайте отправимся к королю и будем увещевать его, он юн и от него мы можем получить благоприятный ответ, в противном случае мы сами должны найти способ улучшить наше положение.[104]

Сравнение этих двух текстов убеждает, что вся общность пламенного воззвания Д. Болла с проповедью ортодокса по существу сводится к одной фразе, где речь идет об одежде.

Однако, если у Болла противопоставление «бархата» «лохмотьям» служит одной из посылок к выводам огромной революционной силы, то у его предшественника из католического лагеря все рассуждения не идут дальше филантропических призывов к сильным мира отдавать бедноте свои обноски. В словах «безумного священника из Кента» заключен могучий призыв к решительным социальным преобразованиям, а католический проповедник, не выходя за рамки обычных нравственных поучений, робко советует утопающим в роскоши феодалам не забывать о страдающих от голода их

[100] Например, стихи об Адаме и Еве, заимствованные из фольклора, использовались и католическими проповедниками, и Боллом.

[101] Он прямо утверждает, что Уоркмен ошибается, когда говорит об особой «виклифитской точке зрения» на положение дел в Англии в 70—80-ые годы XIV века (p. 306).

[102] Ib., p. 304.

[103] Английский текст проповедника приведен Оустом на стр. 304 его книги.

[104] Отрывок из Фруассара мы даем в отличном переводе Ф. А. Коган-Бернштейн, сделанном при издании на русском языке книги Р. Хилтона и Г. Фагана «Восстание английского народа в 1381 г.», под редакцией Е. А. Косминского, М., 1952, стр. 100.

«меньших братьях». Как мог Г. Д. Оуст не заметить, что основные свои положения Болл вложил во «вступительные и заключительные фразы» проповеди?[105]

Хочется подчеркнуть, что формальные сопоставления искусственно выдернутых отрывков из различных литературных произведений без учета их смысловой нагрузки в общем контексте способны привести к самым грубым ошибкам. И когда Д. Р. Оуст отказывается от метода формальных сопоставлений и дает обобщающую оценку проповедей Бромьярда, Брантона и других идеологов католицизма, ему приходится признать, что они «невиновны в каких-либо революционных намерениях», что их проповеди носят чисто «моральный характер».[106] Однако он забывает добавить, что **качественно новым** у Виклифа и Болла как раз и был переход от моральных порицаний и наставлений к **социальной** критике. Вместо абстрактной филантропии нищенствующих монахов и близких к ним идейно проповедников других орденов, они разрабатывали программу коренных преобразований церкви (Виклиф) и даже всего общества (Болл).

Обличительные речи католических проповедников—и об этом Д. Р. Оусту также следовало бы сказать[107]—являются зеркалом, которое отражает нарастающее недовольство среди народа. Бозон, Брантон, Бромьярд, как наиболее проницательные идеологи феодального класса, видели надвигающийся кризис, но они не подготавливали его, а стремились предостеречь находящиеся у власти феодальные круги и отвлечь народный гнев в сферу обычных рассуждений о возмездии за грехи в день «страшного суда».[108] В последней главе своей книги сам Оуст указывает на то, что католические проповедники в своих выступлениях исходили из незыблемости существующих сословных отношений и красноречиво убеждали своих «пасомых» в необходимости честного отношения к своим земным обязанностям.[109] Ни один из проповедников не предлагал «ломать» существующую церковную машину, как это сделал Виклиф, наоборот, их нравственные порицания должны были помочь ее служителям в создавшейся трудной обстановке находиться на должной высоте.[110] Брантон, несмотря на всю свою обличительную резкость по отношению к «лордам», «господам» и «праздным», являлся одним из активных противников учения Виклифа.[111] Итоговый вывод о книге Оуста возможно сформулировать так: ее автор принизил значимость деятельности лоллардов в социальной жизни феодальной Англии.

Подобная тенденция присуща и книге К. Б. Мак-Фарлена «Джон Виклиф и истоки английского нонконформизма»[112]. Беспощадной рукой «хладнокровного и беспристрастного» критика ощипывает Мак-Фарлен тот великолепный лавровый венок, который сплели Виклифу Фокс, Уилкинс, Тревельян и Уоркмен. Его перо, подолгу искусственно задерживаясь на заблуждениях, недостатках и неудачах «первого еретика» средневековой Англии, рисует нам вместо величавого портрета «мыслителя» сильно окарикатуренный образ неврастеничного, заурядного по своим умственным данным неудачника. Виклиф, оказывается, разбирался в политике «немного больше, чем ребенок».[113] На развитие его взглядов влияло, что угодно: «страх перед преследованиями»[114], «старческий сплин»[115], болезнь сердца[116], «черная зависть к счастливым соперникам»[117], но не поиски истины, не принципиальные соображения ученого и политического деятеля.[118] Его работы были «написаны второпях».[119] Оригинальность их мыслей преувеличена, тон—«сварлив». Полемические выпа-

---

[105] Именно в начале своей проповеди Д. Болл выдвинул идею о ликвидации существующих сословных различий и о передаче имущества в общее владение. Заключительные его слова в речи содержат призыв к активным действиям самих угнетенных Д. Р. Оуст ограничивается лишь замечанием, что «комментарии излишни», настолько все ясно (p. 304).

[106] P. 292—3. О Бромьярде он пишет: «...his motif is still nothing more than a powerful spiritual and moral corrective...». Брантон, по его мнению, боялся «революционного» и «коммунистического» истолкования его слов.

[107] С Д. Р. Оустом вполне можно согласиться, что не только Виклиф, но и многие проповедники католического лагеря хорошо понимали положение дел в Англии (p. 289).

[108] См. о католических проповедях также у Р. Хилтона (Восстание английского народа..., стр. 82—84).

[109] Ch. IX, p. 548—560. В одной из приводимых здесь католических проповедей XIV в. эта мысль высказана предельно ясно: «Let each man abide at the same calling wherein he was called» (p. 558).

[110] См. об этом главу IX.

[111] Он участвовал в работе конвокации, осудившей, как еретическое, учение Виклифа в мае 1382 г. (p. 577). Последователей Виклифа критиковал и Г. Рипон (p. 61). Уимбледон также не присоединился к лоллардам (p. 554).

[112] K. B. McFarlane, John Wycliffe and the Beginnings of English Nonconformity, L., 1952

[113] P. 70.

[114] P. 84.

[115] P. 86.

[116] P. 86.

[117] Мак-Фарлен назязывает читателю версию епископа Солсбери, приводимую Неттером, что нежелание высших английских иерархов и короля предоставить Виклифу епископскую кафедру, явилось тем импульсом, который толкнул его на активную борьбу с существующим церковным порядком (p. 68). «Один или два жирных куска» заставили бы его навсегда замолчать.

[118] Нельзя пройти мимо такого циничного замечания Мак-Фарлена: «необходима была угроза преследования, чтобы превратить политика в еретика—истина одна не имеет такой побудительной силы».

[119] P. 12—13, 85—86.

ды в адрес оппонентов лишены щепетильности. Вообще, Виклиф «едва ли мог видеть далеко вперед», а посему «шел, не зная куда».[120] Искусный диспутант и красноречивый проповедник—лишь эти два положительных качества признает за оксфордским еретиком Мак-Фарлен.

О Болле в разбираемой книге пишется в столь же, мягко выражаясь, недружелюбном тоне. Вслед за монастырскими хронистами XIV века Мак-Фарлен объявляет его полусумашедшим.[121] Отрицательное отношение к «великим еретикам» XIV в. вполне логично распространено Мак-Фарленом и на их продолжателей. В противовес Лехлеру, Тревельяну и Уоркмену он всячески стремится приуменьшить масштабы движения, его историческую значимость.[122] Только «наивный взгляд на историю» позволил таким протестантским историкам, как Тревельян и Уоркмен, с «благодарностью и гордостью» относиться к учению, столь «бедственному по своим последствиям», толкнувшему многих людей «к позору и смерти».[123]

Мак-Фарлен стремится реабилитировать таких деятелей католического лагеря, как архиепископы Куртнэ и Эрундел прославляет их терпимость и милосердие.[124]

В 1964 году увидела свет книга «Виклиф и реформа».[125] Свою задачу ее автор методисткий богослов[126] Джон Стэси видит в том, чтобы, «избегая крайностей», воссоздать достоверный, насколько это позволяют бесспорные свидетельства источников, исторический портрет Виклифа.[127]

Объективизм Стэси направлен против нигилистической характеристики личности и взглядов Виклифа. Он подчеркивает в противовес Мак-Фарлену его «твердость» и «принципиальность»[128], признает его «детскую» непрактичность, «бурный темперамент»[129], но считает, что подобные черты характера не могут заслонить таких положительных качеств «выдающегося реформатора», как любовь к бедному люду[130], большую щепетильность его в полемике.[131] «Более веские моральные побуждения, чем неудачи в жизненной карьере», по его мнению, сделали оксфордского богослова борцом против католичества.[132] Д. Стэси активно защищает взгляды Г. Б. Уоркмена на историю лоллардизма.[133] Теолог протестантского лагеря стремится доказать большое влияние виклифитов на политическую жизнь Англии, на развитие еретической мысли Европы.[134]

Еще более остро, чем Стэси, полемизирует с критиками «бедных священников» Д. Г. В. Паркер.[135] Само название его произведения «Утренняя звезда. Виклиф и заря реформации» звучит как вызов авторитетным сентенциям К. Б. Мак-Фарлена. Новозеландский богослов[136] подчеркивает влияние Виклифа на реформацию XVI в.[137] Прямыми наследниками оксфордского еретика, по его мнению, являются не Лютер или Кальвин, а «те люди, которые в XVI в. и позднее боролись за свободу индивидуальной веры» и отрицали конформизм как католический, так и протестантский.[138]

Итак, вопрос об исторической роли Виклифа и движения лоллардов в общественном развитии Англии до сих пор остается дискуссионным. Пережила ли Англия в XIV—XVвв. «раннюю реформацию»? Или лоллардизм—одно из сектантских течений средневековья? Способствовала ли деятельность «бедных священников» прогрессу английского общества? А, может быть, их программа отражала стремления наиболее реакционных сил? Чтобы разрешить эти альтернативы, необходимо исследование, свободное от предвзятости церковных историков.

Нуждается в дальнейшем изучение и вопрос о социальных силах поддерживавших виклифизм в конце XIV—XV вв. Первым, кто заинтересовался этим вопросом, был Дж. Е. С.

---

[120] P. 85.
[121] «...The halfe crazy hedge-priest» (p. 73).
[122] Ib., p. 114—5.
[123] Ib., p. 187.
[124] Ib., p. 187—8.
[125] J. Stacey, John Wyclif and Reform, L., 1964.
[126] Дж. Стэси, священник методистской церкви в Гринфорде (Мидлсекс), имеет степень баккалавра теологии.
[127] P. 19.
[128] P. 19.
[129] P. 20—21.
[130] P. 23—24.
[131] Д. Стэси приводит слова Джемса, написанные им в «Apologie for John Wycliff» (1608) о том, что Виклиф отмечает злоупотребления вообще, но никогда не называет по имени кого-либо из своих оппонентов. (p. 23)
[132] P. 18—19.
[133] В IV главе, посвященной «виклифитской» библии, Д. Стэси повторяет основные положения Г. Б. Уоркмена, в частности такое: «если бы виклифизм не был подавлен в Оксфорде, судьба Англии была бы иной». (p. 129).
[134] Особенно—глава VI.
[135] G. H. W. Parker, The Morning Star. Книга опубликована в Экзетере в 1945 г. как третий том «The Paternoster Church History».
[136] Работа Виклифа «Триалог» впервые была напечатана в Германии 1525 г.—P. 54.
[137] P. 56.
[138] Он лектор истории в новозеландском «Университете Кентерберийской церкви Христа».

Роджерс. В знаменитой «Истории сельского хозяйства и цен в Англии» он обратил внимание на большое влияние «бедных проповедников» в XV в. в одном из наиболее экономически развитых графств феодальной Англии—Норфолке. Это приводит его к выводу, что «всеобщее распространение лоллардизма было одновременно причиной и следствием прогрессирующего богатства».[139] К сожалению, Роджерс не дал расшифровки столь смелому и интересному высказыванию.

Согласно Д. М. Тревельяну, после изгнания из университета ученики оксфордского еретика рассеялись по всей стране[140], и их проповедь нашла отклик среди сельского джентри, состоятельных горожан и в «низших классах».[141] Однако, поражение Д. Олдкасла в 1414 г. лишило лоллардов зажиточных и влиятельных покровителей. Их учение становится религией «бедных простых людей».[142] Формулировки Д. М. Тревельяна мало конкретны. Он не характеризует те мотивы, которыми руководствовались разные классовые группы, беря себе в качестве идейного оружия виклифитскую ересь. Его внимание привлекает преимущественно «география» распространения лоллардизма, а не социальная структура движения. Современник Тревельяна Ч. Омэн ограничивает круг привереженцев виклифизма двумя категориями людей —священниками и горожанами.[143] Г. С. Кронин делит еретиков на две группы: «последовательных» и «непоследовательных». К первым он относит собственно «бедных проповедников», в число вторых включает их покровителей из богатых сословий (дворян в первую очередь). Последние, оставаясь «в своем сердце ортодоксальными», примыкали к движению, когда для них наступали «плохие времена»—например, королевское казначейство требовало уплаты больших налогов. Наоборот, коль скоро положение в стране стабилизировалось, они отстранялись от бродячих священников.[144] В. Г. Г. Грин уточняет схему Г. С. Кронина. Взгляды Виклифа просачивались в четыре слоя общества: в «академические» круги Оксфорда, в среду баронства, к купцам Лондона и Бристоля, а также в «более низшие средние классы», принадлежавшие частично к сельскому, частично к городскому населению.[145] Признавая термин «lower middle classes» «анахронизмом»[146], Грин однако не дает себе труда пояснить, какие конкретно общественные группы он объединяет этим понятием. Впрочем, на другой странице книги к числу приверженцев лоллардизма отнесены «бедные люди» и «люди среднего класса».[147] В каком соотношении эти две категории людей находятся с «низшими средними классами»? Ответа на такой вопрос в труде Грина нет.

Неожиданную интерпретацию социального характера еретического движения в Англии мы встречаем на страницах книги глостерского каноника Г. М. Смита «Предреформация в Англии», увидевшей свет в 1938 году.[148] Греша против элементарных правил исторической методологии, этот носитель степени доктора богословия Оксфордского университета уподобляет английских лоллардов XV в. современному ему коммунистическому движению. Лолларды, в его представлении, являлись «бедными людьми класса ремесленников, но они имели тайных сторонников, которые были богатыми купцами или лавочниками».[149]

Более значителен вклад в изучение социальных основ движения лоллардов Эрнеста Ф. Джекоба. В небольшом очерке, посвященном политической деятельности Генриха V,[150] он обращает внимание на отчеты следственных комиссий и другие судебные материалы по делам людей, подозревавшихся в причастности к заговору 1414 года. Эти документы были обнаружены им среди дел Суда Королевской скамьи в «Public Record Office». Среди подследственных преобладают ремесленники, сельскохозяйственные рабочие, крестьяне, мелкие торговцы—«низшие классы общества (the lower grades of society). Активно поддерживали Олдкасла переписчики книг, иллюстраторы, переплетчики, участвовавшие в размножении книг Виклифа и других еретиков[151]. И хотя он не дает подробного анализа обнаруженных материалов—все же его оценка классового состава повстанцев заслуживает большого доверия. Э. Ф. Джекобу удалось, по нашему мнению, правильно оценить события, связанные с «лоллардистским биллем» 1410 г.[152] Изучение архивных материалов, содержащих сведения об участ-

---

[139] J. E. Th. Rogers, A History of Agriculture and Prices in England, vol. II, 1401—1582, p. 70—2.

[140] G. M. Trevelyan, England, p. 310 ff.

[141] Ib., p. 311—2.

[142] Ib., p. 339, 347.

[143] Ch. Oman, The History of England from the Accession of Richard II to the death of Richard III, 1377—1485. —The Political History of England, ed. W. Hunt and P. L. Poole, vol. IV, L., 1910, p. 23 ff.

[144] Dymmok, p. XLII—XLIV.

[145] Bishop, p. 97.

[146] Ib., p. 97.

[147] Ib., p. 100.

[148] H. M. Smith, Pre-Reformation of England, L., 1938.

[149] Ib., p. 292.

[150] E. F. Jacob., Henry V...

[151] Ib., p. 52—3, 54—5.

[152] E. F. Jacob, Henry V, p. 45—6.

никах заговора лорда Кобхема, вслед за Е. Ф. Джекобом, продолжил К. Б. Мак-Фарлен. Как и Джекоб, он считает, что основную массу повстанцев составляли городские ремесленники и крестьяне. Особенно активны были представители «новых индустриальных групп», в первую очередь ткачи, а также сукноделы, красильщики, портные. Немалое число приверженцев ереси найдено им среди торговцев книгами[153]. Стремясь убедить читателя в бесперспективности и слабости лоллардизма, Мак-Фарлен акцентирует внимание на его простонародном характере. Не только со второго десятилетия XV века, как утверждал Тревельян, но уже к концу XIV в. в рядах секты «остались лишь люди» простого происхождения»: капелланы, горожане, мелкие фригольдеры и квалифицированные ремесленники[154]. Это, несомненно, более конкретная характеристика движущих сил лоллардизма, чем у В. Г. Г. Грина. Однако термин «низшие средние классы» употребляется и в анализируемой книге. Мак-Фарлен полагает, что именно эти слои «монополизировали» виклифитское учение после 1414 г.[155] По его мнению, все предшествовавшие ему историки преувеличивали степень ответственности дворянства за распространение ереси.[156] «Простые» лолларды рассчитывали на поддержку дворянства без всякого основания. Тенденциозность К. Б. Мак-Фарлена подрывает в значительной степени доверие к его выводам. А оценки его предшественников в силу крайней неопределенности оказывают мало помощи в ориентации тем, кто интересуется социальным аспектом истории лоллардов после восстания Уота Тайлера. Такие квалификации, как «низшие и средние слои» (Джекоб), «более низшие средние классы» (Грин), или «новые индустриальные группы» (Мак-Фарлен) не могут быть признаны достаточно точными.

Не изменили положения и вышедшие в 1965 г. книги Дж. Э. Ф. Томсона и Д. Г. В. Паркера. Первый полагает, что среди поздних лоллардов преобладали ремесленники.[157] По мнению второго, ересь нашла приверженцев во всех слоях общества.[158]

Говоря о социальном характере виклифитского движения конца XIV—XV вв., нельзя не учесть ту оценку, которую дал его раннему этапу, предшествовавшему восстанию Уота Тайлера, Д. М. Петрушевский: «Лолларды представляют собой очень сложное явление. В нем находили свое выражение интересы самых различных общественных элементов. Каждый из них находил в лоллардской доктрине то, что ему было нужно, что давало формулировку и санкцию его интереса. Одних, по корыстным мотивам, привлекла его секуляризационная тенденция, сулившая богатую добычу в виде подлежащих конфискации несметных богатств церкви (герцог Ланкастерский и его приближенные); других привлекала эта же тенденция совершенно бескорыстно, по чисто общественным и политическим мотивам, в интересах общественной и политической справедливости требовавших более равномерного распределения народных богатств; иных она захватывала обещанием церковной реформы в смысле возвращения церкви к ее первоначальному состоянию в первые времена христианства; очень многим была дорога его чисто моральная сторона, высокие требования, которые предъявляла лоллардская доктрина к человеку, стремившемуся к личному совершенствованию. А едва ли еще не большее число людей лоллардизм увлекал своими эгалитарными и коммунистическими тенденциями, проповедью всеобщего равенства людей, потомков Адама и Евы, личной свободы каждого и равного участия всех в благах жизни».[159]

Не существует до сих пор общепринятой периодизации движения лоллардов конца XIV—XV столетия. Г. В. Лехлеру она представлялась так: первый этап до смерти Виклифа (1384 г.); второй—от смерти евангелического доктора до захвата трона Генрихом IV (1385—1399); третий—от момента воцарения ланкастерской династии до гибели Джона Олдкасла (1399—1417), а последний, четвертый—с 1417 до начала тюдоровской реформации.[160] Наивысшего подъема движение достигло в 1385—1399 гг. Число приверженцев учения Виклифа быстро росло. Сознание своей силы позволило лоллардам активно бороться во имя того, чтобы «провести в жизнь задуманные ими религиозно-политические реформы».[161] В следующий промежуток времени, 1399—1417 гг., лолларды оказались вынужденными перейти к обороне под ударами двух объединившихся сил—церкви и государственной власти. Неудача восстания Д. Олдкасла и репрессии, обрушившиеся на головы его единомышленников в 1417—1431 гг., загнали вик-

[153] K. B. McFarlane, op. cit., p. 180.
[154] P. 145.
[155] P. 187.
[156] P. 145—6.
[157] J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 249.
[158] G. H. W. Parker, The Morning Star..., p. 59.

[159] Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, М., 1937 (IV изд.), стр. 349. Взгляды Петрушевского на лоллардизм разделял Е. А. Косминский (см. приведенную в эпиграфе к первой стр. цитату из предисловия к русскому переводу книги Р. Хилтона и Г. Фагана. Восстание английского народа..., стр. 14.
[160] См. оглавление II тома цитировавшейся выше книги Г. В. Лехлера.
[161] B. II, S 107, 302.

лифитов в подполье. Из церковно-политической партии они выродились в «обычную секту», которая полностью отказывается от «политико-национальной деятельности».[162] Еретики были повергнуты окончательно к 1431 г., когда церковь и государство сочли возможным приостановить гонения.[163]

Два периода в антикатолическом движении конца XIV—XV вв. различает Д. М. Тревельян. Рубеж между ними—1399 г.,[164] когда, по его мнению, сходит с политической арены первое поколение лоллардов и кончается «век Виклифа». Две даты выделяются Тревельяном в его книге, как особо значительные —1395 г. и 1414 г. Петицию, адресованную в январе 1395 г. парламенту, он считает высшей точкой движения, заговор 1414 г., когда были разгромлены соратники Олдкасла, мыслится им как конец политической активности еретиков.[165]

Суждения Тревельяна получили широкое признание. Оценка 1395, как года повторного в истории лоллардизма, встречается на страницах двухтомника Г. Б. Уоркмена.[166] К. Г. Викерс в своем популярном сочинении «Англия в позднее средневековье», которому посчастливилось, начиная с 1913 г., выдержать семь изданий, вслед за своим маститым предшественником утверждает, что движение виклифитов потеряло свою «жизненную силу» после провала Олдкасла и стало мертвым к середине XV века.[167] Артур Огл в 1949 г. подчеркивал, что «действие закона 1401 г., эрундлевских конституций и статута 1414 г. было немедленным и внешне окончательным». «Виклифитское движение, которое будоражило совесть всего народа более чем в течение жизни одного поколения, было загнано под землю.»[168]

«Ересь росла до 1428 г.» На этом тезисе вопреки Тревельяну и его сторонникам настаивал Дж. Гайрднер.[169] Подобно Лехлеру этот британский историк относил финал политической борьбы лоллардов к 1431 году. Первым против взглядов Лехлера—Гайрднера выступил В. Г. Г. Грин: изучая деятельность епископа Пикока, он пришел к заключению об

[162] S. 108, 203, 313, 327.

[163] S. 322, 348.

[164] England, p. 331—2.

[165] This is high-water mark of Lollardy». — P. 329—330. Заметим, что подобную оценку событиям 1395 г. дал впервые Лехлер (B. II, S. 107).

[166] Vol. II, p. 401.

[167] K. H. Vickers, England in the Later Middle Ages. — A History of England in the seven volumes, gen. ed. Ch. Oman, L., 1913.

[168] A. Ogle, The Tragedy of the Lollard's Tower, Ox., 1949, p. 22.

[169] Lollardy..., I, p. 161.

активности виклифитов вплоть до 1450 г.[170] Однако свои наблюдения Грин не подтвердил сколько-нибудь надежной аргументацией. Точку зрения Грина поддержал М. Е. Эстон. В своей небольшой статье «Лоллардизм и бунт»[171] он удачно обрисовал революционные события 1431 г. и показал их весьма значительные масштабы.[172]

Еще один удар по теории политической смерти лоллардов на рубеже третьего и четвертого десятилетий нанес преподаватель истории университета в Глазго Джон Э. Ф. Томсон. В своей книге «Поздние лолларды, 1414—1520»[173] он ввел в научный оборот добытые им в архивах епископских судов XV в. данные, которые позволяют воссоздать картину довольно интенсивной деятельности—в том числе и политической—еретиков в 30 гг. XV в. и позднее. Заслуживает внимания его тезис о возможном влиянии религиозных распрей на восстание 1450 г.[174] К сожалению, Дж. Э. Ф. Томсон не развил это положение. Более того, сконцентрировав свое внимание на изложении «религиозных доктрин», он стремится преуменьшить социально-политическое, «революционное» значение позднего виклифизма. «Коммунистические» и пацифистские идеи, высказываемые некоторыми из бедных священников, Томсон считает случайными.[175] «Хотя лолларды (после 1431 г. —Е. К.) еще были широко распространены, они были более озадачены теперь самосохранением, чем революцией, чаще признавали существующие обряды церкви, чтобы избегнуть разоблачения, чем распространяли билли против ее установлений».[176] Непоследовательность Дж. Э. Ф. Томсона намного снижает ценность поднятых им «на-гора» больших залежей архивных материалов.

[170] Влияние лоллардов, по мнению Грина, сохранилось к этому времени только среди бедноты (Bishop..., p. 99). Подобные же положения выдвигались Грином в более поздней работе —The Later Plantagenets, L., 1955.

[171] M. E. Aston, Lollardy and Sedition, 1381—1431. —«Past and Present», XVI, 1960 (April).

[172] Jb., p. 24—9.

[173] J. A. F. Thomson, The Later Lollards. Фрагментом этой книги явилась интересная статья. «A Lollard Rising in Kent: 1431, or 1438?». — «Bulletin of the Institute of Historical Research», vol. XXXVII, № 6, 1964 (May).

[174] J. A. F. Thomson, A Lollard Rising..., p. 101.

[175] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 249.

[176] Ib., p. 19.

Д. Г. В. Паркер[177] делит еретическое движение на три этапа. Первый, 1381—1415 гг., характеризуется союзом «бедных проповедников с Оксфордским университетом». Подобное определение невозеландского историка отличается от позиции К. Б. Мак-Фарлена, который относил потерю виклифитами «ученого центра Англии» к 1382 г.[178]

Во второй период (1415—1431 гг.)[179] лоллардизм потерял свою интеллектуальную силу, но сохранил политическую активность. После 1431 г. «...ни интеллектуальное первенство, ни политические стремления не играли определяющей роли в движении. Лоллардизм ушел в подполье, как вероучение неграмотных и полуграмотных мирян».[180]

Таковы спорные проблемы развития еретического движения после поражения восстания 1381 г., которые должны явится предметом нашего изучения. Кроме того, необходимо пересмотреть общепринятую сейчас точку зрения Д. М. Тревельяна[181] об окончательной гибели революционных лозунгов Болла вместе с казнью их пропагандиста, проверить оброненную Дж. Э. Ф. Томсоном мысль о влиянии взглядов лоллардов на революционные выступления в 40—50 гг. XV в. Автор данной работы также делает попытку дать систематический анализ всем опубликованным материалам, характеризующим эволюцию еретического учения в конце XIV—XV столетиях.

И, наконец, последнее. Наши предшественники, чаще всего представители духовенства, в центре своих ученых штудий держали теологические вопросы. На последующих страни-

---

[177] The Morning Star, p. 58.

[178] К. В. McFarlane, op. cit., p. 95—6; 114—5; В этом пункте точка зрения Мак-Фарлена близка к суждениям, некоторых более ранних исследователей, в частности—Д. М. Тревельяна (England, p. 309) и Г. В. Уоркмена. Последний утверждал, что Оксфорд был потерян виклифитами «прежде смерти Виклифа» (II, p. 330). Согласно В. Г. Г. Грину, лолларды сохранили влияние в университете до 1410 г., когда архиепископ Эрундел добился ликвидации многих привилегий университетской карпорации (Bishop..., p. 97).

[179] P. 58: «...retained political attachments and aspirations until 1431».

[180] G. H. W. Parker, The Morning Star, p. 168.

[181] Д. М. Тревельян формулирует свой взгляд с большой категоричностью: «Мы располагаем протоколами нескольких дюжин судебных процессов против лоллардов, пункты обвинений восходят ко многим сотням, но мы оказались не в состоянии найти среди них между 1382—1496 гг. больше одного обвинения против одного лолларда в коммунистических идеях и ни одного случая, чтобы лоллард был обвинен в подстрекательстве к выступлению против правительства во имя изменения социального зла» (England, p. 340).

цах преимущественное внимание будет отдано социально-политическому аспекту виклифизма. На важность подобного подхода указал в свое время Д. М. Петрушевский. Он писал: «...движение, известное под названием лоллардизма, подняло и поставило на почву евангелия (ставшего доступным массе благодаря переводу его на английский язык) самые основные вопросы человеческого общежития». Оно «...не оставалось в рамках абстрактного морализования, но с самого начала стало на широкую жизненную дорогу критики современной общественной действительности».[182] Проанализировать «жизненную дорогу» длиною в сто сорок лет бедных проповедников и их последователей в ее взаимосвязи с другими феноменами социального прогресса Англии—наиболее сложная, но и самая существенная задача данной работы.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЛЛАРДИЗМА В АНГЛИИ (КОНЕЦ XIV—XV ВВ)

Проследить развитие лоллардизма весьма нелегкая задача. Списки участников еретических «conventicules» не составлялись теми людьми, которые ими руководили. Летописи[1],

---

[182] Д. М. Петрушевский, Цит. соч., стр. 118.

[1] В данной работе нашли отражение сведения, почерпнутые из двадцати с лишним летописей XIV—XVI столетий, составленных хронистами монастырей и других церковных организаций. Наибольшее значение имеет группа исторических сочинений, вышедших из скриптория сент-олбенского монастыря: «Chronicon Angliae, 1328—1388», изданный в 1874 г. М. Томсоном (ChA—см. «Список сокращений), три хроники Уолсингема (Trok, HA, ACh—см. «Список сокращений»), «Анналы» Джона Эмендсхема (Am-выходные данные см. в «Списке сокращений»), «Registrum Abbatiae J. Whethamstede», vol. I., L., 1872. К ним привыкают две летописи монастыря в Шеесхеме: «Chronicon abbatiae de Evesham ad annum 1418, ed. W. D. Macray (L., 1863) и «История жизни и правления Ричарда II», опубликованная в 1729 г. известным антикваром Томасом Гирном (HE—см. «Список сокращений»). Из других исторических произведений католических клириков можно упомянуть «Annales monasterii de Bermundeseia, 1042—1432» (Annales Monastici, ed. H. R. Luard, vol. III, L., 1866), «The Anonimalle Chronicle, 1333—1381, from a MS, written at St 'Mary's Abbey, York» (ed. V. H. Galbraith, Manchester, 1927), летопись мальмсберийского монастыря —«Eulogium Historiarum», vols. I—III (Rolls Series, 1863). Отрывки из продолжения этой хроники были опубликованы С. Дэвисом (см. в «Списке сокращений» Davies). Немало интересного содержат труды августинцев Дж. Стреча и Дж. Кэпгрева, валлийского клирика Э. Эска (см. Strecche, Capgrave, Usk в «Списке сокращений»). Нам оказались доступными также все издания

документы различных судов, королевских и церковных[2], сохранили имена выдающихся проповедников ереси, их наиболее богатых и «благородных» последователей и только в редких случаях уделяли внимание рядовым прозелитам нового учения. Поэтому приходится прибегать к косвенным данным, которые содержатся главным образом в различных изданиях архивов королевской канцелярии.[3] Сочетание «прямых» свидетельств источников с косвенными дает возможность наметить основные этапы эволюции виклифитского движения в конце XIV—XV вв.

Двумя питомниками, откуда, выражаясь словами апологетов католицизма, семена «еретических сорняков» стали распространяться по всем диоцезам Англии, являлись Оксфорд и Лейстер с расположенным неподалеку Люттервортом.

Оксфордский университет стал базой антикатолического движения на несколько лет раньше, чем Лейстер.

Тот кризис, который переживала Англия в 70 гг. XIVв. не мог не волновать ее интеллектуальный центр. Подобно некоторым политикам в Лондоне и Вестминстре, его ученые искали выхода из создавшегося положения в реформах и, в первую очередь, в реформах церковных. Поэтому здесь из студентов и младших коллег Виклифа, подпавших под влияние его оригинальных и смелых идей, сформировался ударный отряд антикатолической армии. В стенах университета шла интенсивная—письменная и устная —пропаганда его взглядов, отсюда выходили в путь «бедные проповедники». Здесь же сподвижники Виклифа были заняты нелегким трудом по переводу Библии на родной язык.

Историческая литература наших дней не располагает сведениями о большинстве тех людей, которые поддерживали

городских хроник XV—XVI вв. Наиболее богата сведениями о еретиках «Большая хроника Лондона» (GrCh—см. «Список сокращений»). Из историков-неангличан, наряду с Ж. Фруассаром и П. Вергилием, отметим хрониста из Бретани —J. de Wavrin, Recueil des Croniques et Anchiennes Istories de la Bretaigne..., ed. W. Hardy, L., 1868.

[2] Материалы духовных судов содержаться в «Registers». Некоторые из них опубликованы целиком: архиепископа Кентербери Генриха Чайчила (1413—1443) и епископа ДэремаТомаса Ленгли (1406—1437), а также «The Register of Edmund Lacy, bishop of Exeter, 1420—1455», изданный «The Canterbury and York Society» в 1963 г., ed. J. R. Dunstan. Отрывок из «Register» Джона Тривенента, епископа Герифорда /1384—1404/ мы нашли во втором томе «Истории графства Герифорд» (V H Hereford, II, L., 1908), а данные суда линкольнского епископа в VH Buckingham (I, L., 1905), VH Oxford (II, L., 190).

[3] Отметим три самых главных издания архивов королевского правительства—«Foedera», Calendar of the Patent Polls», Calendar of the Close Rolls».

в эти годы Виклифа, но имена отдельных, наиболее выдающихся членов «оксфордской партии еретиков» были сохранены для нас летописями и документами XIV в. Среди них следует назвать воспитанника «Колледжа королевы» (Queen's College), доктора богословия, выходца из старинной, хотя и небогатой, дворянской семьи английского Запада Никласа Герифорда.[4] В среде последователей Виклифа в 1381—1382 гг. он играл наиболее видную роль,[5] им был выполнен перевод большей части «ветхого завета».[6] Если верить продолжателю аббата Ивесхема, все его считали «величайшим мужем в секте» после «ересиарха» Джона Виклифа.[7] Широкой известностью пользовались в то время магистры богословия Джон Эстон и Филипп Репингтон. Пламенный проповедник, исходивший босиком не один десяток миль по дорогам Англии[8], Эстон неплохо владел пером, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней пять его трактатов[9]. Ф. Репингтон являлся членом ордена августинцев, каноником их аббатства в Лейстере.[10] Трудолюбие открыло ему дорогу к высшей ученой степени того времени—«доктора богословия».[11] Менее заметные роли в событиях 1381—82 гг. сыграли магистры богословия Лоуренс Бэдмен (или Стевен),[12] Роберт

[4] N. Hereford родился около 1335 г. В университет пришел в 1360 г., сделавшись вдовцом. Среди маноров, принадлежавших его семье, исследователи называют Mordiford, Sufton, Герифордшир.

[5] В феврале 1382 г. в своем письме герцогу Ланкастеру руководители нищенствующих орденов называют его «главным врагом».

[6] Герифорд перевел «ветхий завет» до книги Баруха.—H. B. Workman, op. cit., p. 160.

[7] HE, p. 83.

[8] В пасху 1382 г. он босиком пришел из Оксфорда в Лейстер.—Кп, II, p. 175.

[9] Эстон—член преподавательской корпорации Мертонского колледжа; один раз в документах он назван «бэчелором»—баккалавром/ теологии или философии установить не удалось/. См. биографические данные о нем в книгах Дж. Е. С. Роджерса (The Historcal Gleanings, p. 47) и Г. Б. Уоркмена (II, p. 137 ff.).

[10] Он каноник аббатства St' Mary-in-the Fields.

[11] Ph. Repingdon (Repton) родился около 1350 г. То, что он з тридцать два года (летом 1382 г.) стал доктором богословия, говорит о его редких способностях и трудолюбии. Все комментаторы единодушно отмечают, что он примкнул к виклифитам позднее других. См., например, у К. Б. Мак-Фарлена (p. 107—8).

[12] L. Bedemen (Steven) из Корнуола, в 1377—80 гг. занимал пост ректора Экзетерского колледжа (Exeter College) в Оксфорде, обеспечил благодаря этому поддержку Виклифу со стороны его многочисленных студентов. В «Связках сорняков» Бэдмен назван, наряду с Герифордом и Эстоном, в числе трех «главных учеников» евангелиеского доктора (p. 274). см. также Foxe, III, p. 96. После 1382 г. до самой смерти он верный сын католической церкви, ректор приходской церкви в Корнуоле. См. о его деятельности несколькими страницами далее.

Элингтон[13], Джон Эшвердби[14], Томас Гилмен[15], Томас Брайт
велл[16], магистр свободных искусств Уильям Джемс[17], а также
Дэвид Готри, который, кажется, имел докторскую степень
Ролф Гринхерст, Филипп Норис, Уильям Гоулем, Джо
Скэт.[18]

Кружок приверженцев Виклифа в Оксфорде вольно или
невольно оказался вовлеченным в борьбу между двумя со
перничавшими группами ученых клириков, каждая из кото
рых претендовала на господствующее положение в этом учеб
ном заведении. Одну из них составляло «белое духовенство»
—«secular clirics». Во вторую группу входили воспитан
ники нищенствующих орденов[19]. Полемика, завязавшаяся ле
том 1379 г. после знаменитых лекций об евхаристии, между
«евангелическим доктором» и «черноризцами», послужила
тем катализатором, который придал этой распре невиданную
остроту. Виклифизм (во всяком случае его отдельные пункты)
стал в 1380—1382 гг. идеологическим знаменем «светских
клириков». 30 мая 1381 г. союз двух группировок нанес богос
ловам нищенствующих орденов серьезное поражение. Канц
лером университета был избран Роберт Ригг, склонный к
поддержке виклифитов.[20] Опираясь на помощь университет
ской администрации, сторонники Виклифа развернули в
второй половине 1381 г. и начале следующего 1382 г. бурную
деятельность как в Оксфорде, так и в других местностях Ан
глии—Лейстере, Гемпшире (Одихем), Беркшире.

---

[13] R. Alington. О его жизни и деятельности известно очень мало. В 80 гг. он превратился в гонителя последователей Виклифа, написал про тив них несколько трактатов; в 1393 г.—стал ректором университета.

[14] J. Ashwerdby, уроженец Линкольншира, викарий церкви св. Марии в Оксфорде, принимал активное участие в полемике с нищенствующими мо нахами, в частности участвовал в диспуте с исповедником Джона Гентского Ричардом Медстоуном. Им написано ряд полемических работ, до сих пор не найденных.—Foxe, III, p. 96.

[15] Th. Hilman, Hulman. Известно, что архиепископ Куртнэ привлек его к суду вместе с Герифордом и Эстоном в июне 1382 г. 1 июля прибыл в Кентербери и, раскаявшись, получил помилование.

[16] Th. Brightwell. Будучи воспитанником Мертонского колледжа, он жил вместе с Виклифом в одной комнате «Колледжа королевы». От под держки учения своего именитого соседа отказался очень скоро.

[17] J. James преподавал философию в Мертонском колледже; он ха рактеризуется Фоксом как «блестящий, прекрасно образованный человек» /III, p. 96/.

[18] Dan Gotray of Pakringe (Pikeringe), Rauf Greenhurst, Philip Norise William Hawlam, John Scut.—Foxe, III, p. 96.

[19] Подробно о жизни средневекового Оксфорда см. третий том извест ной книги Г. Рэшдела (The Universities).

[20] Известно, что Ригг был одним из четырех «светских клириков», ко торые высказывались в поддержку доктрины Виклифа об евхаристии во время заседаний коллегии двенадцати богословов, работавшей в апреле 1381 г.—FZ, p. 113, 288; 114, Wilkins, III, p. 771.

Однако перечисленные успехи не могли быть прочны ми. Университетские преподаватели принадлежали к высше му слою интеллегенции. Из них рекрутировались лучшие кадры для королевской и церковной администрации внутри страны, для выполнения различных дипломатических поруче ний за рубежом и т. п. Тесно связанные интересами своей карьеры с верхушкой феодального класса, эти люди чутко реагировали на изменение политических настроений среди ба ронства. Многие из них примкнули к Виклифу, видя в нем ближайшего советника могущественной баронской группи ровки, сплотившейся вокруг герцога Ланкастера[21]. Поэтому, когда революционный взрыв 1381 г. заставил Джона Гентско го и его единомышленников отказаться от их оппозиции като лическому клиру и поддержать все те меры, на проведении ко торых настаивала «во имя успокоения королевства» возглав лявшаяся архиепископом Куртнэ партия князей церкви,[22] дни их ереси также были сочтены.

О том, как виклифизм проник в Лейстер, можно говорить лишь предположительно. Причиной этому послужили, ве роятно, два обстоятельства — близость Люттерворта, рек тором которого являлся Виклиф, и деятельность Репингтона, каноника августинского аббатства св. Марии на территории города.[23] Лейстерские виклифиты по социальному положению не были похожи на своих оксфордских предшественников. Среди них нельзя встретить людей, прошедших университет или какую-либо другую школу, дававшую систематические знания. Их возглавляли три проповедника: капеллан Ричард Вэйтстез (Waytestathe), горожанин Уильям Смит, отрекшийся от мирской жизни и уединившийся в заброшенной часовне,[24] а также Уильям Свиндерби, анохорет, обладавший незауряд-

---

[21] Показательно, что в июле 1382 г., когда Герифорд, Репингтон и Эстон были отстранены от преподавания в университете, они пытались най ти защиту Джона Гентского. Попытка их оказалась неудачной. Герцог, хотя и не без колебаний, отклонил их ходатайство и рекомендовал подчи ниться воле кентерберийского архиепископа.

[22] Уильям Куртнэ принадлежал к одной из самых аристократических семей. Он длительное время занимал пост епископа Лондона. В феврале 1377 г. возглавлял церковный суд над Виклифом, участвовал и во втором (1378). Архиепископский «pallium» получил из Рима 7 мая 1382 г.

[23] Репингтон, как уже указывалось, активно поддерживал Виклифа в 1380 г., 1381 г. и первой половине 1382 г. Свиндерби, наиболее видный из приверженцев реформы в Лейстере, также жил некоторое время в этом монастыре.

[24] Найтон (II, p. 180 ff.), которому мы обязаны некоторыми сведения ми о лейстерской общине еретиков, сообщает, что Смит был «уродлив» и «безобразен». Несчастная любовь заставила его отказаться от обычной карьеры лейстерского горожанина и посвятить себя духовным исканиям. См. о нем также в книгах Дж. Е. С. Роджерса (The Historical Gleanings..., p. 47), Дж. Стэси (op. cit., p. 129), К. Б. Мак Фарлена (op. cit., p. 103).

ным даром красноречия, которое снискало ему известность не только у «простых» людей, но даже и при дворе такого аристократа, каким был Джон Гентский.[25] Некоторое время он проживал в августинском монастыре, однако точными данными, которые позволили бы отнести[26] его к той или другой церковной организации, мы не располагаем. Вэйтстез и Смит взяли на себя организационную работу: их усилиями уединенная заброшенная часовня, давшая приют Смиту, превратилась в место сбора сектантской общины, здесь же возникла «школа». Очевидно, не ограничиваясь проповеднической деятельностью, Смит и Вэйтстез решили наладить более систематическую пропаганду своего вероучения среди местного населения. Не будет неточным предположение, что «учебная программа» школы была основана на чтении и комментировании библейских текстов[27]. Несколько иной характер носила деятельность Свиндерби. Его проповеди собирали огромные толпы. Он выступал в церквях, а когда ему это было запрещено, то и под открытым небом (на мельнице—в частности)[28], причем не только перед жителями Лейстера. Его слушали в Мелтон Моубрее, Хеллетоне, Мэркет Хэрборо, Лафборо.[29]

Май 1382 г. оказался поворотным в развитии виклифизма, точно также, как разыгравшиеся за 11 месяцев до этого события в Лондоне и окружающих его районах решили судьбы антикатолического учения Дж. Болла. 17 мая[30] архиепископ Куртнэ собрал в Лондоне чрезвычайный совет.[31] В него вошли несколько епископов, виднейшие богословы и законоведы. Ядро его составляло «черное духовенство» —22 представителя от нищенствующих орденов, включая 16 докторов богословия и 1 епископа. Рядом с ними заседали старый глава церковной политической партии—епископ Уикхем, его сподвижники и суффраганы.

Решение совета не заставило себя долго ждать: 14 пунктов учения «евангелического доктора» признавались еретическими, 14 других—ошибочными. Взгляд Виклифа на евхаристию, его высказывания против папской власти, церковных богатств, против отлучения и нищенствующих монахов вошли в их число.[32]

Следовало получить санкцию короля и парламента на преследование виклифитов. Архиепископ преуспел и в этом. Советом пэров был издан статут, предписывавший королевской администрации задерживать лоллардов.[33] Палата общин, собравшаяся осенью этого же года,[34] добилась его отмены, как акта, проведенного в нарушение ее законодательных привилегий.[35] Тем не менее, опираясь на это постановление, Куртнэ сумел добиться издания королевских приказов[36] о преследовании еретиков, сначала—на территории кентерберийской епархии, 6 июня 1382 года, а позднее—йоркской, декабрь 1384 г.[37] Преследования еретиков должны были вести «архиепископ и его суффраганы». «Всем королевским подданным—читаем мы в письме йоркскому архиепископу—запрещается под страхом конфискации всего, что у них можно конфисковать, помогать еретикам».

Таким образом, впервые с начала антикатолических выступлений духовенству удалось обеспечить себе активную поддержку со стороны королевского совета, но, очевидно, не всего: иначе трудно объяснить манипуляции с Большой государственной печатью при рассылке в июне-июле 1381 г. приказов шерифам. С другой стороны, несомненно, симпто-

---

[25] Некоторые историки склонны думать, что симпатия герцога к этому лоллардистскому проповеднику была так сильна, что он защитил его от физической расправы, которая грозила ему со стороны линкольнского епископа.—G. M. Trevelyan, England, p. 315

[26] Биографические сведения о Свиндерби сообщает Найтон (II, p. 189 ff.).

[27] Известно, что Смит, хотя он только к середине жизни освоил «грамоту», хорошо разбирался в библейских текстах.—Ib., p. 313.

[28] Ib., p. 192.

[29] Melton Mowbray, Market Harborough, Helleton, Loughborough.—Ib., p. 193, 195; Foxe, III, p. 108.

[30] Он продолжался до 21 мая. В этот день, когда читалось обвинительное заключение, произошло весьма сильное землетрясение. Отсюда название совета «Earthquake Council» (слова Виклифа) или «consilium terramotus» (Уолсингем).

[31] О составе совета см. подробности в книгах Д. М. Тревельяна (England..., p. 300—1) и Г. Б. Уоркмена (II, p. 253—6).

[32] FZ, p. 288; Kn, II, p. 158—9; Foxe, III, p. 21—2.

[33] Текст этого ордонанса, облеченного волей королевского совета в статут, можно прочесть в RP III p. 124—5 или в SR, II p. 25—6. Все комментаторы, изучавшие обстоятельства, при которых он попал в парламентские свитки, единодушно свидетельствуют, что он был принят без санкции палаты общин. Первым это отметил Дж. Фокс (III, p. 378). См. также книги Г. Б. Уоркмена (II, p. 269), К. Б. Мак-Фарлена (p. 107).

[34] 6 октября 1382 г. началась парламентская сессия. Парламент был распущен 20 октября.

[35] Петиция общин об отмене статута содержит отметку: «Так угодно королю».—RP, III, p. 141.

[36] CPR, 1381—5, p. 150. Фокс отмечает, что эти «Letters patents», адресованные шерифам, исполнены не по форме делопроизводства того времени. Вместо обычных утверждающих резолюций «per regem et consilium» или «per breve de privato sigillo» они имели лишь оттиск большой печати, находившейся тогда в руках Ричарда Скроупа, лорда Болтона (CCR, 1381—6, p. 27; Foxe, ed. H. Seymour, L., 1838, p. 230). Он был смещен 11 июля (CCR, 1381—6, p. 215). Канцлером стал один из участников «Earthquake Council» Роберт Брэйбрук, епископ Линкольна.

[37] CPR, 1381—5, p. 487.

матичной является та оппозиция, которую встретил новый курс церковной политики со стороны рыцарства и горожан. Отнюдь не простой случайностью было то, что Куртнэ отказался огласить решение церковного совета до закрытия парламента или представить билль об осуждении еретиков в палату общин. Наконец, только ли с борьбой против нарушения привилегий палаты общин связан билль об отмене статута против последователей Виклифа, представленный парламентом в ноябре 1382 г.?

Не следует, однако, преувеличивать значение этого выступления палаты общин. Как показало исследование Г. Д. Ричардсона, процессуальная форма преследования еретиков, которая была оформлена июньскими приказами короля, изданными на основании статута, продолжала действовать и после утверждения билля, поданного в октябре 1382 г[38].

Причины вполне ясны: «церковная» и «светская» фракции феодальной верхушки решили во имя солидарности классовых интересов уничтожить поднятое виклифитами опасное брожение умов. Главный удар Куртнэ и его вассалы обрушили на Оксфордский университет. Победа пришла не сразу, она стала возможной лишь благодаря энергичной поддержке со стороны государственной власти. Открывшийся 1 ноября 1382 г. в Оксфорде высший церковный совет (конвокация) подвел итог пятимесячной атаке «князей церкви». Знаменательно, что наряду с духовными лицами в работе конвокации участвовали королевские чиновники.[39] Венцом этого торжественного собрания явилось публичное раскаяние Эстона и Репингтона.[40] Несколько раньше раскаялся Бэдмен. Герифорд еще летом направился в Рим искать защиту своих убеждений, но оказался там заключенным в тюрьму.[41] Ригг и другие «советские клирики», поддерживавшие виклизим раньше, теперь также порвали с ним. После недолгого периода колебаний оксфордская профессура в своем подавляющем большинстве примкнула к защитникам официальной идеологии феодального класса.

В то время, как архиепископ Куртнэ при поддержке королевского совета подавлял ересь в Оксфорде, один из его

[38] H. G. Richardson, Heresy, p. 8. Суть процедуры: тот или иной прелат направлял «уведомление» (certification) в канцлерство. Канцлерство направляло распоряжение шерифам, мировым судьям, констеблям на арест указанного в «уведомлении» еретика.

[39] Речь идет о казначее короля Ричарда II. Гуго Сигреве. —ChA, p. 334.

[40] Оно имело место 4 ноября. Репингтон стал верным сыном римской церкви и прославился, будучи епископом Линкольна, своими преследованиями еретиков в начале XV в. Эстон же скоро вновь вернулся к своим «виклифитским заблуждениям».

[41] Kn, II, p. 172—3.

вассалов—епископ Линкольна—был вынужден заняться последователями Виклифа среди населения Лейстера. Привлеченным к ответственности оказался Свиндерби. 5 марта 1382 г. занимавший в то время епископскую кафедру Джон Бэкингтон лишил его права проповеди и предписал ему явиться на допрос в приходскую церковь в маноре Лиддингтон (Ретленд). Свиндерби в течение нескольких месяцев уклонялся от появления перед епископскими судьями. Все же в июне—июле 1382 г. судебное расследование его преступлений против законов католической церкви состоялось. Он был осужден и, чтобы сохранить свободу и жизнь, согласился выступить с публичным покаянием в своих грехах. В описании судебного процесса, которое содержится у летописцев того времени, обращает на себя внимание одна немаловажная деталь. Горожане Лейстера выступали активно в его защиту, ему было выдано за печатью городского совета удостоверение, в котором утверждалось, что в проповедях, произнесенных им в городе, не было ничего еретического.[42]

Процесс 1382 г. заставил Свиндерби покинуть линкольнскую эпархию, очевидно, из опасения дальнейших преследований, а также, если верить Найтону, из-за недовольства бывших друзей его отступничеством,[43] но не уничтожил ереси в этом районе.

Ересь распространялась и в других диоцезах Англии. Тревожный сигнал прозвучал уже через два года после появления на свет первого антилоллардистского закона. 8 декабря 1384 г. королевская канцелярия обнародовала приказ, предписывавший жителям всех городов и сельских поселений под страхом конфискации «всего, что они имеют», отказаться от «помощи» «еретикам» и быть послушными во всем архиепископу и его суффраганам. Королевский совет требовал немедленно взять под стражу всех проповедников ереси.[44] Следовательно, не взирая на тяжелое поражение в Оксфорде, на грозный статут 1382 г., ученики Виклифа продолжали борьбу. Процитированный приказ также не остановил их работу. В 1386 г. королевский совет дважды повторил приказ 1384 г.[45] Однако уже на следующий год Т. Уолсингем был

[42] FZ, p. 334—40; ChA, p. 34. См. также книгу К. Б. Мак-Фарлена (p. 123) и Д. М. Тревельяна (p. 315).

[43] Kn, II, p. 198. Утверждение Д. М. Тревельяна, что это недовольство испытывали все горожане Лейстера (England..., p. 315), было поколеблено К. Б. Мак-Фарленом. Последний указал на завещание состоятельного горожанина Томаса Бибса (Beebs), составленное в сентябре 1382 г. В нем он завещал 40 шил. У. Свиндерби. Впрочем, ту же сумму завещатель отказал местному францисканскому монастырю (op. cit., p. 125).

[44] CPR, 1381—5, p. 487.

[45] 21 мая и 11 августа 1386 г.—CPR, 1385—9, p. 145—6, 200.

вынужден обратить внимание на резко возросшую активность еретиков.[46] В 1388 г. вопрос о борьбе с виклифитами стал предметом обсуждения очередного парламента.[47] Четверо проповедников ереси по инициативе папского легата были вызваны на суд, который возглавил лондонский епископ.[48] Результатом всех этих разбирательств явился королевский циркуляр администрации на местах с требованием оказывать прелатам содействие в розыске и конфискации книг Виклифа, Герифорда, Эстона и их сторонников. Владельцев еретических книг надлежало подвергать аресту.[49] Устрашающие распоряжения издавались и позднее—в 1389[50], 1394[51] гг. Частое повторение одних и тех же требований неопровержимо свидетельствует об их малой эффективности.

В 1388 г. королевский совет направил в Лейстер специальный приказ, требовавший от местных властей запретить читать книги Виклифа, Эстона, Герифорда и проповедовать изложенные в них «ошибки»[52] Осенью 1389 г. чрезвычайный трибунал по искоренению виклифизма в Лейстере возглавил сам архиепископ. Восемь горожан были обвинены в ереси. Пятерым удалось бежать, трое оказались вынужденными прибегнуть к публичному раскаянию, чтобы сохранить себе свободу. Среди принесших покаяние были У. Смит, муж и жена Декстеры. Очевидно, Смит сохранил положение одного из руководителей общины, в состав которой входили портной, ювелир, писец. Г. Найтон счел необходимым особо отметить отшельницу Матильду.[53] Вряд ли подобные меры могли искренить здесь ересь,[54] но приверженцы антикатолических взглядов ушли в столь глубокое подполье, что надолго исчезли из поля зрения церковных судей, а следовательно, и историков.

Свиндерби из Лейстера отправился на запад, где возобновил антикатолические проповеди. Сначала он остановился

[46] HA, II, p. 159.
[47] HP, IX, p. 171; Кп, II, p. 260.
[48] Двое из них раскаялись. Остальные были отправлены в тюрьму. Имен лоллардов летописцы не сообщают. Из текста хроник невозможно установить, какова была связь церковного суда с заседавшим одновременно с ним парламентом. —HP, IX, p. 171, 176—7
[49] CPR, 1385—9, p. 536; Кп, II, p. 268.
[50] CPR, 1388—92, p. 172.
[51] CPR, 1391—6, p. 414.
[52] Приказ датирован 23 мая.—CPR, 1385—9, p. 468.
[53] Кп, II, p. 311, 312—3. Найтон ошибочно относил визитацию архиепископа к 1392 г. Позднейшие исследования доказали, что она произошла осенью 1389 г. —G. M. Trevelyan, England..., p. 320; K. B. McFarlane, op. cit., p. 139.
[54] Скептически оценивает результаты действий архиепископа Куртнэ Д. М. Тревельян (p. 320).

в Ковентри, где в скором времени завоевал у «мирян» «больший почет, чем имел прежде»[55]. Однако вскоре лейстерский отшельник переместился еще дальше на запад, за р. Северн.

Здесь его путь пересекся с дорогами странствий виклифитов, изгнанных из Оксфорда. Впрочем, сферы их миссионерской работы оказались разграниченными. Свиндерби обосновался в герифордской епархии. Отсюда после второго ареста и повторного покаяния[56] он перебрался в пограничные с Уэльсом районы.[57] Эстон действовал южнее и восточнее—в Глостершире и Вустершире, продолжая подобно Свиндерби пропаганду антикатолических взглядов вопреки публичному отречению в Оксфорде осенью 1382 г. К Эстону примкнул в 1385 г. Н. Герифорд, вернувшийся на родину после неудачной попытки защитить свои взгляды перед римской курией. Он немало внимания уделял проповеди в родном городе,[58] совершил миссионерское турнэ на юг от него и в центральную Англию[59]. В 1382 г. в Бристоль из Люттерворта приезжал Д. Пэрви. В начале 1385 г., после того как скончался Джон Виклиф, он окончательно перебрался туда[60] и, оставив миссионерскую работу, занялся переводом Библии и подготовкой полемических трактатов. Эта его деятельность с «вынужденным перерывом»[61] продолжалось до 1400 г.[62]

Сосредоточение в западных графствах наиболее способных миссионеров обеспечило успех виклифизма в этом географическом районе. В 1387 г. пять священников Вустершира были лишены сана за ересь.[63] Тогда же вустерский епископ в своей жалобе королевскому совету отмечает высокую активность еретиков в Бристоле и Глостере.[64]. Здесь, на западе, Свиндерби нашел соратников: бывшего оксфордского студен-

[55] Кп, II, p. 198.
[56] Арест имел место в ноябре 1388 г.
[57] В 1390 г. он выступал с проповедями в Eardesby, Almely, Wigmore, Kington, Whithey-on-Wye. Последний расположен близ Leintwardine. Он проповедывал также в графстве Монмаут. —K. B. McFarlane, op. cit., p. 130.
[58] Имеется в виду г. Герифорд.
[59] Н. Герифорд дважды арестовывался—в 1387 г. и 1389 г. После двух лет пребывания в архиепископской тюрьме Солтвуд Касл он был сломлен и перешел в стан врагов лоллардов, активно участвовал в преследованиях своих бывших единомышленников. Королевский приказ, снимавший с него якобы ложные обвинения в ереси, датирован 12 декабря 1931 г. — CPR, 1391—6, p. 8. См. о нем в книге Г. Б. Уоркмена (p. 126 ff.).
[60] Кп, II, p. 178—9.
[61] Установлено, что в 1390 г. Пэрви находился в тюрьме.—H. B. Workman, op. cit., II, p. 164.
[62] В начале 1400 г. Пэрви был привлечен к ответственности архиепископским судом. —Foxe, III, p. 285—6.
[63] V. H. Worcester, II, p. 35.
[64] V. H. H. Green, Bishop, p. 100 (note).

та валлийца по национальности Уолтера Брэта и Стефана Белла—о последнем известно только то, что он был грамотным.[65]

Ни Эстона[66], ни Пэрви, ни Свиндерби, ни Брэта церковным судьям так и не удалось изолировать от населения. Вряд ли это можно объяснить нерадением или стечением случайных обстоятельств. В 1389 г. Свиндерби лишь тогда появился на суде герифордского епископа, когда последний дал письменную гарантию неприкосновенности его личности. После судебного разбирательства он с прежней активностью продолжал свою проповедническую деятельность. В 1390 г. его слушали в Монмауте, Уитни и других местах герифордского диоцеза. Летом 1391 г. епископ возобновил судебное преследование неутомимого анахорета. Четыре вызова, посланные ему в течение июля-августа, не имели успеха.[67] Лишь третьего октября 1391 г.[68] он второй и последний раз предстал перед церковными судьями в Герифорде, но с грамотой, выхлопотанной ему «благодарными» и, судя по всему, влиятельными слушателями. Как явствовало из текста грамоты, Свиндерби разрешалось проповедовать, где и когда угодно, не испрашивая разрешения епархиальных властей.[69]

Чувствуя поддержку, лейстерский анахорет держался во время судебных заседаний в Герифорде намного тверже и увереннее, чем во время первого своего процесса в линкольнском диоцезе. Он смело отстаивал свои убеждения. Хотя епископские чиновники единодушно осудили еретические взгляды своего оппонента, арестовать анахорета им не удалось. Подав аппеляцию в парламент, он вместе со Стефаном Беллом удалился на запад, навсегда скрывшись из поля зрения церковных властей. Попытки чиновников короля помочь епископу Герифорда в аресте еретиков не дали желаемого результата.[70]

В 1391 г. У. Брэт вообще отказался появиться перед церковным судом, распространив в виде ответа на предъявленные ему обвинения трактат, в котором с большой страстностью и непримиримостью отстаивал свои убеждения. В 1393 г. повторный вызов его в суд привел к появлению «заговора» и «мятежных сборищ» для его защиты. Потребовалось вмешательство королевского совета.[71] Его приказ от 22 сентября 1393 г. предписывал шерифам Герифордшира, мэру г. Герифорда и другим чиновникам поддержать творимый епископом суд. Судебный процесс состоялся в первых числах октября 1393 г.[72] Уолтер Брэт был осужден и зачитал публично свое отречение. Впрочем, текст его неопределенен.[73] Это создает впечатление, что епископские судьи торопились закончить дело, и, не рассчитывая на полный успех, ограничились приемлимыми полумерами.

Процессы в Герифорде продолжались и позднее. Так, в 1397 г. королевский совет разбирал дело местного сквайра Джона Крофта.[74] Он дал клятву отречься от своих еретических заблуждений и перестать читать книги на английском языке, написанные виклифитами.

Позднее учение Виклифа проникло в Шрусбери. Выступления одного из наиболее твердых его приверженцеев в 1407 г. Уил. Торпа[75] вызвало такое волнение в городе среди «commonalty», что мэр города поспешил взять под стражу проповедника.[76]

Семена ереси, посеянные Пэрви, Свиндерби, Торпом и другими, дали всходы в следующее столетие, когда Бристоль и отдельные представители дворянства пограничных с Уэльсом графств становятся в ряд наиболее активных сторонников Д. Олдкасла.

Антикатолическая пропаганда находила себе аудиторию не только на западе. Известно, что Н. Герифорд, кроме западных графств, совершая миссионерские путешествия по центральной Англии, посетил Дерби, Лейстер и Ноттингем.[77] В последнем городе в 1387 г. его арестовали. В Ноттингеме действовали и другие проповедники: капеллан Дж. Стоук из Видмерпул и Дж. Брэдборн[78]. Этот город считался одним из

---

[65] CPR, 1391—5, p. 40.

[66] Эстон перестал упоминаться в источниках после 1386 г. По мнению Фокса, он оказался за тюремной решеткой (III, p. 202). Полагают также, что он скончался в 1388 г. (K. B. Mc Farlane, op. cit., 128).

[67] Вызовы на суд Свиндерби оглашались в церквях селений Норт Лодбери (12 июля), Понтсбери (29 июля), Клиобери Мортимер (8 августа), Уитборне (16 августа), несомненно, соответствуя маршруту его странствий (Foxe, III, p. 120—1).

[68] Foxe III, p. 126.

[69] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 133.

[70] 3 марта 1392 г. канцлерство обнародовало приказ, которым предписывалось каждому служащему короны оказать содействие духовным властям и арестовать Свиндерби. —CPR, 1391—6, p. 40—1.

[71] Foxe, III, p. 196—7.

[72] CPR, 1391—6, p. 354—5.

[73] PR, p. 50—1.

[74] H. G. Richardson, Heresy, p. 18.

[75] Суду кентерберийского архиепископа не удалось принудить его к отречению от «еретических заблуждений». —Foxe, III, p. 248 ff.

[76] Foxe, III, p. 258.

[77] 17 января 1387 г. королевское правительство направило приказ шерифам Лейстера, Дерби и Ноттингема арестовать Н. Герифорда. — CPR, 1385—9, p. 316.

[78] J. de Stoke de Widmerpol был отпущен 17 октября 1388 г. на поруки под залог в 20 ф. ст., внесенный горожанином Ноттингема Th. Maperle (PR, p. 43—4). Приказ об аресте Дж. Брэдборна, адресованный ноттингемскому шерифу, был подписан королем 21 ноября 1388 г. (PR, p. 43).

очагов антикатолического движения, о чем свидетельствует письмо короля городскому совету от 30 апреля 1388 г., в котором содержится требование произвести розыски и конфисковать у горожан книги Виклифа и Герифорда.[79] Поскольку Ноттингем отстоит всего на 20 миль к северу от Лейстера, то причина столь быстрого распространения ереси среди ноттингемских жителей кажется нам очевидной. Лолларды сохранили здесь свое влияние и в следующее десятилетие. Среди заключенных в ноттингемской крепости в 1395 г. находились Уильям Дайвит (Dyvet), Никлас Тэйл, Никлас Паучер и Уильям Стейнор. Они обязались исполнять законы церкви, почитать иконы и не читать еретических книг[80].

В Нортгемптоне, другом крупном городе Мидленда, первое упоминание ереси относится к марту 1389 г. Приказ короля предписывал шерифу арестовать капеллана Джона Вудворда и 41 «обращенного им еретика».[81] Среди лиц, покровительствовавших Вудворду, особо отмечены трое—Дж. Этгейт, Дж. Вэринер, Р. Бревуд. К сожалению, без каких-либо указаний на их социальный статус или профессиональную принадлежность[82] Последнее обстоятельство дает основание полагать, что община виклифитов была здесь многочисленной и следовательно существовала уже продолжительное время. Архиепископская визитация города в этом году, в отличие от Лейстера, не дала никаких результатов — вероятно потому, что среди влиятельных членов городского совета было немало противников католической церкви. Прошло четыре года и в королевский совет поступил донос от богатого нортгемптонского купца Стермсуорта, потерпевшего поражение на очередных выборах мэра. В пространной жалобе доносчик шельмовал своего счастливого соперника—мэра Джона Фокса, обвиняя его в насильственном насаждении в городе ереси.[83]

«Все бродяги, зараженные лоллардизмом», которые приходили в город, по словам Стермсуорта, принимались с большим почетом, как если бы они «превосходили всех пророков». Весь город благодаря поддержке мэра «управляется ими». Больше того, мэр послал в Оксфорд и другие места гонцов, приглашавших проповедников в управляемый им город, и «изгнал из города представителей линкольнского

[79] CPR, 1385—9, p. 430.
[80] CCR, 1390—6, p. 487.
[81] Среди них четыре женщины.—PR, p. 42—3.
[82] Foxe, III, p. 97.
[83] PR, p. 45—50. В исторической литературе ставился вопрос о достоверности доноса Рич. Стермсуорта. Обилие деталей, точность в передаче некоторых существенных положений доктрины Виклифа не дает, как нам кажется, оснований для скептического отношения к данному документу.

епископа», пытавшихся прекратить «лживые проповеди» врагов католической веры.

Среди действовавших в Нортгемптоне проповедников названы бывший кармелит Никлас Рэстон, отставной архидиакон из Солсбери Уильям Нортуолд (Northwald), капеллан Ричард Бэллок (Bullock), Роберт Брэйбрук (Braibrook), а также Томас Компуорт, приехавший из Оксфордшира и Джемс Коллин, ученик гильдии торговцев тканями из Лондона. О Коллине в доносе говорится, как о первом, кто начал излагать новое вероучение горожанам. Следовательно, антикатолическое движение в Нортгемптоне развивалось под воздействием южных очагов виклифизма—Лондона и Оксфорда. Благодаря Стермсуорту мы узнаем несколько интересных деталей о приемах, к которым прибегали проповедники лоллардизма, чтобы превлечь слушателей. Оказывается, Уильям Нортуолд перед проповедью надевал богатую одежду и меха, обычно носившиеся докторами богословия[84], хотя, как замечает не без ехидства доносчик, он никогда не получал ни одной степени.

Жалоба имела успех. Фокс был смещен с поста мэра королевским советом и вернулся к власти в городе лишь в 1395 г. Невозможно сказать, был ли виклифизм кратковременным увлечением или зрелым убеждением Фокса.[85]

Беллок и Нортуолд продолжали свои проповеди. Против первого из них церковные власти возбудили преследование в 1394 г. А 19 апреля 1397 г. ему была направлена от имени короля грамота, запрещавшая проповедывать на территории Англии под страхом вечного тюремного заключения.[86]

В жалобе Стермсуорта упомянут был Томас Компуорт. Прежде чем он получил приглашение от Джона Фокса посетить в Нортгемптоне, его взгляды, как ошибочные и еретические, были осуждены канцлером и ученым советом Оксфордского университета.[87] Это краткое сообщение находит более полную расшифровку в летописи продолжателя аббата Ивесхема.

Оказывается, названный сквайр являлся уроженцем местечка Кидлингтон, расположенного в Оксфордшире. Он «в течение многих лет бродил в различных частях Англии, проповедуя почти все еретические и ошибочные пункты Виклифа, которые были осуждены английскими прелатами». Хро-

[84] «...En une cloke une taberd... et une chapon furres».
[85] К. Б. Мак-Фарлен считает, что лоллардизм Фокса —лишь кратковременный эпизод его жизни, но фактов, подтверждающих свою точку зрения, он не приводит (p. 144).
[86] PR, p. 52—3.
[87] PR, p. 45—46.

нист называет, к сожалению, только два таких пункта: от рицание таинства исповеди и церковной десятины. Компуорт не только наставлял слушателей не делится с католическими куратами плодами рук своих, но и сам «долгое время» отка зывал в деньгах монастырю в Осни, аппроприировавшему кидлингтонский приход. В 1385 г. аббату этой обители уда лось добиться ареста непокорного сквайра. Он оказался за тюремной решеткой в Бенбери. Суд обязал его упратить мо нахам в качестве компенсации за нанесенный ущерб 40 ф ст. Аббат, впрочем, был столь милостив, что в четыре раза уменьшил эту сумму.[88]

Следовательно, миссионерская работа в прилегающих к Оксфорду районах продолжалась в 80 гг., несмотря на изгна ние Герифорда и Эстона из университета.[89] Не прекратилась она и в следующее десятилетие. Бейлифы г. Ридинг (Берк шир) в 1395 г получили приказ арестовать на подведомствен ной им территории лиц, которые «высказывают мнение про тив католической церкви».[90] Известны имена двух распрост ранителей ереси, действовавших к югу от Темзы—в солс берийском диоцезе. Один из них Уильям Рэмсбери (Rams bury), в течение 4 лет (1385—9) проповедовал в Уилтшире и Дорсете, посетив 20 сел и городов. Второй—Томас Фиш борн (Eishborn): он посвятил Рэмсбери в священнический сан и выстриг ему в знак этого тонзуру. Фишборн и Рэмсбе ри одевались в особую одежду из некрашенного грубого сукна.[91] Посвящение в «poor priest» не было единственным в этой части страны. В 1389 г., пишет сентолбенский хронист, лолларды рукоположили собственных священников в солсбе рийском диоцезе.[92]

Новоявленные священнослужители «..ничуть не страши лись проводить мессу, рассуждать о божественном и совер шать таинства».[93] Идеи лоллардов встречали здесь благосклонный прием, о чем свидетельствуют данные епископских ви зитаций в Уилтшир.[94] Вероятно, под их влиянием в 1388 г.

---

[88] HE, p. 67—8. Возможно, что снисходительность аббата была вызва на материальным положением подсудимого. И если наше предположение верно, то Компуорта следует отнести к представителям мало состоятель ных слоев феодального класса.

[89] Напомним, что весной 1382 г. агитационную работу в Гемпшире и Беркшире проводили Герифорд, Эстон и Бэдмен. Центром их странствий был Одихем.

[90] PR, p. 52.

[91] Показания Рэмсбери на суде, состоявшемся в 1389 г., опубликованы М. Е. Эстоном (Lollardy..., p. 13).

[92] HA, II, p. 188. Сравни также HE p. 113—4.

[93] «...Missas celebrare, divina tractare et sacramenta conferre minime timnerunt».—HE, p. 114.

[94] VH Will, IV, p. 26.

прихожане селения Бэсхолл (Bushall) отказались вносить «offerings» ректору церкви. В 1395 г. во многих местах отме чены люди, уклонявшиеся от посещения мессы в воскресный день и предпочитавшие проводить этот праздничный день за работой. Поэтому королевское правосудие действовало против еретиков на юге Англии особо рьяно. Летом 1389 г. король отдал распоряжение смотрителю тюрьмы в Солсбери предать в руки служителей церкви семь человек, оказавшихся под арестом за свои «суждения против католической веры».[95] Это первое, но не последнее упоминание о лоллардах в г. Солсбери. В том же году королевский совет направил приказ епископу Солсбери, требуя усилить розыск книг Виклифа, Герифорда, Эстона и Пэрви.[96]

Донос неудачливого кандидата на пост мэра Нортгемпто на против Джемса Коллина указывает на то, что ересь в Лондоне появилась раньше, чем в Нортгемптоне, по крайней мере в середине 80 гг. XIV в. Однако неоспоримых свиде тельств о наличии виклифитов в столичном районе не сущест вует до 1392 г. 21 января этого года король направил мэру и шерифам Лондона письмо. В нем отмечалось, что ремес ленники (artificers) и «другие» люди этого города (alii ci vitatis) «днем и ночью в немалом числе» собираются тайно в разных местах и обсуждают «различные пункты священного писания и ортодоксальной веры». Король предписывал «за ключать еретиков в тюрьму, а их имущество конфисковать».[97] Судя по тревожному тону письма, еретические взгляды уже широко распространились в среде лондонцев. Вряд ли подоб ное явление было возможным, если бы лоллардизм не про ник в столичные стены за несколько лет до этой прокламации. Но когда? Как известно, жители столицы прервали судебное заседание в Ламбете в 1379 г., где слушалось дело Виклифа. В 1382 г. они благосклонно внимали речам Эстона и читали распространенные им и Герифордом прокламации. Однако в демократическом движении 1381—1382 гг. еретическая струя не прослеживается. Ни руководитель движения Джон Норт гемптон, ни его соратники не обвинялись в поддержке лол лардов.[98] Все же, заметим, антикатолические настроения не были чужды сторонникам «мятежного мэра». Нортгемптон предпринял ряд шагов по сокращению доходов церкви от треб, организовал несколько нападений на таверны и публич ные дома в Саутворке, принадлежавшие винчестерскому епископу.[99] В 1387 году в Лондоне против нищенствующих

---

[95] «...Erroribus et articulis... contra fidem Catholicam».—PR, p. 44.

[96] CPR, 1385—9, p. 536.

[97] PR, p. 44—5.

[98] См. нашу статью «Борьба цехов...», стр. 117.

[99] См. нашу статью «Борьба цехов...», стр. 112.

монахов выступил бывший кармелит капеллан Питер П
терсхелл (Pattershull), купивший лицензию на право пропо
ди у исповедника герцога Ланкастера Уолтера Дисса.
Сент-олбенский летописец указывает, что после этой сдел
Пэттерсхелл примкнул к виклифитам [101] Вскоре его пропо
ди получили признание у населения.[102] Большая толпа ст
ронников —«почти сто лоллардов» (pene centum de Lolla
dos) [103]—сопровождала его постоянно, охраняя от нападен
приверженцев ортодоксального вероучения. Однажды во вр
мя проповеди Пэттерехслла в церкви св. Христофора авгу
тинские монахи из соседнего монастыря попытались опров
гнуть «страшные хулы», которые «он изрыгал против них
Словесная полемика сменилась потасовкой. Основательно п
мяв бока оказавшимся в церкви братьям-августинцам, толп
бросилась к их обители с криком: «Уничтожим человекоубий
сожжем содомитов, повесим изменников королю и Англии!»
Disperdamus homicidas, incendamus Sodomitas, suspendam
Regis at Angliae proditores.[104] С большим трудом толпу уда
лось успокоить, но на дверях лондонских соборов появилис
хартии, обвинявшие монахов в предательском намерени
убить Пэттерсхелла.[105] Черноризцев в этих хартиях называл
изменниками королю, содомитами и т. д.[106] Достоверност
этого красочного рассказа компетентного летописца ста
вится под сомнение К. Б. Мак-Фарленом. Пэттерсхелл, п
его мнению, не имел ничего общего с лоллардами.[107] Основа
нием для такого утверждения служит то, что, критикуя н
щенствующих и иных монахов, Пэттерсхелл совершенно «
высказывал догматических ересей»—в частности, не выступа
против евхаристии. Однако умолчание о «таинствах» в усло
виях жестоких церковных предследований можн
считать тактической уловкой умного проповедника
который не хотел раньше времени угодить за тюремную р
шетку. Виклиф и его ученики (Пэрви—например) видели
нищенствующих монахах, благодаря их высокому искусств
проповеди, главных соперников в борьбе за умы и серд
простых людей Англии, поэтому посвятили их разоблачени

---

[100] HE, p. 80.
[101] HA, II, p. 157.
[102] Ib.
[103] HE, p. 81.
[104] HA, II, p. 158.
[105] HA., II, p. 158.
[105] HA, p. 82.
[107] K. B. Mc Farlane op. cit., p. 189. Уместно, указать, что один и
маститых предшественников К. Б. Мак-Фарлена Д. М. Тревельян причи
ляет Пэттерсхелла к лоллардистским проповедникам (England, p. 327).

Ньюкасл
1395

Йорк
1388

Тилни

Ноттингем
1387

Дерби

Л.

М.М.

Даунтон

Линн
1401

Норич
1389

Шрузбери
1402

Лейстер
1382

М.Х.

Ковентри

Нортгемптон
1384

Лейнтуорден

Вустер
1385

Витли

Кридингтон

Брейбрук

Герифорд
1383

Ч.У.

Дрейтон

Шенли

Э.К.

Глостер
1384

Оксфорд

Лондон

Бристоль
1382

Ридинг

Одихем
1382

Балсхолл

Солсбери
1389

Чичестер
1397

Условные обозначения

ереСь отмечена в 1381-96

—"— 1396-1410

—"— 1381-1410

1382 первое упоминание о лол-лардах

Сокращения

Л. Лафборо

М.М. Мелтон Моубрей

М.Х. Меркет-Харборо

Ч.У. Чиппинг Уорден

Э.К. Эстон Клинтон

сотни страниц своих рукописей. А о том, что «лол-ы», охранявшие Пэттерсхелла, отнюдь не выдумка сен-нского летописца, свидетельствует, хотя и косвенно, левский приказ от 24 мая 1388 г., предписывавший такому тельному церковному сановнику, как епископ Винчестера ям Уикхем, арестовать проповедников и конфисковать Виклифа, Герифорда, Эстона и Пэрви в Лондоне.[108] О туплении еретиков в Лондоне (рядом с северным входом бор Св. Павла) рассказывает хронист из монастыря в схем.[109] Нам кажется, что «антиклерикализм», свойствен-столичным жителям—преимущественно ремесленникам и еям, помог лоллардам быстро превратить Лондон в один чагов борьбы с католической церковью. Их успеху в нема-степени способствовало жестокое поражение движения дних» и «низших» слоев столичного населения, руководи-Дж. Нортгемптоном. Ересь, как пассивная форма со-ьного протеста, становится отдушиной для трудящихся. чению лоллардов в Лондоне в 90 гг. XIV в. не мог не йствовать тот острый конфликт, который произошел ой 1393 г. между горожанами и Джоном Уолсемом, епис-м Солсбери. В тяжбу на стороне прелата энергично ался король. Это привело ко временной потере городом прав на самоуправление и даже вызвало отъезд двора арда II в Йорк.[110]

рицу XIV в. в Лондоне и Бристоле, этих двух круп-ших городах и важнейших экономических центрах, ересь а особенно «могущественной».[111] Э. Эск пишет: «Лолляр-распространились во многих частях Англии и особенно ондоне и Бристоле», (in pluribus regni partibus, et precipue donia et Bristollia).[112] Королевские приказы говорят о том, число этих «pluribus partibus» вошли в 80 гг. XIV столе-Йорк (1388),[113] норичский диоцез (1389)[114], даже далекая андия (1390).[115]

---

[108] CPR, 1385—9, p. 448.

[109] P. 114.

[110] HA, II, p. 207—210; Stow, p. 492 ff. Анализ событий 1393 г. дан в Р. Бирд (The Turbulent London..., p. 107 ff.).

[111] Usk, p. 3.

[112] Usk, p. 3—4.

[113] Королевское письмо от 16 апреля 1388 г. шерифу Йорка предписы-конфисковать книги Виклифа и Герифорда, а их владельцев заклю-в тюрьму. —CPR, 1385—9, p. 427.

[114] Первый приказ королевского совета, требовавший провести рассле-ние об ереси и еретических книгах в норичской епархии, датируется нтября 1389 г.—CPR, 1385—9, p. 550. В этот год лолларды выступали е в Уолсингеме (Норфолк).

[115] CPR, 1388—92, p. 462.

В 90 гг. XIV столетия лоллардизм распространился еще дальше на север. Среди жителей Ньюкасла антикатолическую пропаганду вел Уильям Джемс, один из соратников Виклифа по борьбе за Оксфорд.[116] Его дело было продолжено бывшим студентом этого университета Ричардом Вичем. Существуют данные, позволяющие говорить о наличии в Ньюкасле общины лоллардов в начале XV столетия.[117]

Однако не северная, а восточная часть Англии стала областью наиболее интенсивной массионерской деятельности лоллардов в конце XIV—начале XV вв. В 1383 г. Джон Коринхем, викарий Доддингтона, Линкольншир, критиковал католический взгляд на евхаристию. В городе Бишопс Линн и расположенном в пяти милях от него местечке Тилни проповедовал Уильям Соутри—первый английский еретик, взошедший в 1401 г. на костер. В Корби (Линкольншир) антикатологическую деятельность развернул Уильям Смит,[118] в Брингтоне и Нориче—Джон Эдуард[119], в Даунтоне (Линкольншир)—местный священник Джон Сейнонс (Seynons).[120]

К концу 90 гг. XIV в. виклифиты проникли в юго-восточную часть острова—в Сессекс, в частности. В октябре 1397 г. епископ Чичестера получил от имени короля полномочия на заключение под стражу «всех лоллардов его диоцеза».[121]

Приведенные факты позволяют утверждать, что антикатолическая пропаганда продолжателей Виклифа находила поддержку чаще всего среди горожан, но не исключительно. «Плевелами лоллардизма» оказались зараженными некоторые дворянские усадьбы и замки. Среди покровителей еретиков Найтон называет такие имена, еще мало известные нам, как Джон Троссел (Trossel), Джон Печ, Реджиналд де Хилтон.[122] К этому списку продолжатель аббата Ивесхема добавляет имя рыцаря Джона Клэнбоу (Clenbaw).[123]

Более известен нам уже упоминавшийся на этих страницах сквайр из южного Мидленда—Томас Компуорт. 2 мая 1388 г. был вызван в королевский совет вместе с принадле-

[116] H. B. Workman, op. cit., II, p. 339.
Деятельность Джемса на севере окончилась около 1399 года, когда он вернулся в университет Оксфорда—CPR, 1399—1401, p. 75.
[117] Archaeologia Aeliana, 4th ser., XXIX (1961), p. 355—6.
[118] FZ, p. 408—411; Foxe; III, p. 222—228; Trok, p. 335—6; HA, II, p. 247.
[119] Foxe, III, p. 248.
[120] Он произнес публичное отречение от своих «ересей и ошибок» 12 апреля 1401 г. —Foxe, III, p. 248.
(III, p. 207).
[121] CCR, 1396—9, p. 158.
[122] P. 181.
[123] P. 82.

жавшими ему еретическими книгами и памфлетами рыцарь Уильям Лэтимер (Latimer).[124] В ереси обвинялся и другой Лэтимер—Томас, манор которого Брэйбрук был расположен в Нортгемптоншире. Под покровительством Лэтимеров действовал во вторую половину 80 гг. XIV века, принявший учение Виклифа Джон Вудворд (Woodward), ректор церкви в принадлежавшей этому рыцарскому дому маноре Чиппинг Уорден (Chipping Warden). Он «обратил здесь 45 человек в свою веру». Еретиком был и ректор Брэйбрука—Роберт Хук (Hook). Благодаря содействию лорда манора он занимал этот пост около 20 лет и создал великолепную библиотеку «еретических» рукописей, получившую европейское признание. В Брэйбрук, например, направились в 1407 г. два чешских студента, чтобы снять копии с некоторых сочинений Виклифа, в том числе со знаменитого трактата «О божественной власти». В Брэйбруке ересь сохранялась весьма долго. В 1414 г. некий Томас Айл (Ile) из Брэйбрука был известен не только как распространитель еретических произведений, но и как их автор.[125]

На западе, в Герифордшире, лолларды нашли поддержку у сеньера Кэсоп Касл (Cusop Castle) рыцаря Томаса Клэнвоу (Clanwawe) и его жены,[126] среди обитателей манора Олмели семейства Олдкаслов.[127] В Глостершире их поддержали Грэйндоры, йомены Динского леса. Некоторые представители этого состоятельного крестьяского дома сумели в начале XV в. получить рыцарское звание.[128] К числу влиятельных дворянских родов принадлежали Чейни—они владели землями в Глостершире и Бэкингемшире. Их основная резиденция— Дрейтон Бьючемп (Drayton Beauchamp)— стала на долгие годы одним из важнейших убежищ в Англии для проповедников ереси и книг Виклифа.[129] Из феодалов севе-

[124] О Лэтимерах пишет Найтон (II, p. 181), Трэклоу (p. 174), Фокс (III, p.207).
[125] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 146.
[126] HA, II, p. 159.
[127] В Almeley проповедь Свиндерби слушал сын хозяина Джон Олдкасл, который через 15 лет стал вождем еретического движения в Англии.
[128] В частности, Джон Грэйндор был шерифом Глостершира в 1400 г. (E. F. Jacob, Henry V, p. 49), в 1401 г. и 1404 г. он заседал в парламенте, как представитель Герифордшира, в 1407 г. стал шерифом Глостершира. Известны его военные подвиги во время войны с валлийскими повстанцами. Он захватил в плен Гриффита—старшего сына Оуэна Глэндоуэра. Джон Грэйндор также успешно подвизался на поприще торговли. Последние годы он провел в Бристоле, как именитый купец этого города. —H. B. Workman, op. cit., II, p. 314.
[129] Речь идет о Рожере Чейни (Cheyne), его сыновьях Джоне иТомасе. J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 53; H. B. Workman, op. cit., II, p. 385.

ра Англии учением лоллардов интересовались рыцарь Томас Эрпингхем, представитель одной из богатейших семей этой части страны Уильям Невиль из Рэби (Naville of Raby)[130], а также лорд Скиптона Льюис Клиффорд.[131] Последний играл довольно заметную роль в политической жизни страны. Он был близким советником Черного принца, после смерти принца принял на себя охрану его вдовы, матери Ричарда II, позднее становится членом Тайного совета, получает «орден Подвязки». Схоронив принца Эдуарда, своего первого покровителя, Клиффорд сблизился с Джоном Гентским, участвовал вместе с ним в походе на Пиренейский полуостров[132].

Тайным советником был и рыцарь Ричард Стэри, «величайший покровитель еритиков».[133] В 1395 г. Ричард II заставил его покляться, что он прекратит помощь лоллардам.[134] Стэри долгое время находился на службе у герцога Ланкастера и его интерес к виклифизму, вероятно, возник еще во время бурных событий в 1377 г.[135] Связи этих двух влиятельных феодалов с лоллардами можно объяснить близостью к политической группировке, возглавляемой ланкастерским герцогом. Но идеи лоллардов разделялись также людьми, принадлежащими к совершенно другому политическому течению. Речь идет о бароне Джоне Монтегю, который унаследовал от своего дяди титул графа Солсбери. Стюард королевского двора в 90 гг. XIVгг., он потерял жизнь в январе 1400 г. при попытке вернуть власть свергнутому Ричарду II. Впрочем, следует иметь в виду тесные связи этого «чистокровного» аристократа с верхушкой лондонского купечества. Он был женат на Мод, дочери одного из богатейших людей английской столицы в 60—70 г. XIV ст. Эдема Френсиса.[136] Любимой резиденцией для Монтегю служил манор Шенли в Гертфордшире, но влияние его распространялось на соседний Бэкингемшир, где после смерти дяди он вступил во владение селом Эстон Клинтон (Aston Clipton).[137] Из фамильной часовни

[130] О нем упоминается в хронике сент-олбенского монастыря (HA., II, p. 159).

[131] Кп, II, p. 181; Foxe, III, p. 207; Trok, p. 174.

[132] H. B. Workman, op. cit., II, p. 382.

[133] Trok, p. 183; см. также p. 174; Кп. II, p. 181.

[134] За нарушение клятвы Ричард II угрожал Стэри смертной казнью (Trok, p. 182—3). Этот инцидент был вызван обнародованием лоллардами в 1395 г. своего религиозно-политического манифеста —так называемых «12 положений».

[135] Р. Стэри в те годы выполнял наиболее «интимные» поручения Джона Гентского. Его обвиняли даже в том, что он стремился ускорить смерть Черного принца. —H. B. Workman, op. cit., II, p. 382—3.

[136] Об Эдеме Фрэнсисе см. в книге Г. Б. Уоркмена (II, p. 383).

[137] W. H. Summers, The Lollards, p. 42—3.

в Шенли он велел убрать все иконы, кроме образа св. Екатерины[138]; у него в доме находили приют бедные священики.[139] Монтегю, вероятно, остался верен своим еретическим убеждениям до конца жизни. По свидетельству Джона Трэклоу, он отказался исповедоваться накануне казни в Сиренчестере.[140] Впрочем, сочувствие к лоллардам не помешало Монтегю принять участие в крестовом походе 1391 г., организованном католической церковью против «язычников» Прибалтики.[141]

Последний факт, равно как и исповедь Клиффорда, заставляет задуматься, насколько глубоки были антикатолические убеждения указанных представителей английского феодального класса. Вопрос этот весьма живо обсуждался в британской историографии. Несомненно правы ученые, которые усматривают в лоллардизме, свойственном отдельным представителям высшего дворянства, главным образом поиски решений социально-политических проблем.[142] В учении Виклифа некоторые политические деятели тех лет видели средство для укрепления позиций феодального класса. Поскольку английское государство переживало в конце XIV—начале XV вв. тяжелый кризис, интерес к лоллардам у Лэтимера[143], Клиффорда[144], Монтегю[145], Стэри[146], Чейни, Олдкаслов, Грейндоров[147] оказался весьма устойчивым, во многом определял их поступки, как государственных деятелей.

Ведущие британские специалисты по истории лоллардов вынесли единодушное решение: меры, принятые в 1382 г. церковью и государством, вызвали потерю Оксфордского университета приверженцами Виклифа и вследствие этого еретики оказались оторванными от верхушки английской интеллигенции. Лоллардизм превратился в движение людей

[138] HA, II, p. 159.

[139] HA, II, p. 159—160.

[140] «...Sine sacramento confessionis... miserabiliter vitam finivit». —Trok, p. 326; HA, II, p. 244.

[141] M. Mc Kisack, The Fourteenth Century, p. 521.

[142] См. например, вводную статью и примечание Г. С. Кронина к «Liber contra XII errores Lollardorum». Подробности жизни этих дворян см. в статье W. T. Waugh. The Lollards Knights. —«Scottish Historical Review», XI (1901), p. 55—92.

[143] Лэтимер умер нераскаявшимся еретиком в 1401 г.

[144] Клиффорд раскаялся накануне смерти в 1402 г.—Trok, p. 347.

[145] См. о смерти Монтегю примечание 140.

[146] Стэри умер вскоре после 1395 г. Джон Трэклоу ничего не сообщает о покаянии еретика. Если бы оно имело место, то вряд ли католический монах не отметил бы этот достопамятный факт в своей летописи. (Trok, p. 183).

[147] О деятельности трех последних речь будет впереди.

малообразованных.[148] Эта оценка кажется нам неточной. Целая цепь фактов свидетельствует, что пусть не так открыто, как на рубеже седьмого и восьмого десятилетий XIV столетия, но учение Виклифа продолжало распространяться среди ученых и учащейся молодежи университета. Известный «Триалог» Виклифа не был запрещен до 1410 г. Его активно использовали при преподавании философии.[149] Уместно подчеркнуть, что «Раговор трех» представляет собой краткое изложение основных положений учения Виклифа, причем не только по философским, но и по богословским проблемам.[150] Крамольность этой книги прелаты католической церкви понимали задолго до того наступления на права университета, которое предпринял в конце первого десятилетия XV в. архиепископ Эрундел. Очевидно, по их инициативе, королевский совет направил летом 1395 г. в Оксфордский университет «закрытое письмо» с требованием изучить содержание «Триалога».[151] Приказ не возымел ожидаемых от него результатов. Об оживлении ереси в 90 гг. XIV в. в Оксфорде свидетельствует дело Генриха Крэмпа, уроженца Ирландии, члена цистерцианского монашеского ордена.[152] В 1382 г. он находился в числе тех людей, которые активно помогали церковным властям в искоренении виклифизма в университете.

Прошло десять лет, и весной 1392 г. сам Крэмп, по приказу короля, был лишен права преподавать и передан в руки назначенных церковными властями судей. Гнев католических прелатов был вызван, как и в случае с Пэттерсхеллом, преимущественно его злобными выпадами против нищенствующих монахов.[153] Но Крэмп в отличие от Пэттерсхелла этим не ограничился. Он критиковал церковные таинства и высказывал явно еретические, близкие к учению Виклифа положения. Например, «тело Христово в алтаре лишь подобие Христова тела на небе». Крэмп оказался сломленным страхом перед грозящими ему карами и раскаялся.

В 1393 г. последовал приказ короля на имя канцлера университета. Согласно этому приказу канцлер университета получил право, минуя все посредующие церковные и государственные инстанции, подавать жалобы на еретиков в канцлерство. Оттуда незамедлительно должен был последовать приказ чиновникам короны об аресте лоллардов (writ de excommunicato cariendo).[154] Подобная оперативность в действиях диктовалась, надо полагать, сложившейся в Оксфорде обстановкой.

Прошло менее полутора лет и королевские власти репрессировали группу преподавателей университета. 20 декабря 1394 г. последовал приказ магистратам Лондона и Оксфорда, королевским чиновникам задержать и доставить в канцлерство магистра философии Уильяма Джемса и его коллегу по Мертонскому колледжу Гэмилги (Gamylgay). 27 мая 1395 г. Гэмилги вместе с Томасом Люкасом, Ричардом Велпингтоном—оба из того же мертонского коллежда, а также кентский священник «мастер» Уильям Мэнес (Menuse, Menesse) оказались сосланными в далекую крепость Уэльса Бьюмерис. 16 июля 1395 г. повторный приказ об аресте У. Джемса получили шерифы Бристоля. А двумя днями позже королевским указом был лишен права заниматься со студентами Роберт Личлейд.[155]

Однако эти репресии не искоренили лоллардизм в Оксфорде. В 1399 г. в университет вернулся Уильям Джемс. Он остался верен убеждениям своей молодости. В 1411 г. ему пришлось еще раз бежать из университета. В 1420 г. его дело рассматривал суд кентерберийского архиепископа.[156] Велпингтона и Люкаса мы также встречаем в университете в первую декаду XV столетия.[157] Личлейд в 1401 г. становится ректором селения Кемертон (Глостершир), где продолжает еретическую пропаганду.[158] Преданными сторонниками евангелического доктора являются и некоторые представи-

---

[148] Д. М. Тревельян (England..., p. 307), Г. Б. Уоркмен (II, p. 324). К. Б. Мак-Фарлен (p. 145) характеризует лоллардов, как «полуграмотных людей», но несколькими страницами дальше (p. 156) он вынужден признать, что учение Виклифа и после репрессий 1382 г. существовало в Оксфорде, хотя и не пользовалось большой поддержкой.

[149] См., например, книги Рэшдела (III, p. 131 ff.) или Д. М. Тревельяна (p. 308—9).

[150] К. Б. Мак-Фарлен называет его «most compendious and best ragged» из всех работ Виклифа (p. 117—8). Комиссия, анализировавшая текст трактата, извлекла из него 18 цитат с «еретическими» или «ошибочными» положениями, но изучение его не было запрещено (H. B. Workman, op. cit., II, p. 344).

[151] PR, p. 51—52; CCR, 1392—6, p. 434.

[152] Случай с Г. Крэмпом изложен подробно в FZ, p. 343—59.

[153] Им написан трактат «Contra Religiosos Mendicantes».

[154] CPR, 1391—6, p. 288. Приказ датирован 13 июня 1393 г.

[155] CPR, 1391—5, p. 586, 591, 651; CCR, 1392—6, p. 434; PR, p. 52.

[156] Chichele, IV, p. 203—4. Он получил помилование, право жить в Мэдстоуне и зарабатывать себе на хлеб трудами рук своих.

[157] Люкас оставался в Мертонском колледже до 1408 г. Велпингтон стал магистром философии, автор работы «Questiones posteriorum», к сожалению, неизданной.

[158] Косвенным свидетельством его верности идеалам Виклифа является факт существования у него собрания рукописей евангелического доктора. В Кемертон приезжали в 1407 г. два чешских студента Николай Фаульфиш и Георг Книжнич, снимать копии с работ первого английского еретика.— DE, p. XVII, XVIII, H. B. Workman, op. cit., II, p. 19.

тели молодого поколения Оксфорда, в частности—принципал колледжа св. Эдмунда Уильям Тэйлор.[159] Менее заметной фигурой в университете был некий Партридж (Partridge).[160] Но зато его ученик Питер Пэйн в течение многих лет играл ведущую роль на поле брани против защитников католицизма—сначала в Англии, затем в Чехии.[161] Среди активных проповедников лоллардизма в Оксфорде на рубеже первого и второго десятилетия XV в. был будущий капеллан Джон Олдкасла Роберт Чэпел (Chapell) или Холбич (Holbech). Католические прелаты подвергли его отлучению в 1412 г.[162] Учеником Пэйна являлся Ролф Мэнджин, один из революционнейших мыслителей среди поздних лоллардов.[163]

Автором еретических прокламаций, распространенных в Лондоне в августе 1416 г., являлся «магистр искусств» из Оксфорда Томас Люкас.[164]

Проповедническая работа Тэйлора, Пэйна и их учеников заставила архиепископа Эрунделя рассматривать очищение университета от еретиков, как первоочередную задачу. У нас нет оснований думать, что «мозговая» группа лоллардов в начале XV в., среди которой мы видим Пэрви, Тэйлора, Вича, Торпа, Пэйна, Мэнджина, Эдварда, была интеллектуально слабее, чем та, которая существовала в начале 80 гг. предшествовавшего столетия. Об авторитете Тэйлора и Пэйна ясно говорит тот факт, что они занимали посты «принципалов» колледжа св. Эдмунда—посты, недоступные приверженцам Виклифа в 70—80 гг. XIV в. Но не только колледж св. Эдмунда, но и «Oriel College» являлся местом, где осуществлялась пропаганда виклифизма. Последний стал центром сопротивления архиепископу Эрунделу в 1411.[165]

Каковы результаты работы лоллардистских проповедников в последние два десятилетия XIV в. и первые годы XV столетия?

---

[159] «Principal» — глава того или иного колледжа в Оксфорде.

[160] Партридж стал впоследствии верным слугой римского викария. В 1433 г. на Базельском соборе он—главный оппонент П. Пэйна, своего ученика.

[161] Питер Пэйн родился в 1380 г. В 1406 г. стал магистром теологии, потом «принципалом» (главою) колледжа св. Эдмунда. Он выступал с проповедью в соборе св. Павла, в 1401 г. дискуссировал с Неттером в Оксфорде. Впоследствии Пэйн бежал в Чехию и стал одним из идеологов таборитов. Он умер в тюрьме, после разгрома Табора в 1456 г.

[162] Этот факт сообщен во время следствия по делу Р. Чэпела, которое вела в конце мая 1416 г. кентерберийская конвокация.—Chichele, III, p. 25.

[163] О нем подробно будет сказано далее.

[164] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 16.

[165] H. Rashdal, The Universities, III, p. 135.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к сведениям, которые извлечены учеными из епископских и архиепископских «registers», из материалов королевских судов, ведших следствие над участниками заговора 1414 г.

Д. Олдкаслу удалось мобилизовать на борьбу с ланкастерским правительством значительную часть той армии, которая была сколочена «бедными священниками» за тридцать с лишком лет их деятельности. В ней мы видим представителей большинства вышеупомянутых районов, где выступали с проповедями лолларды. Расследования о мятежниках, выступавших вместе с Джоном Олдкаслом, велись королевскими чиновниками в Лондоне, Бристоле и 22 графствах: Эссексе, Гертфордшире, Бэдфордшире, Бэкингемшире, Ретленде, Ноттингемшире, Дербишире, Девоншире, Гемпшире, Сомерсете, Дорсете, Оксфордшире, Беркшире, Вустершире, Уорвикшире, Лейстершире, Кенте, Миддлсексе.[166] Кроме того, в марте 1413 г. специальная комиссия расследовала деятельность еретиков в экзетерском диоцезе.[167]

Для удобства анализа разделим территорию Англии на пять районов. Один из них— южный Мидленд, находившийся под длительным и, пожалуй, благодаря своей территориальной близости, наиболее интенсивным воздействием со стороны Оксфорда и Лондона. В него входят Оксфордшир, Бэркшир, Бэгингемшир, Гертфордшир, Бэдфордшир. Северный Мидленд включает в себя Лейстершир и пограничные с ним области: Нортгемптоншир, Уорвикшир, Стаффордшир, Дербишир, Ноттингемшир и Ретленд. Западная Англия состоит из графств, расположенных в бассейне р. Северн (Вустершир, Герифордшир, Шропшир), палатината Честер, Бристоля и смежных с этим портом Сомерсетшира и Глостершира. Четвертый район составляет север Англии. Линкольшир, Кембриджшир, Норфолк, Сеффолк, Эссекс включены в пятый—«восточный», а к шестому, весьма условно названному нами «южным», отнесены Кент, Серри, Сессекс, Гемпшир, Уилтшир, Дорсет, Девоншир, Корнуол.

Особое место среди этих районов несомненно должно быть отведено Лондону, сыгравшему, как мы покажем в дальнейшем, едва ли не решающую роль в судьбах еретического движения.

---

[166] CPR, 1413—6, p. 175, 177—8.

[167] Ib., p. 34. В королевском указе сообщается, что лолларды привлекли в этой епархии на свою сторону многих людей и даже организовали для своих приверженцев школы.

Таблица № 1.

Лица из сев. Мидленда, подвергшиеся судебному преследованию

№№ пп.	Фамилия, имя	Соц. принадлежность или профессия	Место жительства	Графство	Время привлечения к суду	В чем обвинялся	Откуда взяты сведения
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Т. Смит	подмастерье	Ковентри	Уорвик	1414	Участие в заговоре 1414 г.	Foedera, IV, 2, p. 76, 77; CPR,
2	Т. Спенсер	клирик	Писфорд	Нортгемптон	1415	—	1413-6, p. 261-2
3	Дж. Тоугед	писец	Шэнктон	Лейстер	—	—	—
4	Т. Сейтон	чулочник	Нортгемптон	Нортгемптон	—	—	—
5	Дж. Гловер	?	Ковентри	Уорвик	—	—	—
6	Дж. Парлибю	капеллан	Маунтсоррел	Лейстер	—	—	—
7	С. Картер	?	Кибворт Хэркорт	—	—	—	—
8	Н. Селби	торговер скобяным товаром	?	—	—	—	Foedera, IV, 2, p. 100-10 ; CPR, 1413-6, p. 271-2
9	Т. Грей	клирик	?	Нортгемптон	—	—	
10	Дж. Грин	ткач	Чэтрден	Дерби	—	—	—
11	У. Уорд	пахарь	Белтон	Лейстер	—	—	—
12	Дж. Бэгрев	?	Лейстер	—	1414	—	K. B. McFarlane, op. cit., p. 173-4
13	Р. Фридэй	?	—	Лейстер	—	—	

№№ пп.	Фамилия, имя	Соц. принадлежность или профессия	Место жительства	Графство	Время привлечения к суду	В чем обвинялся	Откуда взяты сведения
1	2	3	4	5	6	7	8
14	У. Смит	?	—	—	—	—	—
15	Т. Айл	?	—	—	—	—	—
16	Т. Гилберт	капеллан	Кибворт Хэркорт	—	—	—	—
17	Н. Гилберт	?	Кибворт Хэркорт	—	—	—	—
18	Т. Новери	джентльмен	Лейстер	—	—	—	—
19	Дж. Эннейс	сапожник	Донингтон	—	—	—	J. A. B. Thomson, The Later Lollards, p. 96
20	У. Трайвит	?	Твифорд	—	—	—	
21	У. Эдерик	капеллан	Дерби	Дерби	—	—	—
22	Т. Тикхилл	юрист	Эстон	—	—	—	—
23	Г. Бут	сквайр	Литтловер	—	—	—	—
24	Р. Гартон	торговец тканями	Ковентри	Уорвик	—	—	Ib., p. 97
25	Дж. Хауэс	?	Ноттингем	Ноттингем	1416	Дал пищу Олдкаслу	Ib., p. 12
26	Р. Роуз	капеллан	Гартшори	Дерби	1417	Помощь Олдкаслу	Ib., 13
27	У. Этвелл	крестьянин	Байфилд	Нортгемптон	—	—	Ib., 14

№№ пп.	Фамилия имя	Соц. принадлежность или профессия	Место жительства	Графство	Время привлечения к суду	В чем обвинялся	Откуда взяты сведения
1	2	3	4	5	6	7	8
28	Г. Фрэйни	крестьянин	Силвертон	—	—	—	—
29	У. Смит	капеллан	Корби	Уорвик	1417	—	Ib., p. 98
30	Т. Эдерик	?	Эстон	Дерби	1419	Помощь Олдкаслу	Ib., p. 99
31	Т. Тикхилл	?	?	—	—	Участие в заговоре в 1414 г.	Ib., p. 99
32	Дж. Принс	джентльмен	?	—	—	—	—
33	Т. Моруорд	рыцарь	?	Уорвик, Лейстер	1414	—	E. F. Jacob, The Fifteenth Century ..., p. 131
34	Т. Мэзон	ремесленник	Тэрлстон	Дерби	—	—	CPR, 1413-6, p. 200
35	Д. Глид	?	—	—	—	—	—
36	Ф. Тэрнер	—	Дэвентер	Нортгемптон	—	—	Jb., p. 76
37	Дж. Эшер	—	—	—	—	—	—

Дела 15 лиц из Сев. Мидленда (см. таблицу № 1) вели центральные судебные органы.[168] Большинство других судил специально созданный выездной трибунал, работавший в Лавборо (Лейстершир) в феврале 1414 г.[169]

Все эти люди составляют наиболее видную часть заговорщиков; они—руководители военных отрядов[170], вербовщики ополченцев,[171] агитаторы.[172] Тем знаменательнее, что среди них только четверо являются представителями дворянского класса—Бут, Моруорд, Принс и Новери—да и те стоят на самых низших ступенях феодальной иерархии.[173] Близок к феодальному классу юрист — вероятно, практиковавший частным образом — из Эстона на Тренте Томас Тикхилл (Tickhill). Из названных пяти только джентльмен Новери взялся за оружие. Роль остальных скромнее.[174]

Значительно чаще в качестве руководителей движения выступали капелланы и другие священнослужители низших рангов. В нашем списке их семь человек: руководитель лоллардов южного Лейстершира Уолтер Гилберт, Джон Парлибю—один из активных участников событий на севере этого графства, Уильям Эдерик, проповедовавший в Лейстершире и на юге Дербишире и др.

Семь человек имеют бесспорно «городские профессии: подмастерье Томас Смит, ткач Джон Грин, писец Дж. Тоуред, сапожник Дж. Эннейс, торговцы Т. Сейтон, Н. Селби, Р. Гартон. К горожанам, несомненно, следует отнести Джона

---

[168] Все они получили хартии о помиловании от канцлерства.—CPR, 1413—6, p. 200 ,261—2, 271—2.

[169] Материалы судебных заседаний в Лавборо использованы К. Б. Мак-Фарленом (Op. cit., p. 175 ff) и Дж. Э. Ф. Томсоном (The Later, Lollards, p. 95 ff).

[170] Таковы капеллан Уолтер Гилберт и его родственник Никлас, казненные в Лондоне, или разделивший их участь Томас Новери из Лейстера. Они руководили отрядом из южного Лейстершира. Из северной части этого графства людей вели Уил. Смит и Уил. Уорд.

[171] Вербовщиком был в частности Томас Тикхилл, юрист из Дербишира, снарядивший четырех ремесленников из Тэрлстона в поход к Лондону и заплативший каждому из них по 13 шил. 4 пенса.

[172] Агитаторами в Лейстере выступали Томас Айл, уроженец Брэйбрука, Дж. Бэгрев, Ролф Фридэй.

[173] Исключение составляет Моруорд. В год, предшествовавший заговору, он занимал пост шерифа Уорвикшира и Лейстершира.

[174] Г. Бут, например, обвинялся лишь в том, что он покровительствовал капеллану Уолтеру Гилберту, сложившему свою голову в январе 1414 г. (K. B. Mc. Farlane, op. cit., p. 175). В чем вина Дж. Принса, неизвестно, но судя по тому, что королевские судьи добрались до него только через пять лет после подавления мятежа, его не было в первой шеренге сторонников Д. Олдкасла.—J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 99—100.

Гловера из Ковентри, Джона Хауэса из Ноттингема, жителей Лейстера Дж. Бэгрева, Ролфа Фридея и Уил. Смита[175], а также четырех дербиширских рекрутов—из Дэвентри и Тэрлстон.[176] Определенно можно сказать, что эти девять человек не дворяне и не клирики, так как в том и другом случае их сословная принадлежность была бы отмечена в документах. Известно, что Томас Тикхилл отправил в Лондон отряд из четырех ремесленников местечка Тэрлстон: кузнеца, ткача, каменщика и кровельщика.[177] Не исключено, что Т. Мэзон (Mason—каменщик) и Дж. Глид, получившие корлевское помилование, входили в состав этой «великолепной» четверки. Явный намек на занятие их владельца носят, кроме фамилии Mason, ряд других—Smyth (кузнец), Glover (перчаточник), Turner (токарь). Установлено также, что Р. Гартон выступал в качестве командира отряда, хотя и небольшого, ковентрийских горожан.[178] Лейстер и Нортгемптон[179] также прислали на поле св. Джайлса группы бойцов, среди которых находилось несколько членов местных цехов писцов.[180]

Вышеприведеные факты говорят о значительном влиянии лоллардов на торгово-ремесленное население городов и местечек этой части Мидленда, но бросается в глаза отсутствие среди обвиняемых за участие в мятеже членов городской верхушки. Муниципальные власти активно поддерживали репрессивные мероприятия против лоллардов, проводившиеся в 1414 г. в Лейстере церковными и королевскими судьями.[181]

Пахарем (ploughman) назван один из рудоводителей повстанцев северного Лейстершира Уильям Уорд; крестьянами были У. Этвел и Г. Фрэйни. Деревенские жители С. Картер и Н. Гилберт из Кибворт Хэркорт, Т. Эдерик из Эстона также, вероятно, были причастны к земледельческому труду. В отряд, руководимый Уолтероом Гилбертом, входило 12 крестьян из Кибворт Хэркорт и из более мелких окрестных селений: Снитон (Sneeton), Вестерби (Westerby), Сэддингтон (Saddington), Кибворт Бьючемп (Kibworth Beauchamp).[182] Крестьяне несомненно входили в число бойцов, которых вели из Белтона У. Уорд и У. Смит, а из Маунтсоррел Дж. Парлибю. Впрочем, отмечая довольно активное участие в заговоре лейстерширских «землепашцев», мы лишены надежных данных, чтобы судить о соотношении в движении крестьянского элемента с торгово-ремесленным вцелом по сев. Мидленду. Более ясна картина в южном Мидленде. Здесь крестьянам принадлежала большая роль, чем на севере. Волонтеры прибыли на поле св. Джайлса из деревень Грейт Гэддесден (Great Gaddesden), Гитчин (Hitchin), Бовингтон (Bovington), Дэнзебл (Dunsable), расположенных в Гертфордшире[183]; Стэнбридж (Stanbrugge) Бэдфордшира[184]; Викомба (Wycombe),[185] Литтл Миссендена,[186] Эмерсхема (Amersham),[187] и Гэмборо (Hamborough)[188] графства Бэкингем. Много заговорщиков было в той части Оксфордшира, которая прилегала к Вудстоку—Блэдон (Bladon), Хендборо (Handborugh), Кидлингтон (Kidlington), Кирлингтон (Kirlington) и Верхний Хэйфорд (Upper Highford).[189] Наибольшее число пропагандистов и командиров отрядов в этом районе дали горожане: Роберт Морли (Murley)—пивовар из Дэнстепла[190], Уильям Браун, или Дэви,—перчаточник (glover) из Вудстока, лондонской торговец тканями Джон Лэнгекр (Langacre), действовавший преимущественно в Бэкингемшире[191]. Среди священников заслуживают упоминания Томас Дрэйтон, ректор церкви Дрэйтон Бьючемп (Бэкингемшир),[192] и капеллан Джон Витби (Whitbey) из Пиддингтона в Оксфордшире.[193] В Бэкингемшире были расположены поместья рыцарского дома Чэйни.[194] Три его представителя—Рожер, его

---

[175] К. В. Мак-Фарлен считает, что Уил. Смит, игравший заметную роль в событиях 1414 г., не кто другой как один из первых виклифитов Лейстера в 80 гг. XIV в., носивший то же имя и фамилию (p. 174).

[176] Тэрлстон расположен в 4 милях от Дерби.

[177] Русским словом «кровельщик» мы переводим английское «thatcher». «Thatcher» крыл крыши соломой.

[178] K. B. Mc. Farlane, op. cit., p. 175.

[179] J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 97.

[180] E. F. Jacob, The Fifteenth Century, p. 132.

[181] В Лейстере вскоре после заговора городской совет арестовал некую Маргариту Кэмп, возвращавшуюся в родной город Линн из паломничества в Сант Яго. Лишь аббат местного монастыря спас ее от тюрьмы, уготованной для нее ревностными градоначальниками.—J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 99.

[182] K. B. Mc Farlane, op. cit. p. 174.

[183] J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 55. Мак-Фарлен указывает, что в протоколах королевского суда Гэддесден и Бовингтон представлены двумя людьми каждый, а Гитчин—одним человеком. (p. 175).

[184] Уроженец этой деревни Уил. Этвел получил хартию о помиловании от короля в январе 1414 г.—Foedera, IV, 2, p. 77.

[185] Из Викомба в походе на Лондон участвовали Ричард Нортон, медник (CPR, 1413—6, p. 250).

[186] Томас Сайбил—мясник (ffetcher).—CPR, 1413—6, p. 261.

[187] Джон Горвуд и Джон Винчестер (J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 54—5), плотник Роберт Стротфорд (CPR, 1413—6, p. 271).

[188] Джон Парчминер —CPR, 1413—6, p. 271.

[189] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 175. Из Блэдона хартию о помиловании получил Дж. Джеффи (Jeffrey).—CPR, 1413—6, p. 261.

[190] HA, II p. 299.

[191] Foedera, II, 2, p. 100, CPR, 1413—6, p. 271; J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 54.

[192] О нем подробно рассказывает Дж. Э. Ф. Томсон (p. 54).

[193] ACh, p. 104.

[194] Манор Дрэйтон Бьючемп.—Foedera, II, 2, p. 72—3.

сыновья Джон и Томас—оказались в 1414 г. за тюремной решеткой, где старший Чэйни вскоре умер.[195] Другим дворянином, ставшим в ряды заговорщиков, был Джон Уикхем из Сволкифа (Swolcliff), Оксфордшир.[196] Военный отряд, направленный Оксфордом в Лондон, состоял из двух членов университетской корпорации[197] и группы городских ремесленников.[198] Нет сведений об участии в революционных событиях 1414 г. беркширцев, но ересь там продолжала распространяться. Об этом говорят арест в 1412 г. шапочника из Уокингема (Wokingham), распространение прокламаций лоллардами в Ридинге в 1416 г.[199], а главное то место, которое занял Беркшир в революционных событиях 1431 г.[200]

Участие Южной Англии в событиях, связанных с именем Джона Олдкасла, оказалось более скромным. В 1414 г. за участие в заговоре королевский совет города объявил вне закона горожанина из Дувра Роберта Бирда.[201] Рыцарь Томас Толбот (Talbot), манор которого Дэвингтон был расположен по соседству с Кентербери,[202] а также оквайр Джон Браун оказались под следствием.[203] Сентолбенской летописец указывает, что в августе 1415 г. Олдкасл нашел временный приют у бывшего викария Дж. Преста в селении Честертон (Уорвикшир).[204]

На поле св. Джайлса было мало представителей английского севера. Специальные хартии о помиловании были выданы канцлерством капеллану Джону Фрэнку и Ричарду Виту, паяльщику из Йорка.[205] В восточных графствах своей активностью в 1414 г. выделяются лолларды Эссекса. Благодаря архивным розыскам, осуществленным Э. Дж. Б. Рэйд, стало известно, что среди отрядов, стекавшихся в первые дни января 1414 г. к Лондону, был небольшой контингент, который

---

[195] Заключены в тюрьму 18 января. Рожер умер 11 мая. Второго ноября 1414 г. Джон был помилован. В начале 1415 г. вышел на свободу Томас.—J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 53—4.

[196] Foedera, IV, 2, p. 92; CPR, 1413—6, p. 260.

[197] Среди них Джон Мибб. Был помилован королем схваченный в окрестностях Лондона школяр Джон Гэрторп.—CPR, 1413—6, p. 271; Foedera, II, 2, p. 77.

[198] В их числе—сукновал, портной, плотник, медник, каменщик и т. п. K. B. Mc. Farlane, op. cit., p. 176.

[199] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 56.

[200] О них см. далее.

[201] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 173; K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 172; Foedera, II, 2, p. 72.

[202] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 170; J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 173.

[203] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 172.

[204] ACh, p. 103.

[205] CPR, 1413—6, p. 261; Foedera, II, 2, p. 76—7.

возглавлял колчестерский сапожник Томас Эттбрук (Atte Brook) и ткач из Пэтсвика (Pattiswick) Джон Кок. В его состав вошли преимущественно ткачи из селений Келведен и Коггсхолл.[206] Участвовал в походе на Лондон и Томас Пелл, еще один сапожник из Колчестера, получивший от короля грамоту о помиловании.[207] Кроме того, немало лоллардов жило в те годы в Тэкседе, где проповедовали Уильям, капеллан,[208] и Джон Смит, сапожник.[209]

В Норич 30 января 1414 г. королевской канцелярией был направлен приказ пресечь преступные действия неких злоумышленников, организовавших в городе и его окрестностях несколько незаконных собраний, но установить, являлись ли они лоллардами или нет, к сожалению, у нас нет возможности.[210]

В 1416 г. церковные власти арестовали Джона Бэтуорта, викария из Вилсфорда (Линкольншир), и двух других капелланов за хранение виклифитских книг.[211] В 1419 г. два священника в линкольнском кафедральном соборе исповедовали свои грехи, в числе которых был и такой, как поддержка некоего сэра Джона Бонда, «лолларда, претендующего быть священником». Сообщается, что еретик Бонд уже осужден. Где и когда католическая церковь судила Бонда? Связан ли он с заговорщиками 1413—4 гг.? Эти вопросы остаются без ответа...

Черезвычайно ограниченное участие юга и востока Англии в подготовляемом Олдкаслом и его соратниками мятеже, кажется, служит веским доказательством, что отнюдь не все лолларды в 1413—14 гг. были готовы оружием проводить в жизнь свои религиозные и политические взгляды—во всяком случае в этих частях Великобритании.

Иная картина наблюдается на западе страны.

В окрестностях Лондона в руки королевских солдат попал ткач из Честера Дж. Блэйк.[212] 40 ремесленников —в большинстве ткачи—были приведены к стенам столицы капелланами из Бристоля Уолтером Мором и Уолтером Блэйком.[213] В мае 1416 г. горожанин Герифорда Томас Кромп

---

[206] Дж. Уоркер, Том. Сойер, Роб. Кэппедок из Келведен, Уил. Спротфорд из Коггсхолл (Coggeshall), Томас Кок, брат Джона Кока и «другие неизвестные, для ведения войны вооруженные («Alios ignotos, modo guerrino arraiatos»)—E. J. B. Reid, Lollards of Colchester, p. 101—103.

[207] CPR, 1413—6, p. 271; Foedera, II, 2, p. 101.

[208] Фамилия неизвестна.

[209] E. J. B. Reid, Lollards of Colchester..., p. 101—3.

[210] CPR, 1413—6, p. 176.

[211] VH Lincoln, II, p. 42—3.

[212] CPR, 1413—6, p. 271, Foedera, II, 2, p. 101.

[213] K. B. Mc. Farlane, op. cit., p. 176; J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 20, E. F. Jacob The Fifteenth Century..., p. 132.

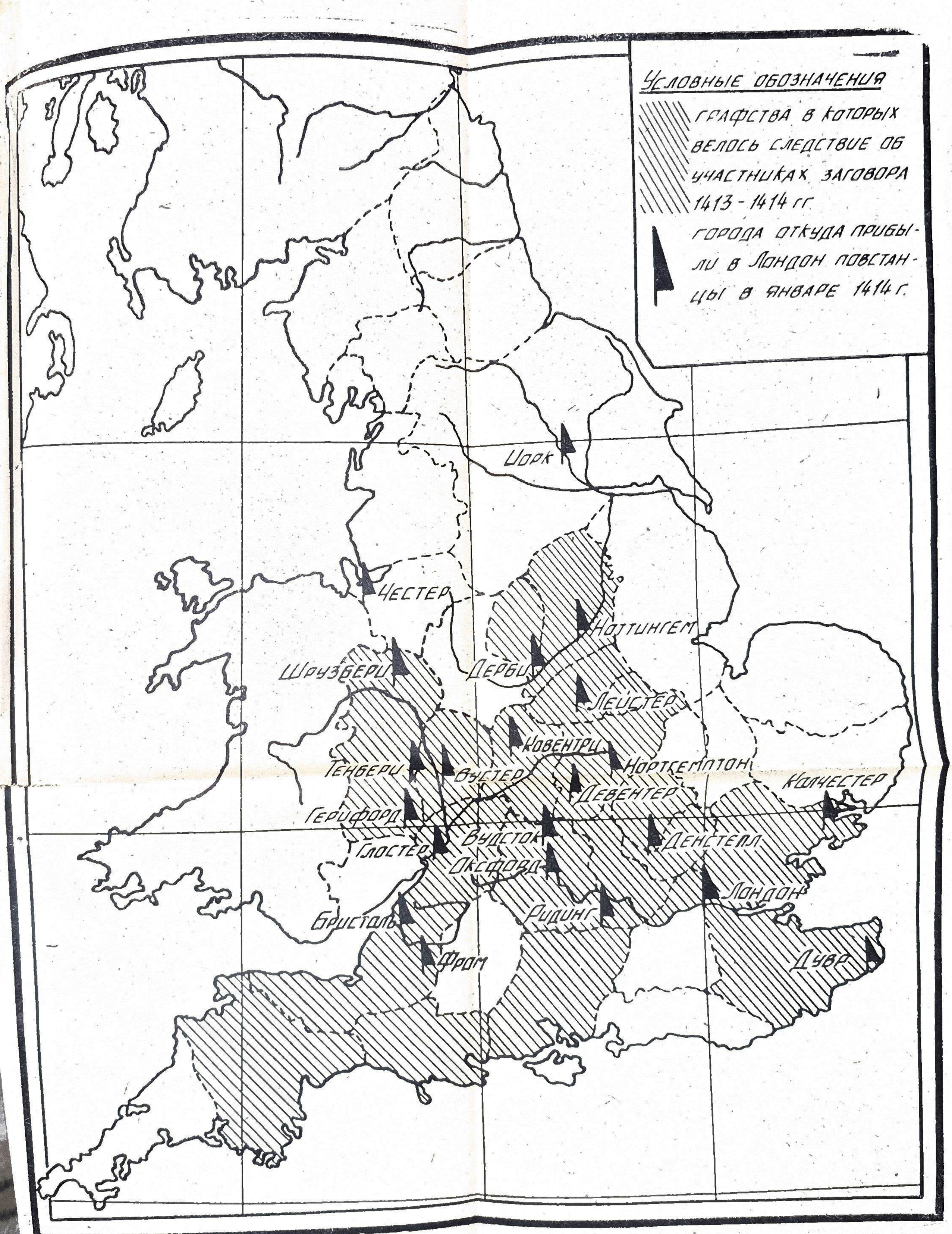
был осужден за помощь Олдкаслу[214], а в 1421 г. такая же участь постигла Дж. Фитцгарри, скорняка из Шрусбери.[215] Известно, что среди направлявшихся к Лондону был ювелир из Вустера.[216] Судебное разбирательство по делу о ереси имело место в Бате весной 1419 г.[217]

15 февраля 1414 г. 105 жителей Сиренчестера, обвинявшихся в государственной измене, мятежа и т. п., получили королевское помилование.[218] В хартии нет ни слова о ереси, и это заставляет нас воздержаться от того, чтобы объяснить события, происшедшие в городе, подстрекательством бедных священников, хотя их хронологическая близость с заговором Олдкасла заставляет думать о возможности связи между ними.

По сравнению с горожанами сельские жители представлены на западе меньшим числом людей, чем в Центральной Англии. Среди помилованных королем упоминается Джон Даун из Фрома (Сомерсетшир)[219]. В 1413 г. интердикту со стороны местного епископа подверглась церковь в Крюкерне (то же графство).[220] В 1417 г. Уильям Тэйлор читал проповеди крестьянам Нортон-Эндер-Хилл (Вустершир)—очевидно, среди слушателей находилось немало его единомышленников, иначе он не отважился бы на такое выступление в то время, когда гонения на ересь достигли едва ли не высшей степени.[221] Суд над Тэйлором начался 12 февраля 1420 г.[222] Второго марта 1423 г. этот один из интеллектуальных лидеров ереси окончил свой жизненный путь на костре в Смитфилде.[223] В 1422 г. епископ Вустера доставил в Лондон некоего Генриха Вебба (Webbe), распространявшего лоллардистские взгляды в вустерском и батском диоцезах.[224] В числе привлеченных к судебной ответственности в 1425 г. оказался престарелой проповедник—«пастух из Хэзлетона», слышавший еще Свиндерби.[225] Поддерживали Джона Олдкасла в годы странствий и держатели его герифорширского поместья Олмели.[226]

---

[214] J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 24.
[215] Ib., p. 8.
[216] Ib. p. 20—1.
[217] Ib., p. 27.
[218] CPR, 1413—6, p. 168.
[219] Jahn Danne of Frome in Sedewode.—CPR, 1413—6, p. 271.
[220] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 20.
[221] Ib., p. 24—5. Надлежит указать, что после изгнания из Оксфорда У. Тэйлор имел Бристоль своей главной резиденцией.
[222] Foxe, III, p. 581 ff.
[223] CrCh., p. 123; Chichele, III, p. 157—173.
[224] Chichele, III, p. 84—5.
[225] Ib., p. 27—28.
[226] Среди них Джон Кэрпентер, Джон Янг.—Ib., p. 14—5, 31.

Условные обозначения
графства в которых велось следствие об участниках заговора 1413 - 1414 гг
города откуда прибыли в Лондон повстанцы в январе 1414 г.
Йорк
Честер
Ноттингем
Шрузбери
Дерби
Лейстер
Ковентри
Тенбери
Вустер
Нортгемптон
Колчестер
Девентер
Герифорд
Вудсток
Денстепл
Глостер
Оксфорд
Лондон
Бристоль
Ридинг
Шрам
Дувр

Как и в других районах Англии, среди покровителей ере-
десь можно встретить нескольких представителей джен-
Это рыцарь Томас Бьючемп из Уайт Лэкингтона (Сомер-
ир)[227] и владелец манора Холдич этого же графства То-
Брук, женатый на сводной дочери Джона Олдкасла.[228]
ое место в мятеже принадлежит рыцарю Рожеру Эктону,
шенному в январе 1414 г. в Лондоне. Владелец манора
он близ Тенбери, Герифордшир, являлся второй фигурой
е лорда Кобхема в заговоре 1414 г., хотя было бы ошиб-
причислять сэра Рожера к аристократам. Его отец крыл
лицей крыши в Шрусбери. Выдвинувшись благодаря
ным грабежам и военной доблести в годы войны с вал-
дами, Эктон получил рыцарское звание и золотые шпоры.[229]

Более важной цитаделью антикатолического движения,
Бристоль, являлся Лондон. Именно здесь скрывался
зи асл в ноябре-декабре 1413 г. Отсюда он надеялся полу-
« основной контингент того войска, которое должно было
сть на Генриха V в Итеме. Судебные процессы над лол-
дами шли здесь непрерывно много лет.

Среди привлеченных к ответственности встречаются один-
цать представителей ремесленных профессий, шестеро
семеро (с Корнмонгером) торговцев. Характерно, что
ди них нет ни одного состоятельного купца. Лишь олдер-
Уильям Эстфилд (Estfield) выступил в качестве свиде-
я на судебном процессе против Мэнджина.[230] Очевидно,
тические взгляды находили приверженцев в среде город-
х ремесленников и плебейства скорее, нежели у представи-
ей столичного патрициата. Клир представлен, помимо двух
елланов, двумя теологами весьма высокой квалификации
Люкас и Р. Мэнджин). Следовательно, интеллектуальные
ы столичных лоллардов выглядят ко второй декаде XV в.
сколько предпочтительнее, чем бристольские, — там только
йлор имел «ученую степень».

---

[227] Ib., p. 20. Он провел восемь месяцев в Тауэре.—K. B. Mc Farlane, cit., p. 177.

[228] CPR, 1413—8, p. 428. В этом документе речь идет о залоге в 1000 ст. с той целью, чтобы Брук не помогал Олдкаслу.

[229] Usk, p. 301: «Iste miles, tegulatoris filius, ex infimo genere Salopiae ndus, predis et spoliis gueerre Wallie ditatus...».

[230] Chichele, III, p. 203—4.

Таблица 2

Список подследственных королевских и церковных судов из Лондона

№№ пп.	Имя, фамилия	Сословие или профессия	Когда привлечен к суду	В чем обвинялся	Источник сведений
1	2	3	4	5	6
1	Дж. Ленгекр[1]	торговец тканями	1414 1417	пропаганда лоллардизма в Байфилд /Бэкингемшир); помощь Олдкаслу	CPR, 1413—6, p. 271
2	Дж. Бэргейв[2]	плотник	1414	„	McFarlane[9] p. 167
3	Р. Эстон[3]	торговец тканями	1414 1414	соучастие в заговоре 1414 г.	Foedera, 11, 2, p. 72, Brut, p. 448.
4	Дж. Чайлд[4]	ювелир	1414	„	CPR, 1413—6 p. 261
5	Л. Кэй	ткач	1414	„	Ib., p. 262
6	Г. Айдер	плотник	1414	„	Ib., p. 271
7	Дж. Годдсхолл	переплетчик	1414	„	CPR, 1413—6, p. 237
8	Р. Бенет	торговец шерстью	1414 1416	пропаганда лоллардизма	Thomson,[10] p. 16
9	Р. Харли	сквайр	1414	соучастие в заговоре 1414 г.	McFarlane,[9] p. 170
10	Р. Колфокс	сквайр	1414	соучастие заговоре 1414 г.	Foedera, II, 2, p. 72.

№№ пп.	Фамилия, имя	Сословие или профессия	Когда привлечен к суду	В чем обвинялся	Источник сведений
1	2	3	4	5	6
11	Р. Эрнолд	бакалейщик?	1414	соучастие заговоре 1414 г.	Jacob[11], p. 132—3
12	Дж. Клэйдон	скорняк	1395 1415	пропаганда лоллардизма; распространение еретических книг	Chichele, III, p. 132 ff. ML, p. 617—8, HA, II, p. 307
13	Р. Джэрмин[5]	булочник	1415	„	Gregory, p. 108
14	У. Фишер (Парчминер)	переплетчик	1416	соучастие в заговоре 1414 г.	ML, p. 641
15	Ч. Люкас	магистр философии	1416	пропаганда лоллардизма	Thomson,[10] p. 16
16	Дж. Уитлок	бывший йомен Ричарда II	1416	„	Acton,[12] p. 21
17	Б. Вулман[6]	?	1416	пропаганда лоллардизма	HA, II, p. 317
18	Т. Джолиф	оружейник	1418	за еретические взгляды	ML, p. 666
19	Т. Коболд	рыботорговец	1420	заговор против Генриха V	Ib., p. 116
20	У. Норман	брадобрей	1420	заговор против Генриха V	Ib., p. 116
21	Дж. Рэйнолд	портной	1421	соучастие в заговоре 1414 г.	CCR, 1413—9, p. 117, 1419—22, 1413—9, p. 117, 1419—22, p. 206, 215.

№ № пп.	Фамилия, имя	Сословие или профессия	Когда привлечен к суду	В чем обвинялся	Источник сведений
1	2	3	4	5	6
22	?	оружейник	1422	соучастие в заговоре 1414 г.	Thomson,[10] p. 149
23	Т. Гэрентер	капеллан	1428	пропаганда лоллардизма	Chichele, III, p. 200 ff.
24	Дж. Голл	капеллан	1428	"	Ib., p. 190 ff.
25	Р. Мэнджин	священник	1428	"	Ib., p. 183, 194 ff.
26	Б. Коримонгер[8]	?	1428	"	Ib., p. 199

[1] Казнен вместе с У. Эвелом и Г. Фрейном в Нортгемптоне осенью 1417 г. J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 14.

[2] J. Burgave и 7 других горожан вместе со сквайром из свиты лорда Кобхема были арестованы мэром Лондона 5 января 1414 г. по доносу. Арест произошел в 12 часов ночи в доме у Дж. Бэргейва, расположенном близ Бишопс-Гэйт. Этой операцией власти начали серию мер по обезвреживанию заговора.—K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 107.

[3] В числе других девяти особо важных преступников Р. Эстон исключен из хартии о помиловании, выданной королем всем участникам заговора Дж. Олдкасла 18 сентября 1414 г.—Foedera, IV, 2, p. 72.

[4] J. Childe, L. Hey, Th. Ideor получили помилование от короля согласно хартиям, выданным канцлерством 8 сентября 1414 г.

[5] Gurmyn, Turmyng, Turmyn, Gutman—таковы написания фамилии, встречающиеся в разных источниках. Джермин был сожжен, как и Дж. Клейдон.

[6] Дж. Э. Ф. Томсон высказал предположение, что Вулман (Wulleman) и Бенет —одно лицо, но не привел ни одного аргумента в пользу своей точки зрения.

[7] Г. Гэрентер (Garenter, Granter)—исповедник состоятельного горожанина Никласа Шэлворта (Shadworth).

[8] В «Регистре» архиепископа Т. Чайчила ничего не говорится о его профессии. Возможно, что фамилия, которая означает «торговец зерном», указывает на его профессию.

[9] K. B. McFarlane, op. cit.

[10] J. A. Thomson, The Later Lollards.

[11] F. F. Jacob, The Fifteenth Century.

[12] A. M. Acton, Lollards.

Приведенные факты при всей их отрывочности позволяют придти к некоторым существенным выводам.

В неудавшемся восстании участвовали представители большинства крупнейших городов Англии[231] того времени и ее наиболее экономически развитые районы: юго-запад, Мидленд, юго-восток. Именно население этих частей страны испытывало наибольшие тяготы от феодальных неурядиц, фискальных мероприятий казначеев первого Ланкастера.

Активное участие людей из этих графств в заговоре против Генриха объясняется также тем, что в течение тридцати с лишним лет они находились под воздействием «бедных священников». Так, жители западной части Оксфордшира, прилегавшей к университетскому городу, горожане Бристоля и земледельцы окрестных районов слушали проповеди таких выдающихся проповедников, как Герифорд, Эстон, Пэрви, а позднее Тэйлор. Север Лейстершира и южные районы Дербишира в 1382 году были ареной выступлений Свиндерби и Эстона, а в 1387 г.—Герифорда. Последний проповедывал также в Нортгемптоншире и Ноттингемшире. В южном Мидленде уже в 80 гг. XIV столетия имелись такие важные очаги деятельности виклифитов, как Брэйбурк, принадлежавший У. Лэтимеру, Эстон-Клиптон, владельцем которого был Д. Монтегю, а позднее резиденция семейства Чейни Дрейтон-Бьючемп.

Характерным является активное участие в заговоре Олдкасла жителей районов, где в то время начался процесс развития капиталистических форм производства в сукноделии (район Бристоля, Эссекс). На это обратил внимание К. Б. Мак-Фарлен. Представители «новых индустриальных групп» — в первую очередь, ткачи, а также сукновалы, портные, красильщики—составляли, по его наблюдениям, особенно большую часть сторонников лорда Кобхема.[232]

Концепция Лехлера—Тревельяна—Уоркмена о том, что в 1395 году движение лоллардов достигло высшей точки своего развития, не находит подтверждения в изученных нами источниках. Число приверженцев проповедников виклифизма увеличилось в последние пять лет XIV в. и в первое десятилетие XV столетия. Именно в это время впервые познакомились с лоллардизмом в Ньюкасле, Шрусбери, Бишопс Линне. «Бедные священники» проникли в Сессекс и на

[231] В среде приверженцев Д. Олдкасла мы не встречаем лишь представителей Саутгемптона, Экзетера и Норича.

[232] Op. cit., p. 180.

юго-запад Англии. Впервые в связи с заговором 1414 г. встречаются упоминания о лоллардах в Честере, Дувре, Колчестере, Дэнстепле, Ковентри, Вудстоке. Тогда же Кент, Эссекс, Ретленд, Уорвикшир, Бэдфордшир и Гертфордшир впервые названы в королевских приказах, как районы, зараженные плевелами еретического учения. Продолжатели Виклифа сохраняли на протяжении всего рассмотренного периода твердые позиции в Оксфорде. Их влияние оставалось непоколебимым в течении этих трех десятков лет в Бристоле, Ноттингеме, Йорке, Лейстершире, Нортгемптоншире, Герифордшире. Если в 1381 г. только Оксфорд и Лейстер с некоторыми близлежащими сельскими районами испытывали влияние виклифитов, то через 30 лет продолжатели евангелического доктора успешно действовали уже не менее, чем в двадцати трех графствах и девятнадцати городах[233]. Мы не склонны принимать всерьез утверждение Лехлера о том, что чуть ли не половина Англии в конце XIV в. поддерживала лоллардов в их попытках провести в жизнь задуманные религиозно-политические реформы.[234] Однако широкий размах движения неоспорим в свете этих фактов.

Вероятно, к концу первого десятилетия XV в. Лондон становится главной цитаделью виклифитов, чему немало содействовало покровительство бедным священникам со стороны лорда Кобхема, замок которого Кулинг находился в непосредственной близости к столице. В январе 1414 г. столичное ополчение должно было составить костяк повстанческой армии. Лондонцы активно участвовали в заговорах против ланкастерского правительства в 1416, 1421 гг.—уже после провала Олдкасла. Здесь действовали в это время такие видные лолларды, как Мэнджин, Люкас. Некоторые лондонцы (Лэнгекр) выступали в качестве пропагандистов и ближайших помощников лорда Кобхема.

Многих наших предшественников занимала проблема дворянского нонконформизма конца XIV—начала XV столетий. Д. М. Тревельян отмечает, что богатые покровители «бродячих проповедников» отвернулись от них после провала январского заговора 1414 г.[235] Подобное мнение разделяли такие историки, опубликовавшие свои труды позднее, как

[233] Лондон, Бристоль, Оксфорд, Дувр, Колчестер, Дэнстепл, Вудсток, Нортгемптон, Лестер, Дерби, Ковентри, Шрусбери, Йорк, Честер, Герифорд, Вустер, Глостер, Ридинг и др.

[234] B. II, S. 7.

[235] G. M. Trevelyan, England, p. 339 ff.

К. Г. Викерс,[236] В. Г. Г. Грин[237] и Э. Ф. Джекоб. Последний подчеркнул, что без активной поддержки «рыцарей графств» появление знаменитого «лоллардистского билля» 1410 г. не было бы возможным.[238]

Другие исследователи стремятся более глубокой мерой отделить феодальный класс от виклифитов. По мнению Г. Б. Уоркмена, после 1395 г. ересь сохранялась лишь среди «низшего джентри», в то время как наиболее влиятельная часть дворянства, боясь репрессий Ричарда II, отказалась от поддержки «бедных священников».[239] Г. С. Кронин, как уже указывалось, относил феодалов к «непоследовательным» лоллардам[240], которые за немногими исключениями отвернулись от ереси тотчас после восстания Уота Тайлера.[241] Столь же решителен К. Б. Мак Фарлен. Не только со второго десятилетия XV в., как утверждал Д. М. Тревельян, но уже к концу XIV столетия, по его мнению, в рядах «сектантов» остались лишь люди «простого происхождения». Ответственность дворянства за распространение ереси преувеличивалась историками позитивной школы. Надежды «простых» лоллардов на поддержку дворянства были совершенно тщетными. Это достаточно ясно доказывается неудачами петиции Свиндерби, манифеста 1395 г. и билля 1410 г.[242]

Наши предшественники, утверждавшие, что аристократический нонконформизм исчезает ранее начала XV в., несомненно более правы, чем те, кто склонен продолжить деятельность «баронской партии» врагов католической церкви до

[236] K. H. Vickers, England in the Later Middle Ages, L., 1913, p. 342, 345 ff.

[237] В. Г. Г. Грин указывает, что «баронская партия» покинула ряды еретиков после разгрома заговора Олдкасла (Bishop..., p. 98—99). Название «баронская партия», на наш взгляд, является неточным. Приведенные выше факты показывают, что виклифизм активнее, чем баронство, поддерживало среднее и мелкое дворянство. Поэтому правильнее было бы говорить о «дворянском» или «феодальном» крыле антикатолической оппозиции.

[238] E. F. Jacob, Henry V, p. 45—6. К сожалению, эта оценка социальных групп, которые защищали билль о секуляризации церковных земель, не получила развития на страницах его более позднего обширного труда. E. F. Jacob, The Fifteenth Century. См. нашу рецензию в сборнике «Средние века» (вып. XIX, стр. 314—316) на последнюю из названных книг.

[239] H. B. Workman, op. cit., II, p. 401—4.

[240] Может быть, правильнее было бы по аналогии с Францией XVI в. назвать «непоследовательных лоллардов» «политическими».

[241] Dymmok, p. XLIV.

[242] K. B. McFarlane, op. cit., p. 145, 147, 153 etc.

1414 года. Из тех дворян, которые поддерживали продолжателей Виклифа, лишь семейства Чейни, Т. Толбот, Т. Бьючемп Т. Брук принадлежали к старинным влиятельным родам. Признанный к концу рассматриваемого периода главой лоллардов Д. Олдкасл—типичный «выскочка» из худородной дворянской семьи пограничного графства, которого лишь удачная женитьба ввела в высший круг феодального общества Англии. Из девяти[243] других представителей феодального класса — потомок шрусберийского портного Эктон, джентельмен из Лейстера Новери, лондонские сквайры Харли и Колфокс тесно связаны с городом. Малочисленность дворянства в рядах лоллардов отнюдь не должна служить поводом к принижению его роли в движении. Джон Олдкасл, сквайр его двора (Дж. Брук, в частности), а также Р. Эктон, У. Новери являлись людьми, стоявшими во главе подготовлявшегося восстания. Сам принцип комплектования вооруженных сил на местах—в Дербишире, Бристоле, Эссексе, Лейстере по договору (by indenture) является типичным для феодальных дружин, предназначаемых к вторжению во Францию.

Несомненно и другое: во второе десятилетие XV в. средние и низшие слои населения таких городов, как Лондон, Бристоль, Лейстер, Вустер, Ноттингем, Нортгемптон, Норич, играли в антикатолическом движении более активную роль, чем городская верхушка. Цеховые ремесленники и торговцы, их подмастерья, ученики и слуги являлись теми людьми, которые с оружием в руках выступали против Генриха V. В борьбу с приверженцами католицизма оказалась вовлеченной часть крестьянства—в первую очередь из южного Мидленда, в меньшей степени —из северного. Отличительной особенностью движения 1414г. является то, что чаще всего выступали крестьяне из близлежащих к городам деревень —в частности к таким городам, как Вудсток, Дэнстепл, Дерби. Иногда горожане выступали инспираторами крестьянских выступлений: Дж. Ленгекр в Викомб (Бэкингемшир), У. Смит в Белтоне и Дэвингтоне (Сев. Лейстершир).

Именно выходцы из горожан или «нового», тесно связанного с городом дворянства становились чаще всего руководителями еретиков. Так, предводителями эссекского ополчения были сапожник Смит и ткач Кук. Отрядом горожан из Вудстока и окрестных деревень западного Оксфордшира командовал перчаточник Уильям Браун. В Дэнстепле и окрестных поселениях мятежников возглавлял Роберт Морли, а в Ковентри —торговец тканями Рожер Гартон. Лишь в сев. Лейстершире «пахарь» Уорд назван, наряду с лейстерским горожанином У. Смитом, вождем повстанцев.

Агитаторами, а порой предводителями военных отрядов становились нередко также представители низшего клира: чаще всего—капелланы, реже—ректоры приходских церквей. Именно такие люди, как У. Блэйк и У. Мор в Бристоле, Уолтер Гилберт в южном Лейстершире, Т. Дрэйтон в Бэкингемшире и У. Едерик в южном Дербишире превратили академическую ересь в учение для широких народных масс.

Таким образом, виклифизм не стал идеологией какой-то одной классовой группы. Низший клир, мелкие и средние феодалы, среди которых многие могут быть охарактеризованы, как «новые дворяне», цеховые ремесленники, торговцы, крестьяне, сельский и городской предпролетариат—вот пять общественных слоев, среди представителей которых идеи оксфордского еретика находили отклик. В событиях, происходивших в рассматриваемый отрезок времени, наиболее активны были первые четыре слоя населения, их то и обозначают британские историки термином «средние классы». Гегемония в движении, судя по всему, принадлежала горожанам и представителям дворянства и клира, либо по происхождению, либо жизненной карьерой тесно связанным с городом.

Выше было уже отмечено, что учение евангелического доктора может рассматриваться, как разновидность бюргерской ереси. В ходе проведенного анализа это суждение получило немало аргументов для своего подтверждения, но нельзя не сделать существенных оговорок: виклифизм мало влиял на городские верхи (купечество, по терминологии В. Г. Г. Грина, и вышел далеко за пределы городских стен, находя приверженцев и в дворянских замках, и в скромных домиках сельских тружеников.

В какой из названных пяти классовых групп влияние лоллардов оказалось наиболее устойчивым? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать экскурс в историю позднего доллардизма.

Новый подъем антикатолического движения произошел в конце 20—30 гг. XV в. Он явился фактором, стимулировавшим активность судов различных инстанций—как «светских», так и «церковных». Самые крупные процессы в 1428 г. про

---

[243] Г. Моруорд, У. Новери, Г. Бут (Лейстершир), Дж. Уиккем (Оксфордшир), Дж. Принс (Дербишир), Р. Эктон (Герифордшир), Дж. Браун, Р. Харли, Р. Колфкос (Лондон).

изошли на территории норичского диоцеза (графства Норфолк и Сеффолк) и в Кенте. В последнем чиновники католических иерархов обнаружили лоллардов в Ромни, Тентердене, Вудчерче, Кренбруке, Стэплхерсте, Бенниндене, Хелдене, Ролвендене.[244] Было цитировано семнадцать мужчин и три женщины,[245] но они —как и другие еретики —бежали из родных мест. Судьба большинства беглецов нам неизвестна. Один из священников Уил. Уайт в том же году был схвачен норичским епископом и закончил свои дни на костре.[246] В сентябре этого года в Колчестере сожгли другого беглеца из Кента Уильяма Чивилинга (Chiveling).[247] Среди других пятнадцати, названных Фоксом, был еще один клирик—Томас Гринстед (Grenested). Остальные миряне. Ни один из них не принадлежал к «благородным» сословиям. Судебные преследования в этом юго-восточном графстве, как установлено Дж. Э. Ф. Томсоном, продолжались и в последующие три десятилетия: 1431, 1435, 1440, 1452, 1454, 1455, 1456. Среди привлеченных к ответственности не было дворян, если не считать рыцаря Ричарда Конвея—отнюдь не религиозные убеждения заставили последнего примкнуть к лоллардам.[248]

Все кентские лолларды происходят из деревень и местечек, расположенных в юго-восточной части графства, близ границ с Сессексом, или в бассейне р. Мидуэй. Данные обстоятельства позволяют говорить о четкой локальной ограниченности деятельности еретиков и указать на некоторых миссионеров, занесших «плевелы виклифизма» на кентскую почву. Это в первую очередь Уильям Уайт, ректор церкви в Тентердене, и в разное время работавшие в Кенте Томас Дрейтон и Ричард Вич.[249] Настойчивое повторение одних и тех же либо смежных друг с другом поселений служит свидетельством устойчивости влияния еретиков в этом районе (см. таблицу № 3 и карту-схему № 3). Причины данного явления еще должны стать предметом штудий кентских краеведов.

---

[244] Фокс говорит о том, что лолларды были и в других пунктах графства, но каких именно, не указывает (p. 540).

[245] В это число входят Уильям Уайт, бывший капеллан из Тентердена, и Томас Гринстед, который был назван клерком церковного суда «capellanum pretensum».—Chichele, IV, p. 297—8.

[246] См. стр. 159.

[247] J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 176.

[248] См. о Конвее несколькими страницами далее.

[249] Как установил Дж. Э. Ф. Томсон, Томас Дрейтон работал в 1422—25 гг. в Снэйв (Snave), близ Тентердена, а Ричард Вич являлся ректором Ливленда (p. 173 ff.).

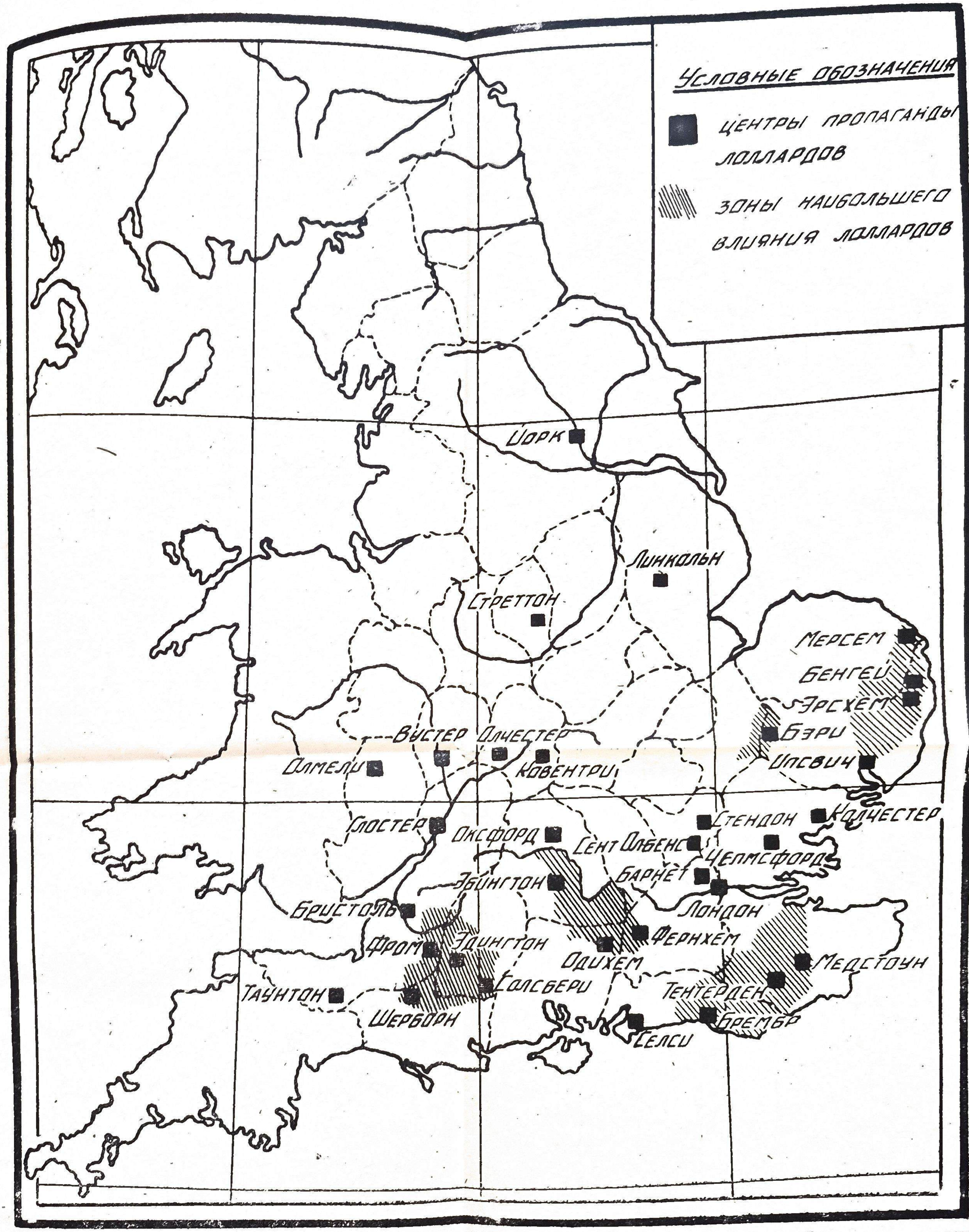

Условные обозначения
центры пропаганды лоллардов
зоны наибольшего влияния лоллардов
Йорк
Линкольн
Стреттон
Мерсем
Бенгей
Эрсхем
Бэри
Ипсвич
Колчестер
Вустер
Олчестер
Олмели
Ковентри
Глостер
Оксфорд
Сент Олбенс
Стендон
Челмсфорд
Барнет
Эбингтон
Бристоль
Лондон
Фром
Эдингтон
Фернхем
Одихем
Медстоун
Тентерден
Солсбери
Тонтон
Шерборн
Бремер
Селси

Таблица № 3*

Распространение лоллардизма в Кенте в 20-50 гг. XV века.

№	Название местности	Когда происходили судебные преследования лоллардов									
		1428	1431	1436	1438	1440	1450	1452	1454	1455	1456
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Тентерден	пр	н	н	пр	пр	н	пр	н	н	н
	Ромни	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	н
	Крэнбрук	пр	н	н	н	пр	пр	пр	н	н	пр
	Вудчерч	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	н
	Степлхерст	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	н
	Бененден	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	пр
	Хэлден	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	пр
	Ролвенден	пр	н	н	н	н	н	н	н	н	пр
	Мерден	н	н	н	н	н	н	пр	н	н	н
	Бренчли	н	пр	н	н	н	пр	н	н	н	н
	Хэдлоу	н	пр	н	н	н	н	н	н	н	н
	Тэнбридж	н	пр	н	н	н	н	н	н	н	н
	Страуд	н	н	пр	н	н	н	н	н	н	н
	Ист Сэттон	н	н	н	н	н	н	н	пр	пр	н
	Уиттерсхем	н	пр	н	н	н	н	н	н	пр	н
	Уэст Мэллинг	н	пр	н	н	н	н	н	н	пр	н
	Уэлдинг	н	н	н	н	н	н	пр	н	н	н
	Эпплдор	н	н	н	н	пр	пр	н	н	н	пр
	Истри	н	н	н	н	н	пр	н	н	н	н
	Уодхерст	н	н	н	н	н	н	н	н	н	пр

Преследования еретиков в восточных графствах Ан-
и—Норфолке, Сеффолке, Эссексе—в 20 и начале 30 гг.,
колько позволяют судить данные Фокса, были еще значи-
ьнее, чем в Кенте. Фокс приводит имена более ста пятиде-
и еретиков, державших ответ перед церковным судом в те-
ие семи лет: с 1424 г. по 1431 г. Среди них нет ни одного
рянина, ни одного «merchant» и дипломированного богос-
а. Среди подвергшихся преследованию мы видим токарей
rners) Джона Флоренса из Шелтона и Джона Гремнера
Дайчингхема, переплетчика из Дайчингхема Джона Гоу-
а, рабочего Джона Беверли, мельника из Фликстона
кона Спилли, слугу Джона Перта, колесных мастеров—

* Таблица составлена на основании данных, почерпнутых из «Регист-
архиепископа Чайчила (IV, p. 297), из хроник Грегори (p. 181), Брэта
173), книги Фокса (p. 583), архивных материалов, обнародованных
Э. Ф. Томсоном (p. 180). См. также CCR, 1435-41, p. 313.
Услов. обозначения: пр—происходили, н—в указанный год репрессий
было.

Уильяма Бэкстера и Роберта Григга из Мэрсема, портного Уильяма Бэйта из Сезинга, перчаточника Джона Риса из этого же местечка и торговца врозницу—Джона Перкера.[250] Специальность других не указана, но, бесспорно, их социальный статус мало чем отличался от выше названных людей. Духовными наставниками лоллардов в этом районе являлись священники: «капеллан Томас из Сетлинга», викарий Джон Кэрнер из Тэнстелла, Уильям Кэлейс[251] и Томас Перт—«клирики из Лэдни», Роберт Чэпел, Уильям Нортгемптон, Гуго Пай и Уильям Уайт. Джон Эмендсхем называет Пая главарем норических еретиков.[252] Однако, во время судебных расследований 1428—1431 гг. фигура Уайта оказалась в центре внимания церковных судей. Ему было предъявлено наибольшее количество обвинений. Свидетельские показания характеризуют его как очень популярного проповедника.[253] Заслуживает внимание то мужество, с которым он держался во время следствия и даже на костре.[254] Его деятельность началась в приходе села Тентерден. В 1424 г., принеся публичное покаяние в своих «ересях» и «ошибках» в Кентербери, он уехал в Норфолк, где проповедовал около четырех лет.[255] К 1428 г. он возвратился в Тентерден. Но весной этого года, когда кентерберийский архиепископ организовал массовые преследования еретиков, он вновь был вынужден искать убежища у своих друзей в восточных графствах. Здесь его и настигла карающая рука католической церкви. У. Уайт порвал с лицемерным требованием отцов католической церкви соблюдать целибат. Его супругой стала юная девушка Джен. Джен представляла из себя невиданное для католицизма, но не редкое для боровшихся с ним сектантов явление. Она выступала с проповедями. Арест мужа не остановил ее.[256] Вообще влияние тентерденского «кружка» У. Уайта на лоллардов Восточной Англии заслуживает быть особо отмеченным. Пользовался известностью, в частности, Джон Уоден,[257] сожженный в одно время с Уайтом.[258] Это был не ка-

[250] Foxe, III, p. 587 ff. Am, I, p. 29.

[251] У. Кэлейс был сожжен в Челмсфорде 19 июня 1430 г.—Am, I, p. 31.

[252] Am, I, p. 29.

[253] Foxe, III, p. 591.

[254] У. Уайт сожжен в Нориче в сентябре 1428 г. Стоя на костре, он обратился к собравшейся толпе с проповедью. Лишь удар копьем заставил его замолчать (Foxe, III, p. 591).

[255] Д. Фокс на основании изучения протоколов суда норфолкского диоцеза пришел к выводу, что взгляды различных групп лоллардов сформировались здесь под его влиянием (p. 590—1). О деятельности Уайта в Кенте см. Chichele, III, p. 85 ff.

[256] Foxe, III, p. 591.

[257] Ib., p. 586, 587.

[258] Ib., p. 591.

толический, а «еретический» клирик, рукоположенный вероятнее всего Уайтом. По профессии Уолден скорняк. Вместе с Уайтом и Уолденом был подвергнут сожжению сапожник, известный среди лоллардов восточных графств, как «отец Эбрехем из Колчестера».[259] Судя по тому, что ему было предъявлены те же обвинения, что и тентерденским проповедникам, сан священства он получил от них.

Границы распространения ереси очерчены на востоке Англии с той же четкостью, как и в Кенте. Длинная цепь поселений—Бекклс (Beccles), Дайчингхем (Ditchingham Dychingham), Бэнгей (Bangay) Эрсхем (Earsham), Хэрлстен (Harlsten)—протянувшаяся вдоль течения реки Уэйв (Wave),[260] дала наибольшее число подсудимых. К северу от Уэйв, в Норфолке, центрами проповеднической деятельности виклифитов являлись Марсем[261] и Пэддок, а в Сеффолке—Нидхем, Олдборо. В тупоугольном треугольнике Марсем—Ипсвич—Олдборо расположены и другие поселения, где жили схваченные епископскими судьями преступники против законов римской церкви: Сеттинг, Клипсли, Берри, Тернинг, Дикхем. Как и в юго-восточном графстве, ересью были заражены преимущественно сельские районы. Мы ничего не слышали о лоллардах в Нориче, Грейт-Ярмуте, Тетфорде, Уолсингеме. Ересь существовала также южнее—в Ипсвиче[262], Колчестере[263] и Челмсфорде.[264] Лолларды действовали и в сельских местностях Эссекса. Среди казненных в 1430 г. «каменщик из Мэлдена» (Malden), имя которого летописцы не называют. Ранней весной 1431 г. большое внимание привлекло сожжение на Смитфилде викария из селения Моненден (Monenden), расположенного близ Мэлдена, Томаса Бэгли.[265]

Преследования, обрушенные на виклифитов норичским и лондонским епископами, в отличие от кентских тех же лет, имели знаменательные последования. В Норфолке и Сеффолке о еретиках мы не слышим на протяжении трех десятилетий.

[259] Foxe, III, p. 587, 592.

[260] Больше всего было привлечено к суду еретиков из Бэкклс и Эрсхем (по 8), в Бэнгей—шесть.—Foxe, III, p. 586, 588, etc.

[261] В Martham было арестовано четыре человека.

[262] Из окрестностей Ипсвича происходил Джон Перкер, сочетавший торговлю в разнос с успешными проповедническими выступлениями.

[263] Родом из Колчестера был «отец Эбрехем», дважды судимый в 1428 и 1430 гг., Джон Финч и многие другие —Foxe, III, p. 587, 592, 598.

[264] В Челмсфорде 19 июня 1430 г. был сожжен упоминавшийся двумя страницами раньше Уил. Кэлейс.—Am, I, p. 51.

[265] Am, I, p. 50, 61; GrFr, p. 15; ChL, p. 18—9; Brut, p. 456; GrCh, p. 155.

Зато в 30 гг. XV в. резко возросла активность продолжателей Виклифа в соседних с Сеффолком районах Кембриджшира.[266] К сожалению, нам неизвестны названия местностей этой области, где действовали проповедники лоллардов.

Судя по материалам королевских судов 1450—1451 гг., лолларды сохранили влияние в ближайшем к Кенту восточном графстве—Эссексе.[267]

Районом наиболее интенсивных революционных выступлений стало в тридцатые годы графство Беркшир. В 1431 г. Эбингдон явился центром широко разветвленного заговора, возглавляемого местным ремесленником Уильямом Перкинсом. Деревни Ист-Хендред близ Стевентона и Уокингхем—вот местности, где собирались вооруженные рати лоллардов первый раз в 1431 г., во второй —на три года позже. На юг от Беркшира волнения вспыхивали в Уилтшире, (Солсбери, 1431), Гемпшире (Одихем[268] и Крондел[269]), в Серри (Фернхем).[270] Преследования имели место также в Кукхеме (1443 г.), Чиддингфорде (1440—1444) и Уоллингфорде (1443 г.).[271] Как в Кенте и на востоке, в бассейне Темзы можно наметить район интенсивной деятельности еретиков. Он на несколько десятков миль вытянулся вдоль южного берега этой реки.

В южных графствах было неспокойно в 1450 г. В мае 1451 г. в Гемпшире, Уилтшире, Серри, Сессексе действуют следственные комиссии, в программу которых входили среди других дел и преследования еретиков.[272]

Менее активны в эти годы были лолларды Мидленда. Эпизодические преследования имели место в Барнете, Сент-Олбенсе, Спендоне (Гертфордшир).[273]. Сохранилась благодаря деятельности Томаса Бикенора ересь в южной части Бэкингемшира. Важную роль в Бэкингемшире и сопредельных графствах играли в то время викарий из Чесхем Ричард

---

[266] Честь установления этого факта принадлежит Дж. Э. Ф. Томсону «A Lollard Rising...». См. также его «The Later Lollards», p. 132. Преследования еретиков аббат Бери-Сент-Эдмундс вел в 1428 г., 1430 г., 1433 г. —«The Later Lollards», p. 120, 121, 130.

[267] CPR, 1448—52, p. 440. Дж. Э. Ф. Томсон обращает внимание на то, что ересь упоминается в ряде других документов, хранящихся в «Public Record Office» (Ancient Indictments, file 268, Nos. 19, 22).

[268] CCR, 1435—1441, p. 387.

[269] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 63—64.

[270] Vitellius, p. 153—4.

[271] Данные приводятся в книге Дж. Э. Ф. Томсона (p. 62—3, 65).

[272] J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 67; CPR, 1448—52, p. 477.

[273] В Сент-Олбенсе привлечен к ответственности в 1427 г. переплетчик. В Барнете —maltman, в Спендоне—мясник.

Монк и Роберт, ректор из Хиджерли.[274] В северном Мидленде— под влиянием проповедей способного миссионера Дж. Грейса—продолжатели Виклифа удерживали влияние в Личфилде, Бермингеме, Колсхиле и Ковентри.[275] В двадцатые годы к судебной ответственности, как еретики, здесь оказались привлеченными 33 человека. Репрессии не напугали виклифитов: ковентрийские горожане вместе с жителями Солсбери и Эбингтона готовилась в 1430—1431 гг. с оружием в руках выступить в защиту своих прав.

В 20 гг. в Линкольне за лоллардизм судили Роберта Сэттона, а в 1436 г. в Стреттоне (Дербишир) был схвачен некий Уильям Маршалл. С январских событий 1414 г. прошел максимальный срок давности, и это заставляет думать, что, наряду с давними, какие-то новые грехи Маршалла побудили королевскую администрацию заточить его в одну из самых крепких тюрем королевства—Маршалси (Саутворк). В 1440 г. в Сессексе произошел арест бывшего священника Джона Борехема.[276]

Только два случая ереси зафиксированы на территории йоркской епархии за 20—40 гг.XV в.[277]

В западных графствах, одном из старейших районов распространения виклифизма, церковным судам в 1425—1450 гг. было также мало работы сравнительно с предшествующими десятилетиями. Преследования имели место в Олчестере (Уорвикшир, 1428), Олмели (Герифордшир, 1433), Таунтоне (Сомерсет, 1441), Дивайзис (Уилтшир, 1434). Важнейшим очагом антикатолического движения в этом районе оставался Бристоль, а также тесно с ним связанные города юго-западной части Великобритании Глостер, Вустер, Уилс и др. В 1436 г. перед судом католической церкви предстал Джон Брент, ремесленник из Бристоля, в 1441 г.—Джон Джорден. 1447 г.—ткач Уильям Эмейм, 1448 г.—капеллан Джон Янг и кузнец Уильям Смит. Последний являлся руководителем группы.[278] В следующую декаду состоялось несколько значительных процессов.[279] Многие лолларды бежали из Бристоля.

---

[274] VH Buckingham, I, p. 242.

[275] CPR, 1422—9, p. 275—6; VH Warwick, II, p. 201.

[276] VH Sussex, II, p. 23; J. A. F. Thomson. The Later Lollards..., p. 102.

[277] Виновным в ереси в 1428 г. был признан францисканец из г. Йорка Джон Ричмонд (J. A. Thomson, The Later Lollards..., p. 195—6). В 1422 г. кармелитский приор из дэремского епископства осудил пожертвования верующими свечей для храмов в рождественские праздники (VH Durham, II, L, 1907, p. 23).

[278] VH Gloucester, II, p. 22—27; VH Somerset, II, p. 27—28.

[279] Среди подсудимых горожанин Уолтер Комбс, капеллан Томас Норторн, булочник Томас Колд и его супруга. —VH Somerset, II, p. 28.

Один из них Джемс Виллис (или Вилли) прославился в качестве талантливого проповедника в восточной и центральной Англии.[280]

Ересь в Лондоне также сохранялась на протяжении всего второго двадцатипятилетия. Судебные преследования здесь имели место в 1433, 1438, 1440, 1452 гг.[281]

Все подсудимые в Лондоне и Бристоле, в сельских местностях Гемпшира и Олмели относились к категории «простых»—по терминологии тех лет—людей. Однако имелись исключения. В 30 гг. XV в. в Оксфорде был обвинен в ереси «магистр свободных искуств» Джон Бернард.[282] Клириками с «высшим образованием» являлиссь судившиеся в Лондоне Ролф Мэнджин (1428 г.) и Ричард Вич (1440 г.). Кроме того, летом 1431 г. королевский совет слушал дело братьев Чейни, подозревавшихся в пособничестве Джеку Шэрпу. Поскольку никаких репрессий против них не последовало, и уже 4 августа Джон вместе с Томасом Чейни был выпущен из Тауэра, следует полагать, что обвинение не подтвердилось.[283] Наконец, во главе повстанцев 1438 г. в Кенте оказался рыцарь Конвей. Больше ни одного феодала, ни одного ученого или сановитого клирика. Следовательно, «светская партия», как недерко называет своих идейных противников защитник католицизма Реджинальд Пикок, к середине XV в. стала относительно социально-однородной.

Общественные силы, поддерживавшие учение лоллардов во вторую четверть XV ст., существенно отличались от тех, которые шли за ними в начале века. За десять лет, истекших со времени неудавшегося заговора Джона Олдкасла, классовая база движения значительно изменилась.

Его знамена покинули окончательно и бесповоротно представители имущих классов: джентри, состоятельные горожане, представители наиболее образованных и высокооплачиваемых групп клира. Именно в это десятилетие, а не вскоре

[280] W. H. Summers, The Lollards..., p. 66ff.

[281] В 1433 г. епископские чиновники занимались делом Томаса Стевенса переписчика. В 1438 г. жертвой церковного суда оказался садовник Джон Бисмер, в 1440 г.—Ричард Вич, поповедывавший тогда в окрестностях английской столицы. В 1448 г. погиб на костре еретик, имя которого осталось неизвестным. В 1452 г. к ответу был привлечен Эндрю Тай, профессиональная принадлежность не установлена.—CCR, 1435—41, p. 181; CPR, 1447—54, p. 396; ThFCh, p. 66; Brut, p. 172; ChL, p. 125.

[282] Дж. Э. Ф. Томсон не смог установить точную дату процесса.—The Later Lollards..., p. 62.

[283] CPR, 1429—36, p. 153; CCR, 1429—35, p. 89. См. о братьях Чейни VH Buckingham, I, p. 291.

после 1395 г., как думают некоторые исследователи,[284] движение «опростонародилось». Тот альянс между низшим дворянством и городской верхушкой с одной стороны, городской и сельской беднотой —с другой, который мы наблюдали в 1413—14 гг., распался. Это обстоятельство было подмечено уже средневековыми хронистами. Д. Стау[285] называет лоллардов тех лет «certaine light persones».

В годы острого политического кризиса второй половины XV в. репрессии против еретиков были значительно ослаблены, но не прекратились совершенно. На страницах летописей, повествующих о событиях 60—70 гг. XV в., нередко встречаются пометки о сожжениях и менее суровых репрессиях лоллардов. В 1467 г. окончил жизнь на холме Тауэра уроженец из Уолдена (Эссекс), которого продолжатель Грегори называет Уильямом Вэлоу, в 1473 г. казнь постигла беглеца из Бэкингемшира Джона Гоуза; в 1481 г. публичное покаяние спасло жизнь Маргарите Койт из Эшборна (Дербишир). В Нортгемптоншире ересь была изобличена в Джордли Гастингс (ректор церкви Джон Фрэнсис).[286] В Хай Викомбе, Эмерсхеме, Тервиче, Гембледоне, Грейт-Марлоу, Гугендене (Бэкингемшир), а также в Чиннore, Хенли, Тэйме (Оксфордшир),[287] расположенных среди живописных Чилтернских холмов на юге Бэкингемского графства, ищейки католической церкви в 60 гг. XV в. схватили более трех десятков лоллардов. Процесс над чилтернскими еретиками, который вели слуги линкольнского епископа, был крупнейшим в третью четверть XV столетия.[288] Массовые репрессии имели место также на территории Динского леса. Главным очагом ереси здесь было селение, расположенное на границе Герифордшира и Глостершира,—Линн (или Ледберн).[289]

Как только положение государства стабилизировалось, церковные суды при поддержке королевской администрации вновь приступили к жестокой борьбе с «плевелами лоллардизма». За последние десять лет XV столетия и двадцать пер-

[284] Мы имеем в виду Д. М. Тревельяна, Г. Б. Уоркмена, К. Б. Макфарлена и других.

[285] Stow, Summary, fol. 269—270.

[286] Gregory, p. 233; Foxe, III, p. 755; VH Derby, II, p. 141; VH Northampton, II, p. 30. В 1476 в Лондоне отправили на костер некоего Эбрема (ChL, p. 145).

[287] VH Buckingham, II, p. 296—7; VH Oxford, p. 18—20.

[288] Из них один был сожжен. О ходе репрессий см. неоднократно цитировавшуюся здесь книгу У. Г. Сэммерса (p. 66—72).

[289] Там предстало перед судом и вынуждено было раскаяться в своих еретических ошибках 12 человек.—J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 40.

вых лет XVI века наибольшее количество судебных дел приходится на старые центры антикатолического движения. Среди них в первую очередь следует назвать Лондон. В 1495 г церковные судьи отправили на костер восьмидесятилетнюю женщину—Джен Баутон. «Она была ученицей Виклифа, которого почитала святым».[290] Кроме Баутон, в 1495—6 гг. к суду оказались привлеченными девять человек,[291] в 1499 г.— еще двенадцать[292] в 1500 — трое,[293] 1509 — 11 гг.—больше двадцати,[294] в 1512—один, 1517—двое,[295] 1518—шестеро.[296] Не все участки этих процессов — лондонские горожане,[297] тем не менее вывод, что английская столица в начале XVI в., как 100 лет назад, оставалась крепостью виклифитов, справедлив.

Столицей лоллардов в Кенте по-прежнему являлся Тентерден.[298] В 1511 г. перед церковным судом предстало 39 еретиков. Их возглавлял уроженец Тентердена Уильям Кардер (Carder).[299] Среди его сторонников большинство из уже знакомых местечек юго-западных частей графства—Тонбридж, Степлхерст, Грейт Чарт, Эшфорд, Мэдстоун. Как и во вторую четверть XV века, ересь была жива близ Рочестера—в Вест-Мэллинг и Страуд. О местечках Райвер и Уолдерсхер мы раньше не слышали, как и о еретиках, живущих в крупных городах графства—Кентербери и Рочестере.[300] Учитывая, что 1511 г. не был единственным в конце XV—начале XVI вв., когда ересь зафиксирована в Кенте, следует признать устойчивость еретического влияния в этом графстве.

---

[290] GrCh, p. 52.

[291] GrCh, p. 253, 262, 264; см. также J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 156.

[292] Все двенадцать человек спасли себе жизнь публичным покаянием. — GrCh, p. 290; Foxe, IV, p. 123.

[293] «Большая хроника Лондона» сообщает о сожжении на Смитфилде старого еретика. —GrCh, p. 294. О сожжении старого человека пишет Р. Фабиан (p. 687) Ср. Foxe, IV, p. 122.

[294] GrCh, p. 305; Foxe, IV, p. 174.

[295] Foxe, IV, p. 174.

[296] Ib.

[297] Среди подсудимых приор аббатства Сент Осиз в Сент Осиз, Эссекс (GrCh, p. 331). У. Свитинг —родом из Челси, Дж. Брюстер —из Колчестера, Т. Манн—из Бэкингемшира.

[298] В Тентердене, как показали визитации 1498, 1502 гг., приходская церковь была в крайне запущенном состоянии. Не является ли это косвенным свидетельством симпатии большинства местного населения к лоллардам? —J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 190, note 5.

[299] Кардер и восемь других еретиков были сожжены.

[300] Сведения взяты в книге Дж. Э. Ф. Томсона (p. 187). См. также J. Stacey, op. cit., p. 136.

Непоколебленными оказались позиции лоллардов, несмотря на многократные репрессии в районах, прилегавших с севера и юга к среднему течению Темзы, в первую очередь—в Беркшире и Бэкингемшире, а также в Серри. Процессы в Беркшире и на территории Чилтернских холмов шли почти непрерывно. К ответственности были привлечены сотни людей. Наиболее массовыми на север от Темзы были репрессии 1506 г.[301] и 1521—22 гг.[302] Среди репрессированных мы видим жителей Эмерсхема, Большого и Малого Миссендена, Викомба—тех сел и деревень, что активно участвовали еще в заговоре 1413—14 гг.[303] Виклифитские традиции сохранились и в Беркшире: местности Уокингхем, Ист-Хэндред, Стевентон хорошо известны нам по событиям 1431 г. Правда, здесь, подобно соседнему Уилтширу,[304] перечень местечек, где удалось разыскать лоллардов, значительно расширился в последние десятилетия.

В 1498 г. к суду солсберийского епископа были привлечены дубильщик Джон Бишоп, медник Джон Рай, портной Скотвит и ткач Джон Стэмви—все четверо уроженцы Ридинга. Тогда же аресты производились в Леткомб Регис, Хэнни, Хэнгерфорде, Коксвелле, Уонтаже.[305] В Гемпшире северо-восточный угол графства по-прежнему оставался местом, где ересь была жива. Своеобразный рекорд «выносливости» поставили лолларды Одихема. Первое упоминание о виклифизме в этом местечке относится к 1382 г., однако еще в 1514 г.[306] последователи евангелического доктора продолжали там свою проповедь. Впрочем, не только в Одихеме. В 1491 г. перед церковными судьями предстал Ричард Петефин из Вудхей, отрицавший католические таинства и ссылавшийся при этом на некие, имевшиеся у него английские книги.

---

[301] Как указал Дж. Стэси, на территории Чилтернских холмов были привлечены к ответственности 300 человек (p. 133—135).

[302] Руководителями еретиков были здесь в начале XVI столетия Уильям Тилуорт из Эмерсхема, Роберт Коузен («отец Роберт») и Томас Чейз. У. Тилуорт сжег себя сам, Роберт Коузен окончил жизнь на костре в г. Бэкингеме, Чейз погиб в тюрьме. —Foxe, IV, p. 123 ff. См. также W. H. Summers, The Lollards, p. 80 ff.

[303] Во второе десятилетие XVI в. здесь сожжено четыре человека.— W. H. Summers, The Lollards, p. 98, 103ff.

[304] Дивайзис и Брэдфорд-на-Эйвоне дали во второе десятилетие XVI в. двоих мучеников, окончивших жизнь на костре; 17 человек принесло покаяние —J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 49—50. Вот перечень других селений Уилтшира, где ересь впервые отмечена в конце XV в. и начале XVI в.: Марлборо, Чиртон, Мертон, Пьясей и др.

[305] VH Berkshire, II, p. 21.

[306] В 1514 г. 7 человек публичным покаянием спасли себе жизнь в Одихеме. —J. A. Thomson, The Later Lollards, p. 88. О Петефине см.—VH Hampshire, II, p. 48.

Бастионом лоллардов оставался, как и сто лет раньше, Бристоль. В 1498 г. несколько врагов католической церкви расстались здесь в жизнью на костре.

В 1509 г. был привлечен к суду рабочий из Митчелден (Глостершир) Темас Гигонс, 1514 г.—Алиса Дедвуд из Биг-ли.[307]

Судя по «инквизиционным» делам епископских трибуналов, усилилось к концу XV в. влияние виклифитов в Ковентри.[308] Некоторое оживление деятельности еретиков было отмечено в Оксфорде в начале XVI в., особенно на юге графства: Бэрфорд, Уитни, Стэнлейк, Клэнфилд, Хенли, Чекендон и др. Из социальных групп преобладали ремесленники, некоторые из них были довольно состоятельными. Так, Робин Коллинс купил за 20 шил. Библию, другой подсудимый являлся бейлифом Уитни. Среди еретиков мы встречаем школьного учителя и даже вдову дворянина Томаса Дойли. Об интеллектуальной развитности оксфордских лоллардов говорит конфискация у них значительного количества книг, среди которых «Wicket» Виклифа.[309] Сохранились общины лоллардов и на востоке Англии, в частности—в Бэнгее, одном из мест проповеднической деятельности У. Уайта.[310]

По-прежнему мало заметным было воздействие врагов католицизма на население юго-запада и севера страны.[311] То ослабление позиций ереси в сев. Мидленде, которое отмечалось, когда речь шла о второй чегверти XV в., наблюдается и в начале следующего столетия.

Не восстановили к концу XV века бедные священники прежнего положения и на западе Англии, если не считать Динского леса, где они имели немалое число приверженцев.[312]

Заканчивая анализ территориального размещения общин лоллардов в конце XV —начале XVI вв., следует еще

---

[307] VH Gloucester, II, p. 24.

[308] Репрессии в Ковентри продолжались с 1485 г. систематически. 9 марта 1485 г. перед судьями местного епископства отвечало 9 человек. — Foxe, IV, p. 133. В 1491 г. состоялся суд над двумя лоллардами. В 1511 г. один еретик был сожжен, 45 человек принесли публичные покаяния. В 1520 г. церковники прибегли к драконовским мерам, отправив на костер 7 человек. —VH Warwick, II, p. 21—2.

[309] VH Oxford, II, p. 20.

[310] J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 135—6.

[311] Отдельные процессы над еретиками из Уолкгемптона (Девоншир), Шборна (Дорсет) или Уэйкфилда (Йоркшир) не могут изменить общей картины ослабления позиций лоллардов в этих частях страны (см. карту —схему № 4).

[312] Весьма значительные группы еретиков сохранились там, несмотря на репрессии 1472 г. Они были отмечены на рубеже XV—XVI вв. —J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 47.

раз обратить внимание на то, что за сто лет область их активной деятельности заметно сдвинулась на восток и юг страны. В Мидленде и уэльских марчах они лишились того значения, которое имели в конце XIV — начале XV вв. Просмотр всех доступных нам материалов, приведенных Фоксом, Сэммерсом, Гайрднером, Стэси, Томсоном, убеждает, что лоллардизм конца XV—начала XVI вв. имел ту же классовую базу, как и 50 лет назад. Среди людей руководивших общинами еретиков, среди членов этих общин нет ни одного представителя благородного сословия, если не считать приора августинской обители в Ст. Озис (Эссекс).

Несомненно и другое —виклифизм проявил большую устойчивость в бассейне Темзы, на юго-западе Англии, в Ковентри, на востоке, т. е. в наиболее передовых, экономически развитых районах страны. Уилтшир, Бристоль и его окрестности, Кентский Уэлд, Динский лес, Ковентри и Бирмингем, Ньюбери в Беркшире, Колчестер в Эссексе были пунктами интенсивного развития промышленности в ее примитивно-буржуазной форме. Вырвавшись из привычного патриархального уклада феодальной деревни, кустари, наемные работники капиталистической мануфактуры являлись, как мы уже однажды отмечали, наиболее восприимчивый средой для учения лоллардов. Однако, лоллардизм сохранялся и в некоторых земледельческих районах: Гемпшире, Чилтерн-Хиллсе и др. Это предостерегает нас от оценки позднего лоллардизма, как одной из разновидностей ранне-пролетарский идеологии.

Итак, за сто слишним лет своего существования социальная база еретического движения не оставалась одинаковой. Если в конце XIV и первые два десятилетия XV столетия тон задавали представители «средних слов» —горожан, нового дворянства, низшего клира, то через 50 лет виклифизм сохранился преимущественно в «низших» слоях населения. Итак, словами «лолларды, «виклифиты» в разные промежутки времени обозначали людей совершенно различных по своему социальному статусу. Чтобы понять, как это могло случиться, следует обратиться к изучению взглядов английских еретиков.

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ ВИКЛИФА БЕДНЫМИ СВЯЩЕННИКАМИ В КОНЦЕ XIV—XV вв.

Идейной почвой, из которой выросли религиозные и социально-политические воззрения лоллардов в конце XIV—XV вв., являлось учение Виклифа—в том его виде, как оно сло-

жилось после восстания Уота Тайлера и изложено в последних трудах евангелического доктора.[1]

Среди произведений, написанных оксфордским еретиком в 1381—1384 гг., — латинские трактаты «О богохульстве»,[2] «Триалог»[3], «Евангелический труд»[4], а также изданные Иоганном Лозерцем, так называемые «малые работы».[5] «О степенях церковного клира»,[6] «Ответы на сорок пять положений или на хитросплетения монахов»,[7] «Толкование на двадцать третью главу евангелия от Матфея»[8] «Толкование на двадцать четвертую главу евангелия от Матфея»[9] и некоторые другие.[10] К «малым» богословским сочинениям тесно примыкают четыре трактата против папской власти и четырнадцать, адресованных ниществующим монашеским орденам.[11] Не испытывая необходимости в перечислении их всех, укажем те, которые оказались наиболее важными для нашей работы: «Об основании сект»[12], «О семи дарах святого духа»[13], «О

[1] Взглядам Виклифа нельзя дать однозначной оценки —они претерпели сложную эволюцию. Для ее выяснения необходимо перерыть десятки томов его латинских сочинений 60—70 гг. XIV в. Задача наредкость трудоемкая. Ее решение не может быть включено в рамки данной работы. Она требует специального исследования. Здесь речь пойдет о трактатах, составленных оксфордским теологом в 1381 г. и позднее.

[2] «Tractatus de Blasphemia» (далее —DB). Основная его часть была написана в конце 1381 г., хотя отдельные добавления и исправления делались в 1382—3 гг. (DB, p. VI, VII, IX). См. также K. B. Mc-Farlane, op. cit., p. 116.

[3] «Trialogus» (далее—Тг) Виклиф написал между маем и декабрем 1382 г., когда начался крестовый поход епископа Деспенсера во Фландрию. H. B. Workman, op. cit., II, p. 309, ncte 3.

[4] «Opus Evangelicum» (далее —OE). В конце манускрипта сохранилась знаменательная надпись: «Жизнь автора пришла к концу и этот труд также». Следовательно, последний год жизни был временем, когда первый еретик Англии работал над названным произведением.

[5] Opera Minora. Далее —OM.

[6] «De Gradibus Cleri Ecclesiae».—OM, p. 140 ff. И. Лозерц, давший текстологический анализ работы, относит ее к последним годам жизни оксфордского еретика.

[7] «Responsiones ad quadraginta conclusiones sive ad argucias monachales». —OM, p. 200 ff.

[8] «Expositio super Matthaei XXIII».—OM, p. 313 ff.

[9] «Expositio super Matthaei XXIV».—OM, p. 354 ff.

[10] В их число входят три небольшие трактата, текстуально всязанные с «Евангелическим трудом»: «De Oratione Dominica», «De Salutione Angelica», «Responsiones ad argumenta cujusdam emuli veritatis», два послания — епископу кентерберийскому (1383 г.) и «бедным священникам». —OM, p. 383—97, 258—312, 3—6, 7—8.

[11] Все они и несколько других, написанных евангелическим доктором ранее 1381 г., были найдены Рудольфом Буддензигом в архивах Чехии, Австрии, Германии и опубликованы «The Wyclif Society» в 1883 г. в двух томах под названием «John Wiclif's Polemical Works».

[12] «De Fundatione Sectarum».—PW, I, p. 1—80.

[13] «De Septem Donis Spiritus Sancti».—PW, I, p. 199 ff.

четырех новых сектах»[14], «Очищение секты Христа»[15], «О новых орденах»[16], «О дьяволе и его членах»[17], «О произвольном вызове на суд»,[18] «О Христе и его противнике Антихристе»,[19] «О тройных оковах любви»,[20] а также ярчайшее разоблачение крестоносной затеи епископа Деспенсера, под заглавием «Cruciata».[21]

Из всех перечисленных работ «Беседа трех»[22], кажется, получила наибольшее признание среди продолжателей Виклифа.[23] Причины этого нетрудно понять уже при беглом знакомстве с ее содержанием. Трактат расчленен на четыре книги. Первая («О боге») и частично вторая («О мире») освещают основные вопросы схоластической философии с позиций последовательного реализма. Сила мысли в сочетании с краткостью делают двадцать первых глав произведения оксфордского теолога одним из лучших резюме философско-реалистической доктрины. В предпоследней четырнадцатой главе второй книги евангелической доктор дает очерк своей оригинальной концепции божественного предопределения, до сих пор вызывающей диспуты богословов различных христианских конфессий[24]. Содержание третьей книги достаточно ясно раскрывается ее заглавием: «О добродетелях, грехах и спасителе». Опираясь на известную классификацию добродетелей Аристотеля (она приведена в первой главе данной части), Виклиф весьма подробно излагает свою этическую концепцию. Высшим авторитетом в вопросах нравственности он провозглашает «закон Христа», изложенный в «священном писании» (глава 31). В четвертой книге речь идет о причастии, крещении и других таинствах католической церкви

[14] «De Quattuor Sectis Novellis».—PW, I, p. 243 ff.

[15] «Purgatorium Sectae Christi».—PW, I, p. 294 ff.

[16] «De Novis Ordinibus».—PW, I, p. 317 ff.

[17] «De Diabolo et Membris Eius».—PW, I, p. 357 ff.

[18] «De Citationibus Frivolis».—PW, II, p. 533 ff.

[19] «De Christo et Suo Adversario Antichristo».—PW, II, p. 677 ff.

[20] «De Triplici Vinculo Amoris».—PW, I, p. 153 ff.

[21] PW, I, p. 573 ff.

[22] Трактат строится в форме беседы «истинного философа» Ализия, теолога Фроноса и «лукавого неверного» Псевстиса.

[23] «Триалог» активно использовался для преподавания в Оксфорде. Свидетельством тому королевский приказ от 18 июля 1395 г., предписывавший всем докторам богословия университета изучить книгу и сообщить обо всех содержащихся на ее страницах ошибках в канцлерство. (CCR, 1392—6, p. 432). Ссылки на «Триалог» содержат «12 положений» 1395 года.

[24] Cap. 14 «De Praedestinatione», p .121—3. Идеи этой главы получили дальнейшее развитие в третьей книге, особенно в главе 7 «О милости предопределения».

(первые пятнадцать глав). Затем оксфордский еретик обр
щается к осуждению церковных богатств (16—26). Заключи
тельные страницы четвертой части направлены против ни
щенствующих монахов. К основным книгам трактата приме
кает «Дополнение к разговору трех или о дарениях»[25], в ко
тором среди других подробнейшим образом разбирается воп
рос о церковной десятине.

Давая оценку «Триалога», Г. Б. Уоркмен[26] заметил, что
он содержит «краткое изложение окончательных суждени
Виклифа по большинству вопросов, о которых он писал». В
это большинство не входят те конкретные экономические и со
циально-политические проблемы, которые во весь рост встал
перед вождем бедных священников после восстания 1381 г
Им он уделяет большое внимание в других своих трудах, сре
ди которых и упомянутый уже «Трактат о богохульстве». Две
надцать его глав концентрируют внимание читателей вокру
более узкого, по сравнению с «Триалогом», круга вопросов
Данная работа —обвинительный акт против всей католичес
кой церкви. Церковь провозглашается виновной в тягчайшем
с точки зрения христианина преступлении—богохульстве. Кор
нем греха объявляется папский двор. Из него выросло двенад
цать ветвей: папы, кардиналы, епископы, архидиаконы, оф
фициалы, деканы, ректоры, низшие священники, монахи, ни
ществующие монахи, церковные привратники и, так называ
емые, квесторы (questors), которые «...грабят народ посред
ством обмана различными способами хуже, чем воры», в том
числе и путем продажи индульгенций.[27] Все носители данных
должностей метафорически представлены читателю в качес
тве «двенадцати дочерей греха» или «двенадцати мучителей
церкви».

Внимание, которое уделяется различным членам ка
толической иерархии, далеко не одинаково. Основную массу
стрел оксфордский еретик направляет против римской курии
(главы I—V) и ниществующих монахов, главных сопер
ников бедных священников на стезе народной проповеди
(главы XI—XVII). Обличая церковных иерархов, Виклиф не
мог не критиковать освященной ими обрядовой практики. Ни
в одной другой его работе нет столь продуманного, с приме
нением всего арсенала схоластических приемов полемики, выс
тупления против таинства исповеди (главы IX, X, XI). Вол
нующие события недавно закончившейся драмы народной
войны наложили отпечаток на страницы трактата (большая

[25] «Supplementum Trialogi sive Dotatione Ecclesiae».—Tr, p. 407—56.
[26] Op. cit, II, p. 309.
[27] DB, c. XVIII, p. 272.

часть тринадцатой главы). Г. Е. Винн[28] тридцать лет назад
сделал, как нам кажется, плодотворную попытку классифици
ровать многочисленные труды оксфордского теолога по степе
ни «популярности» изложения на три группы: пространные латинские трактаты теоретического характера, в сложнейшем лабиринте логических ходов которых неподготовленному человеку невозможно разобраться, краткие произведения на латинском языке, преимущественно полемические, где блещущие страстью непримиримой убежденности мысли автора освобождены от миланских доспехов схоластической учености, и, наконец, предназначенные «массовому» читателю работы на родном языке. «Трактат о богохульстве», несмотря на значительный объем, должен быть включен во вторую группу—это яркое полемическое творение, посвященное в основном конкретным социальным проблемам окружавшей первого английского еретика действительности. Здесь нет углубленной разработки теоретических проблем. «Евангелический труд» написан совсем в другом плане. Это книга ученого для ученых, в которой ставятся фундаментальные вопросы религиозной доктрины Виклифа.[1] С помощью солидной аргументации, многочисленных цитат из Библии, трудов Августина и Хрисостома обосновывается основная идея трактата: «божий закон» или «священное писание» вполне достаточны для праведной жизни людей без католической церкви и ее обрядности. По глубине изложения «евангельской доктрины» это произведение оксфордского еретика превосходит все написанное им ранее, включая и трактат 1378 г. «Об истинности священного писания» (De Veritate Sacrae Scripturae), в котором он впервые осуществил систематическое изложение своих взглядов по этому вопросу. Поэтому Ян Гус, составивший краткое изложение трактата для своих чешских приверженцев, озаглавил. его «О достаточности закона божия» (De Sufficientia Legis Dei). Однако, неверным было бы рассматривать «Евангелический труд» только как апологию библейских законов. В нем так или иначе затрагивается большинство тех проблем, о которых Виклиф писал за предшествующие десять лет жизни: о предопределении и свободе воли, о роли церкви в обществе и крепостничестве, о десятине и католических таинствах... Все же главное—особенно в первой книге—разъяснение авторского понимания новозаветных нравственных принципов преимущественно тех, какие изложены в «нагорной проповеди Христа». Недаром у орто-

[28] J. Wyclif, Select English Writings, ed. H. E. Winn with a Preface by H. B. Workman, 1929, p. XXX (Introduction).

доксальных богословов, занимавшихся по поручению архиепископа Эрундела извлечением ересей из циркулировавших в Оксфордском университете манускриптов, это произведение получило название «О проповеди господа на горе».[29]

Вцелом, после написанных в середине семидесятых годов трактатов «О власти бога» и «О гражданской власти» «Евангелический труд»—наиболее крупное, хотя значительно уступающее им по четкости и ясности изложения произведение, созданное оксфордским теологом.

Впрочем, характеризуя творчество Виклифа последних лет его жизни, следует иметь в виду, что главным для него тогда являлся родной язык. Отстраненный в 1379 г. феодальными верхами от участия в политической деятельности, покинув летом 1381 г. университетскую кафедру, он решил передать свои мысли широким кругам английского народа—тем людям, которым была чужда латинская ученость, единственным доступным для них образом.

В 1869—1871 гг. Томас Эрнолд издал трехтомник «Избранных английских произведений Джона Виклифа». В их число вошли 294 проповеди преимущественно по поводу праздников святых католического пантеона, а также 33 трактата, «Петиция королю и парламенту» и «Письмо папе Урбану VI». Не прошло и десяти лет, как в свет был выпущен Ф. Д. Мэтью сборник, состоящий из двадцати-восьми «Английских произведений Виклифа, прежде неопубликованных».[30]

Текстологические изыскания последующих лет доказали, что если проповеди несомненно дело рук евангелического доктора,[31] то из 51 английского трактата названных изданий его перу бесспорно принадлежат «Десять заповедей»,[32] «Славься Мария»,[33] «О семи делах милосердия»[34] «О женатом мужчине, о жене, а также их детях»[35] «Церковь и ее члены»,[36] «О святых молитвах»,[37] «Краткий закон жизни для

[29] «De Sermone Domini in Monte».—Wilkins, III, p. 343—4. См. также ACh, p. 48—9.

[30] Выходные данные этих изданий см. в «Списке сокращений». Далее первое из них обозначается как SEW, второе—WEW.

[31] Важнейшим аргументом в пользу данной точки зрения являются стиль и тот факт, что авторство Виклифа в своей «Doctrinale Fidei» признал Неттер.—H. B. Workman, op. cit., I, p. 329.

[32] «The Ten Comaundementis».—SEW, III, p. 83ff.

[33] «Ave Maria».—SEW, III, p. 111ff.

[34] Трактат делится на две части.—«The Seven Werkys of Mercy Bodyly». (Ib., p. 168 ff.), «The Seven Werkys of Mercy Gostly». (Ib., p. 177 ff).

[35] «Of Weddid Men and Wifis and of here Children also».—Ib., p. 188 ff.

[36] «The Church and her Members».—Ib., p. 338ff.

[37] «De Precationibus Sacris».—Ib., p. 219.

каждого человека вообще—для священников, лордов и рабочих в особенности, как каждый человек будет спасен в его сословии, если будет самим собой»[38]—все семь помещены в третьем томе «Избранных английских произведений»,[39] а также два—«О служителях церкви»[40] и «Восьмикратное заблуждение или восемь ошибок, провозглашенных против нищенствующих монахов»[41] из второго тома этого же издания.[42] «О папе»,[43], «О слугах и лордах»,[44] «О бедных проповедующих священниках»,[45] «О власти»[46] из публикации Мэтью завершают этот список.[47] Кроме того, переводами на английский язык, причем довольно точными, латинских сочинений Виклифа являются «Письмо папе Урбану VI»,[48] «Пять вопросов о любви», «О должности священника» и «Исповедь».[49] Несомненно, если не самим Виклифом, то при его непосредственном участии оказался составленным очень важный программный документ—«Петиция королю и парламенту».[50] Оцени-

[38] «A Schort Reule of Lif for ich man in general, and for prestis and lordis, and laboreris in special, how ich man schal be savyd in his degre, if he wile hym silf».—Ib., p. 204 ff.

[39] Подробнее о текстологических исследованиях трактатов Виклифа см. в книге Г. Б. Уоркмена (I, p. 329ff.).

[40] «Of Ministers in the Chirch».—SEW, II, p. 393ff.

[41] «Vae Octuplex, or Eight Woes denounced against the Friars».—p. 379 ff.

[42] Упомянуты, как труды Виклифа в «Doctrinale Fidei».—SEW, Introduction.

[43] «De Papa».—WEW, p. 458ff.

[44] «Of Servants and Lords».—Ib., p. 226ff.

[45] «Of Poor Preaching Priests».—Ib., p. 275 ff. Издатель считает трактат одним из ранних произведений Виклифа, на родном языке, предполагает, что он написан в 1377 г.

[46] «Of Dominion».—Ib., p. 282 ff.

[47] Издатель считает авторские права Виклифа на эти четыре произведения бесспорными. Трактат «О папе» безоговорочно относит к трудам евангелического доктора также Г. Б. Уоркмен (I, p. 329). Однако Уоркмен в отличие от Мэтью полагает, что «О власти» является переводом на народный язык написанной по-латыни работы оксфордского богослова. Перевод этот выполнен либо Пэрви, либо автором латинского варианта трактата совместно с Пэрви (I, p. 330).

[48] «Letter to Pope Urban VI». Г. Б. Уоркмен относит время составления перевода к 1383 г. (II, p. 315).— SEW, III, p. 504ff.

[49] «Five Questions on Love» (SEW, III, p. 183 ff.); «De Officio Pastorali» (WEW, p. 405 ff.); «Confession» (WEW, p. 325 ff.).

[50] «A Petition to the King and Parliament».—SEW, III, p. 507ff. Как показали штудии текстологов, это произведение не являлось парламентской петицией, хотя было написано одновременно с ней. Оно представляет собой обвинительный трактат. Поэтому Г. Б. Уоркмен называет его «жалобой» («Complaint»), чтобы отличить от подлинной петиции, представленной лордам палаты общин. Однако заголовок, предложенный Уоркменом, неточно, по нашему мнению, передает содержание трактата. Поэтому мы сохраняем название, под которым его опубликовал Т. Эрнолд.

вая издания Эрнолда и Мэтью, Р. Л. Пул[51] писал в 1911 г. что они включают все написанное Виклифом по-английски, исключая «Wycket».[52]

Английские произведения оксфордского теолога также как «малые» или «полемические» латиноязычные его творения, не содержат каких-то новых идей, которые не встречались бы на страницах написанных им в это время «больших» латинских работ. Теоретическое содержание первых несомненно беднее, чем последних. В частности евангелический доктор очень скупо излагает на родном языке свои взгляды на предопределение и совершенно избегает касаться крайних—«сократовских», по его терминологии,—положений об общности имущества, которые обстоятельно изложены им в трактате «О гражданской власти».

Однако «практический» аспект учения Виклифа, содержащий оценку социально-политической обстановки в Англии тех лет и конкретные предложения о необходимых, по его мнению, реформах, можно с достаточной точностью уяснить, только читая его труды на «материнском» языке. При оценке англоязычных творений первого британского еретика следует подчеркнуть, что в них с предельно доступной средневековому схоласту ясностью излагаются итоговые результаты его поисков и размышлений, которые послужили отправными точками для идейного развития лоллардизма.[53]

Воззрения евангелического доктора характеризуются также списками «ересей» и «ошибок», осужденных различными собраниями католических прелатов. Наиболее известны двадцать четыре пункта, явившиеся предметом обсуждения церковного совета архиепископа Куртнэ в мае 1382 г.[54] Однако перечень «заблуждений» евангелического доктора многократно увеличили инквизиторы Томаса Эрундела во время подготовки конвокации 1410 года. Рукопись, обнародованная Уил-

[51] R. L. Poole, Wycliffe..., p. 112.

[52] «Wycket»—трактат, всецело посвященный критике католического взгляда на таинства, использовался проповедниками виклифизма в XV—XVI столетии (H. M. Smith, op. cit., p. 112). В XVI—XVII вв. эта книга печаталась несколько раз. Однако ее издания являются ныне библиографической редкостью и остались нам недоступными.

[53] Г. М. Смит подчеркнул: «...Английские работы более важны (чем латинские—Е. К.), если мы хотим понять лоллардизм XV века».—Op. cit., p. 268.

[54] Kn, II, p. 158 ff.; FZ, p. 283. См. также ChA, p. 342—4.

сом, содержит 267 подлежащих осуждению извлечений из тринадцати латинских произведений Виклифа.[55]

Еще восемнадцать выдержек были обнаружены В. Г. Гэлбрайтом в сентолбенской летописи.[56]

Таким образом, круг доступных нам источников достаточно широк, чтобы дать изложение взглядов оксфордского теолога начала 80 гг. XIV века.[57]

Центральное место в их системе занимает критика католицизма во всех его проявлениях.

Две теологические идеи составляли в то время теоретический фундамент антикатолического учения Виклифа: концепция предопределения и евангельская доктрина. В своих трудах он развивает их параллельно друг другу.

Уже в трактате «О гражданской власти» евангелический доктор отчетливо противопоставляет высшее, «божественное право» (jus divinum), «... богом установленное посредством слов и дел Иисуса Христа как право евангельское», несовершенному «праву человеческому», вознишкему «случайно в результате греха людей»[58]. В состав этого запятнанного грехом права он смело включает и всю совокупность законов римской церкви, лишая их привычного людям того времени ореола святости.[59] С такими положениями соседствует другой ряд мыслей: ни один «осужденный (prescitus) богом» не достоин «царства небесного», «...ни один предопределенный (predestinatus), насколько бы тяжело он не согрешил, не бу-

[55] Wilkins, III, p. 339 ff. Больше других цитируется «Триалог» (74 пп); «Евангелический труд» (23 пп); «О христианском ордене» (26 пп); «О дьяволе и его членах (14пп).Сорок пять цитат взято из работы «О софистическом искусстве»—трактата с таким названием мы не обнаружили ни в одном издании трудов Виклифа.

[56] ACh, p. 48—50. Двенадцать извлечений взято из «Евангелического труда», три —из «Триалога», по одному —«О симонии», «О христианском ордене» и «De Imperfectione Statuum». Последний заголовок не имеет ни один из изданных трудов оксфордского богослова. Возможно, речь идет об одном из полемических трактатов с нищенствующими монахами «De Perfectione Statuum».— PW, II, p. 443 ff.

[57] Из проведенного здесь обзора явствует, что отдельные стороны учения евангелического доктора далеко не с одинаковой полнотой отражены в различных его произведениях. Каждое из них чем-то восполняет другое. Высказав однажды какую-нибудь идею, Виклиф многократно возвращается к ней в своих трудах, каждый раз с новой стороны рассматривая и обосновывая ее. Поэтому не представляется возможным дать полное и убедительное изложение взглядов первого еретика Англии на основе детального анализа одной-двух его работ.

[58] DCD, I, p. 124—5; «jus humanum est jus occasione peccati humanitus adinventum».

[59] Ib., p. 125.

вая издания Эрнолда и Мэтью, Р. Л. Пул[51] писал в 1911 г. что они включают все написанное Виклифом по-английски, исключая «Wycket».[52]

Английские произведения оксфордского теолога также, как «малые» или «полемические» латиноязычные его творения, не содержат каких-то новых идей, которые не встречались бы на страницах написанных им в это время «больших» латинских работ. Теоретическое содержание первых несомненно беднее, чем последних. В частности евангелический доктор очень скупо излагает на родном языке свои взгляды на предопределение и совершенно избегает касаться крайних—«сократовских», по его терминологии,—положений об общности имущества, которые обстоятельно изложены им в трактате «О гражданской власти».

Однако «практический» аспект учения Виклифа, содержащий оценку социально-политической обстановки в Англии тех лет и конкретные предложения о необходимых, по его мнению, реформах, можно с достаточной точностью уяснить, только читая его труды на «материнском» языке. При оценке англоязычных творений первого британского еретика следует подчеркнуть, что в них с предельно доступной средневековому схоласту ясностью излагаются итоговые результаты его поисков и размышлений, которые послужили отправными точками для идейного развития лоллардизма.[53]

Воззрения евангелического доктора характеризуются также списками «ересей» и «ошибок», осужденных различными собраниями католических прелатов. Наиболее известны двадцать четыре пункта, явившиеся предметом обсуждения церковного совета архиепископа Куртнэ в мае 1382 г.[54] Однако перечень «заблуждений» евангелического доктора многократно увеличили инквизиторы Томаса Эрундела во время подготовки конвокации 1410 года. Рукопись, обнародованная Уил-

---

[51] R. L. Poole, Wycliffe..., p. 112.

[52] «Wycket»—трактат, всецело посвященный критике католического взгляда на таинства, использовался проповедниками виклифизма в XV—XVI столетии (H. M. Smith, op. cit., p. 112). В XVI—XVII вв. эта книга печаталась несколько раз. Однако ее издания являются ныне библиографической редкостью и остались нам недоступными.

[53] Г. М. Смит подчеркнул: «...Английские работы более важны (чем латинские—Е. К.), если мы хотим понять лоллардизм XV века».—Op. cit., p. 268.

[54] Kn, II, p. 158 ff.; FZ, p. 283. См. также ChA, p. 342—4.

кисом, содержит 267 подлежащих осуждению извлечений из тринадцати латинских произведений Виклифа.[55]

Еще восемнадцать выдержек были обнаружены В. Г. Гэлбрайтом в сентолбенской летописи.[56]

Таким образом, круг доступных нам источников достаточно широк, чтобы дать изложение взглядов оксфордского теолога начала 80 гг. XIV века.[57]

Центральное место в их системе занимает критика католицизма во всех его проявлениях.

Две теологические идеи составляли в то время теоретический фундамент антикатолического учения Виклифа: концепция предопределения и евангельская доктрина. В своих трудах он развивает их параллельно друг другу.

Уже в трактате «О гражданской власти» евангелический доктор отчетливо противопоставляет высшее, «божественное право» (jus divinum), «... богом установленное посредством слов и дел Иисуса Христа как право евангельское», несовершенному «праву человеческому», возникшему «случайно в результате греха людей»[58]. В состав этого запятнанного грехом права он смело включает и всю совокупность законов римской церкви, лишая их привычного людям того времени ореола святости.[59] С такими положениями соседствует другой ряд мыслей: ни один «осужденный (prescitus) богом» не достоин «царства небесного», «...ни один предопределенный (predestinatus), насколько бы тяжело он не согрешил, не бу-

---

[55] Wilkins, III, p. 339 ff. Больше других цитируется «Триалог» (74 пп); «Евангелический труд» (23 пп); «О христианском ордене» (26 пп); «О дьяволе и его членах (14пп).Сорок пять цитат взято из работы «О софистическом искусстве»—трактата с таким названием мы не обнаружили ни в одном издании трудов Виклифа.

[56] ACh, p. 48—50. Двенадцать извлечений взято из «Евангелического труда», три —из «Триалога», по одному —«О симонии», «О христианском ордене» и «De Imperfectione Statuum». Последний заголовок не имеет ни один из изданных трудов оксфордского богослова. Возможно, речь идет об одном из полемических трактатов с нищенствующими монахами «De Perfectione Statuum».— PW, II, p. 443 ff.

[57] Из проведенного здесь обзора явствует, что отдельные стороны учения евангелического доктора далеко не с одинаковой полнотой отражены в различных его произведениях. Каждое из них чем-то восполняет другое. Высказав однажды какую-нибудь идею, Виклиф многократно возвращается к ней в своих трудах, каждый раз с новой стороны рассматривая и обосновывая ее. Поэтому не представляется возможным дать полное и убедительное изложение взглядов первого еретика Англии на основе детального анализа одной-двух его работ.

[58] DCD, I, p. 124—5; «jus humanum est jus occasione peccati humanitus adinventum».

[59] Ib., p. 125.

дет находиться в немилости вечно, потому что недопустимо чтобы бог позволил себе какое-либо противоречие».[60]

Весной 1378 г. появился уже упоминавшийся здесь труд «Об истинности священного писания».[61] А несколькими месяцами позже Виклиф завершает «Трактат о церкви».[62] Первый из них был посвящен защите исключительного и непререкаемого авторитета библейских заповедей. Второй содержит весьма подробное изложение доктрины об абсолютном предопределении бога с многочисленными заимствованиями у Аврелия Августина и Томаса Брэдвардина.[63] И с этого времени обе концепции, как две красные нити, проходят на страницах позднейших латинских и английских работ. Предельно сжатую формулировку одной из них мы нашли на страницах «Триалога»: «Закон Христа, иначе—священное писание, превосходит безгранично все остальные законы».[64]

Развивая эту мысль в «Евангелическом труде», Виклиф замечает, что правила веры, изложенные в «священном писании», вполне достаточны «для управлению церковью» ...И не только церковью.[65] Нагорная проповедь может служить законом для регулирования жизни каждого человека.[66] Вслед за Августином он повторяет: «вся истина — ...в евангелии».[67]

Наряду с идеей об универсальной силе библейских заповедей, в своих последних произведениях оксфордский богослов дает, хотя и не столь краткое, но довольно лаконичное изложение и другому своему исходному принципу. Все люди волею бога делятся на две категории: одних после земных трудов ожидает предвечная слава, другим же после страданий в этом мире предназначены вечные муки.[68]

---

[60] Ib., p. 15; см. также—I, p. 66; p. 530, 534... Впрочем, на других страницах данной работы Виклиф развивает мысль, что «божественную милость» человек может снискать только за его личные «заслуги». Заслуги же, хотя и достигаются с божьей помощью, но только посредством волевых усилий индивида.—DCD, I, p. 37 ff.

[61] «De Veritate Sacrae Scripturae».

[62] Далее—DE. Выходные данные см. в «Списке сокращений».

[63] О литературных предшественниках Виклифа см. H. B. Workman, op cit., II, p. 8, ff., V. H. Green, Bishop..., p. 94—5; K. B. McFarlane, op. cit., p. 91.

[64] «Christi lex, i. d. scriptura sacra, religuas leges infinitum excedit».—Tr, p. 238. DB, p. 23.

[65] OE, p. 37: «Fides enim scripture est sufficiens ad regendam ecclesiam militantem...».

[66] OE., p. 368: «...sufficeret eciam sermo Domini in monte regulare perfecte sine tradicione humana quotlibet viatores».

[67] OE, p. 91.

[68] OE, p. 122; PW, I, p. 336.

Первые являются членами тела Христа, вторые—дьявола. Божественному предопределению перо оксфордского теолога неизменно придает абсолютный характер. Развивая высказанную им мысль на страницах работы «О гражданской власти», он пишет в «Евангелическом труде»: «Хотя так бывает, что человек (осужденный—Е. К.) делает добро вопреки роду и является честным в соответствии с существующим правосудием, однако не бывает, чтобы такой человек являлся достойным блаженства, как не бывает, чтобы предопределенный заслужил осуждение, какое бы зло он не совершил согласно действующему правосудию; итак, очевидно, что любой грех осужденного является бесконечно тяжелее, чем любой грех предопределенного...; подобным же образом и о добродетели предопределенного, которая бесконечно больше, чем добродетель осужденного, так как посредством ее предопределенный приобретает блаженство, а осужденный с помощью своей добродетели, какой бы она не была, не может по праву заслужить блаженство».[69] В трактате «О богохульстве» также подчеркивается, что «невозможно из предопределенного стать осужденным и наоборот».[70] В сходных выражениях формулируется эта мысль в труде «О церкви»: «новозможно, чтобы осужденный стал членом святой материи церкви или предопределенный был лишен ее материнства...»[71]

Воля человека бессильна изменить[72] или даже предугадать божественное предначертание: «...ни папа..., ни церковь не знают, кто является предопределенным, а кто осужденным, и, следовательно, кто член церкви, а кто проклятый дьявол»[73] Предопределение[74] произошло до искупительной жертвы Иисуса Христа,[75] более того—до сотворения мира.[76]

---

[69] OE, p. 438—9; PW, p. 329—30; Wilkins, III, p. 253. Впрочем, сказанное нуждается в оговорке. На страницах «Евангелического труда» Виклиф, как и его предшественник Августин, нарушая логику своих рассуждений, снимает с божественного провидения ответственность за человеческие грехи и возлагает ее на самого грешника. «...Бог не имеет греха и не вынуждает к греху... Невозможно, чтобы кто-либо грешил без склонности к греху, потому что это происходит по его воле».—OE, p. 450—1; см. также ACh, p. 50.

[70] DB, p. 86: «...non potest de predestinato prescitus fieri...».

[71] DE. p. 89: «impossibile est prescitum esse membrum sancte matris ecclesie vel predestinatum a maternitate illa deficere».

[72] «...Предопределение не может быть уничтожено».—PW, II, p. 457.

[73] PW, II, p. 678; OE, p. 439—440.

[74] PW, II, p. 457.

[75] Tr, p. 122—3.

[76] OE, p. 446. Чтобы не останавливаться детально на этом абстрактном богословском вопросе, отсылаем читателя к книге Г. Б. Уоркмена (II, p. 263).

Два потока логических рассуждений, о предопределении и о непререкаемом авторитете евангелия, развивались у Виклифа параллельно. Но функциональное взаимодействие между ними существовало. Оксфордский теолог отчетливо его видел и указывал на это читателю. В «Евангелическом труде», вновь и вновь возвращаясь к своей мысли о невозможности для человека постичь божественную тайну предопределения, он однажды с большой осторожностью, как того требовал предмет, сугубо «предположительно» высказывает мнение, что к церкви бога принадлежат только те, кто живет в соответствии с законом евангелия. И, наоборот, кто длительное время поступает вопреки новозаветным заповедям, тот, надо полагать, не может быть членом освященной Христом церкви.[77] Итак, евангельский закон—вот то зеркало на земле, которое позволяет уяснить принадлежность того или иного индивида к мистической когорте предназначенных для вечного блаженства в потустороннем мире.

Но дело не только в том, что близость к евангелию—это индекс предопределенного. Учение о предопределении и евангельская концепция восполняют друг друга. Они подобны двум батареям, пушки которых направлены против двух важнейших бастионов вражеской крепости. Первая из них призвана развеять представление о власти римской церкви над потусторонними силами, над путями, ведущими в рай.[78] Вторая стремится разрушить земные институты католицизма.

Говоря о взаимосвязи этих двух концепций оксфордского теолога, нельзя пройти мимо еще одной оригинальной доктрины, детально изложенной в работах семидесятых годов «О божественной власти» и «О гражданской власти», но мало привлекаемой им для обоснования своих призывов к церковным преобразованиям в последние годы жизни.[79] Мы имеет в виду «учение о милости», детальному анализу кото-

[77] OE, p. 126: «Sicut autem opinor de me ipso, quod sim de ecclesia militante, sic probabiliter suppono de aliis quos video diuturne vivere conformiter legi Christi. Et a sensu contrario suppono de aliis cum eadem condicione, quod non sunt de ecclesia dum vivunt diutine difformiter legi Christi». См. также DE p. 34, 38—9, 41, 88.

[78] Подобную же функцию это учение выполняло у церковного реформатора XVI в. Жана Кальвина. Р. Ю. Виппер в своей известной монографии «Церковь и государство в Женеве XVI века» (М., 1894, стр. 121) отмечает: «Идея предопределения важна для Кальвина, ибо она восстанавливает истинное величие и могущество бога. Практическое ее значение сводится к отрицанию католического учения о свободе воли и посредни-ческой роли церкви».

[79] Ввиду того, что в данной работе не рассматривается развитие идей Виклифа в семидесятые годы, нам нет необходимости давать развернутую характеристику теории милости. О тесно связанной с ней доктрине власти речь пойдет несколькими страницами далее.

рого посвятили немало страниц своих трудов целый ряд британских историков и в их числе столь известные как Р. Л. Пул.[80] Г. М. Смит,[81] М. Динсли.[82]

Каждый человек прямо связан с богом («держатель от бога») без каких-било посредников («без промежуточных держателей» или «вассалов»).[83] Следовательно, совершенно справедливо указывает Р. Л. Пул, ненужной становится посредническая сила католической церкви.[84] «По этой формуле все миряне становятся священниками, а все священники—мирянами».[85] Такая теория ведет «к хаосу», и именно поэтому, по мнению Маргариты Динсли, «Виклиф сам предлагал ее на обсуждение только в академических латинских трудах и остерегался говорить о том, чтобы она могла когда-либо стать основной для беспорядочной социальной реформы».[86]

Впрочем, одно следствие из положения о непосредственной связи всех людей с богом эффективно повлияло на дальнейшее творчество евангелического доктора. Он почувствовал, замечает Динсли, необходимость познакомить народ с божьим законом, а это в свою очередь «вело логически к требованию» перевести Библию.[87] Исследовательнице из Кембриджа удалось убедительно доказать связь между евангельской доктриной Виклифа и его концепцией «господней милости».[88] Однако, Динсли, как и другие историки виклифизма, не замечает тесной логической корреляции между последней и учением о предопределении, хотя совершенно очевидно, что выражением непосредственной связи индивида с творцом является именно божественное предопределение. В предопределении следует видеть проявление божественной милости в трансцентном мире, подобно тому как «библейские заповеди» служат узлом, соединяющим нить мирских блужданий божьего раба с предначертанной волей его творца.

Таким образом, учение о милости является у Виклифа еще одной логической связкой между евангельской теорией и концепцией предопределения. Причем эта связующая идея вследствие того огромного разрушительного заряда, какой она несет, скрыта им в глубине системы. Для «обстрела» католицизма используются производные от нее—более понятные и не столь опасно революционные.

[80] R. L. Poole, Wycliffe..., p. 86; The Illustrations..., p. 257—8.
[81] H. M. Smith, op. cit., p. 268.
[82] M. Deansly, The Lollard Bible.., p. 227ff.
[83] R. L. Poole, Wycliffe..., p. 88.
[84] Ib., p. 88; H. M. Smith, op. cit., p. 269.
[85] R. L. Poole, Wycliffe..., p. 88.
[86] M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 227.
[87] Ib., p. 227—231. См. также книгу Г. М. Смита (p. 269).
[88] Ib., p. 225ff.

Так, теория божественного предопределения позволяет Виклифу сформулировать целую цепь «коварных» для ортодоксальной церкви вопросов.

Если невозможно знать, кто предопределен, а кто нет, то почему бы «некоторым» не предположить, «как возможное», что «ни папа, ни другие секты» не принадлежат к истинной церкви?[89]. А разве можно доверять конклаву, избирающему папу? «Факт выборов ведет людей к вере, что папа является избранником бога, что ошибочно во многих отношениях».[90] Но коль скоро папа и кардиналы отнюдь не всегда являются предопределенными, то логично спросить, нет ли среди низших клириков осужденных к погибели?[91] Оксфордский еретик дает на такой вопрос положительный ответ: «Если же обращающийся к священнику является предопределенным, а тот священник, курат или прелат окажется осужденным, то бесспорно больше силы имеет действие и молитва обращающегося, чем имеет молитва или действие священника такого рода».[92] И вот итог: никто, если он не является предопределенным, не может с пользой обращать молитвы к господу.[93] К нему следует добавить, что такие мысли, как извечность существования на земле предопределенных, бессилие человека изменить «божий жребий»[94] или даже с достоверностью узнать о нем, по законам формальной логики должны привести к умозаключению об отсутствии у римских церковников силы, спасающей человеческие души.

Что касается земных дел, то здесь власть церковных князей только до тех пор достойна признания, пока она совпадает с новозаветными установлениями.[95] Должна быть осуществлена «евангелизация» церкви.[96] Веру и порядок жизни людей следует выводить непосредственно из Библии.[97] И

[89] OE, p. 77.
[90] OE, p. 121.
[91] ДВ, p. 43.
[92] OE, p. 399: «Si enim conducens presbyterum sit predestinatus et ille presbyter curatus vel prelatus sit prescitus, infinitum plus valet meritum et oracio conducentis quam valet meritum aut oracio hujusmodi sacerdotis». На стр. 96 этого сочинения данная мысль сформулирована, хотя и иначе, но столь же отчетливо: «Бесконечно лучше тот, кто имеет милость предопределения или какой-либо дар, который означает это, чем тот, кто имеет другую милость или дарение от бога или какую-либо светскую власть». См. также ДВ, p. 148.
[93] OE, p. 305; «nulli nisi predestinati sunt fructuose dispositi ad orandum istam orationem dominicam».
[94] См. стр. 125 данной работы.
[95] «Любая власть, не основанная на писании, происходит от антихриста».—OE, p. 97.
[96] OE, p. 4.
[97] ДВ, p. 23; «...debet vivere in fide scripture...»; OE, p. 147: «illa lex fuit nobis data ad regulandum nos in via».

«тогда священное писание почиталось бы, а папские буллы, если их следует почитать, почитались бы менее важными, а папские законы, равно как суждения новых докторов... пользовались бы почитанием в его пределах».[98] «...Под страхом большого наказания люди не должны ничего прибавлять к божьему слову».[99] «В противном случае божественный закон превратится в закон антихриста».[100] «Все человеческие традиции, которые евангельский закон не учит соблюдать, являются излишними и вредными».[101]

Современное состояние общества и, в первую очередь, церкви ни в какой мере не соответствует библейским заповедям,[102] а потому подлежит осуждению. Так, Виклиф перебрасывает мостки от абстрактной теоретической полемики к критике практической деятельности римской церкви. Естественно, что в поле зрения его прежде всего оказалось учение о «святых таинствах», составляющих фундамент всего католического культа. В книге четвертой «Разговора трех» он замечает: «если определенное таинство являлось бы знаком святого предмета, то, очевидно, каждое обозначаемое было бы также таинством, ибо каждый сотворенный предмет обозначает свое творение, а также творца и, следовательно, святой предмет. Почему же только семь таинств пользуются особым отличием? Тысяча таких же чувственных знаков заключены в писании, которые имеют такое же значение таинств, какое имеют все эти семь сообща».[103]

Здесь, как мы видим, авторитет библейских книг противопоставлен мистическому смыслу таинств. Эти положения «Триалога» нашли развитие в «Евангелическом труде». Здесь оксфордский еретик выдвинул положение, что «священное писание», а не таинства служит важнейшим средством к

[98] Tr, p. 240; OE, p. 200, 368.
[99] SEW, III, p. 112: «men schulden not uppon greet peyne adde unto Goddis word».
[100] Ib.
[101] «Omnes humanae traditiones, quas lex evangelica non docet facere sunt supperfluae et uniguae».—Wilkins, III, p. 347. Выдержка из трактата «О софистическом искусстве».
[102] ДВ, p. 36; OE, p. 79. Следует подчеркнуть, что мысль эта многократно повторяется на страницах едва ли не каждого трактата.
[103] «...Si difinitive sacramentum sit sacrae rei signum, videtur quod omne signabile sit etiam sacramentum quia omnis creatura significat suam creationem et etiam creatorem et sic rem sacram significat... Quomodo ergo sunt solum septem sacramenti distincta specifice? Mille autem sunt talia sensibilia signa in scriptura, quae habent tantam rationem sacramenti sicut habent communiter ista septem».— Tr, p. 244—5.

спасению.[104] Евхаристии,[105] главному из семи таинств като-
лицизма, уделяется особенно много внимания. В отличие от
официальной позиции, согласно которой после консекрации в
святилище алтаря происходит превращение хлеба в тело, а
вина в кровь Иисуса Христа, причем полностью без какого-
либо материального остатка,[106] евангелический доктор ут-
верждал, что после сакральных действий священника гостия
представляет из себя «тело Христа в форме хлеба».[107] «Суб-
станция материального хлеба и вина остается после пресу-
ществления в святилище алтаря», «акциденция не остается
без субъекта после консекрации в этом святилище»[108] и т. д.
Основным аргументом, который перекочевывает из трактата
в трактат является следующий: гостия «является хлебом и
телом Христа одновременно, подобно тому как Иисус Хри-
тос был истинным богом и истинным человеком».[109]

К своим единомышленникам Виклиф причисляет блажен-
ного Иеронима, Аврелия Августина, Амбросия Медиоланского,
Павла и других святых (holy seints), «живших в древние вре-
мена», а также, конечно, ссылается на библейские тексты.[110]
Абстрактный теологический вопрос о результатах мистичес-
ких действий священника в святилище алтаря приобрел пер-
востепенное значение в дискуссии между виклифитами и ор-
тодоксами. Из девяти «ересей» оксфордского теолога, осуж-
денных князьями церкви в мае 1382 г., три первых связаны с
его трактовкой пресуществления.[111] Среди 267 обвинительных
пунктов 1410 г. также немало связанных с евхаристией. Двес-
ти шестьдесят первый в частности гласит, что в алтаре при-

[104] OE, p. 375: «...evangelizacio talis verbi est preciosior quam ministracio alicuius ecclesiastici sacramenti...».

[105] Учение о пресуществлении было признано важным догматом веры в 1215 г. на IV Латеранском соборе. — G. H. W. Parker, The Morning Star..., p. 40.

[106] По-английски в устах ортодоксального проповедника данное определение звучало так: «...sacrament is an accident without suget».—SEW, II, p. 386.

[107] Tr, p. 249. Впервые против взгляда на евхаристию Виклиф высказался в своих католических лекциях, прочитанных студентам Оксфордского университета в 1379 г. Вскоре его суждения по этому вопросу были развернуты в трактатах «О богоотступниках» и «О пресуществлении». См. также ДВ, p. 30—31, 224—6.

[108] Кп, II, p. 158; OM, p. 210.

[109] «...This worschipful sacrament is bred and Cristis body; as Jesus Crist is verrey God and verrey man». Цитируем самую сжатую формулировку этой мысли, найденную в «Петиции».—SEW, III, p. 520—1.

[110] SEW, III, p. 386, 421, 521. В трактате «О евхаристии» можно прочесть: «...videtur scriptura vocare Evcharistiam panem» (p. 10).

[111] Кп, II, p. 158.

сутствуют «естественно» хлеб и вино, «сакраментально»—
тело и кровь Христа.[112] Восьмой пункт обвинений Виклифа,
приведенных сентолбенским хронистом, содержит нес-
колько иную формулировку: «Истинный хлеб естественно, и
тело Христа фигурально».[113]

Внимание к евхаристии объясняется, прежде всего, тем,
что причастие святыми дарами играло важную роль в като-
лическом культе. «Среди всех ересей, которые когда-либо
распространялись в церкви, я никогда не видел что-либо бо-
лее исскусно введенное посредством обмана и столь многими
путями обманывающее народ, ибо оно грабит народ,
толкает его к идолопоклонству, отрицает учение священного
писания...»—писал Виклиф во второй главе четвертой книге
«Триалога».[114] «Те, кто кормят людей евахаристией, кормят
его постоянно действующим ядом...».[115] Отрицание правильно-
сти основного обряда, который систематически исполнялся
миллионами людей, не могло не привлечь внимание очень мно-
гих. Выступлением против таинства алтаря Виклиф наносил
удар в самое сердце налаженной католическими иерархами
системы богопочитания, дискредитируя ее в глазах массы ве-
рующих.[116]

Негативное отношение к основным формам католичес-
кого богопочитания логично вело к осуждению и менее суще-
ственных атрибутов культа. Весьма резкие высказывания
против организуемых церковниками массовых поломничеств
встречаются в крупнейшем из трактатов, написанных Викли-
фом в семидесятые годы,—«О гражданской власти...».[117]

В последних произведениях евангелический доктор еще
более непримирим. В проповеди на тему «десяти заповедей»
он обращается к прихожанину с такими словами: «Ты не
должен иметь икон, сооруженных человеческими руками, ни
какого-либо подобия их в небе, на земле или в водах».[118]

Последняя часть фразы нацелена против созданного рим-
ской церковью пантеона святых, материальным выражением
культа которых являлись иконы, мощи и т. п. «...Сокровища

[112] Wilkins, III, p. 253

[113] ACh: «verus panis naturaliter et corpus Christi figuraliter» (p. 48).

[114] «Inter omnes haereses quae unquam in ecclesia pullulorunt, nunquam considero aliquam plus callide per hypocritas introductam et multiplicius populum defraudantem; nam spoliat populum, facit ipsum committere idolatriam, negat fidem scripturae...»

[115] ACh, p. 49. Один из пунктов, осужденных конвокацией 1410 г.

[116] Не лишним будет указать, что учение о пресуществлении играло громадную роль в реформационном движении XVI столетия.

[117] ДСД, III, p. 164.

[118] SEW, III, p. 82-3; ACh, p. 49.

гробниц и икон должны быть израсходованы на общественные нужды»[119]—таков утилитарный вывод оксфордского еретика из его теоретических рассуждений. «Церковное пение» и «раскрашенные дома» также, по его словам, мало угодны Христу.[120] «Удивительно, почему людям так нравится эта новая служба с большим криком и громким пением и они оставили тихую манеру проповеди, как делали Христос и апостолы».[121] Однако, большая часть выпущенных Виклифом после восстания Уота Тайлера стрел в стан его противников была направлена на разгром католической церковной иерархии. Специальный, довольно обширный, тщательно-аргументированный по всем правилам схоластической логики трактат на английском языке он посвятил критике ее верховного главы.[122] В первой его главе отрицается ортодоксально-богословский взгляд на римского понтифика как на викария Христа, который выше «всех других» «светских лордов» на земле.[123] Виклиф доказывает, что жизнь папы —«прямая противоположность христовым заветам»: Иисус был беден, папа—владелец несметных богатств;[124] Христос —близок и доступен людям, в то время как папа закрылся в хорошо укрепленной крепости.[125] Христос сам посещал верующих, а римский викарий вызывает людей к себе. Папой пишутся законы, и он заставляет почитать их выше заветов основателя христианского вероучения.[126] Виклиф протестует против всевозможных «мирских», «чувственных» «знаков» власти, которые навешивают на себя папы и его кураты.[127] Гневно бичует оксфордский еретик введенную папской курией практику отпу-

[119] WEW, p. 278: «...the treasure of shrines and images to be spent for public purposes».

[120] «...Syngynge, or peyntid housis. was lityl preysid of Crist».—SEW, III, p. 170.

[121] SEW, III, p. 228.

[122] «De Papa». См. также четыре латиноязычных антипапских трактата 1382—4 гг: «De Citationibus Frivolis», «De Dissensione Paparum», «Cruciata» «De Christo et Suo Adversario Antichristo» (PW, p. 539—682). Папа критикуется в четвертой книге «Евангелического труда» и на многих страницах трактата «О богохульстве» (p. 7—9, 49—51 etc).

[123] Вот дословная формулировка, которую Виклиф дает этой отвергаемой им концепции: «...Crist was heere worldly lord moost hye of alle othere and so shulde his viker be that is clepid the pope of rome». — WEW, p. 462.

[124] Из одной Англии римская курия, по мнению Виклифа, выкачивает 100.000 ф. ст. в год.—ДВ, p. 268.

[125] «This pope wole be closid in a castel with greet aray».—WEW, p. 461.

[126] Ib., p. 463.

[127] Ib., p. 470—1.

щения грехов за деньги.[128] Церковное отлучение, по его словам, «...приносит много пользы и мало вреда только дуракам».[129] Все эти атрибуты римской церкви объявляются противоречащими библейским заповедям.[130] Его вывод лишен малейшего оттенка двусмысленности: «...папа—это антихрист на земле».[131] Подобная решительность в оценке главы иерархии, естественно, приводит к отрицанию и низших ее членов. Церковники всех рангов повинны в нарушении основной заповеди Христа, согласно которой преемники Петра должны быть «самыми бедными людьми и самыми простыми людьми по духу».[132] Они повинны в попытке подчинить себе светские власти, в безмерном накоплении сокровищ.[133] Как и в более ранних работах, «евангелический» теолог не признает правомочность конклава избирать римского понтифика.[134] Он отвергает каноническое законодательство.[135] Целесообразность существования монастырей отрицается полностью, ибо «они превратились в притоны воров».[136]

Отдельные страницы своих трудов Виклиф уделил разоблачению деятельности августинцев.[137] Но с особенной простью он пишет о «новых сектах, недавно основанных»,[138] разумея под ними нищенствующие ордена[139] доминиканцев, францисканцев, кармелитов.

Особый трактат посвящается евангелическим доктором описанию восьми «смертных грехов», свойственных, по его мнению, нищенствующей братии. Среди них «лживость», «коварство», «лицемерие», обращение в орденских послушни-

[128] Ib., p. 482: «...Popes grant absurd indulgences». См. также p. 464; SEW, III, p. 87, 354, 362.

[129] SEW, III, p. 362: «...doon myche good, and noon harm but to foolis». DB., p. 94ff; OE, p. 38—40. Папа имеет такую же силу отлучать, как и дьявол (OE, p. 98).

[130] WEW, p. 482 ff.

[131] SEW, III, p. 343 ff. «...The pope is anticrist heere on erthe».—WEW, p. 463. См. также SEW, III, p. 340, 342, 360—1; OM. p. 200 ff.; BD, p. 51 ff., PW, I, p. 323.

[132] SEW, II, p. 394.

[133] Папа, заявляет Виклиф, владеет половиной Римской империи. — Ib., p. 395.

[134] Ib., p. 413—4. См. также стр. 167 данной работы.

[135] Ib., p. 419—20. См. также SEW, III, p. 355—7. В Англии, повторяет Виклиф свою мысль, впервые высказанную в трактате «О гражданской власти», клир должен судиться по английским законам (WEW, p. 292). Строгий надзор за его жизнью и поступками должен быть возложен на светские власти (Ib., p. 239—41). Подобные же положения он защищал в трактате «О бедных проповедующих священниках».—Ib., p. 277.

[136] «Monasteries.. .are dens of thieves».—WEW, p. 476—7; SEW, II, p. 415, 420—1; OM, p. 213 ff.

[137] PW, I, p. 248.

[138] WEW, p. 467; ДВ, p. 201—72.

[139] SEW, III, p. 348.

ков малолетних детей.[140] «Новые секты» грабят людей различными способами,[141] в частности, посредством продажи «частных», «специальных» молитв (the sprecial prayers),[142] частной исповеди[143] и т. д.

Каждый из 4000 нищенствующих монахов, действующих в Англии, тратит в течение года на себя 100 марок (66 ф. ст. 13 шил. 4 пенса) из «достояния королевства».[144] Всего же эти четыре ордена наносят ежегодно ущерб стране на сумму в 40000[145] или даже 60000 ф. ст.[146] Евангелический доктор не стесняется в средствах, дабы опорочить своих основных противников в деле массовой проповеди. Здесь и всевозможные бранные выражения,[147] обвинения в отравлении императора освященной гостией[148] и заговоре на жизнь герцога Ланкастера.[149] Все это подводило читателя к выводу, что ордена нищенствующих монахов подлежат уничтожению. Ни один орден, созданный волей папы, не имеет основания в «священном писании» и не может считаться законным.[150] «Эти секты» действуют вопреки библейским заповедям.[151] Поэтому по закону Христа они должны быть распущены.[152]

Используя скандальное положение, в котором оказалась католическая церковь после начала «великой схизмы»[153], оксфордский еретик заявляет, что церковь не нуждается ни в каком централизованном руководстве[154], ни в твердо регламентированном порядке служб.[155] Слом управляемой Римом

[140] SEW, II, p. 379—386. В другой работе Виклиф обвиняет нищенствующих монахов в насильственном похищении детей. —WEW, p. 278—9.

[141] SEW, III, p. 174, 348: «...spuylen the puple many weies...».

[142] OM, p. 383; PW, I, p. 337 ff.

[143] ACh, p. 49; PW, I, p. 317.

[144] PW, I, p. 192.

[145] PW, I, p. 28, 193.

[146] Tr, p. 369.

[147] ACh, p. 48. «Псевдобратья», «дьяволы», «дураки», «идиоты», «проститутки»—вот далеко не полный перечень образчиков красноречия Виклифа, когда он пишет о «нищенствующих монахах».—SEW, II, p. 353, 420—1; WEW, p. 466—7; PW, I, p. 368, II, p. 409; ACH, p. 48.

[148] PW, I, p. 227.

[149] PW, I, p. 227, 332.

[150] ДВ, p. 51—2, 188 etc; PW, I, p. 80, 230, 100—1, 300, 327; II, p. 398—9, 443, 523 etc.

[151] SEW, III, p. 350: «...thes sectis unpungnen the gospel and also the olde lawe...».

[152] SEW, III, p. 359; OE, p. 97.

[153] SEW, II, p. 401.

[154] «Церковь не нуждается в каком-то другом руководителе, кроме Христа».—SEW, II, p. 411.

[155] Христос никогда, по мнению Виклифа, не побуждал служителей церкви вставать за полночь для молитвы, поститься, носить особую одежду. Христос хотел, чтобы служба отправлялась «по свободной человеческой воле». «Я утверждаю,—пишет евангелический доктор, — что Христос был доволен, когда люди служили ему, как желают».—Ib., p. 420—1.

иерархической машины рассматривается Виклифом, как нечто необходимое. «...Иерархия прелатов, выдуманная людьми, должна быть согласно разуму уничтожена»—такой вывод постулируется им в трактате «О богохульстве».[156]

На страницах англоязычной работы «О папе» подобные идеи повторяются еще раз: «...сословия королей, герцогов, рыцарей и их слуг имеют основание в божьем законе, но не сословия пап и кардиналов...»[157] Во многих произведениях приводится перечень членов иерархии, подлежащей ликвидации: папы, кардиналы, патриархи, архиепископы, епископы, архидиаконы, оффициалы, приходские священники.[158] «Кардиналы, патриархи, ерхиепископы, епископы, архидиаконы, монахи, каноники, двоедушные и ложные братья».[159] В трактате «О четырех новых сектах» «цезаристский клир» делится на четыре секты— священники, епископы, кардиналы, папа.[160] Разделение церкви на пап, кардиналов, монахов и нищенствующих монахов следует ликвидировать.[161] «...Незаконнорожденные ветви должны быть срезаны с этого дерева»— подчеркивается в другой работе оксфордского еретика.[162] Если это будет сделано, иерархия исчезнет, церковь окажется «в том порядке, который установил Христос».[163] Последний является истинным и единственным главой церкви.[164]

Евангелический доктор — последовательный приверженец светский супрематии над церковью. В одном из трактатов 70 гг. «О повелениях» Виклиф писал: «Король—это представитель Христа в его стране, на ее территории». Он обладает «главной властью» (capitalem dominium)[165] и должен бдительно следить, чтобы «главный закон власти» в точности соблюдался. Немало места уделяет этой проблеме оксфордский богослов в «Разговоре трех». Король, по его мнению, в том государстве, где царствует, имеет право поправлять грехи духовенства.[166] Ссылаясь на мнение Августина (ut dicit Augus-

[156] DB, p. 48: «...prelatorum graduacio humanitus adinventa... racionabiliter debet tolli». Сравни там же стр. 36—70.

[157] WEW, p. 480.

[158] Ib., p. 478. Сравни с перечислением членов иерархии, приведенным на стр. 118 данной работы.

[159] ACh, p. 48.

[160] PW, I, p. 243.

[161] PW, I, p. 100—101. («De Ordinatione Fratrum»).

[162] SEW, III, 359: «...bastard braunchis shulde be kutt fro this tree».

[163] WEW, p. 479: ДВ, p. 70: «И посредством этого клир Христа будет возвращен к количеству, пропорциональному потребностям мира и обычаю церкви».

[164] WEW, p. 479; ДВ, p. 50—1.

[165] WEW, p. XXXV.

[166] Tr, p. 312ff.

tinus), Виклиф формулирует следующий афоризм: «если папа—викарий Христа, то король—викарий бога».[167] Первый олицетворяет земную природу Христа, второй божественную силу Троицы. «Правители» государства должны взять на себя заботу о церковных делах, улучшать деятельность священников, следить за соблюдением ими «закона Христа».[168] Оксфордский теолог посвящает целый трактат, где доказывает неправомочность папской курии «цитировать» англичан—священников и мирян —в Рим без согласия короля.[169] Им защищается право светских властей на налогообложение церковных имуществ и предлагается даже немедленно ввести ежегодный побор с нищенствующих орденов в размере 1000 марок (666 ф. ст. 13 шил. 4 пенсов), как «знак признания ими своего подданства королю».[170] Если ликвидируется церковная организация, то должно быть уничтожено исповедуемое ей учение. В первом пункте «Петиции» 1382 г. мы читаем: католицизм—это «новая (т. е. не евангельская) религия», «основанная грешными людьми» и потому ложная.[171] От нее следует отказаться и перейти в «чистую религию Христа», жить по апостольскому закону. Чтобы оценить смелость и решительность евангелического доктора и его приверженцев, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что документ адресовался членам высшего законодательного органа страны, самому представительному собранию Англии тех времен.

Если суммировать все критические суждения Виклифа о католической религии и церкви, то напрашивается вывод, что к концу своего жизненного пути он полностью и безоговорочно порвал с ними.

Негативная сторона учения, как явствует из всего выше изложенного, была продумана оксфордским теологом с большой тщательностью. Конструктивную часть своей программы «первый еретик Англии» отработал намного хуже. Она менее конкретна, слабее аргументирована, порой страдает противоречиями. Пожалуй, яснее всего это обнаруживается при попытке собрать и сопоставить все высказывания Виклифа по поводу той религиозной организации, которой предстояло придти на смену католической церкви. Когда чи-

[167] Ib., p. 297.

[168] Эта мысль повторена Виклифом во многих произведениях. См. WEW, p.470, 475—6, etc.; PW, I, p. 194, 252, 278 etc.

[169] PW, II, p. 539ff.: «О произвольном вызове на суд».

[170] PW, I, p. 255—6.

[171] Виклиф называет католицизм «privat reule», «privat secte» (SEW III, p. 510), «privata religio» (ACh, p. 49).

таешь «О богохульстве», то создается впечатление, что бедные проповедники призваны заменить римский клир. «Так что церкви было бы лучше, чтобы не было папы и каких-либо прелатов, но, отбросив целиком цезаристскую традицию, бедные священники учили просто и по-семейному закону Христа».[172] Это суждение полностью согласуется с осуждением приходского клира как одной из двенадцати ветвей зараженного богохульством древа католической иерархии.[173] О целесообразности уничтожения клира говорится также в работе «О папе».[174] Однако, в сочинении «О степенях церковного клира», которое было написано примерно в то же время, как «О богохульстве» и «О папе», сообщается о двух «степенях клира» —священниках и диаконах, которые в соответствии с ветхозаветными заповедями необходимы для осуществления духовных потребностей населения.[175] На страницах трактата «О четырех новых сектах» Виклиф предполагает использовать представителей римского клира, обратившихся в «свободную секту Христа», в качестве ректоров, «низших пресвитеров» и других членов приходского притча. «Младший же, который лучше их всех, будет работать собственными руками за себя и своих братьев».[176] Виклиф многократно подчеркивает, что каждый приход должен иметь своего курата.[177] В каком соотношении находятся бедные проповедники и приходский притч? Этот существенный вопрос не получил на страницах цитируемых трудов должного освещения. Насколько позволяют судить некоторые положения «послания» оксфордского еретика к «простым священникам», их нельзя отождествлять (во всяком случае полностью) с клириками, служащими в приходе.[178]

Первые, сообщается в этом послании, призваны побуждать вторых к «достойному исполнению должности», так как «насколько роскошь, настолько и праздность тех не годятся в этом деле, никакое владение не способствует священнику равно как военные упражнения, охота на зверей, торговое или

[172] ДВ, p. 37: «...sic quod melius foret ecclesie non esse papam vel prelatos huiusmodi; sed, abjecta tota tradicione cesarea, sacerdotes pauperes docere nude et familiariter legem Cristi».

[173] См. стр. 151 данной работы.

[174] WEW, p. 478.

[175] OM, p. 142: «...dyaconas vel levitas et presbyteres vel episcopos.. illi duo gradus sufficerant in lege veteri».

[176] PW, I, p. 285—6.

[177] ДСД, II, p. 14; SEW, III, p. 175—6; WEW, p. 465.

[178] «Epistola missa ad simplices sacerdotes».—OM, p. 7—8.

ростовщическое ремесло...»[179] Факт включения оксфордским еретиком в состав приходских священнослужителей порвавших с иерархией католических клириков[180] также говорит о различном положении бедных проповедников по сравнению с ректорами, пресвитерами, диаконами и т. п. Напрашивается вывод, что у Виклифа нет плана создания новой церковной структуры. «Свободная секта» Христа[181] мыслилась им действительно свободной от каких-либо четких организационных принципов. Весьма туманными для читателя остаются и принципы, положенные Виклифом в основу формирования нового «некатолического» клира. В трактате «О папе» указывается, что миряне «должны сами выбирать себе прелатов».[182] Кто достоин стать священником? Ответ на этот вопрос оксфордский теолог дает своими рассуждениями о так называемой «сражающейся церкви» (the fightinge chirche,[183] ecclesia militans).[184]

Христианская церковь, указывает он в работе «Церковь и ее члены», делится на три части: «ангелов и святых» на небесах, «святых в чистилище» и «праведных людей, которые живут здесь (на земле—Е. К.) и которые позднее будут взяты на небо».[185] Первая из них называется «церковь торжествующая», вторая—«церковь спящая» и, наконец, третья—«сражающаяся церковь». Схема—традиционная, вполне ортодоксальная.[186] «Ересь» же возникает тогда, когда евангелический доктор начинает излагать свои представления об этих частях универсальной церкви и в первую очередь о ее земной части. По его мнению, в состав последней входят «два рода сражающихся» —«предопределенные к торжествующей церкви» и «осужденные».[187] Положение этих категорий людей в

[179] OM, p. 7; дословно: «...sint solliciti in officio congruo sacerdoti, cum tam insolercia quam ociositas ipsos inhabilitat ad hoc opus; nec quelibet occupacio pertinet sacerdoti, sicut taberne exercitacio, ferarum venacio ad tabulas vel ad scaccos occupacio».

[180] См. стр. 137 данной работы.

[181] PW, I, p. 285, 315 etc.

[182] WEW, p. 465. Данное положение Виклиф повторяет на этой странице дважды: «ech seculer cristenman shulde willefuly chese his prelat», «men should choose their prelates...»

[183] SEW, III, p. 339.

[184] OE, p. 120.

[185] SEW, III, p. 339.

[186] Наиболее подробно эта концепция изложена во второй—шестой главах трактата «О церкви». См. также OE, p. 120, 126, 438—9 etc.

[187] OE, p. 120. Г. Б. Уоркмен (op. cit., II, p. 7—8) и В. Г. Г. Грин (Bishop, p. 95) пишут, что в ряды «сражающейся церкви» евангелический доктор включил только предопределенных. Это, как мы стараемся здесь показать, несколько упрощает и обедняет концепцию Виклифа.

церкви, разумеется, весьма различное. Первые являются органическими членами церкви, частью ее духовного тела, которые — просто пребывают в ней: «...aliud est esse de ecclesia et aliud esse in ecclesia».[188] Осужденные не могут быть «от церкви» — они лишь находятся «в церкви».[189] Они уподобляются «воздуху или ветру» (tamquam aer aut ventus) в теле человека, находящемуся в нем, но не являющимся чем-то неотделимым от него.[190] В другом месте цитируемого трактата «О церкви» эта мысль выражена иначе. «Осужденные, живущие в милости, являются истинными членами церкви, поскольку рука, предназначенная к тому, чтобы быть отрубленной, является членом до тех пор, пока она действительно не будет отрублена».[191] Еще одна метафора: церковь на земле включает «зерно и мякину».[192] В «Евангелическом труде» оксфордский теолог дифференцирует «мякину», выделяя среди осужденных три группы: «...Плохими являются те светские в церкви, которые фактически отреклись от закона Христа; еще хуже те в церкви, которые ради власти защищают дело антихриста, худшими же в сражающейся церкви являются прелаты, которые посредством обмана утверждают, что они члены клира, а словами и делами противостоят закону Христа».[193] Подобная градация невольно наталкивает на вопрос: насколько широка пропасть отделяющая «лучших» среди осужденных от предопределенных? Однозначного ответа в трудах евангелического доктора мы не находим. В работе «О церкви» эта преграда рисуется непреодолимой: «...Невозможно осужденному быть членом святой матери-церкви. Осужденные не являются членами церкви не только до страшного суда, но и позднее».[194] В предсмертном опусе его тон менее решителен. Сообщая, что «всех» осужденных бог «отбросит» от церкви в «судный день», он далее допускает присутствие в царстве небесном, наряду с «предопределенными», и «осужденных» (очевидно, не самых «худших»): «Первых бог назовет великими в царстве небесном, а вторых назовет самыми малыми в царстве небесном...»[195] Следовательно, любой человек, достойно себя ведущий в этом мире, даже осужденный, получает шанс, если не стать членом торжествующей церкви, то оказаться после «страшного суда», правда, в качестве «ни-

[188] ДЕ, p. 89.

[189] OE, p. 126.

[190] ДЕ, p. 61.

[191] ДЕ, p. 416.

[192] ДЕ, p. 89, 416; OE, p. 120.

[193] OE, p. 120.

[194] ДЕ, p. 89, 82.

[195] OE, p. 120.

жайшего», среди райских кущ. Возможно, в последний период своей жизни Виклиф начал понимать, что его учение о предопределении в какой-то степени лимитирует эффективность евангельской проповеди его учеников и начал смягчать ригористический детерминизм своей доктрины.

Однако эти предсмертные и к тому же не очень определенные оговорки не зачеркивают главного: таинство священства лишается своей магической силы, а принявший его клир не может претендовать на какую-то особую связь с потусторонними силами. Только «рукоположение бога» имеет силу. Следовательно, любой предопределенный человек может быть священником. Подобный ход рассуждений вольно или невольно подводил читателя к мысли о всеобщем священстве праведных людей. Первый еретик Англии не довел эту цепь умозаключений до логического конца. Больше того, в трактате «Очищение секты Христа»[196] он возражает против подобной возможности и склонен, хотя и в весьма неопределенных выражениях, признать таинство священства, резко высказываясь при этом против всевозможных обрядов посвящения в сан епископа или другие высшие церковные должности. К выводу о допустимости всеобщего священства пришли ученики Виклифа. Идея о всеобщем священстве получила признание в реформационных течениях XVI столетия.

Как может верующий, пусть сугубо приблизительно, определить божьего избранника? Здесь оксфордский богослов опять пускает в дело «лакмусовую бумажку» новозаветных заповедей. Узнать и выбрать истинного курата можно, развивает он свою мысль, отнюдь не с помощью каких-то внешних форм, а через его труды: «Operibus credite»—«Доверяйте делам».[197] К числу этих дел относятся, во-первых, активная проповедь евангелия, а ,во-вторых, та бедность, которая свойственна была Христу и его апостолам. В своих наставлениях «ордену бедных священников» евангелический доктор указывает на их высочайший долг непрестанно словом и делом нести людям «закон бога» и изобличать ересь.[198]

Действуя в строгом соответствии с новозаветными заповедями, эти проповедники отказываются от бенефициев «из-за страха перед симонией, из-за боязни разорить бедных людей и из-за опасения лишиться лучшей доли, которая более светла и легка, более прибыльна во всех отношениях».[199] Они живут достойно и справедливо, получают из мирских благ умеренную

[196] PW, I, p. 315.
[197] OM, p. 141.
[198] WEW, p. 275—6; OM, p. 8.
[199] WEW, p. 275.

милостыню.[200] Приходские клирики обязаны также проповедовать слово божие, скромно исполнять должность и держать себя в соответствии с христовой бедностью.[201] Вообще из всех частей своей позитивной программы учение о бедной церкви развито и аргументировано Виклифом наиболее всесторонне и глубоко. В «Десяти заповедях» он подчеркивает, что Христос, его мать и вся их семья были бедны.[202] Сейчас же, по его расчетам, на долю католической церкви приходится четвертая часть всех материальных ценностей Англии.[203] Население, равное тому, что обитает в его родной стране может кормиться за счет богаств, которые, если не вывозятся в Рим, лежат бесполезным грузом в монастырях.[204] Священники не должны иметь земельных владений. «Они могут учить людей жить в добродетели, по божьему закону, но священники не могут это делать посредством грабежа у лордов и общин их земли и немного имущества».[205] Богатство церкви объявляется ядом[206] и подлежит секуляризации. «Неправедные мирские владения» должны быть у церкви отобраны[207] и по-справедливости разделены между мирянами. Более того, «светские лорды, жалующие имущество церкви, впадают в тяжелый грех».[208] Виклиф резко протестует также против проведения рынков и ярмарок в воскресные дни на церковных папертях[209]—они приносили немалые материальные выгоды клиру, но ущемляли интересы городской верхушки.

«Божественные истины» следует излагать мирянам простыми, ясными словами, отказавшись от органной музыки и других непременных атрибутов пышного католического куль-

[200] OM, p. 7: «...vivant digne et iuste, habeant de temporali elemosina in mensura».
[201] SEW, II, p. 421; OE, p. 261, 263.
[202] SEW, III, p. 85—86.
[203] SEW, III, p. 346—7: «...now men seien that preestis ben moost gredy purchasours in erthe and han to hem the fourthe part that shulde be in ther bretheren hondis».
[204] ДВ, p. 188.
[205] WEW, p. 474: «...prestis... shulden not have lordchip... they mighten leche-men to lyve in vertues, bi goddis lawe, but this may not prestis do bi robbing of lordis and of comyns of ther lordchip and erthely godis. См. также ДВ, p. 266—72.
[206] Христос и апостолы, замечает евангелический доктор, жили бедной жизнью и избегали владений, как яда. —WEW, p. 285. Сравни ACh, p. 48; PW, I, p. 198, 273—4 etc.
[207] Tr., p. 311: «Temporalia ab ecclesia delinquente auferenda».
[208] Tr., p. 307: «...domini seculares ecclesiam dotando graviter peccaverunt». Виклиф провозглашал анафему императору Константину, которого он, подобно остальным своим современникам, считал основателем папского государства в Италии.—OM, p. 251—7.
[209] WEW, p. 279.

та. «...Христос, как известно, мало заботился о богатом строении храма».[210]

В «Толковании на XXIII главу евангелия от Матфея» Виклиф подчеркивает положение, ставшее законом для его продолжателей: «...бедные священники слова бога проповедуют просто», не прибегая к «стихам», «басням» и другим ораторским приемам, свойственным нищенствующим монахам.[211] Несомненно подобное изложение душеспасительных истин «всухую» намного уменьшало шансы виклифитов в борьбе с их католическими соперниками за влияние на массы.

Источником существования приходского притча является, по мысли Виклифа, десятина.[212] Ее он рассматривает не как обязательный «церковный налог», а как «чистую милостыню».[213] Прихожане имеют право лишить ее своего курата[214] «за грехи». «Грешно принуждать прихожан к уплате десятины священникам».[215]

Немного конкретного можно найти в трудах евангелического доктора об использовании отобранных у церкви имуществ и источников дохода. Суждения по этому поводу, найденные в его последних работах, как нам кажется, навеяны революционным кризисом, переживаемым страной. В результате чрезмерной концентрации несметных богатств у римских прелатов дворяне обеднели.[216] В одном из трактатов, изданных Т. А. Эрнолдом, встречаются такие строки: «Я уверен, что владения, которые бог дал светским лордам, достаточны для их содержания, если владения не были бы обманно у них отобраны».[217] Потеряв необходимые средства, дворянство оказалось вынужденным грабить своих держателей[218] и, сопротивляясь, те нарушают мир. «Народ был бы меньше угнетен, а лорды намного богаче, если бы они распоряжались всеми владениями в

---

[210] OE, p. 261, 263: «...Christus ...videtur parum curare de templi edificio sumptuoso...».

[211] OM, p. 331.

[212] SEW, III, p. 517.

[213] SEW, III, p. 175: «...dymes ben pure almes».
См. также SEW, III, p. 517; Tr, p. 407, 419 etc.; ДВ, p. 34, 267—8.

[214] SEW, III, p. 176: «...parischenes may leffully holde dymes fro persones for synne of thes persones». Правда, с одной оговоркой — отнять десятину у священника можно только по согласованному решению всех прихожан: «but not iche parischen schulde, whan ever he wolde, holde fro hys person by hys owne juggement».—SEW, p. 177.

[215] Tr, p. 420: «Decimarum causa cum parochianis contendere sacerdotibus nefas est».

[216] WEW, p. 285.

[217] SEW, III p. 171: «I am certeyne, lordschipe that God hath geven lordes of this world were ynowe to hem alle if it were not yvel departid».

[218] WEW, p. 285: «...Thei ben nedid to spoyle here tenauntis».

том мире».[219] Поэтому все богатства, присвоенные церковью в обход королевских статутов, следует обратить на благо государства—«для освобождения бедных общин от налогов».[220] «Светские власти» должны, «если они хотят иметь свои владения неприкосновенными, а не разоренными дьяволом, и держателей своих послушными в соответствии с законом бога, не мятежными», перестроить церковь в соответствии с законом Христа, т. е. сделать ее бедной.[221] «Тогда в самом деле исчезнет симония, столкновения из-за владений и гнуснейшее невежество, безделие и ересь клира Христа...», прекратятся войны и завоевания, ограбление лордами бедных держателей.[222]

Пожалования, сделанные для благотворительных целей, нельзя расходовать ни на что другое—королю надлежит строго контролировать это.[223] Еще одно «конструктивное» предложении о расходовании церковных богаств можно найти в более ранней работе оксфордского еретика «О должности короля»: они могут послужить источником средств для найма на службу «хороших служащих» государственного аппарата[224]

Виклиф ограничивает сферу предлагаемых им общественных преобразований церковью. На страницах своих последних работ он, подобно проповедникам ортодоксального лагеря, предстает убежденным сторонником незыблемости традиционного для феодализма сословного деления на «лордов», «работников» и «священников».[225] «Каждый человек в его сословии обязан служить богу».[226] В своих «Десяти заповедях» евангелический доктор советует феодалам «не угнетать народ вымогательствами», купцам отказаться от ростовщической деятельности, а священникам «ценить больше божьи дары, поступа-

---

[219] То, что лорды до сих пор не конфисковали земли церквей, он называет большой глупостью, которая принесла многие несчастия лордам, клиру и общинам; дословно: «...fallen many harmes bothe to lordis, clerkis and communes».—Ib.

[220] WEW, p. 278.

[221] Tr, p. 310, дословно: «Ideo si volunt habere dominia sua integra, non diabolice lacerata, pecem ecclesiae reformatam, et tenentes suos secundum legem Domini validos non rebelles, studeant propere et attente ad ordinationem Christi quo ad suam ecclesiam quantum sufficient reformare...».

[222] Ib., p. 310—12, 407.

[223] WEW, p. 278.

[224] DOR, p. 52

[225] WEW, p. 478. На верность Виклифа католическому учению о сословиях обратил внимание Д. Г. Оуст (см. последнюю девятую главу его книги). В данном конретном случае наша точка зрения совпадает с его, но только в данном.

[226] SEW, III, p. 88: «Eche man in his degree is boundoun to serve God».

ющие через крышу, чем иного сорта, приносимые в дверь».[227] «Общинам» он внушает быть «верными и правдивыми по отношению к своим господам».[228] «Светские лорды должны иметь богатство и власть»—подчеркивает евангелический доктор в трактате «О богохульстве».[229] Не посягает Виклиф на прерогативы феодального сословия и в другом произведении — «Краткий закон жизни...» Вполне в духе «моральных наставлений» того века он призывает «работников» жить в «скромности», «верно и охотно» служить их господам «не только из-за страха мирского или мирского вознаграждения, но из-за страха перед богом» и во имя «награды на небесах», причем «не только на глазах своего лорда, но и в его отсутствие.[230] Дворянам предлагается быть «милостивыми» к их держателям и не позволять управляющим имений заниматься вымогательствами у крестьян.[231] Впрочем, в характеризуемом трактате можно найти один пункт, который отсутствует в текстах ортодоксальных проповедей. Феодалам следует воздержаться от защиты «учеников антихриста» и их пагубного учения. Они не должны притеснять тех людей, которые «проповедуют истинное евангельское слово».[232]

Резко расходится Виклиф с католическими священниками и монахами всех орденов в оценке причин народного возмущения, приведшего к кровавым событиям 1381 года. В своем произведении «О слугах и господах» он открыто называет последних виновниками случившегося. Лендлорды «многократно причиняли обиды бедным людям вымогательствами, неразумными штрафами и неразумными налогами».[233] Они стремились привести их держателей к большему рабству, чем то, в котором они должны быть, если поступать в соответствии с требованиями разума и милосердия.[234]

Виклиф указывает на баронские усобицы, судебный произвол, творимый дворянами вкупе с судебными чиновниками, коррупцию и взяточничество, как на важные причины недовольства народа[235].

Значительную долю вины евангелический доктор возлагает на духовенство, которое не дает примера «святой жизни»

---

[227] Ib., p. 88: «...stelen the goodis of God, that comen in bi the roof, and not bi the dore...».
[228] Ib.
[229] DB, p. 33.
[230] SEW, III, p. 88—90, 207.
[231] Ib., p. 206.
[232] Ib.,
[233] WEW, p. 233: «...many tymes don wrongis to pore men bi extorsions
[234] Ib., p. 234: «... lordis stryven with here tenauntis to brynge hem in thraldom more than thei schulden bi reson and charite...».
[235] WEW, p. 233.

Он проклинает прелатов за жадность к десятинам и «первым плодам», получаемым от бедных людей, и это тогда, когда они должны скорее сами давать им мирские товары, чем отнимать у них».[236] Церковные богатства, согласно его суждениям, явились главной причиной народного возмущения.[237] Было бы легко предотвратить зло, если бы клир добровольно отдал свое богатство для уплаты требуемого королевской властью налога. «...Аббаты и церковники-поссессионеры должны отдать захваченное у бедных имущество ради облегчения общин».[238] Больше того, Виклиф полагает, что церковники, имея влияние в парламенте, вымогали деньги у народа, чтобы спровоцировать «гражданскую войну» и уменьшить силу светских баронов (principales domini).[239] Простые люди — vulgares, по терминологии оксфордского еретика—видели злоупотребления церковных господ и инстинктивно стремились к добру, хотя противозаконно и чрезмерно жестоко расправились с виновными, в том числе с кентерберийским архиепископом.[240] Евангелический доктор призывает правящие круги не мстить повстанцам.[241] Единственным средством предотвратить грядущие, еще более тяжкие несчастья—это немедленно реформировать церковь[242]. И «пусть никто, ни светские власти, ни Рим, ни клир впредь не грабят народ».[243]

Подробное рассмотрение Виклифом причин, породивших народный бунт 1381 г., не было академическим досугом. Четкую позицию к поверженным бунтарям заставила его занять суровая проза жизни: необходимость оправдаться от тех обвинений, которые возводили на него нищенствующие монахи и другие представители официальной церкви. Наиболее четко эти обвинения были сформулированы в «Связках сорняков»: там утверждается, что Виклиф и его сторонники из-за «злобы» и «легкомыслия» «посредством своих губительных доктрин» спровоцировали «простонародье» на восстание 1381 года.[244] Д. Болл объявляется любимым учеником евангелического доктора, два года изучавшим его еретическое учение. Чтобы подтвердить свое суждение, монах-кармелит привел

---

[236] Ib.
[237] DB, p. 188.
[238] DB, p. 190: «...Abbates et religiosi possessionati debent incarcerata bona pauperum ad relevamen communitatis transfundere».
[239] Ib., p. 192.
[240] Ib., p. 190, 194.
[241] Мысль о необходимости снисхождения к участникам восстания Виклиф обосновывает очень обстоятельно. —Ib., p. 195—203.
[242] DB, p. 193, 267, 269.
[243] Ib., p. 197.
[244] FZ, p. 272.

выдержки из исповеди Болла,[245] которую он якобы произнес в Сент-Олбенсе перед казнью. Полный ее текст он обещал поместить в конце летописи.[246] Но ни в одном из его списков, ни в других рукописях XIV—XV столетий исповедь не была обнаружена.[247] Эту концепцию подержали другие летописцы католического лагеря, в том числе знаменитый бенедиктинец, возглавлявший в начале XV в. скрипторий сент-олбенского монастыря, Уолсингем,[248] и ивесхемский хронист.[249] Точку зрения летописцов XV в. на роль лоллардов в восстании Уота Тайлера разделял Дж. Е. С. Роджерс. По его мнению, тот факт, что «народное недовольство было разожжено проповедями учеников Виклифа», не может вызывать сомнений.[250]

Однако строгая историческая критика доказала ошибочность подобных обвинений. Первым с убедительными опровержениями взглядов католической школы выступил Д. М. Тревельян.

К 1381 г., отмечает он, бедных проповедников было слишком мало, и они еще не успели сорганизоваться настолько, чтобы эффективно влиять на народное умонастроение.[251] Д. Болл вместе со своими единомышленниками, по его мнению, составляет особое течение в социально-еретической мысли Англии 70 гг. XIV в., которое поддерживало «незначительное меньшинство наемных рабочих», вставших под знамена Уота Тайлера.[252]

Точка зрения Д. М. Тревельяна была принята в последующей историографии. Некоторые историки XX в. выдвинули убедительные доводы в ее пользу. Так, Г. Б. Уоркмен обратил внимание на слабость восстания в Мидленде, где раньше всего начали действовать виклифиты.[253] Болл, отмечает Уоркмен, выступал со своими проповедями, начиная с 1366 г., т. е. намного раньше евангелического доктора.[254] Еще один аргумент в поддержку концепции Тревельяна привел Д. Стэси. Фруассар не связывает Виклифа с революционерами 1381 г.[255] Даже К. Б. Мак-Фарлен не решается обвинить старательно очернимого им окефордского еретика в контактах с бунтовщи-

[245] Ib., p. 273.
[246] Ib., p. 274.
[247] Ib., p. 274, note.
[248] HA, II, p. 32.
[249] HE, p. 33. См. также Д. М. Петрушевский, Восстание..., p. III.
[250] J. E. Th. Rogers, The Historical Gleanings..., p. 47.
[251] England..., p. 197—8.
[252] Ib., p. 197.
[253] H. B. Workman, op. cit., II, p. 237.
[254] Ib., p. 238.
[255] J. Stacey, John Wyclif, p. 11.

ками из тайлеровского войска.[256] Д. М. Петрушевский отрицал ответственность за взрыв народного возмущения не только учеников Виклифа, но также «Болла и подобных ему представителей социально-религиозного движения».[257]

По его мнению, «революционером стал Болл, по-видимому, уже после своего освобождения из мэдстоунской тюрьмы; его, как и многих других, с неудержимой силой захватило общее увлечение...»[258]. По вопросу о связи взглядов Виклифа и Болла советский историк занял диалектическую позицию, соглашаясь с Найтоном, называвшим Болла предшественником Виклифа, но допуская, что «Болл, лишь только раздалось веское и авторитетное слово оксфордского реформатора, одним из первых стал внимательно прислушиваться к нему, находя в нем родственные звуки, часто более определенную и основательную формулировку того, чему он сам учил народ, а иногда и совершенно новые для себя идеи».[259] Итак, нет смысла рассуждать по поводу провоцирующей роли бедных проповедников в событиях 1381 г. Однако нельзя пройти мимо вопроса о связи учения Виклифа с лозунгами «бешеного священника» из Колчестера. Наши предшественники уже отметили тождественность взглядов обоих еретиков по ряду вопросов. В частности, Д. М. Петрушевский указал, что и тот, и другой являлись приверженцами секуляризации, отрицали право грешного прелата на десятину.[260] Как известно из летописи Фруассара,[261] Болл являлся сторонником обобществления собственности. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был дворянином»—любил он повторять перед своими слушателями популярное среди простого народа двустишие, и вся его речь обыкновенно являлась подробным и патетическим развитием простой мысли, заключавшейся в этой близкой сердцу трудящегося народа поговорке».[262]

В крупнейшем трактате «О гражданской власти» Виклиф изложил ряд сходных теоретических положений. Всей полнотой власти над землей и ее кладами обладает, по мнению евангелического доктора, только бог.[263] Он отчуждает часть ее

[256] Op. cit., p. 100.
[257] Он пишет, что «рассмотрение деятельности Джона Болла и подобных ему представителей социально-религиозного движения второй половины XIV века, не дало нам фактов, которые подкрепили бы взгляд Роджерса...», цит. соч., стр. 125.
[258] Там же, стр. 115.
[259] Там же, стр. 112.
[260] Там же, стр. 112—3.
[261] Текст хроники Фруассара см. на стр. 46 данной работы.
[262] Д. М. Петрушевский, цит. соч., стр. 113.
[263] Ни «естественное право», «ни право человеческое», «ни власть» ничего не значат «без главного закона и соизволения господа нашего».—DCD, II, p. 105. См. также «De Dominio Divino» (p. 33, 250, 255).

людям «по своей милости», причем исключительно людям «праведным»—тем, кто является «истинными и верными» его «вассалами» и «слугами».[264] Личность, впавшая в грех, становится «заговорщиком» против «всевышнего» и вследствие этого лишается им всякой власти над чем бы то ни было.[265] Ни один человек «в смертном грехе» не может быть у власти. Праведник, наоборот, пребывает в состоянии восприятия божественной милости. «Каждый праведный человек является господином надо всем чувственным миром».[266]

Вот как излагает оксфордский теолог свой заключительный вывод, к которому приводит логическая цепь умозаключений. «Каждый человек должен быть в милости бога, и если он в милости, то он является господином мира со всем к нему относящемся; следовательно, каждый человек должен быть господином всего: что не согласуется с множеством людей, если все они не станут владеть всем сообща. Следовательно, все должно быть общим».[267]

Высказав столь категорично свою «коммунистическую» доктрину, Виклиф стремится ее обосновать, разбирая возможные возражения со стороны оппонентов. «Если будет сказано, что такая теория нарушает управление, потому что никто не будет заботиться об общих вещах, я отвечу, что невыполнение долга не делает долг меньше.[268] По мнению евангелического доктора, «каждый будет максимально заботиться об общем имуществе».[269] А далее следует аргумент, взятый из арсенала реалистической схоластики: вещи в общей собственности будут лучше охраняться, чем в частной, потому что «общее по природе является лучше частного».[270]

Несколькими страницами далее оксфордский теолог метко замечает, что не общность имущества, а неправедные владения, в особенности те, которые находятся у духовенства, вызывают грабежи и воровство.[271] Нам нет необходимости следовать за всеми чуждыми уму современного человека ло-

---

[264] ДСД, I, p. 37.

[265] «...Никто в смертном грехе, естественно, не имеет права на дар божий...» (nemo ut est in peccato mortali habet iusticiam simpliciter ad donum Dei).—DCD, I, p. 1 ff.

[266] ДСД, I, p. 37.

[267] «Omnis homo debet esse in gracia, et si est in gracia est dominus mundi cum suis contentis; ergo omnis homo debet esse dominus universitatis; quod non staret cum multitudine hominum, nisi omnes illi deberent habere omnia in communi; ergo omnia debent esse communia».—DCD, I, p. 96.

[268] ДСД, I, p. 97.

[269] P. 97.

[270] P. 97.

[271] Ib., p. 101.

гическими построениями оксфордского схоласта. Процитируем его обобщающие умозаключения: «...власть, основанная на общности, является естественной и духовной; власть же, которая отрицает общность, является искусственной и ошибочной».[272] Закон природы, совпадающий по мнению Виклифа с данным Христом «евангелическим законом», требует, чтобы «все было общим».[273] По естественному закону невозможно отчуждать предметы собственности: продавать, дарить, закладывать и т. п.[274] Подобное право является, подчеркивает он вновь, наиболее совершенным и совпадающим со «священным писанием».[275]

Действующее сейчас на земле «гражданское право» (jus civile)[276] возникло в результате грехопадения людей.[277] «...Гражданская власть, в любом виде, имеет печать испорченности». Подобное право и основная на нем власть предполагают наличие частной собственности. «...Имеющий гражданскую власть должен иметь от охраняемой общины имущество...»[278]

Таким образом, общество, живущее без частной собственности,—это высокий идеал. Ныне существует возникшее вследствие людских грехов гражданское общество, основанное на частной собственности. Заслуживает внимания вопрос: заимствовал ли Болл и его единомышленники христианско-коммунистические идеи у Виклифа, или они развились у них под чьим-то другим влиянием? По суждению Д. М. Тревельяна,[279] теория власти никогда не излагалась евангелическим доктором в публицистических произведениях, адресованных на родном языке английскому народу, а потому и осталась неизвестной его вождям. Г. Б. Уоркмен также полагает, что защищаемая Боллом идея уничтожения частной собственности была заимствована скорее у францисканцев-спиритуалов, нежели у оксфордского богослова.[280]

На существование уравнительно-коммунистических взглядов в выступлениях спиритуалов-францисканцев в XIV в. указывает У. Ленгленд.[281] Подобные же представления были

---

[272] Ib., p. 99: «...dominium, ut communicabile, est naturale et spirituale; dominium autem ut repugnat communicacioni, est artificiale et corruptibile.».

[273] Ib., II, p. 154.

[274] Ib., I, p. 126.

[275] Ib., I, p. 127—9.

[276] Напомним, что в гражданское (или созданное людьми) право Виклиф включает и «каноническое право».

[277] ДСД, I, p. 125—6.

[278] Ib., p. 129 ff.

[279] England..., p. 199 ff.

[280] Op. cit., II, p. 239.

[281] «Они наставляют людей по Платону и доказывают на основании Сенеки, что все должно быть общим» (B—Text).

найдены в народной утопии «Страна Кокейн»[282] и у ряда политических писателей XIV столетия.[283] Широта распространения столь «архиреволюционных» с точки зрения правящей верхушки высказываний оправдывает суждения наших предшественников по данному вопросу. Но, к сожалению, нам неизвестно, когда начал Д. Болл вставлять в проповеди призывы к обобществлению имущества. Если бы удалось доказать появление подобных призывов раньше 1375 г., когда оксфордский теолог написал знаменитый труд «О гражданской власти», то вопрос был бы решен окончательно. Однако важнейшим косвенным указанием на независимость концепции Болла от виклифской доктрины о гражданской власти являются те выводы, которые каждый из них сделал из идеи о преимуществе общей собственности над частной.

В момент составления трактата «О гражданской власти» Виклиф, кажется, не отрицал возможность претворения этой идеи в жизнь: «И эту вышеизложенную теорию допускает истинная вера любого католика.[284] В подтверждении чего Истина[285] избегает собственности, но имеет мирские владения в общем владении..., и после ее победы все будет общим у ее учеников».[286] Поскольку оксфордский богослов верил в восстановление евангельских законов на земле и при этом не в очень отдаленном будущем, постольку, очевидно, возможно думать, что обобществление имуществ рисовалось не только как воспоминание о невозвратно утраченной жизни людей до первородного греха. Кстати говоря, обращение Болла к образу Адама и Евы также свидетельствует о том, что в представлении людей того времени восстановление идеального, так сказать, «догреховного» правопорядка не считалось несбыточной мечтой. Слабостью доктрины Виклифа, в том виде, в каком она изложена в работе «О гражданской власти», является, во-первых, отсутствие четкого плана возвращения общества к новозаветным заповедям, а, во-вторых, несколько оговорок, разбросанных здесь и там на страницах этого обширного сочинения, которые решительным образом противоречат основному тезису.

Он утверждает, например, что бог иногда доверяет грешному человеку не «власть», а «силу власти», «пользование»

[282] А. Д. Мортон, Английская утопия. Перевод с английского С. В. Волкова. Под редакцией В. Ф. Семенова. Приложение, стр. 263 и следующие.

[283] Ю. М. Сапрыкин. Антифеодальные идеи..., стр. 47, 48 и др.

[284] В момент написания трактата «О гражданской власти» евангелический доктор еще не порвал с католической церквью.

[285] Подразумевается «священное писание».

[286] ДСД, I, p. 96—7.

властью.[287] А если это так, то торжество «учеников Истины» и установление евангельских правопорядков на земле становится менее определенным, а главное, зависящим уже не от воли людей, а от неизвестно когда и при каких обстоятельствах действующего соизволения «всевышней силы».

Подобная противоречивость, отсутствие четких указаний на пути ведущие к достижению идеала уже свидетельствуют о различии между трактатом «О гражданской власти» и страстной проповедью Болла, призывавшего своих слушателей к немедленному установлению посредством революционных действий «царства божия» на земле. Если мы обратимся к более поздним сочинениям оксфордского теолога эти различия станут еще контрастнее.

Важным свидетельством враждебности Виклифа к болловской доктрине является написанный им в 1378 г. трактат «О гражданском рабстве и светской власти»,[288] в котором уточняются некоторые суждения, высказанные на страницах первой книги «О гражданской власти». Евангелический доктор объясняет существование крепостнических порядков и власти феодалов над землей и людьми «первородным грехом». «...Очевидно, следует верить, что подобная власть возникла не естественно, но случайно из-за первородного греха. Все люди, я утверждаю, до этого были свободны от такой зависимости, поскольку люди естественно созданы в состоянии свободы».[289] Человеческое неравенство, является «неизбежным из-за наших грехов».[290] Возможность экономического равенства всех людей и стирания сословных граней отодвигаются в мистическую даль веков. Поэтому остается только печалиться, что «мы не в состоянии после грехопадения совершать наши дела без греха...» «Мы должны также стремиться почитать бога и помогать нашей церкви и **не осуждать греха, но скорбеть, что вследствие первородного греха, мы неизбежно вынуждены грешить** (Подчеркнуто мной.—Е. К.). И к тому же должны надеяться на сострадание бога, на то, что врачующим благодеянием Христа и собственной кротостью мы

[287] ДСД, I, p. 24ff.

[288] «De Servitute Civili et Dominio Seculari». — OM, p. 145ff. Р. Буддензиг относил написание этого произведения к 1383—4 гг. Однако аргументы, приведенные Иоганном Лозерцом в пользу 1378 г., представляются более убедительными.— OM, p. XXVII ff.

[289] «...Videtur credendum quod istud dominium non fuit naturaliter, sed occasionaliter propter peccatum prehabitum introductum... Omnes, inquam, homines debet esse quoad istam servitutem liberi, sicut in ista libertate homines naturaliter sunt creati».—OM, p. 146.

[290] Дословно: «...conducticia servitus atque dominium sunt necessaria nobis lapsis».—OM., p. 147.

придем в то отечество, где сможем служить богу без какого-либо греха».[291] Подобные пассажи, как небо от земли отличаются от страстных призывов Д. Болла к революционному переустройству общества. Впрочем, оправдывая социальную несправедливость, Виклиф в то же время старательно защищает «естественное» равенство всех людей перед богом. Любопытно такое замечание оксфордского теолога: «Бог наделяет многих детей рабов как физическими, так и нравственными достоинствами значительно более щедро, чем детей свободных».[292] Он приводит аргументы из текста «священного писания» и логические доводы против закрепощения одних людей другими.[293]

Однако ничего конструктивного, кроме совета лордам милостиво и снисходительно относиться к своим держателям, оксфордский богослов не желает предложить своим читателям.[294]

После революционных событий 1381 г. высказывания Виклифа становятся значительно консервативнее. Это отразилось как в его теоретических работах, так и, особенно, в англоязыческих произведениях.[295] На страницах предсмертного «Евангелического труда» туманные пожелания уничтожить «гражданское рабство» и никогда его не возобновлять, сочетаются с платонической проповедью христианского братства между господином и рабом, при соблюдении которого рабство не будет приносить вреда, но будет полезно обеим сторонам.[296] Вместо изобличения греховности окружающего

[291] OM, p. 157: «Debemus itaque ingemiscere quod non sufficimus hic viando post lapsum, facere facta nostra sine peccato... Debemus itaque intendere Deum honorare et ecclesiae suae proficere et non propondere peccare sed dolere, quod ex lapsu necessitati sumus in vita sensibili sic peccare. Et cum hoc debemus sperare de Dei misericordia, quod mediante merito Christi et sua gracia veniemus ad patriam, ubi Deo sine defecto aliquo servimus».

[292] OM, p. 151.

[293] Ib., p. 151ff. И. Лозерц утверждает, что на страницах этого произведения Виклифом приводятся «все аргументы, которые можно было привести против рабства» (OM., p. XXVI). Впрочем, приводится, на наш взгляд, немало доводов и в защиту крепостничества.

[294] Ib., p. 158.

[295] Дж. Гайрднер подчеркивал, что Виклиф, ясно поняв «опасные тенденции некоторых своих принципов», постарался в последние годы жизни от них избавиться. (Lollardy..., 1, p. 14—5).

[296] OE, p. 338, 415. «Поскольку светские лорды и их крепостные являются братьями в боге, и первые должны желать вторым вступить в такое сословие, которое они, сообразуясь с разумом, желают себе, то из этого принципа веры следует, что ни один светский лорд не будет владеть человеком в гражданском рабстве, разве только в сходном случае он сам себе это сознательно пожелает» (p. 415).

мира, с которым мы встречались в трактате «О гражданском рабстве», здесь появляются примиряющие рассуждения о том, «как бог заботливо распорядился с человеческим родом, что одни являются богатыми, а другие бедными».[297] Вполне в духе ортодоксальной проповеди евангелический доктор выступает против двух грехов, за которые «человек должен наказываться»: «первый, когда человек излишне и чрезмерно ревностно пользуется добром бога, и, во-вторых, когда человек скатывается в нищету...»[298] Тривиальным образчиком социальной демагогии правящей церкви звучат его слова: «...Положение же бедных, если бросишь взгляд со стороны добродетели, является более хорошим, потому что живущие так более близки вследствие невинности своего положения к добродетели...» «Иисус Христос поэтому выбрал сословие бедняков».[299]

В произведениях, написанных в последние годы жизни на родном языке, Виклиф, как уже говорилось,[300] защищает незыблимость существовавших в то время сословных отношений и решительно отмежевывается от тех, кто утверждает, что «люди, верующие в Христа, не должны быть слугами и рабами земных лордов». Светским владыкам, подчеркивает он, нельзя не платить ренты, хотя прихожане имеют право отказать в десятине «священникам, если те живут в разврате и других смертных грехах».[301] «Слуги должны верно и радостно служить своим лордам и господам»,[302]—пишет Виклиф, проводя тем самым глубокую борозду между собой и кентскими бунтовщиками, ведомыми Джоном Боллом, которые боролись за немедленное осуществление в Англии христианско-коммунистических идеалов. Если для мэдстоунского узника его христинско - утопический коммунизм являлся реальной, звавшей к активным действиям революционной программой, то для оксфордского теолога коммунистический миропорядок служил идеалом, достижение которого для жителей Англии его поколения рисовалось вначале (трактат «О гражданской власти») весьма проблематичным, позднее—совершенно недостижимым из-за царящего кругом греха (1378 г., «О гражданском рабстве и светской власти»), а к концу жизненного пути этот идеал был отодвинут далеко в тень более при-

[297] OE, p. 216.

[298] OE, p. 341—2.

[299] OE, p. 217.

[300] См. стр. 144 данной работы.

[301] WEW, p. 228.

[302] Ib., p. 227.

емлемыми для сильных мира сего предложениями об уничтожении крепостничества и передаче церковных богатств в руки светских «лордов» для облегчения народных тягот.

Оксфордский теолог—и в этом важная черта, отличавшая его как политического борца от Джона Болла—стремится обойтись без кровопролития, без революционной борьбы. Отсюда те призывы к социальному миру, которыми пестрят страницы его работ. Отсюда апелляция за поддержкой к Ланкастеру и молодому королю Ричарду. Сродни этому и вера Виклифа в просветительную силу своих идей—неоспоримая правота их казалась ему очевидной. Его учение не подрывало всех устоев феодализма, но он стремился сокрушить его главную твердыню—римскую церковь с тем, чтобы создать благоприятные условия для хозяйственной жизни страны, для деятельности различных слоев ее населения: ремесленников, торговцев, йоменов и дворянства. Оно было ориентировано на, так называемые, «средние слои». Его центральное требование создания простой, «дешевой» церкви укладывается в рамки той разновидности антикатолической доктрины феодальной эпохи, которую Ф. Энгельс называл «бюргерской ересью». Однако, недостаточная отработка позитивных лозунгов и многосторонняя критика католицизма способствовали притяжению к виклифской доктрине людей из широкого круга сословий английского общества.

Невзирая на слабость позитивной части своей программы, Виклиф оставил своим продолжателям поистине богатейшее наследство.

Как они воспользовались им?

Для ответа на этот вопрос мы располагаем довольно значительным количеством источников. Среди них, в первую очередь, следует назвать произведения самих лоллардов, относящиеся к последнему двадцатилетию XIV века и первым десяти годам следующего столетия.[303] В третьем томе изда-

[303] Следует оговориться, что многие работы продолжателей евангелического доктора и их оппонентов затеряны или ждут своего издателя. В частности, остаются неопубликованными латинские трактаты Г. Крэмпа «Contra Religiosos Mendicantes», «Responses contra objecta», а также вышедшие, как предполагают, из-под пера Эстона «The Usurpations of the Clergy», «The Right Rise of the Sacrament». Не найдены до сих пор работы У. Тэйлора. Кроме того, авторство многих трудов, опубликованных Мэтью и Эрнолдом, остается неустановленным по вполне понятной объективной причине: громадной трудоемкости и сложности их сравнительного текстологического анализа. Нам, однако, думается, что проведение такого исследования, если не приведет к неожиданным и крупным научным открытиям, все же позволит в какой-то мере обнаружить те идейные оттенки, которые существовали в едином потоке развития антикатолической доктрины евангелического доктора его ближайшими учениками в конце XIV—начале XV века.

ия Эрнолда оказались помещенными три произведения, написанные на западно-английском диалекте,—«О семи смертных грехах», «Жителям Линкольна» и «Жизнь священников».[304] Виклиф им не владел. Зато для Герифорда и Эстона он был родным. Очевидно, трактаты принадлежат одному из них. «Жизнь священников» полностью посвящена обоснованию идеи общественного блага секуляризации церковных богатств. Краткое письмо, адресованное жителям Линкольна, содержит проникнутый страстью призыв поддержать бедных проповедников и гневно бичует их преследователей—нищенствующих монахов.

Центральное место в трактате «О семи смертных грехах» занимают рассуждения о нравственности христианина—в теоретическом аспекте и в виде практических рекомендаций для людей различных сословий. Однако попутно затрагивается большинство социально-политических вопросов, являвшихся тогда предметом словопрений между лоллардами и ортодоксами.

По богатству мыслей, четкости и логичности изложения данный труд несомненно должен занять одно из ведущих мест среди всего созданного последователями евангелического теолога. Автора отличает глубокая убежденность, а холодная строгость схоластических аргументов не может скрыть искренности и воодушевления человека, писавшего этот труд.

Острая публицистичность трактата проявляется в многократном обращении к вопросу о собственности, настойчивом стремлении найти корни народного неблагополучия, осуждении крестьянских выступлений и, наконец, в плохо закамуфлированных выпадах против крестового похода норичского епископа во Фландрию. Последнее обстоятельство дает ключ к установлению времени написания трактата—это вторая половина 1382.[305]

Меньше внимания уделено на страницах данного творения еретической мысли критике таинств и других актов католической системы богопочитания, а также защите универсальности евангельских законов. Вообще, по своему сюжету «О семи смертных грехах» социально-этический, а не богословский трактат, в котором различные явления современной автору общественной жизни оцениваются с помощью идеальных моральных критериев, выведенных как и следует истинному лолларду, из «священного писания». Гордость, зависть, гневливость, лень, жадность, обжорство, прелюбоде-

[304] «On the Seven Deadly Sins», «Lincolniensis», «Vita Sacerdotum».—SEW, III, p. 119—68, 230—3, 233—42.

[305] SEW, III, p. 136, 137, 140—1.

ние признаются аморальными.[306] Им противопоставлены обычные «христианские» добродетели: скромность, умеренность, целомудрие, трудолюбие, милосердие...[307]

Благодаря Фоксу нам удалось познакомиться с двумя работами Уолтера Брэта, составленными им во врмя разбирательства его дела судом герифордской епархии (1391—1393). Одно из них —«Определенные доказательства Уолтера Брэта, представленные им для своей защиты епископу в письменном виде»[308]—приводится целиком, а другое, которое Фокс называет «A more ample Tractation», с некоторыми существенными сокращениями.[309] И тем не менее оба названных труда следует отнести к числу наиболее богатых источников, характеризующих взгляды «кружка» Свиндерби. Третьим произведением, вышедшем из-под пера Брэта, является написанное примерно в то же время, что и два ранее названные, письмо к Н. Герифорду. Как и те, оно было обнаружено Фоксом в архиве герифордского диоцеза.[310] Их анализ дает представление о взглядах как этого видного пропагандиста виклифизма, так и его идейного наставника Свиндерби.

Ученики евангелического доктора сумели завершить начатую при жизни учителя работу по переводу Библии на английский язык. Решающую роль в этом сыграл секретарь Виклифа Джон Пэрви. Издание, подготовленное под его руководством, было завершено в 1395 г.[311] и получило у современни-

---

[306] Ib., p. 121.

[307] Ib., p. 131, 134, 145, 160, 161.

[308] «The Certain Exhibits of Walter Brut in writing, presented to the Bishop for his Defence».—Foxe, III, p. 136—9.

[309] Ib., 136—186.

[310] Ib., p. 188—9.

[311] История «виклифитской библии» вот уже свыше ста лет служит предметом дебатов палеографов, филологов, историков. Начало ей положили своим «образцовым», по оценке Ф. Ф. Брюса, изданием Дж. Форшелл и Ф. Мэдден (J. Forshall and F. Madden, The Holy Bible containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal Books in the earliest English Versions made from the Latin Vulgate by John Wycliffe and his Followers, Oxf., 1850, 4 vols). Согласно наиболее авторитетной концепции, созданной М. Динсли и поддержанной Г. Б. Уоркменом, первый вариант библейского перевода был изготовлен еще при жизни Виклифа, но он не удовлетворил евангелического доктора—в первую очередь малой доступностью широким кругам народа. Это был не литературный перевод, а то, что современные переводчики называют «переводом-калькой» или «подстрочным переводом». Д. Пэрви с группой помощников, имена которых остаются неизвестными, продолжал работу над созданием литературного перевода. Около 1390 г. они закончили Новый завет, а еще через четыре года —Ветхий (M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 255 ff.; H. B. Workman, op. cit., II, p. 165). То, что Пэрви был редактором второй версии перевода, общепринято. До 1382 г. большую часть Ветхого завета (до книги Баруха, 3; 19) перевела группа виклифитов под руководством Герифорда. Кто был ответственен за остальную часть первого варианта? Преподавателю Эбердинского университета Г. Хэргривсу удалось найти рукопись, где на полях книги Баруха сохранилась пометка: «Здесь кончается перевод Герифорда и начинается перевод (м. и других людей». Кто был этим Джоном? Вероятно, все тот же Джон Пэрви. Подробнее см. H. Hargreaves, An Intermediate Version of the Wycliffite Old Testament.—«Studia Neophilologica» 28 (1956), p. 130ff. А. Поулс нашла еще два перевода Библии, выполненных в XIV в. Один на наречии северной Англии, другой—на южно-английском диалекте. Оба оказались скопированными в один том около 1401 года. —A. C. Paues, The English Bible in the Fourteenth Century (1923). См. также M. Deansly, The Significance...; S. L. Fristed, The Wycliffe Bible (part I, Stockholm, 1953), F. F. Bruce, The English Bible...

[312] Дж. Форшеллу и Ф. Мэддену удалось найти в середине XIX века 170 рукописных копий Библии, изготовленных лоллардами. Даже Эрундел в 1408 г. не рискнул обвинить лоллардов в фальсификации (M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 261, 231).

[313] М. Динсли называет перевод «an excellent and scholarly version» (Ib., p. 371). Успех перевода обеспечили те принципы, которые положил в его основу Д. Пэрви: «должно знать, что лучший перевод с латинского на английский—это перевод по смыслу, а не только по словам»—«...it is to be known that the best translating out of Latin into English is to translate after the sentence, and not only after the words...» — См. подробнее F. F. Bruce, The English Bible..., p. 18, 19, 20.

[314] Мы имеем в виду известный тракат «Об истинности священного писания», некоторые проповеди Виклифа, опубликованные в первом из трех томов издания Эрнолда (p. 129ff.), а также небольшую полемическую работу, найденную М. Динсли (p. 269, 445—456). Эта работа не имеет заголовка. Она начинается словами: «Святой пророк Давид сказал...»

[315] Среди оппонентов лоллардов по вопросу о допустимости мирянину читать Библию на родном языке заслуживает быть отмеченным францисканец Уильям Батлер, выступивший в 1401 г. с трактатом «Libellum contra Translationem Scripturae Sacrae in Linguam Vulgarem», и доминиканец Томас Пэлмер, написавший «De Translatione Sacrae Scripturae in Linguam Anglicanum».—M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 401 ff.

чтение «священного писания» на родном языке мирянами различных сословий.[316]

Пэрви явился не только ведущим переводчиком, но и страстным защитником неотъемлемого права каждого человека на знакомство со «святыми» текстами Нового и Ветхого заветов. Им было написано, как установила М. Динсли, 12 трактатов в защиту английского перевода Библии.[317] В 1405 г., не имея возможности лично участвовать в диспуте на стороне Пэйна, он выступил с трактатом в двух самостоятельных версиях на английском и латинском языках.

Первая из них начинается словами «Против тех, кто говорит, что священное писание не должно и не может переводиться на английский язык, мы приводим такие аргументы».[318]

Кроме того перу Пэрви принадлежит «General Prologue», написанный им ко второй версии перевода Ветхого завета и также обосновывающий «полезность» для простых людей чтения библейских книг.

Перечень трудов виклифитов, которые защищают от нападок ортодоксов выполненный ими библейский перевод, замыкает анонимный трактат, относящийся к концу первого десятилетия XV столетия.[319]

Зимой 1395 г., в момент открытия в Вестминстере очередной сессии парламента, лолларды обнародовали свой новый программный документ—«Двенадцать положений» («XII Conclusiones»). Г. С. Кронин, издатель «Книги против двенадцати ошибок и ересей лоллардов», доказал, что «Двенадцать положений» не являются составленным по всем правилам парламентской формалистики биллем.[320] Тем не менее он не может опровергнуть главного: «прокламация» лоллардов была адресована в первую очередь членам парламента.[321] С ее помощью они надеялись снискать поддержку со стороны палаты общин.

---

[316] Подробно это рассматривается в четырнадцатой главе монографии М. Динсли (p. 351—369). См. также F. F. Bruce, The English Bible..., p. 2.

[317] Седьмой трактат «... доказывает, что каждый народ может законно получить святое писание на родном языке». Двенадцатый трактат называется «Диалогом между мудрым человеком и дураком, отрицающим истину с помощью басен...» Все 12 трактатов, как установила М. Динсли, были написаны в 1382—1395 гг. (p. 269—274).

[318] Трактат опубликовала М. Динсли в «Приложении 2» к своему монографическому исследованию (p. 445—456). Там же был помещен «Эпилог», составленный Пэрви к «Комментарию на евангелие св. Матфея» (p. 456—461).

[319] «A Lollard Tract: on Translating the Bible into English, ed. C. F. Bühler,—Medium Aevum, VII (1938), No 3.

[320] Dymmok, p. XXXI—XXXII, XXXV.

[321] См. подробнее M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 375.

«Двенадцать положений»имеют две версии: английскую и латинскую. Г. С. Кронин полагал, что первая составлена раньше второй. Г. Б. Уоркмен склонялся к противоположной точке зрения. Поскольку латинский текст более пространен —он содержит «вывод» из 12 «положения», которого нет в английском варианте, суждение Г. Б. Уоркмена кажется нам предпочтительнее.[322]

В «выводе» («corollary») из седьмого «положения» мы встречаем такие строки: «...Было доказано в одной книге, которой владеет король, что сто благотворительных домов достаточно для (бедных) всего королевства.[323] Подробнее о «благотворительных домах» речь идет в, так называемых, «Ересях и ошибках господина Джона Пэрви, священника, извлеченных из его еретической книги, приором бристольских кармелитов Ричардом Левенхемом».[324] Следовательно, книга, на которую имеется ссылка в «Двенадцати положениях», написана Пэрви и, стало быть, если не авторство, то причастность бывшего секретаря Виклифа к их составлению представляется бесспорной. На какую же книгу Пэрви дается ссылка? В 1851 г. Дж. Дж. Форшелл попытался доказать, что искомой является трактат «Протест против римских злоупотреблений в церкви, адресованный народу и парламенту Англии в 1395 г.»[325] Впрочем, чаще в исторической литературе вместо этого пространного наименования употребляется более краткое— «Управление церквью» (Ecclesiae Regimen). Однако через шестьдесят лет Г. Ф. Б. Компстон в вводном очерке к изданным им «Тридцати семи положениям лоллардов»[326] обратил внима-

---

[322] Думмок, p. XXXIII—IV; H. B. Workman, op. cit., II, p. 391, note 2.

[323] FZ, p. 364: «...fuit probatum in uno libro quem rex habuit, quod centum domus eleemosynarum sufficiunt toto regno». В английском варианте только одно, маловажное разночтение: вместо в «одной книге» — в «определенной книге» (a certain book).—Foxe, III, p. 205.

[324] FZ p. 383 ff. У Фокса эти выдержки из книги Пэрви озаглавлены иначе: «Articles drawn out of Purvey's Book more at large by R. Lavingham (p. 286ff.).

[325] «Remonstrance against Romish Corruptions in the Church adressed to the People and Parliament of England in 1395», ed. J. J. Forshall, L., 1851. Помимо вводной статьи к этому трактату, подобная точка зрения была выражена Дж. Форшеллом в написанном им совместно с Ф. Мэдденом «предисловии» к «the Wycliffite Versions of Bible» (Ox., 1850, p. XXV ff.).

[326] XXXVII.—См. выходные данные в «Списке сокращений».

ние, что содержание цитируемой Левенхемом работы Пэрви богаче, чем текст «Управления церквью».[327]

Последующие исследования не принесли новых сведений о привлекшем внимание бристольского кармелита труде Пэрви. Текст его до сих пор не найден. Отсюда большая важность тех отрывков, которые дошли до нас благодаря ревностным защитникам католической ортодоксии и Фоксу.

Кроме неизвестного трактата Пэрви, составители«XII положений», ссылаются на «другую книгу» и «многие другие», «все написанные на нашем собственном языке, потому что мы желаем, чтобы они были известны христианскому народу».[328] В их число входит уже упоминавшийся страницей выше труд «Управление церковью». Он содержит перевод ранней работы «Тридцать семь положений».[329] Каждое из тридцати семи положений сопровождается —и в этом несомненно композиционное сходство с «Двенадцатью положениями» —«выводами» (corollaries) и «пояснениями (commentaries).

Оба произведения—«Тридцать семь положений» и «Управление церковью»—историки связывают с именем Пэрви.[330] Немало параллелей с «Тридцатью семью положениями» имеют работы «Ответ»,[331] а также «Пятьдесят ересей и ошибок нищенствующих монахов»[332] Все они отражают новый этап в развитии лоллардизма. Это «программа Пэрви» и его кружка, об интеллектуальной силе которого убедительно свидетельствует перевод на английский язык такого сложного литературного памятника, как Библия.

К числу выдающихся полемических произведений, созданных лоллардами в начале XV в., следует отнести, в первую очередь, обличавший монахов стихотворений памфлет, автор которого скрыл свое подлинное имя под псевдонимом Джэк

---

[327] XXXVII, p. 739.

[328] FZ, p. 369: «Et quamvis istae materiae sint hic breviter notatae, sunt tamen largiter declaratae in alio libro, et multae aliae plures totaliter in nostro proprio langagio, quas velemus ut essent communes toti populo christiano». Сравни Foxe, III, p. 258.

[329] Мысль о том, что трактат «Тридцать семь положений» предшествовал «Управлению церкви», была обоснована Г. Ф. Б. Компстоном (XXXVII, p. 739) и Г. Б. Уоркменом (II, p. 394, note 2).

[330] См. упоминавшиеся здесь предисловия Дж. Дж. Форшелла к «Управлению церкви» и Г. Ф. Б. Компстона к «Тридцати семи положениям», а также книги Г. Б. Уоркмена (op. cit., II, p. 165—6, 395) и М. Дисли (The Lollard Bible..., p. 375—6).

[331] «The Rejonder on the Twenty-five Articles».—SEW, III, p. 454 ff.

[332] «Fifty Heresies et Errores of Friars».—Ib., p. 366 ff. Текстологи приписывают Пэрви также «Of the Leaven of Pharisees» (WEW, p. 1 ff.), «The Great Sentence of Curs Expounded» (SEW, III, p. 267 ff.).

Эпленд («Джек-Деревенщина»). Джеку Эпленду написал ответ сентолбенский бенедиктинец Джон Уолсингем. Его псевдоним—Daw Topias.

Джек Эпленд не остался в долгу, однако сменил игривый стих на более солидную прозу.[333] Позднее, в конце первого десятилетия XV столетия лоллардами было написано несколько работ. Одна, которая пользовалась большой популярностью среди лондонских горожан,[334] называлась «Лампада света».[335]

Другим произведением, имевшим широкое распространение у еретиков,[336] являлся остро-полемический трактат против католической церкви «Бедный узник» (The Pore Caitiff).[337] «Бедным узником», как установили исследователи, любил себя называть Пэрви.[338] Закономерно предположить его причастность к созданию этого произведения. И уже бесспорно авторство бывшего секретаря Виклифа, когда речь заходит о «Шестнадцати пунктах, в которых слуги епископов обвиняют людей, называемых ими лоллардами».[339] Они, сообщает автор трактата, были предъявлены церковными судьями и ему. Если мы сравним «Шестнадцать пунктов», приведенных в этом трактате, с семью параграфами покаянной речи («Confessio et Revocatio»), произнесенной идеологом виклифитов весной 1401 г.,[340] то обнаружим, что тут и там, хотя формулировки несколько разнятся, отрицается католический взгляд на освященную гостию,[341] а также необходимость исповеди священ-

---

[333] Оба произведения Д. Эпленка, также как «The Replay of Friar Daw Topias», включены Т. Райтом во второй том его «The Political Poems and Songs» (p. 16—45).

[334] В 1419 г. чтение этого еретического трактата являлось одним из пунктов обвинительного приговора по делу лондонских горожан Дж. Фуллера, Дж. Клейдона и др.—Chichele, III, p. 107, 135.

[335] LL.—Выходные данные см. в «Списке сокращений».

[336] Он был в библиотеке герифордского рыцаря Томаса Клэнвоу. — H. B. Workman, op. cit., II, p. 384.

[337] Текст его нам оказался недоступным. См. его краткую характеристику в книге Г. Б. Уоркмена (II., p. 392).

[338] M. Deansly. The Lollard Bible..., p. 275.

[339] «Sixteen Points...» опубликовала М. Динсли в приложениях к своей монографии (p. 461 ff.).

[340] FZ, p. 400—407.

[341] В «Шестнадцати пунктах» дается определение в точности соответствующее тому, которое встречается на страницах «Триалога»: «the oost in the auter sacrid... is very Goddis body: but it is the same bred in kynde that it was before...» (пункт 1). В своем отречении Пэрви подчеркнул лишь одну сторону этого определения—в алтаре сохраняется «субстанция и природа хлеба» (п. 1). Евхаристии касается и седьмой пункт «Исповеди», где отрицается законность решений Лионского собора Иннокентия III о сущности пресуществления.

нику,[342] право католического клира прощать и наказывать человеческие прехи,[343] провозглашается примерно в одинаковых выражениях право «каждого человека» выполнять священнические функции,[344] в том числе проповедывать без каких-либо лицензий от церковных властей.[345]

Среди «Шестнадцати пунктов» нет ни слова о монашеских обетах, а в отречении Пэрви они фигурируют (пункт 6). Зато в последнем документе отсутствуют положения, направленные против основных атрибутов католического культа, а в «Шестнадцати пунктах» их пять (пп. 11-14, 16). В «Шестнадцати пунктах» также говорится о десятине (пункт 5), о собственности церкви (пункт 9), каноническом праве (пункт 10), содержится осуждение убийства и войны (пункт 15). Об этом замалчивает «Исповедь». Возможно, и семь пунктов отречения, и шестнадцать, приведенных в трактате, фигурировали во время следствия вместе с другими, неизвестными нам, будучи извлечены из работ библиотекаря лоллардов или записаны во время его проповеднических выступлений.[346] Однако наибольший интерес для читателя представляют не сами шестнадцать обвинений, а те комментарии, которыми он сопровождает каждое из них.

Они позволяют уяснить позицию крупнейшего теоретика лоллардизма того времени в условиях усилившихся репрессий со стороны католических прелатов и поддерживавшего их феодального государства.[347]

В эти годы была составлена, как доказал Зиберт,[348] анонимная «Апология взглядов лоллардов».[349] Ее автором являл-

[342] Пункт 2 из «Шестнадцати».

[343] В двух пунктах из «Шестнадцати...» довольно пространно трактуется этот вопрос. В «Исповеди» дана только общая формулировка: дурная жизнь клириков лишила их власти над «ключами от царствия небесного», но зато дала в руки ключи от преисподней.

[344] В «Исповеди» речь идет о «каждом человеке, святом и предназначенном к вечной жизни» (omnis homo sanctus et praedestinatus ad vitam aeternam). «Every good man is a prest»,— читаем мы в 7 пункте из «Шестнадцати...»

[345] В «Исповеди» речь о проповеди идет дважды. В общей форме право на возможность распространения евангелия решается в параграфе третьем, а в пятом еще раз «специально» подчеркивается необходимость проповеди новозаветных заповедей без епископской лицензии. В трактате этот мотив звучит более глухо (пункты 8, 10).

[346] Вспомним, что существовало несколько выборок ересей и ошибок из книг Виклифа во время подготовки Эрунделом их публичного сожжения в Оксфорде.

[347] M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 463ff.

[348] Имеется в виду труд Зиберта «Untersuchungen über «An Apology for Lollard Doctrines».

[349] Ap.—Выходные данные см. в «Списке сокращений».

ся, по справедливым суждениям издателя Дж. Т. Тодда, схоластически образованный человек, неплохо разбиравшийся в тонких вопросах канонического права и теологии.[350] Он адресовал свое произведение церковному суду.[351]

Некоторые отрывки из написанных тогда же работ Уильяма Торпа (Thorp) приводит Джон Фокс.[352]

Даже такой, имеющий немало пробелов перечень работ, выполненных бедными проповедниками за тридцать лет после смерти учителя,[353] говорит об их интенсивной интеллектуальной деятельности, а следовательно, косвенным образом подтверждает мысль о расширении лоллардистского движения в эти годы. Для доказательства этой точки зрения можно привести и другой аргумент. Именно в конце XIV и начале XV вв. виклифизм вышел на европейскую арену, найдя единомышленников в Чехии. В Оксфорд и даже Брэйбрук приезжали чехи для снятия копий с рукописей Виклифа. Лидеры лоллардов переписывались с Яном Гусом и его приверженцами.[354]

Важным дополнением к тем текстам, которые были написаны лоллардами, служат материалы процессов над еретиками, которые вели различные церковные суды в конце XIV-XV вв. Обязательной их принадлежностью являлось составление списков, так называемых, «ересей и ошибок» обвиняемого. Так было при слушании дел Герифорда и Свиндерби, Эстона и Брэта.

Особенно велико значение этих пунктов обвинения для анализа взглядов лоллардов во второе и последующие десятилетия XV столетия, когда поток их трактатов иссякает не без воздействия тех страшных кар, которые обрушили на их головы государство и церковь.[355]

Мы привлекли к анализу семьдесят одно обвинительное заключение по делам лоллардов. В шестидесяти случаях они носят индивидуальный характер и в своем большинстве касаются активных теоретиков и пропагандистов еретического движения. Трижды — г. Лейстер 1389 г., Норфолк 1428 г., а

[350] Ap., p. XXI.

[351] Ap., p. 1, 6, 7.

[352] Foxe, III, p. 50—85. Одна из работ Торпа называется «Завещанием» (Testament).

[353] В нем отсутствуют труды Тэйлора, Пэйна, так как о них пока ничего неизвестно исторической науке, хотя совершенно невероятно, чтобы ими ничего не было написано в эти годы в защиту своих убеждений.

[354] В 1410 г. Яну Гусу направил послание Ричард Вич, один из капелланов Джона Олдкасла. —K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 162.

[355] Нам не удалось найти ни одного оригинального произведения лоллардов, относящегося к последним девяти десятилетиям XV века.

Таблица № 4

Процессы над лоллардами 1382-1518 гг.

№№ пп.	Фамилия, имя	Социальное положение	Место деятельности	Место суда	Время суда	Источники сведений
1	2	3	4	5	6	7
1	Никлас Герифорд	богослов	Оксфорд, запад Англии, Ноттингем	Лондон	1382	FZ, p. 303—4.
2	Джон Эстон	богослов	Оксфорд, Лейстер, запад Англии	—	1382	FZ, p. 329—30.
3	Неназванный продолжателем Найтона лоллард[1]	богослов	Лейстер, Оксфорд	—	1381-2	Kn, II, p. 173 ff.
4	Уильям Свиндерби	бродячий проповедник	Лейстер, Герифордшир	Линкольн, Герифорд	1382 1391	ChA, p. 338; FZ, p. 337—340; Foxe, p. 235;
5	Уильям Смит и другие	ремесленники	Лейстер	Лейстер	1389	Foxe, III, p. 197—200.
6	Генрих Крэмп	богослов	Ирландия. Оксфорд,	Оксфорд	1392	FZ, p. 343—356.
7	Уолтер Брэт	крестьянин	Герифордшир	Герифорд	1391-1393	Foxe, III, p. 141 ff.
8	Джон Пэрви	богослов	Лейстер, Бристоль,	Лондон	1401	FZ, p. 383—407; Foxe, III, p. 286.
9	Уильям Соутри	священник	Норфолк	—	1401	FZ, p. 408—10; Foxe, p. 226.

№№ пп.	Фамилия, имя	Социальное положение	Место деятельности	Место суда	Время суда	Источники сведений
1	1	3	4	5	6	7
10	Джон Эдвард[2]	священник	Норфолк	Норич	1405	Foxe, III, p. 248
11	Джон Бедби	ремесленник	Вустер	Лондон	1410	Foxe, III, p. 235—6.
12	Джон Олдкасл	дворянин	Запад, Лондон, Кент	—	1413	FZ, p. 434—445, 440—50.
13	Джон Клейдон[3]	ремесленник	Лондон	—	1415	Foxe, III, p. 531—4.
14	Роберт Чэпел	священник	Лондон	—	1416	Foxe, III, p. 535—6.
15	Уильям Тэйлор	богослов	Бристоль, запад	—	1421	FZ, p. 412—4; Chichele, III, p. 67. Foxe, III, p. 539—40.
16	Томас Дрейтон	священник	Бэкингемшир, Бристоль	—	1415	Chichele, III, p. III ff.
17	Джон Беггсуорт	священник	Уилсфорд, Линкольншир		1417	VH. Lincoln, II, p. 42—3.
18	Джон Билтон	?	Йоркшир	Йорк	1421	
19	Генрих Вебб	?		Бат	1421	Wilkins, III, p. 404.
20	Уильям Джемс	врач, богослов	Север, Оксфорд, Лондон	Лондон	1421-1423	Foxe, III, p. 537.
21	Джон Флоренс	ремесленник	Норфолк	Норич	1424	Foxe, III, p. 584.
22	Ричард Белуорд	ремесленник	Норфолк	Лондон	1424	Foxe, III, p. 585—6.
23	Джон Уолкот	«Пастух из Хезлетон»	Запад	Лондон	1425	VH Gloucester, II, p. 23

№№ пп.	Фамилия, имя	Социальное положение	Место деятельности	Место суда	Время суда	Источники сведений
1	2	3	4	5	6	7
4	Роберт Хук	священник	Нортгемптоншир	Лондон	1425	Chichele, III, p. 111ff.
25	Уильям Рассел	францисканец	Лондон	Лондон	1425—27	Foxe, III, p. 538; Chichele, III, p. 100.
26	Гуго Пай	священник	Норфолк	Норич	1428	Foxe, III, p. 587ff.
27	Томас Грэнтер	священник	Лондон	Лондон	1428	Chichele, III, p. 206ff.
28	Ролф Мэнджин	священник	Оксфорд, Лондон	Лондон	1428	Chichele, III, p. 183, 195—6, 199—201.
29	Эдмунд Фрис[4]	ремесленник	Лондон	Лондон	1428	Wilkins, III, p. 262 ff.
30	Уильям Уайт[5]	священник	Кент, Норфолк, Сеффолк	Норич	1428	FZ, p. 418—32; Foxe, p. 586 ff.
31	Джон Беверли	рабочий	Норфолк	Норич	1428	Foxe, III, p. 593
32	Маргарита Бэкстер	жена ремесленника	Норфолк	Норич	1428	Foxe, III, p. 594—6.
33	Уильям Кобин	?	Норфолк	Норич	1428	Thomson, p. 130.
34	Уильям Эмейм	?	Нортгемптоншир, Бэкингемшир, Бристоль	Уилс	1428—9	VH Somerset, II, p. 27.
35	Джон Баррел	слуга	Норфолк	Норич		Foxe, III, p. 597.
36	Томас Бэгли	священник	Мануден, Лондон	Лондон	1430 1431	Chichele, III, p. 218
37	Томас Хеллс	?	Бренчли, Кент	?	1431	Thomson, p. 176
38	Никлас Кэнон	?	Кембридж	Лондон	1431	Foxe, III, p. 599—600.
39	Джон Вудхолл	священник	Герифордшир	Герифорд	1433	Thomson, p. 31 ff.
40	Уильям Уэйкхем	?	Глостершир	?	1434	Thomson, p. 32—3.

№№ пп.	Фамилия, имя	Социальное положение	Место деятельности	Место суда	Время суда	Источники сведений
1	2	3	4	5	6	7
41	Ричард Вич	священник	Север, Лондон, Кент	Лондон	1439	FZ, p. 270, 501—6; Foxe, III, p. 702—3.
42	Эдем Миллуорд	ремесленник	Фернхем, Серри	Серри	1440	Thomson p. 65
43	Уильям Айриш	священник	Фернхем, Серри	Серри	1440	Thomson p. 65—6.
44	Тридцать два лолларда из Одихем, Кронделл	крестьяне	Гемпшир	Гемпшир	1440	Thomson, 64—5.
45	Джон Борхем	священник	Серри, Сессекс	?	1440	VH Sussex, I, p. 49
46	Джон Джорден	?	Бристоль, Уилс	Уилс	1441	VH Somerset, II, p. 27; Thomson, p. 33.
47	Томас Бикенор	Бристоль, Беркшир	Бристоль, Беркшир	?	1443	Thomson, p. 65
48	Уильям Фуер	ткач	Бристоль	Бристоль	1447	VH Gloucester, II, p. 22.
49	Уильям Грэнтер	ремесленник	Бристоль, Глостер	Глостер	1448	Thomson, p. 34—5.
50	Джон Янг	капеллан	Бристоль	Бристоль	1448	VH Somerset, II, p. 27
51	Томас Симер	священник	Бристоль	Вустер	1448	Thomson, p. 36
52	Джон Вудворд	?	Уорвикшир	Тэнуорт	1454	VH Warwick, II, p. 21
53	Уолтер Комбс	?	Бристоль	Бристоль	1457	VH Somerset, II, p.27
54	Джон Виллис	ткач	Бристоль, Оксфордшир Бэкингемшир	Хай Викомб	1462	VH Buckingham, II, p. p. 226; VH Oxford, II, p. 19.
55	Джон Квирк	рабочий	Оксфордшир	?	1462	VH Oxford, II, p. 19.
56	?	кузнец из Хенли	Хенли	?	1462	VH Buckingham, II, p. 297, note, 2.

№№ пп.	Фамилия, имя	Социальное положение	Место деятельности	Место суда	Время суда	Источники сведений
1	2	3	4	5	6	7
57	Уильям Эйлуорд	?	Хенли	?	1464	VH Oxford, II, p. 19.
58	Джон Фрэнкс	священник	Джордли Гастингс	?	1452—72	VH Northampton, II, p. 30
59	Маргарита Койт	?	Эшборн	Эшборн	1481	VH Derby, II, p. 14
60	Джон Блэмстон	горожанин	Ковентри	Ковентри	1485	VH Warwick, II, p. 21
61	Роберт Кроутер	горожанин	Ковентри	Ковентри	1485	Ib.
62	Рожер Браун	горожанин	Ковентри	Ковентри	1485	Ib.
63	Ричард Петефин (иначе —Сойер)	?	Вудхи	?	1441	VH Hamp, II, p. 48
64	Джон Бишоп, Джон Рой, Джон Скотвин, Джон Стемви	дубильщик, медник, портной, ткач	Ридинг	Ридинг	1448 1518	VH Berk, II, p. 21
65	Томас Гигонс	рабочий	Бисли, Глостершир	?	1509	VH Gloucester, II, p. 24
66	Уильям Поттер	ремесленник	Лондон	Лондон	1510	Foxe, IV, p. 175
67	Жоан Бэйкер	жена ремесленника	Лондон	Лондон	1510	Foxe, IV, p. 176
68	Уильям Свитинг	священник	Нортгемптоншир, Эссекс, Челси	Челси, Лондон	1511	Foxe, IV, p. 214—5.
69	Элис Дедвуд	?	Бисли, Глостершир	?	1514	VH Gloucester, II, p. 24
70	Жоан Сэмпсон	жена ремесленника	Лондон	Лондон	1517	Foxe, IV, p. 206.
71	Томас Ман	священник	Юг Мидленда, Лондон, Норфолк, Сеффолк, Ньюбери	Лондон	1511	Foxe, IV, p. 208—9.

Примечание к таблице № 4.

1) В хронике продолжителя Найтона мы читаем: «Мнения unius alterius, чьи проповеди я слышал». Далее дважды указывается, что это происходило «часто» (p. 175—6) и обозначаются места проповеди. Одно называется прямо—Оксфорд. Другое—косвенно: каждый, находящийся в милости, имеет право без лицензии епархиальной власти осуществлять в храмах Лейстера церковные обряды (p. 174). Подобное заявление уместно лишь в одном случае—если проповедь читалась в этом городе. Поскольку в одном из приведенных пунктов подчеркивается, что этот виклифит часто выступал в Оксфорде, надлежит думать, что неизвестный проповедник не мог принадлежать к кружку «простых» людей, объединившихся вокруг Свиндерби. Он—университетский ученик Виклифа. Поскольку обвинительные пункты Герифорда и Эстона приводятся в хронике особо, возможно предположить, что неназванным проповедником являлся Филипп Репингтон. Последний, хотя и готовился получить докторскую степень в Оксфордском университете, оставался каноником лейстерского монастыря (M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 232), а потому делил свое время между этими городами. Подобное предположение дает возможность объяснить, почему лейстерский монах не называет имени лолларда. К моменту окончания им летописи Репингтон уже порвал с учениками евангелического доктора и лишний раз напоминать о прошлом быстро шагающему по ступеням служебной лестницы богослову было по меньшей мере бестактным.

2) Аналогичные обвинения, если верить Фоксу, были предъявлены в 1400 г. Джону Бекету (Becket) из Пэдсуик (Padswick), в 1401 г. Джону Сейнонсу из Даунтона, оба—священника из Линкольншира, а также Ричарду Герберту и Эдмунду Вилли из Мэндона (год суда не указан). — Foxe, III, p. 248.

3) Одновременно с Р. Клейдоном судился будочник Ричард Терминг, но содержание обвинительного заключения по его делу не было найдено ни Фоксом, ни более поздними исследователями. — Foxe, III, p. 534.

4) Одновременно с Эдмундом Фрисом, мясником Джона Олдкасла, был привлечен к ответственности другой член его двора — священник Ричард Монк, но конкретные пункты обвинительного заключения по его делу отсутствуют и в «Chichele's Register» (III, p. 208—9).

5) В списке обвиненных еретиков норичской епархии в 1428 г. видим более 90 человек, преимущественно крестьян и ремесленников. Среди обвиняемых Гуго Пай, Джон Беверли, Маргарита Бэкстер. — Foxe, III, p. 537—8.

6) J. A. F. Thomoson, The Later Lollards...

также деревни Одихем, Кронделл в Гемпшире 1440 г. — пункты судебных обвинений касались одновременно больших групп людей. В первых двух можно было назвать руководителей групп (Уильям Смит, Уильям Уайт), но в деле тридцати двух крестьян из Гемпшира это сделать не удалось. Один раз одинаковые обвинения оказались предъявленными четырем ремесленникам из Ридинга.

Полемические работы ортодоксальных богословов Рожера Диммока, Томаса Неттера, Реджинальда Пикока,[356] отдельные стихотворные творения Томаса Оклива[357] следует также отнести к важным источникам по истории лоллардизма. Нельзя обойти молчанием и то изложение взглядов проповедников ереси, которое было передано в 1402 г. архиепископу Эрунделу раскаявшимся еретиком Джоном Клиффордом.[358]

Совокупность всех этих разнообразных материалов позволяет выяснить развитие взглядов лоллардов в конце XIV—XV вв. после смерти евангелического доктора.

Распространение учения Виклифа было начато из двух пунктов—Оксфорда и Лейстера.

Идейное руководство в первом из них принадлежало эрудированным представителям университетской элиты—Герифорду и Эстону, во втором —«пустынножителю» Свиндерби с его неучеными последователями лейстерским переплетчиком Смитом и хлебопашцем валлийской национальности Уолтером Брэтом. Что взяла каждая из двух групп у Виклифа, какие аспекты его учения разрабатывались ими? Существовали

[356] Нам оказались доступными только трактат «Contra XII Errores Lollardorum» Р. Диммока и две наиболее важные работы Р. Пикока «The Repressor» (см. выходные данные в «Списке сокращений») и «The Book of the Faith» в издании Джемса Эдемсона (L., 1688). Главный труд Томаса Неттера «Doctrinale Antiquitatum Fidei Catholicae Ecclesiae» не переиздавался с 1757 года (Venice, ed. P. Blanciotti) и стал библиографической редкостью. Общепризнано, что труды Пикока —и в первую очередь «The Repressor»—являются наиболее интересными из всего, написанного католическими теологами против виклифитской ереси. В них отражены воззрения поздних поколений лоллардов, не оставивших после себя богословских трактатов. Сведения о взглядах еретиков сороковых годов XV в. этот теолог собирал путем личных бесед, выслушивания проповедей «вождей» (dukes) «светской партии» и т. д. «Они любили меня, потому что я смиренно, без возражений, выслушивал их высказывания и их аргументы». (The Book..., p. 202). Значение трудов Пикока, однако, не столько в полемике с виклифитами, сколько в разработке оригинальной рационалистической богословской системы. Недаром Р. Л. Пул назвал его гениальным вольнодумцем (Wycliffe..., p. 118). Его суждения позитивного плана заслуживают специальных исследований. Одно такое исследование уже написано Вивьеном Г. Г. Грином (The Bishop...).

[357] В первую очередь одна из малых его поэм «Adress to Sir John Oldcastle».

[358] HA, II, p. 252—3; Trok, p. 347—8.

ли между лейстерцами и оксфордскими теологами, принимая во внимание ту немалую дистанцию, которая отделяла их друг от друга в сословной иерархии феодальной Англии, различия в трактовке богословских, церковно-конфессиональных и социально-политических вопросов? И если да, то насколько существенными являлись эти расхождения?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся раньше всего к созданным ими произведениям. Теологической основой рассуждения оксфордского богослова, написавшего трактат «О семи смертных грехах», является евангельская доктрина его учителя. «...Каждому человеку, провозглашает он, в высшей степени необходимо служить своему богу».[359] Но чтобы нести службу богу, людям необходимо знать божественные заповеди. «Открыть» же их человеческому разуму может только «божья наука», «science of God», иначе—«Gods worde», «divinite», ибо она «...учит божьей воле».[360] Эту науку или «божий закон» (Gods lawe) следует излагать людям посредством проповеди.[361]

К проповедникам автор предъявлял два требования. Во-первых, «это наука» (his science) «должна свободно распространяться»; ею нельзя, как это делают католические профессора богословия, торговать за деньги, подобно «быку» на рынке.[362] Во-вторых, Иисус «...заповедал, чтобы проповедывались не истории, не басни, но истина евангелия».[363]

Итак, знание бога (connyng of God) заключено в евангелиях и других частях Библии. На их авторитет составитель трактата не забывает опереться при обсуждении любого важного вопроса,[364] зато к обоюдоострому оружию концепции о предопределении этот ученик Виклифа прибегает лишь дважды. При этом пользуется им далеко не так уверенно, как его идейный наставник. Первый раз, чтобы осудить зависть и вражду между феодальными сословиями. Два «клея»—«божественное предопределение» и «божественное осуждение»—объединяют людей, причем без различия сословий, в два различных «тела». Первое из них, состоящее из пред-

[359] SEW, III, p. 122: «...iche mon mot nede serve his God». На следующей странице вновь подчеркнуто, что в состоянии греха человеку «особенно необходимо служить богу».

[360] P. 122: «...science of God is most nedeful...», «...science of God techis Gods wille...».

[361] P. 148.

[362] P. 123; дословно: «...professoures of divinyte... sellen Gods worde, as who schulde selle an oxe».

[363] P. 130: «...bad not leesynges ne fablis be prechid, but treuthe of the gospel...».

[364] Таковы вопросы о крестьянских восстаниях (глава XX трактата), о войне (глава X и след.), о бедности и богатстве (глава IV).

определенных, называется «святой церковью», а друг «церковью греха».[365] Все эти высказывания вполне согласуют с тем, что нам приходилось читать в трактатах «О церкви» и «Евангелическом труде». «Знаком», который позволяет отл чить людей, принадлежащих к божьей церкви от осужденны служит «милосердие»—«основной закон бога».[366] И такая мысл вполне укладывается в рамки учения Виклифа о предопред лении. Но вот следующая за ней ставит под сомнение трансцендентную фатальность. «...Отход от этого закона уд ляет людей из членов божьего тела и таким образом из члено святой церкви, и тогда они становятся чертями».[367] Несколь кими строками ранее данная мысль выражена иными словами но столь же четко: «Некоторые люди, как мертвые члены, **ото шедшие благодаря греху** (подчеркнуто нами—Е. К.), не помо гают церкви, но скорее приносят ей вред».[368]

Так божественное предопределение ставится в зависимость от индивидуальных поступков субъекта и лишается абсолют ного характера, а, стало быть, и своего смертоносного для ка толической иерархии заряда.

Еще более осторожно используется концепция о предопре пределении в другом месте трактата. Исходная посылка автора остается «за строкой», излагается лишь ее следствие: «...ни один священник, который живет с нами, не знает, лучше ли его молитва, чем молитва народа...»[369] Остается добавить: «так как священнику неизвестно, предпределен он или нет»—и мы по лучим тогда точное повторение приводившихся выше сентен ций из предсмертной работы Виклифа.[370]

В анализируемом трактате не разбирается вопрос о та инствах и других атрибутах католического культа. Судя по од ной фразе, автор не стремится к полной ликвидации существу ющих обрядовых порядков: «Итак, в сердечной проповеди и молитве, и в совершении таинств, обучении закону бога и в по даче доброго примера жизни, должна проходить жизнь свя щенника»,[371] хотя двумя страницами раньше в строгом соот ветствии с установлениями евангелического доктора прово глашается, что главнейшей обязанностью клира является имен но проповедь божьего слова: «проповедь—самое лучшее, само

[365] P. 134.
[366] P. 134.
[367] Ib.: «...parting fro this lawe departes men... fro membres of God body and so fro membres of holy Chirche, and then ben they fendis».
[368] Ib.: «...somme men, as deede lymmes departid by synne, helpen not tho Chirche, bot rather don hit harme».
[369] P. 144.
[370] См. стр. 128. данной работы.
[371] P 145.

ее плохое то, что противоречит ей».[372] И вновь замечание, которое наталкивает на мысль о склонности составителя трактата к компромиссу в конфессиональных вопросах: «молитва хороша, но не так хороша, как проповедь»[373]. Зато, подобно своему учителю, автор цитируемого трактата — непримиримый враг католической иерархии: «...по закону Христа священники и епископы были равными, но позднее император отошел от него и сделал епископов лордами, а священников их слугами»,[374]—и ее несметных богатств. «Жадность» клириков проявляется в «добывании бенфициев», их купле и продаже; «жадность» нищенствующих монахов—в торговле их молитвами и проповедями. Епископы, архидиаконы, оффициалы обвиняются в том, что они «стригут народ и грабят его».[375]

«... И так долго, как они (клирики—Е. К.) живут в такой симонии, они причиняют вред своей пастве совершением таинств. пением или молитвой и всем, что они делают».[376]

Работа «О семи смертных грехах» содержит обычный для Виклифа аргумент в пользу бедной церкви: богатство клира делает лордов бедными.[377] Вывод формулируется предельно ясно: «...было бы лучше, если все владения священников были бы отобраны у них».[378] В настойчивых повторениях, что «держатели лордов» угнетены клириками и нищенствующими монахами,[379] «добро бедных людей» опустошается ими,[380] а монахи «употребляют больше еды и питья, чем это полезно им», и для этого обирают бедных людей,[381] возможно усмотреть солидарность автора трактата с выдвинутой евангелическим доктором версией об ответственности римского клира за народное восстание 1381 г.[382]

«...Отсутствие проповеди Христа возмущает весь этот мир и вызывает вражду среди людей».[383] Налицо и более очевид-

[372] P. 143.
[373] P. 144.
[374] Стр. 130, см. также, стр. 131: «...Христиане верят в соответствии с законом Христа, что было бы лучше для клириков принадлежать всем к одному ордену», «...дьявол расколол ее (церковь—Е. К.) на светских и религиозных», т. е. монахов и белый клир.
[375] P. 151. «...clyppen tho puple and spoylen hom».
[376] P. 151: «And als long as thei dwellen in this symonye, thei don harme to hor floc in gyvyng of sacramentis, in syngynge or preyinge, or what evere thei do». См. также стр. 134, 149,146, 150.
[377] P. 131.
[378] P. 152: «...Hit were better that ... all the lordschip of prestis were purgid fro hom».
[379] P. 146.
[380] P. 152—3.
[381] P. 157—8.
[382] Имеется ввиду трактат «О богохульстве».
[383] P. 148: «...defaute of prechyng of tho lawe of Crist distourblis al this world and makes stryff among men». См. также стр. 132.

ные свидетельства того, что человек, написавший «О семи смертных грехах», полностью разделял взгляд своего учителя на взаимоотношения между лордами и их держателями. «Общины» «...должны кротко исполнять верную службу богу и своим хозяевам» не только на их глазах, но и в их отсутствие.[384] «...По закону Христа, если лорд будет неправедным человеком и тираном его подданых, тем не менее они должны служить ему...» «Я не читал в законе бога, что подданные должны сражаться с их мирскими суверенами»[385] и т. д.

Все эти строки навеяны кровавыми столкновениями эксплуататоров и эксплуатируемых в 1381 году, подобно тому как обращение их автора к теме войны и мира вызвано крестоносным предприятием норичского епископа. Подобно своему идейному наставнику он—приверженец традиционной сословной градации на «проповедников», «защитников», «работников»: prechoures, deffendoures, laboreres.[386]

Каждый человек должен смиренно служить богу в своем сословии.[387] Равенство сословий отрицается: Средством облегчения жизни «простого» народа служит нравственная проповедь, обращенная к людям высших сословий. Автор трактата рекомендует клирикам и светским лордам подавать народу пример «доброй жизни», «доброго учения», и «добрых дел»[388], отказаться от ненужной роскоши в украшениях и одежде[389], жадности,[390] обжорства,[391] «Лорды ... должны любить своих держателей больше, чем те любят их, ибо такова заповедь бога...»[392] Впрочем, лоллард, составивший трактат «О семи смертных грехах», далеко не всегда последователен в своей защите устоев феодального миропорядка. Некоторые его рассуждения откровенно противоречат ему. Вот одно из них: «...является глупостью то, что человек гордится своим происхождением, так как все мы произошли из земли. И обычно благородные и высокопоставленные люди являются столь же грешными, как и другие люди и никто не может более почитаться их крепостными, поскольку они служат греху. И вслед-

[384] P. 147. Приведенная фраза почти дословно повторяет то, что было написано Виклифом в цитировавшихся работах «О слугах и господах» (WEW, p. 227), «Краткий закон жизни» (SEW, III, p. 207).

[385] P. 147: «I have not redde in Gods lawe that sogettis schulden feght with hor worldly soveraynes».

[386] P. 130.

[387] P. 143: «...Священники составляют сословие, которое выше всех других».

[388] P. 132.

[389] P. 124.

[390] P. 151—3.

[391] P. 156.

[392] P. 146.

ствие того, что грех—худшая и глупейшая вещь в мире, никакое крепостничество не должно считаться хуже греха. А поскольку наши предки были грешниками и к тому же крепостными дьявола, как могут люди, потеряв стыд, гордиться своими предками? Давайте припомним рассказы людей о том, как владыки мира посредством измены и грабежа пришли к власти, такое не делает человека благородным; и крепостничество человека, если он человек добродетельный, оставляет человека свободным перед богом, ибо впервые крепостная зависимость от людей произошла в результате тирании. И как два брата одинаково благородны, так и все люди должны быть благородными в равной мере...»[393]

Несомненно процитированные мысли выходят за рамки излюбленных сюжетов ортодоксальных проповедников о равенстве людей перед богом. Автору, очевидно, знакомы отрицательные высказывания его учителя по поводу крепостного права, с которыми мы встречались на страницах трактата «О гражданском рабстве» однако в его трактовке данной проблемы отсутствует фетально действующее клеймо первородного греха. Приведенную здесь цитату даже при максимальной осторожности можно трактовать как решительное осуждение существующих крепостнических отношений, а если быть смелее, то вполне допустимо говорить об отрицании последователем Виклифа сословных устоев вообще. В приведенной цитате речь идет о равенстве людей «по-родству», о безнравственном—по земным, а не «небесным» критериям—происхождении власти одних людей над другими. Что же касается идеальной жизни человечества в прошлом «в состоянии невинности» и в «грядущем состоянии блаженства», то «все вещи должны быть общими, как это существует на небе, и каждый человек должен свободно пользоваться вещами, которыми он пожелает»[394]

С подобным умозаключением мы также уже познакомились, читая «О гражданской власти». Однако под пером автора трактата «О семи смертных грехах» этот идеал лишается своей трансцендентной недостижимости. Он используется в качестве оценивающего критерия, когда надо доказать нравственный вред богатства[395], или осудить войны, которые дьявол возбуждает, разжигая в людях жадность.[396]

Можно ли как-то уложить в одну схему приведенные противоречивые положения трактата?

[393] P. 125.

[394] P. 127: «...alle thinge schulde have ben comyne, as hit is in hevene; and iche mon schulde have had fre use of gode: that he wolde».

[395] P. 127.

[396] P. 138: «...tho fende ... by a naked propurte teches men to feght».

Продуманность и логическая строгость изложения говорят о завершенности работы, а, следовательно, исключают предположение о случайном их происхождении. Более приемлемой выглядит гипотеза о «программе-минимум» и «программе-максимум». Минимум—секуляризация церковных богатств и ликвидация сословных привилегий высшего духовенства. Максимум предполагает дальнейшие, более широкие социальные преобразования. Однако, возлагая проведение всех преобразований на власть имущих[397], лоллард надежно отгораживается от революционных лозунгов Болла, всецело оставаясь на позициях «просветительской» тактической программы евангелического доктора. «...Мудрый человек поражает своих врагов без какого-либо удара, а люди евангелия (т. е. лолларды—Е. К.) побеждают посредством миролюбия и приходят к спокойствию и миру через страдания смерти».[398] Нам кажется, что именно отрицание революционного, насильственного способа решения общественных проблем является важнейшей, если не единственной причиной пацифистской концепции составителя «О семи смертных грехах». Люди, не принадлежащие к благородным сословиям, по его мнению, должны быть «простыми и мирными». И если для рыцаря убийство человека—недостойный поступок, то для них тем более.[399] На страницах трактата убийство провозглашается несовместимым с христианской этикой. «... Войны и сражения являются сейчас незаконными», «... люди не должны сейчас сражаться».[400] В защиту данной концепции выдвигается такой аргумент: «Я думаю, что бог дал одной стране изобилие в одном виде товаров, а другой—в другом для того, чтобы они жили в спокойствии».[401]

Специфической особенностью взглядов богослова, написавшего разбираемое произведение, является враждебное отношение к деятельности купцов, бродячих торговцев, торговцев съестными припасами. Им приписываются такие аморальные качества, как жадность и скупость.[402] Автор—враг ростовщичества.[403] Он осуждает роскошь во всех ее проявле-

[397] «Великие лорды этого мира» и корсль должны защищать простой народ от претеснений со стороны церкви (p. 146), бороться с жадностью духовенства (p. 152—3), надзирать за простым народом (p. 133) и т. д.

[398] P. 137—8: «...men of the gospel vencuschen by pacience, and comen to reste and to pees by suffryng of deth».

[399] P. 147.

[400] «...Werres and feghtynges ben now unleveful...», «...men schulden not now feght...»—P. 137, 139 etc.

[401] P. 159: «...wil I wot that God hafs ordeyned one lond to be plentyous in one mener of thing, and one in another ffor cause that they schulden comyne in charite».

[402] P. 133, 153.

[403] P. 154.

ниях.[404] Характерным для него является также отрицательное отношение к королевским чиновникам. «Люди суда», подчеркивает он, торгуют своими словами, «продают свое правосудие» и т. д.[405]

Произведения Брэта, хотя и поражают начитанностью автора в библейских книгах, тем не менее намного беднее по содержанию, чем трактат «О семи смертных грехах». Ничего нет неожиданного в утверждении учеником Свиндерби непререкаемости авторитета Библии. «Человеческие доктрины» должны исполняться лишь в том случае, если они основаны на ней или «по крайней мере не противоречат ее словам»,[406]— так начинает он краткий трактат «Определенные доказательства». В заключительных словах «более пространного трактата», обращенных к герифордскому епископу, лоллард обещает признать ошибочность своих убеждений только в одном случае—если это будет доказано на основе «священного писания».[407]

Учение о предопределении также было известно «неученому» валлийцу. В письме к Н. Герифорду можно прочесть: «Подобно тому, как мистическое тело Христа является совокупностью всех избранных, так антихрист мистически является церковью грешных и всех осужденных».[408] «Никакие извращения любого из осужденных[409] не в состоянии отвратить сообщество избранных от веры, так как все вещи, которые происходят, навечно установлены и предопределены к лучшему для избранных христиан».[410] Последняя из приведенных цитат указывает на признание Брэтом абсолютного характера предопределения. Однако в пятом пункте цитируемого письма валлиец солидаризируется со всеми «положениями» Свиндерби. Тот же, если судить по известным нам пунктам обвинений против него, не разделял подобной точки зрения евангелического доктора, приближаясь к той трактовке предопределения, которую содержит трактат «О семи смертных грехах».[411] Вот что говорил своим слушателям Свиндерби: «Епископский указ не может сделать ни одно лицо священным, если оно не было избрано или не будет и з б р а н о б о г о м (nisi sit et esset electus a Deo)».[412] Заключительные слова фразы несовместимы

[404] P. 124—5.

[405] P. 153—4.

[406] Foxe, III, p. 136—7.

[407] Ib., p. 186.

[408] Ib., p. 189.

[409] В этих словах заключается оскорбительный намек, на то, что отступничество Н. Герифорда вызвано его принадлежностью к церкви осужденных на вечные страдания в «ином мире».

[410] Foxe, III, p. 189.

[411] SEW, III, p. 134.

[412] ChA, p. 340. Разрядка наша.—Е. К.

с предвечным избранием бога, о котором пишет Брэт в письме к Герифорду.

Более решителен Брэт, чем оксфордский схоласт, написавший «О семи смертных грехах», в трактовке церковных таинств. Суждения, высказываемые им по поводу хлеба, над которым священник совершил сакральные действия, полностью соответствуют формулировкам «Триалога». В «более обширном трактате» мы читаем: «освященный хлеб остается таким же реальным хлебом, каким он был прежде, и однако фигурально телом Христа».[413] «Священник совершает тяжелое преступление, когда во время святой мессы просит Христа, чтобы хлеб, который лежит в алтаре, мог бы реально превратиться в христово тело».[414] Подобно другим лоллардам «неистовый валлиец» отрицает таинство исповеди,[415] необходимость крещения детей,[416] но особенно резко он выступает против таинства священства. В отличие от Виклифа, его «неученый ученик, ссылаясь, на так называемые, апостольские послания Павла, безапелляционно заявляет, что в Новом завете не делается различия между священниками и простыми людьми. Превосходство первым дают только «знания и совершенство жизни». Последнее же достигается тем, что они «подражают Христу». Брэт обращает внимание на то, что новозаветные книги не используют применительно к христианам термин «священник» (priest or sacerdos).[417] Подобная теоретическая платформа позволяет Брэту[418] выдвинуть на обсуждение вопрос, может ли женщина совершать консекрацию хлеба. Фокс искусственно обрывает нить рассуждений лолларда,[419] но, судя по всему, тот не исключает такую возможность. Как сообщает нам Фокс, в другом, не включенном им в свою книгу, «кратком трактате» ученик Свиндерби допускал возможность для женщины или мужчины-мирянина «в случае необходимости» совершать «таинство господней вечери», т. е. причастия, ссылаясь при этом на «папессу», известную в истории под именем папы Иоанна VIII.[420] «Я удивляюсь, — замечает Брэт,—почему грешные священники продают свои молитвы и благословения... более дорого,

[413] Foxe, III, p. 175: «the consecrated bread be really bread, as it was before, and yet, figuratively, be the body of Christ».

[414] Ib., p. 175.

[415] Ib., p. 169—170.

[416] P. 169: «Дети, умершие ранее крещения, не будут осуждены».

[417] P. 178.

[418] P. 176—7.

[419] Фокс не опубликовал ту часть «более пространного трактата», где Брэт делает выводы по обсуждаемому вопросу. Вероятно, они были еретическими даже для человека, который исповедывал англиканизм.

[420] Foxe, III, p. 179.

чем те благочестивые миряне и святые женщины, которые всем сердцем молятся, чтобы избежать греха».[421] Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что Брэт был первым из виклифитов, кто сделал важный шаг вперед по сравнению с евангелическим доктором на пути утверждения идеи о всеобщем священстве праведников. Это самая, на наш взгляд, оригинальная и революционная идея Брэта сочетается в его работах с резкой и беспощадной критикой католической церкви. Характерным является широкое использование Брэтом апокалипсических пророчеств. В частности, папе, «герцогу клира», приписывается «звериное число»—666.[422] Папа — «четвертый зверь», о котором написано в книге Даниила, он же зверь с семью головами «откровения Иоанна».[423] Рим—это Вавилон, а папа—«главный антихрист на земле и должен быть убит мечом божьего слова».[424] Он не может быть ни главой церкви,[425] ни даровать отпущения грехов.[426] Решительно осуждая почитание икон,[427] преклонение перед чудесами[428] и т. п., Брэт приравнивает католическую систему богопочитания к колдовству.[429] «А что касается идолов и почитания их, я думаю о них также, как думали Магомет, Соломон, Исайя, Иеремия и остальные пророки, которые все единодушно высказывались как против их изготовления, так, равным образом, и их почитания».[430]

В полном соответствии с доктриной Виклифа «неученый» валлиец провозглашает превосходство светской власти над римской церковью: папы делали больше ошибок, чем императоры.[431] Клир не имеет право осуждать людей на смерть[432] и т. д.

Католический клир не должен также получать десятины.[433] «Что касается изъятия мирского имущества у клириков, которые совершают преступления повседневно, теми, кто является светскими лордами, то я не буду утверждать, что какая-либо вещь законна в этом деле и в других, которых каса-

[421] P. 180.

[422] P. 185.

[423] P. 183.

[424] P. 137—8, 183.

[425] P. 165.

[426] P. 170—1.

[427] P. 186.

[428] P. 157.

[429] P. 178—80.

[430] P. 186.

[431] P. 185.

[432] P. 164.

[433] Претензии клириков на десятину объявляются ошибочными не только с точки зрения «новозаветных», но и—последнее не может не вызвать удивления —ветхозаветных заповедей. —P. 152.

лись мы прежде, если она противоречит молосердию». В принципе, по его мнению, «светские лорды» могут конфисковать церковное имущество. Более того, он предсказывает, что подобный акт с неизбежностью последует из-за множества грехов духовенства.[434] Несомненно, идея секуляризации выражена неистовым валлийцем значительно слабее, чем в трудах евангелического доктора. Если прибавить к уже сказанному принцип отказа от «войны, сражений и распрей»[435] и довольно назойливое восхваление валлийской «нации»,[436] то мы полностью исчерпаем содержание творений Брэта. Он более решительно, чем составитель «О семи смертных грехах», выступает против католического учения о таинствах, энергичнее критикует систему католического богопочитания, но намного уступает ему в смелости, когда речь заходит об основных социальных проблемах.

Оба ученика Виклифа во многих своих рассуждениях о религии, церкви, социально-политических преобразованиях занимают менее радикальную позицию, чем их учитель. Брэт лишь в отрицании особой мистической силы клира пошел дальше евангелического доктора. Составитель трактата «О семи смертных грехах» акцентирует внимание читателя на наиболее крайних мнениях евангелического доктора по кардинальным социальным проблемам (о собственности, социальном делении общества, о войне и мире), а даже в ряде суждений (экономическое обоснование международного мира, неправомерность разделения людей по происхождению) оказывается левее первого еретика Англии.

И последнее. Знакомство с произведениями Брэта и неизвестного оксфордского теолога побуждает отрицательно отнестись к гипотезе о существовании каких-то двух особых систем взглядов или двух идеологий, которые бы обособили университетского интеллигента от валлийского крестьянина. Вообще, ничего специфически крестьянского в работах Брэта нет. Резкость его суждений в адрес римского клира выражает особенности его характера и интеллекта, а не классовой позиции. Концепция валлийской исключительности также говорит об отсутствии у него четкого классового миропонимания.

Эти мысли находят свое подтверждение, когда мы обращаемся к анализу тех обвинительных пунктов, которые выдвигались церковными судьями против Брэта, Свиндерби, Эстона, Герифорда, лейтерских горожан, «unius alterius» лол-

[434] Foxe, III, p. 186—7.
[435] P. 154—6.
[436] P. 141—144. Брэт приписывает валлийцам особое божественное избранничество среди других «наций» (p. 142).

ларда, список еретических заблуждений которого приводится продолжителем Найтона, а также тех пунктов, которые виклифитские агитаторы распространяли среди членов парламента 1388 года.

Герифорд, как установили церковные судьи, проповедывал, что все «человеческие законы» (leges humanae) должны быть основаны на «священном писании».[437] Эстон верил всему написанному в «священном писании».[438] Точка зрения Свиндерби также основана на «писаниях апостолов» и «евангелиях». Своих оппонентов анахорет обвинял в том, что они поступают «contra antiquam legem et... etiam contra novam».[439]

Отрицание католической доктрины пресуществления стало своеобразным паролем лоллардов в 80 гг. XIV века, причем именно в той формулировке, какая встречалась нам в «Триалоге», а затем в «более пространном трактате» Брэта. Согласно Свиндерби после консекрации в святилище алтаря находятся «verus panis et verum Corpus Christi».[440] Эстон, если верить Найтону, в одной из своих проповедей дал гостии точно такое же определение.[441] По словам Эстона, «panis materialis» не может исчезнуть после сакральных действий священника.[442] Герифорду церковными судьями вменялось в вину утверждение, что не может существовать «accidentia sine subjecto».[443] Итак, оба предполагаемые автора трактата «О семи смертных грехах» солидарны с другими лоллардами в трактовке евхаристии. Почему оно не нашло отражения на страницах этого трактата, а также в таких работах, как «Жизнь священников» или «Жителям Линкольна»? Доступные нам источники не дают ответа. Возможно, здесь следует вести речь о тактическом приеме опытных полемистов: концентрируя внимание на секуляризационных моментах проекта, не задевать «святынь» традиционного культа. Подобный подход оказался вполне приемлимым, как известно,[444] Джону Ланкастеру и его приверженцам среди баронства и рыцарства. О таинствах умалчивал в своих проповедях Пэттерсхилл (Лондон, 80 гг. XIV в.),[445] Тэйлор (первая четверть XV в., Оксфорд,

[437] FZ, p. 304.
[438] FZ, p. 330.
[439] ChA, p. 338.
[440] ChA, p. 339.
[441] Kn, II, p. 177.
[442] FZ, p. 330.
[443] FZ, p. 303, 319, 320.
[444] Все биографы Виклифа сообщают, что герцог Ланкастер, активно поддерживавший предложения Виклифа о конфискации церковных богатств, порвал с ним, когда тот выступил в Оксфорде против таинства алтаря. См. например, G. M. Trevelyan, England..., p. 74—7.
[445] См. стр. 76 данной работы.

Лондон, запад Англии)[446] и, наконец, Джон Олдкасл во время суда над ним в 1413 г. также стремился не выпячивать данную проблему на первый план.[447]

Если судить по материалам герифордского епархиального суда, Брэт в своих устных выступлениях называл гостию лишь «знаком» или «памяткой» Христа.[448] Трудно судить — страх или иные мотивы побудили «неистового валлийца» смягчить свою оценку этого таинства в письменной работе, адресованной епископским судьям. Брэтовская более радикальная трактовка встречается в пунктах, циркулировавших среди членов парламента 1388 года: «Хлеб после консекрации не тело Христа, но знак тела...»[449]

Виклифиты 80 гг. резко критиковали католическое учение об исповеди перед священником,[450] отрицали право церкви отлучать за грехи[451] и даровать за них прощение.[452]

Была расширена и углублена критика католического культа и свойственных ему многочисленных символов. Брэт против «клятв именем бога».[453]

Автор трактата «О двадцати пяти пунктах» в таких выражениях отзывается о церковных иконах: «они не приносят ни добра, ни зла человеческим душам, но они могут принести тепло человеческому телу в холод, если их бросить в огонь, серебро и драгоценности на них способны принести доход бедным людям, а воск их свечей может светить бедным людям в их работе».[454]

---

[446] На это обратили внимание Дж. Е. Ф. Томсон (The Later Lollards, p. 28, 246).

[447] См. стр. 247, 249 данной работы.

[448] Foxe, III, p. 132.

[449] Кп, II, p. 262: «...non est corpus Christi, sed signum rei...».

[450] Герифорд и Эстон полагали, что исповедь не нужна человеку раскаявшемуся (FZ, p. 321; Кп, II, p. 178), Свиндерби утверждал, что раскаяние, а не исповедь способствует спасению души (Foxe, III, p. 134). Той же точки зрения придерживался неназванный продолжателем Найтона лоллард (p. 173—4). Особенно резко неизвестный еретик критикует католический обычай брать плату за исповедь. См. также лоллардские пункты 1388 года.

[451] Об этом говорили Герифорд (FZ, p. 321), Свиндерби (Кп, II, p. 196—7; ChA, p. 338), Эстон (Кп, II, p. 177) и тот, «другой» проповедник, сведения о выступлениях которого содержит летопись лейстерского монаха (Кп, II, p. 174). См. также Кп, II, p. 261.

[452] Брэт в особенности (Foxe, III, p. 132, 171, 182, 188); см. также суждения Эстона и лейстерских горожан по этому вопросу (Кп, II, p. 177, 260; Foxe, III, p. 198).

[453] Foxe, III, p. 135, 186; Кп, II, p. 262.

[454] SEW, III, p. 463.

Герифорд, Свиндерби, Смит отрицательно относились к мессе.[455] Лейстерцы, наряду с иконами, отказывались также почитать крест.[456]

Еретики высказывали возражения против церковного пения, музыки, празднования дней святых Стефана, Лаврентия и др.[457] и молитвам этим и другим святым.[458]

Сосредоточение внимания на критике обрядности не случайно: оно подготовляет и мотивирует важнейшую часть доктрины последователей Виклифа, посвященную критике католической церкви.

Осуждение пороков духовенства занимало важное место в проповедях лоллардов 80 гг. XIV в. Оно звучит лейтмотивом в таких произведениях, вышедших из лагеря врагов католицизма, как «О прелатах» и «О двадцати пяти пунктах».[459] «Прелаты церкви приобретают бенефиции свои за золото, и поэтому они являются симониаками и еретиками» — такие слова приписываются Свиндерби.[460] Яростным нападкам подвергаются монахи. А среди них особенно достается представителям нищенствующих орденов. Им вменяется в вину гордость,[461] еретические заблуждения,[462] лицемерие.[463] В одной из проповедей Свиндерби заявил, что ни один священник не входит в дом мирянина, чтобы не склонить к дурному его жену, дочь или служанку.[464]

Аморализм представлителей католического духовенства дает основания проповедникам ереси обвинить их «в смертном грехе». Подобные обвинения имели в глазах последова-

---

[455] FZ, p. 20; ChA, p.340; Foxe, III, p. 198; Кп, II, p. 261—2.

[456] Foxe, III, p. 198; см. также Кп, II, p. 261.

[457] Все эти пункты служили предметом обсуждения на парламенте 1388 г.—Кп, II, p. 260—2.

[458] Кп, II, p. 262, 174.

[459] WEW, p. 52; SEW, III, p. 454 ff.

[460] ChA, p. 338.

[461] Свиндерби бичевал нищенствующих монахов за то, что они ставят свою жизнь выше страданий самого Христа (ChA, p. 339).

[462] По мнению автора трактата «О семи ересях», нищенствующие монахи допускают следующие еретические утверждения: «их молитвы действеннее, чем других клириков», «они более любимы богом, чем другие члены католической церкви», «члены орденов чаще спасают душу, чем другие люди» (Ap, p. VI—VII).

[463] Обличению нищенствующих монахов посвящены трактаты «О фарисеях», «Пятьдесят ересей и ошибок нищенствующих монахов». Они находятся в центре внимания и Дэна Готри, предполагаемого автора работы «О клириках-поссессионерах». См. также обвинительные пункты против Герифорда, Репингтона, Эстона (Кп, II, p. 174, 177; FZ, p. 303—4, 324).

[464] Кп, II, p. 197; FZ, p. 339.

телей евангелического доктора далеко идущие последствия. Они имели в виде подтекста изложенную Виклифом в трактате «О гражданской власти» «теорию милости». Если человек находится в состоянии милости, он—господин всего и в этом мире, но если на нем лежит печать смертного греха, он отвергнут небесным владыкой и лишается всякой власти над любыми формами собственности. Герифорд и Эстон публично защищали такое положение: «в ничто превращается епископ, в ничто прекращается прелат, если они живут в смертном грехе».[465] Таковой прелат лишается права служить в церкви (Герифорд, Смит, Свиндерби) и совершать таинство пресуществления,[466] крестить ребенка (Свиндерби),[467] руководить жизнью верующих (Герифорд).[468]

Центральным среди конкретных предложений по преобразованию церкви являлось требование лишения клира его богатств. Эту идею Виклифа Герифорд и Свиндерби выражали в одинаковой форме: «священное писание запрещает церковникам владеть земельной собственностью» (possessiones temporales).[469] «Не будет спокойствия в поролевстве пока церковь владеет своими богатствами», — утверждал Эстон.[470] Как и в некоторых других случаях «практической политики», Свиндерби делает на этом вопросе более резкий акцент, чем Брэт или Герифорд. Если доктор теологии говорит о том, что «светские лорды» могут по их желанию секуляризировать имущество церквей, то народный проповедник доказывет неизбежность этого: «роскошь и праздность» мешают, по его мнению, клиру осуществлять его важнейшую социальную функцию — проповедовать слово божие. «Никогда не будет доброго и полного мира в этом королевстве, пока богатства не будут отняты у церкви»,—так говорил Свиндерби, а далее следовал в высшей степени знаменательный вывод: «Если король возьмет церковные богатства, то ему будет непозволительно брать налоги и грабить общины королевства» (accipere talliagia nec communitatem regni spoliare). Точно такие же высказывания позволял себе, если верить Найтону, и Эстон.[471]

---

[465] «...Nullus est episcopus, nullus est praelatus, dum est in peccato mortali».—FZ, p. 304, 323.

[466] FZ, p. 320; Foxe, III, p. 134, 189.

[467] FZ, p. 338; Foxe, III, p. 133.

[468] FZ, p. 320.

[469] ChA, p. 338; Fz, p. 321. Сравни также высказывания по этому вопросу неизвестного проповедника, выдержки из проповеди которого приводит Найтон (II, p. 174—5).

[470] Кп, II, p. 177.

[471] ChA, p. 339; Кп, II, p. 177.

. В трактате «Жизнь священников», который принадлежит еру либо Эстона, либо Герифорда, встречается точно такая же мысль: «...клирики являются богоотступниками и нарушили закон Христа, лорды же обеднели... и имеют много причин, чтобы воевать и... грабить собственных держателей, и общины оказались обремененными в большей степени, чем это следует...»[472] Двумя страницами далее автор трактата подчеркивает, что воссоздание бедной евангельской церкви приведет к миру и облегчит тяжесть налогов, лежащих на плечах простого народа.[473] Подобные требования созвучны полностью тому, о чем писал Виклиф в своих последних работах. Секуляризация церковных богатств предлагалась лоллардами и в их обращении к членам парламента 1388 года.[474]

Все продолжатели Виклифа единодушны в вопросе о церковной десятине. В обвинениях, предъявлявшихся Герифорду и Свиндерби, встречаются такие пункты: «десятина — это чистая милостыня», прихожане могут лишить «своего священника десятины, если он ведет греховную жизнь». Свиндерби более обстоятельно обосновывает эти положения. Он заявляет, что духовенство не может отлучать людей от церкви за неуплату десятины. По его мнению, нельзя предоставлять этот источник дохода курату, находящемуся в смертном грехе.[475] Еще более категоричен в своих устных выступлениях Брэт: «никто не должен уплачивать десятины».[476]

Герифорд, Свиндерби и лейстерские горожане одинаково энергично протестовали против того, чтобы люди давали милостыню нищенствующим монахам. По их мнению, те должны зарабатывать собственным трудом необходимые средства для существования.[477] Лейстерцы высказывались против платы верующими священникам за выполнение ими различных треб.[478]

Вполне логично с требованиями ликвидации богатств клира сплетаются идеи о реорганизации церкви. Герифорд[479]

---

[472] SEW, III, p. 237. Уместно напомнить, что этот трактат полностью посвящен обоснованию идеи секуляризации церковных богатств (см. стр. 155 данной работы).

[473] Ib., p. 240.

[474] Кп, II, p. 262.

[475] ChA, p. 340; FZ, p. 323.

[476] Foxe, III, p. 132.

[477] Герифорд: «... дающий милостыню нищенствующему монаху является отлученным».—FZ, p. 324. Высказывания Эстона и других проповедников, приводимые Найтоном. не отличаются в принципе от этой формулировки (p. 173—6, 177). См. также ChA, p. 339; Foxe, III, p. 198—9.

[478] В частности, при похоронах. —Foxe, III, p. 198.

[479] FZ, p. 303. Сравни SEW, III, p. 231, 240.

отрицал монашество во всех видах. Сдержаннее против мона-шеских обетов выступали такие аскеты, как Свиндерби и Смит.[480] Зато в вопросе о судьбах иерархии «князей церкви» Свиндерби более последователен, чем его ученые единомыш-ленники. Выражая точку зрения бедной части церковнослужи-телей, он заявляет, что низший клир имеет власть от бога, а не от вышестоящих иерархов (папы—в частности).[481] По мнению Свиндерби, священник может и должен проповеды-вать, исполнять церковные службы, не обращая внимания на то, имеет ли он епископскую лицензию или нет.[482]

Последователи анахорета в Лейстере не только выступа-ли против монополии клира на отправление культа,[483] но и осуществляли церковные обряды,[484] солидаризируясь в этом с Брэтом.[485] О позиции Свиндерби в данном вопросе нет све-дений.[486] Вероятно, она мало чем отличалась от той, за кото-рую преследовали его единомышленников.

Сопоставляя данные епископских судов с тем, что было написано Брэтом в его работе, следует придти к выводу, что отказ от признания таинства священства был наиболее су-щественным их вкладом в развитие учения Виклифа. Однако, следует подчеркнуть, что «другой», оксфордский лоллард, неназванный продолжателем Найтона, также приравнивал к клирикам всех праведных людей.[487]

---

[480] Свиндерби нападал на нищенствующих монахов и богатства мона-стырей, но, насколько позволяют судить те пункты обвинений, которыми мы располагаем, не на монашеские обеты, при условии их точного соблюде-ния.

[481] FZ, p. 338; Kn, II, p. 196—7.

[482] Ib.

[483] «Каждый порядочный человек, хотя и не прелат, может быть свя-щенником», «каждый светский человек может проповедывать».—Foxe, III, p. 198.

[484] Смит, возглавлявший общину лоллардов в Лейстере после ухода из города Свиндерби, не принимал никогда сана священства.

[485] См. стр. 178 данной работы.

[486] Ему вменялось в вину только то, что он считал существовавший клир развращенным праздностью и богатством, а потому неспособным про-поведывать учение Христа народу (ChA, p. 338).

[487] Согласно двенадцатому пункту его мнений, каждый, освободив-шийся от греха, находится в такой милости, что он не способен воспринять ее в большем объеме. А в следующем, тринадцатом, указывается, что та-кой человек «без лицензии» может исповедывать и т. д. прихожан лейстер-ских церквей: «... «Iste habuit auctoritatem confessandi et communicandi parochianos ecclesiarum Leycestriae, sine licentia vicariorum, ratione recto-riae dictarum ecclesiarum».—Kn, II, p. 174.

Слабостью лейстерских виклифитов являлось отсутствие конкретного плана ликвидации католического клира и созда-ния новой системы богопочитания. Вопрос решался ими толь-ко в принципе. Подобной же недостаток, судя по материалам церковных судов, свойственен и оксфордским теологам.

В трактате «Жителям Линкольна» защищается право бедных священников на проповедь: «...этот мир нуждается в том, чтобы пророки говорили и не боялись никого».[488] Но кон-кретных предложений о реорганизации системы богопочита-ния также нет. Что касается Герифорда, то он был менее последовательным врагом католической церкви. Вояж в Рим, дабы убедить папу в правоте своих взглядов, а позднее его разрыв с лоллардами, служит веским тому до-казательством. Ничего не говорится о мерах, направленных на ликвидацию католической иерархии и в пунктах, которые пропагандировались лоллардами во время парламента в 1388 году.[489]

Необходимо отметить еще одну общую черту во взгля-дах лоллардов восьмидесятых годов. Подобно евангелическому доктору они возлагали проведение церковных преобразо-ваний на органы светской власти, супрематия которых над клиром признавалась ими непререкаемой.

В обвинениях, выдвигавшихся против Свиндерби лин-кольнским и герифордским епископами, встречается один об-щий пункт: прелат, который отлучает клирика за то, что он обратился в королевский суд, сам становится изменником бо-гу, королю и королевству.[490] У Герифорда этот вопрос полу-чил большую детализацию: «светские власти» должны кон-тролировать деятельность церковников, а папа «должен слу-шаться императора».[491]

Если мы попытаемся теперь по имеющимся у нас обви-нительным заключениям сравнить позицию оксфордской и лейстерской групп лоллардов в других, не религиозно-цер-ковных, а социальных вопросах, то обнаружится, как и тогда, когда сравнивались трактаты Брэта с работой «О семи смерт-ных грехах», большая широта и смелость суждений у универ-ситетских виклифитов.

---

[488] SEW, III, p. 232.

[489] Хотя папа и другие «personae majores ecclesiae» характеризуются в этих пунктах, как «maledicti», для исправления церковных дел предлага-ется лишь запретить священникам покидать свои приходы, сдавать в арен-ду церковные должности. Ректоров и викариев, не желающих служить, следовало прогнать с занимаемых постов.—Kn, II, p. 260ff.

[490] ChA, p. 338.

[491] FZ, p. 303. Сравни Kn, II, p. 173.

Вклад лейстерцев в «нецерковную» проблематику ограничивается несомненно демократическим, но всего лишь одним требованием: закрыть долговые тюрьмы.[492] Герифорд, следуя опасной логике виклифской теории милости, роняет неосторожные слова о том, что не только церковный прелат, но и светский лорд «превращается в ничто», т. е. лишается всех прав собственности, если впадает в «смертный грех».[493] Среди пунктов обсуждавшихся на парламенте 1388 года, были и такие: «...Никто не войдет в царствие небесное, если он не откажется от всего принадлежащего ему в пользу бедных...»[494] Правда, отречение от мирских богатств рекомендуется проводить в первую очередь клиру: «...Все между клириками должно быть общим...».[495] Все эти положения, особенно последнее,[496] навеяны идеями работы Виклифа «О гражданской власти». Если мы сопоставим эти пункты с содержанием «О семи смертных грехах», то станет ясным, что крайние положения этой работы продолжали обсуждаться лоллардами и находили отражение в их устных проповедях и полемических трактатах.

Итак, оттенки между различными группами лоллардов, действовавших в восьмидесятые годы XIV века, не были существенными. Общего между взглядами Свиндерби и Герифорда, Брэта и Эстона во много крат больше, чем специфического. Их внимание фокусируется на защите абсолютного авторитета Библии. Они призывают к секуляризации церковных богатств и созданию бедной церкви, отрицают католический культ и католическую иерархию. У оксфордских учеников Виклифа критика таинств становится более приглушенной, чем у их учителя. Лейстерцы смелее в этом вопросе.

Свиндерби и его ученики формулируют принцип всеобщего священства. Это бесспорно самое важное новшество, внесенное лоллардами восьмидесятых годов в развитие учения Виклифа.[497]

Оксфордские теологи, не ограничиваясь идеями «Триалога» и «Евангелического труда», обращались к теории мило-

---

[492] «...Nullo modo propter debita aliquem incarcerare».—ChA, p. 340.

[493] «...Nullus est dominus civilis... dum in peccato mortali».—FZ, p. 303.

[494] «...Nullus intarbit regnum caelorum nisi omnibus renunciaverit et dando pauperibus».—Кп, 11, p. 262.

[495] «Omnia inter clericos debent esse communia».—Кп, 11, p. 262.

[496] Он является простым ограничением сферой церкви идеи общей собственности всех людей, высказанной Виклифом в трактате «О гражданской власти». См. стр. 148 данной работы.

[497] Уместно напомнить, что они не только говорили, но и стали создавать свой клир в Лейстере (Смит) и Уилтшире. См. стр. 64, 74 данной работы.

сти, изложенной в трактате «О гражданской власти», и высказывали ряд смелых мнений по поводу крепостничества, феодальных войн, сословной спеси, даже рассуждали об общности имуществ—правда, как лишь о предельно далеком идеале. Конечно, эти положения не были осмыслены ими до конца, не приведены в строгую систему и не составляют «первой линии» в их публичных выступлениях, но сам факт их живучести несомненно знаменателен. И, наконец, «ахиллесова пята» теории евангелического доктора по-прежнему остается не защищенной. Точного конкретного плана церковно-религиозных преобразований в это время лоллардам создать не удалось. Он появился в следующее десятилетие. Его создателем явился Д. Пэрви.

После отступничества Репингтона, Герифорда, исчезновения Свиндерби и Эстона, ухода с религиозной арены борьбы Брэта,[498] «библиотекарь лоллардов» стал идейным руководителем движения.

Его самостоятельная творческая деятельность продолжалась свыше четверти века, закончившись где-то на рубеже первой и второй декады XV в. Самое раннее из написанных им произведений—«Тридцать семь положений» — отличается сдержанностью тона и умеренностью требований. Пэрви не отвергает, как это сделал в своих последних работах его учитель, институт папства, католическую церковную систему или действующее каноническое право: он лишь ратует за приведение их в соответствие со «священным писанием».[499] Он допускает почитание икон — правда, только с изображением страданий Христа,[500] настаивает на соблюдении верующими таинств, включая исповедь с одним ограничением: их должен совершать «добрый пастырь», не симониак.[501] Его трактовка евхаристии строго соответствует данной «евангелическим доктором».[502] В лице Пэрви мы встречаем решительного противника вмешательства клира в мирские дела.[503] Его положения «утверждают» супрематию светской власти над церков-

---

[498] Мы видим его под знаменами повстанческой армии Уэльса, возглавленной Оуэном Глэндоуэром.

[499] Положения 16—23. 25—27. Вот некоторые примеры формулировок: «верующие не должны думать, что каждое постановление римской церкви правильно» (п. 26); «канонический закон правилен и приемлим для верующих только тогда, когда он основан на священном писании» (п. 17); «папу и епископов надлежит слушаться лишь в законных делах и полезных для спасения, не больше» (п. 18).

[500] Положение десятое.

[501] Положение восьмое и девятое.

[502] Положение пятнадцатое.

[503] Клирики не должны управлять мирскими делами (п. 1). «Прелаты, священники и диаконы не должны занимать светских должностей» (п. 2).

ной.[504] Как и другие виклифиты, «библиотекарь лоллардов» сторонник бедной церкви. Его возмущает продажа индульгенций, аппроприация приходов монастырями, симония.[505] Он призывает «церковных поссессионеров» зарабатывать хлеб своими руками,[506] «священников довольствоваться скромным вознаграждением, которое им добровольно делают прихожане».[507] Клирики могут иметь «мирское имущество» только в таком количестве, какое «необходимо для исполнения их духовных обязанностей».[508] Пэрви рекомендует передать «temporalities» «прелатов и куратов» в общее управление церкви (commune regimen Ecclesiae).[509] Аналогичное предложение выдвигалось проповедниками ереси перед членами парламента в 1388 году.[510]

Еще более сдержан Пэрви, когда он касается социальных вопросов, не связанных непосредственно с церковью. Он ратует за справедливое правосудие «без взяток» королевских чиновников,[511] советует «светским лордам» «обращаться разумно», «бережливо» с их держателями, подданными, слугами и крепостными.[512] И полностью в унисон с последними работами Виклифа звучит его наставление к крепостным «смиренно, добровольно и верно служить своим господам», даже если они не христиане, а «неверные или язычники».[513] Последними словами Пэрви недвусмысленно подчеркивает несовместимость своих идеалов с проповедями Болла. В «Тридцати семи положениях» ставится проблема войны, обсуждение которой имело место в трудах Герифорда. Умеренность не изменяет секретарю Виклифа и здесь. Высказавшись против участия священников в военных действиях, он, однако, признает за лицами, не носящими духовный сан, право убивать врагов на войне. Он пытается сформулировать определение справедливой войне. Такой, по его мнению, являются те военные действия, которые ведут во имя «бога и общего блага».[514]

[504] Положение 11, 36. В положении 12 говорится о том, что представители советской власти могут карать за преступления высших членов церковной иерархии, включая самого папу.
[505] Положения 24, 6, 5.
[506] Положение 28.
[507] Положения 30, 7.
[508] Положение 1.
[509] Положение 37.
[510] В этом, как нам кажется, возможно видеть косвенное указание на то, что «Тридцать семь положений» появились в близкое к данной дате время.
[511] Положения 14, 33.
[512] Положение 31.
[513] Положение 32.
[514] Положение 13.

На страницах летописи Найтона[515] можно встретить перечень ошибок «четвертого ересиарха». Они в какой-то мере углубляют наши представления о взглядах молодого Пэрви. В них более резко, чем это сделано в ватных формулировках «Тридцати семи положений», выражена враждебность секретаря Виклифа к нищенствующим монахам.[516] В летописи лейстерского монаха приводятся высказывания Пэрви против епископов, которые не освящают церковь дешевле, чем за 40 шиллингов.[517] Вся совокупность приведенных данных, заставляет охарактеризовать Пэрви в 80 гг., как умеренного идеолога ереси—пожалуй, более сдержанного, нежели его духовный наставник.

Иначе следует оценить идеи, выдвинутые им в середине последнего десятилетия XIV столетия. Уже в «выводах» к переведенным им на английский язык «Тридцати семи положениям», включенным в трактат «Управление церковью», тон Пэрви становится резким, формулировки требований бескомпромисными, категоричными. Если в «Тридцати семи положениях» Пэрви еще не отказался целиком от лойяльного отношения к викарию св. Петра, то в трактате 1395 года секретарь Виклифа величает его «Люцифером», «воплощением дьявола» и тому подобными эпитетами, которые, словно две капли воды, схожи с лексиконом последних работ евангелического доктора и таких его учеников, как Свиндерби или Брэт. В «Управлении церковью» Пэрви уже не называет церковную десятину добровольным пожертвованием. Он безоговорочно предлагает лишить клириков этих средств, передав их на содержание армии и «облегчение дворянства от долгов». Последняя мысль особенно интересна. Она показывает социальную ориентированность Пэрви и его группы. Привлечь феодальный класс на свою сторону обещанием церковных богатств—вот та политическая идея, которая намечается в «Управлении церковью», но получает свое полное законченное оформление в других произведениях «библиотекаря лоллардов» и его единомышленников; в первую очередь, в самом сжатом из них —«Двенадцати положениях».

Критика религиозной доктрины римской церкви в последних по-прежнему содержит мало оригинального. Взгляды группы Пэрви на евхаристию целиком совпадают с тем, что изложено Виклифом в «Триалоге».[518] Среди «Двенадцати по-

[515] Кп, II, p. 179.
[516] «Любой священник выше нищенствующего монаха»—сравни с «положением 29».
[517] Кп, II, p. 179.
[518] В пункте 4 «12 положений» прямо указывается на «Триалог», как источник.—FZ, p. 362.

ложений» можно встретить высказания против почитания святых мест и паломничества туда (пункт 8), освящения воды и различных предметов религиозного культа (пункт 5).[518] Подобно Герифорду и Свиндерби, Пэрви и его единомышленники отрицали необходимость исповеди, право папы и католических иерархов отпускать грехи (пункт 9),[520] отлучать от церкви и накладывать интердикт.[521] Ими однако был сделан еще один важный шаг: полностью отвергалась необходимость причастия для спасения души.[522] Их отношение к католической церкви отличается большей непримиримостью, чем у Свиндерби. Они отрицают монашество во всех его видах (пункт 3), считают обет безбрачия причиной самых ужасных грехов.[523] Частные молитвенные дома и молебны (special prayers) объявляются излишними.[524] Они совершенно отрицают необходимость также и «белого духовенства». Каждый светский человек может совершать «такие таинства, необходимые для спасения души» как крещение и венчание.[525] Каждый истинный христианин «предназначен учить евангелию ближних словом и примером (ad docendum evangelium proximis verbo et exemplo).[526] Духовенство, в особенности монахи и служители частных молелен, должны трудиться.[527] В защиту этих важнейших положений повторяются старые, много раз встречавшиеся у его предшественников и современников аргументы: духовенство «испорчено», ведет жизнь, не имущую ничего общего с апостольской,[528] и т. д. В своей «Исповеди», произнесенный в 1401 г., Пэрви признал: «Каждый святой и предопределенный к вечной жизни человек, даже если он является светским, является истинным пресвитером и священником, предназначенным богом к отправлению всех таинств, необходимых человеку для спасения».[529]

Подобно проповедникам виклифизма восьмидесятых годов, Пэрви в «Двенадцати положениях» уделяет немало вни-

[519] Ib., p. 364—5, 362—3.
[520] Ib., p. 365—6.
[521] Ib., p. 390.
[522] Ib., p. 383—5, 390: «без таинства крещения или причастия люди могут быть хорошими».
[523] Ib., p. 361.
[524] Пункт 7.—Ib., p. 363—4.
[525] Ib., p. 390.
[526] Ib., p. 387.
[527] Пункт 7 «Двенадцати положений».
[528] Ib., p. 360—1, 391, 403—4.
[529] «Omnis homo sanctus et praedestinatus ad vitam aeternam, etiam si sit laicus, est verus presbyter et sacerdos, ordinatus a Deo ad ministrandum omnia sacramenta necessaria hominibus ad salutem».—FZ, p. 402. См. также p. 389, 387.

мания выработке нравственных принципов для приверженцев нового религиозного направления. «Библиотекарь лоллардов» выступает здесь более решительным, чем в предшествующих работах, противником войн.

Убийства во время военных действий или ради выполнений судебного приговора им безоговорочно отвергаются.[530] Он также высказывается против принятых католической церковью ограничений браков между родственниками,[531] но решительно выступает против разводов и повторных вступлений в брак. Ему принадлежит новая для лоллардизма, и, несомненно, «ранне-буржуазная» по своему классовому смыслу идея о вреде искусств, ибо они ведут к роскоши.[532] Такие ремесленные специальности, как ювелиры и оружейники, не являются, по его мнению, занятиями, достойными истинного христианина.[533]

Нельзя оставить без внимания и такое высказывание Пэрви, сделанное им в другом, еще не найденном произведении: если наше королевство выберет королем незаконнорожденного, в том случае, если он исполняет свои обязанности хорошо, он будет угоден богу.[534] Эта мысль отрицает существовавший принцип феодального престолонаследия: только личные качества, а не родословные связи делают человека достойным власти. Она, несомненно, является логическим развитием приводившегося выше положения Герифорда: «Тот светский государь, который находится в смертном грехе,—ничто».[535] Тем самым Пэрви идейно подготавливает и оправдывает антиправительственные заговоры лоллардов в XV столетии.

Чтобы завершить анализ эволюции антикатолических воззрений главного ученика евангелического доктора, обратимся к написанным в первое десятилетие XV в. комментариям на «Шестнадцать пунктов...» В каждом из этих пунктов, пишет Пэрви, заключаются истина и ложь, и тот, кто будет утверждать, что все в каждом из них правильно, станет утверждать ложь, а тот, кто будет отрицать их во всем, будет отрицать много правильного».[536] Подобная сентенция предполагает компромисс. И действительно при чтении разъяснений библиотекаря лоллардов создается впечатление, что он стремится уступить многое ради сохранения главных принципов

[530] «Двенадцать положений», пункт 10.
[531] FZ, p. 391—2.
[532] Пункт 12 «Двенадцати положений».
[533] Там же.
[534] FZ, p. 391.
[535] См. данную работу стр. 188.
[536] M., Deansly, The Lollard Bible, p. 463.

своей религиозной доктрины. Оказывается, Пэрви отнюдь не настаивает, в отличие от «Двенадцати положений», на квалификации всех «заклинаний», практикуемых католиками, как проявлений черной магии: ими пользовались для изгнания чертей Христос и его апостолы. Однако он называет глупостью мнение о том, что «каждая капля святой воды может освобождать от греха».[537] Святая вода, иконы, крест и т. п. атрибуты культа лишены магической силы, они лишь «знаки», «символы» божества. Тем не менее законно, подтверждает «четвертый ересиарх», изготовлять эти предметы культа, возжигать перед ними лампады и даже обращаться с молитвой к ним—«только бы это делалось главным образом во имя почитания бога».[538] Он даже отказывается от осуждения паломничеств, если они направлены к «справедливости», милосердию, а не на поиски икон и гробниц.[539] Отказом от известных нам положений девяностых годов о католических таинствах звучат слова Пэрви о допустимости и даже полезности исповеди «истинному служителю бога».

Мало что меняет сделанная тут же оговорка, что «исповедь уст» всего лишь внешняя второстепенная форма проявления внутреннего раскаяния.[540] Более тверд секретарь Виклифа в трактовке пресуществления. Солидаризируясь с написанным в «Триалоге», он в комментарии на «первый пункт» строго в соответствии со взглядами своего учителя подчеркивает, что нельзя рассматривать освященную гостию только в качестве хлеба. Это—такая же ересь, по его мнению, как утверждать, что «Христос является человеком, а не богом».[541]

Таким образом, в трактовке таинства исповеди и почитания икон, библиотекарь лоллардов приближается к написанному им на страницах «Тридцати семи положений».[542]

Созвучен трактату восьмидесятых годов и его комментарий к десятому из «Шестнадцати пунктов»: «Священникам было предписано Христом не только учить и проповедывать людям, но также молиться и совершать таинства бога...».[543] В отличие от «Исповеди» и седьмого из «шестнадцати» обвинений признается и таинство священства. «Святые и предопре-

[537] Ib., p. 467.
[538] P. 466: «the entent of our preior be do principally to Goddis worschipe», «it be doune principally for the worschip of God and not the ymages».
[539] P. 466—7.
[540] P. 464.
[541] P. 463: «...so God forbede that we schulde seie that this blessed sacrament were but breed, for that were an heresye as to sey that Crist is man and not God».
[542] См. стр. 189 данной работы.
[543] M. Deansly. The Lollard Bible, p. 465.

деленные к спасению люди», если они миряне, могут наставлять в вере «своих жен, детей и слуг», а отнюдь не заменяют «священников по должности».[544]

Мало отличаются от высказанных им в восьмидесятые годы XIV в. мыслей, объяснения к восьмому обвинительному пункту, в котором говорится о праве клира, наряду с королем, издавать «законы», «декреты», «конституции».[545] Правда, как и в «Тридцати семи положениях»,[546] Пэрви ограничивает законодательную деятельность церковников рамками «священного писания», и если они издадут какой-либо закон вопреки заповедям Христа, люди обязаны ему решительно противостоять».[547] Очевидно, библиотекарь лоллардов и в этом последнем из своих значительных произведений по-прежнему активный защитник непререкаемости авторитета библейских книг. Отстаивает Пэрви и свою последовательно пацифистскую точку зрения, сформулированную в «Двенадцати положениях».[548]

Сравним теперь формулировку третьего пункта обвинения и того «объяснения», которое библиотекарь лоллардов дает по его поводу.[549]

«Ни один человек не должен исполнять десятину в той форме, которая существует сейчас в церкви, но такие приношения богу должны быть разделены между бедными нуждающимися людьми».

«Мы утверждаем, что люди обязаны и должны в силу человеческих законов и постановлений, не противоречащих божьему закону, исполнять десятины и приношения куратам по всей той истинной форме, которая сейчас используется, с той целью, чтобы кураты исполняли их обязанности, как бог им повелел, и если они живут так, как должно жить куратам, и тратят богатства церкви во имя почитания бога на себя и других бедных людей, тогда десятина будет служить бедным людям и нуждающимся, так как они сами (священники—Е. К.) станут бедными людьми».

[544] Ib., p. 465.
[545] Ib., p. 465.
[546] См. стр. 189 прим. 499 данной работы.
[547] M. Deansly, The Lollard Bible, Ap. II, p. 465.
[548] Комментарий к пятнадцатому пункту гласит, что «немногие или никто не убивается теперь по воле бога».—Ib., p. 466—7.
[549] Ib., p. 462, 464.

Пэрви, судя по приведенным цитатам, согласен уступить и признать принятый римской церковью порядок взимания десятины, но с одним решающим условием, чтобы она не вела к обогащению церкви. Обратимся к девятому пункту обвинений, в котором содержится призыв к полной секуляризации церковного имущества, а епископам и прелатам предлагается передвигаться пешком, проповедуя слово божие.[550]

В комментариях к нему библиотекарь лоллардов значительно умереннее. Виклифского призыва к полной секуляризации имущества церкви нет. Епископам разрешается передвигаться верхом и даже иметь «мирские товары и земельные владения» «в разумном размере». Они, однако, не должны сохранять их, подобно светским лордам, а поступать с ними, как положено «божьим раздатчикам милостыни»,[551] т. е. оделять всем необходимым бедных и нуждающихся людей. Попытаемся выделить главное в трудах Пэрви—то, что прослеживается во всех известных нам текстах, связанных с его именем. Четыре положения определяют специфику его идейных позиций в антикатолическом движении: опора исключительно на авторитет Библии, при почти полном отсутствии ссылок на теорию милости или даже учение о предопределении, если не считать одного высказывания в пользу всеобщего священства, встреченного нами в «Исповеди»; бескомпромиссная поддержка виклифской оценки пресуществления и заметная уступчивость в других вопросах католического культа; настойчивая защита доктрины бедной церкви и, наконец, последовательный пацифизм, который может быть понят (особенно, учитывая тридцать второе из «Тридцати семи положений») только как полный отказ от насильственных методов борьбы во имя осуществления церковных преобразований. Все это ясно свидетельствует, что Пэрви умереннее и своего учителя, и автора трактата «О семи смертных грехах», и последователей Свиндерби. Он наиболее сдержанный и осторожный среди этих представителей бюргерской ереси в теоретическом плане. Однако, не теоретические изыскания явились его главным вкладом в развитие виклифизма и даже не перевод Библии. Наиболее существенным, на наш взгляд, является то, что он восполнил концепцию своего учителя оригинальной позитивной программой церковных и социальных преобразований. В «Двенадцати положениях» главной причиной «порчи» клира объявлялись земельные владения церкви.[552] В трактате Пэрви, который известен нам по выдер-

[550] P. 462.

[551] P. 465.

[552] «Положение первое».—FZ, p. 360, Foxe, III, p. 203.

жкам бристольского кармелита,[553] говорилось о секуляризации церковной собственности. Конфискованные земли предполагалось использовать главным образом для укрепления мощи светских феодалов путем передачи их в руки 15 графов и 15000 рыцарей и сквайров.[554] Королевская казна также не была забыта: 20000 ф. ст. чистого дохода сулили ей вожди еретиков.[555] Кроме того, некоторые доходы от секуляризированной церковной собственности Пэрви предлагает израсходовать на благотворительность: в Англии следовало организовать 100 домов, которые служили бы пристанищем для больных и нищих.[556] Такого количества приютов, по мнению Пэрви, оказалось бы достаточным, для искоренения бродяжничества в стране, что лишило бы духовенство предлогов для вымогательства денег от населения.[557] Несомненно, данная мера наносила ущерб в первую очередь монахам нищенствующих орденов.

«Программа Пэрви» предлагала также на средства, отобранные у духовенства, открыть пятнадцать университетов.[558] Весь этот длинный перечень расходов не лишал, однако, скромного, но достаточного содержания 15000 священников,призванных обеспечить религиозные потребности населения.[559]

Положения Пэрви отражают интересы рыцарства и мелкого дворянства, которые были не прочь обогатиться за счет церкви, а также тех слоев населения городов и деревень, которые рассчитывали путем создания «бедной церкви» и передачи церковного имущества дворянству облегчить бремя поборов феодального государства.

Данная программа в течение длительного вермени оставалась на вооружении лоллардов, хотя и пережила некоторые изменения в деталях. Чтобы убедиться в этом, сопоста-

[553] Содержание латинского текста в FZ (p. 393) и английского Фокса (p. 290—1) полностью совпадают, кроме двух случаев—см. прим. 554, 558.

[554] FZ, p. 393. У Фокса (p. 220) речь идет о 15 гарнизонах с 15000 солдат. Поскольку в позднейших вариантах этой программы —в «билле» 1410 г. и «петиции Шэрпа»—о гарнизонах и солдатах нет речи, как и в латинском тексте выписок Левенхема, мы имеем основания утверждать, что они появились у Фокса благодаря «вольному переводу» латинского текста Левенхема на английский язык.

[555] FZ, p. 393; Foxe, III, p. 290.

[556] FZ, p. 393; Foxe, II, p. 290. Годовой доход каждого благотворительного дома определялся в 100 марок.

[557] Пункт 7 «12 положений».

[558] «Universitates».—FZ, p. 393. Фокс несколько вольно передает это латинское слово английским «colleges» (III, p. 296).

[559] FZ, p. 393; Foxe, III, p. 290.

вим с «программой Пэрви» 90 гг. XIV в. «лоллардистский билль» 1410 г., который известен нам в двух английских версиях—наиболее ранняя из них содержится в источнике XV в. Julius BII»,[560] более поздняя, была найдена на страницах «Большой хроники Лондона»[561]—и единственной латинской, включенной в одну из летописей сент-олбенского скриптория Уолсингема, а также[562] «петицию», поданную якобы в 1431 г. Джеком Шэрпом протектору королевства герцогу Глостеру.[563]

«Контрольные» цифры, приводимые бристольским монахом, сохранились в «билле», поданном на рассмотрение парламента 1410 г. Пятнадцать графов, 15000 рыцарей и сквайров, 15000 священников, 100 богаделен и 15 университетов[564] надеялись содержать его составители за счет секуляризованных земель. Как и у Пэрви, чистый доход короля от этой операции определялся в 20000 ф. ст. Однако, рядом с этими цифрами появились другие, более скромные в отношении числа феодалов, испомещаемых на отбираемых у церковников ленах: 1500 рыцарей и 12400 сквайров.[565] Это свидетельствует о переработке и конкретизации первоначального секуляризационного проекта. Но о причинах такой переработ-

---

[560] Julius, p. 65—68.

[561] GrCh, p. 87—90. Краткое изложение билля 1410 года дает также Роберт Рэдмен (MH, p. 25).

[562] ACh, p. 52—55.

[563] Дж. Рейли (Riley) напечатал ее в приложениях к изданной им хронике сент-олбенского монастыря (Am, I, Ap. «F», p. 453—61); документ имеет характерный заголовок, написанный рукой недоброжелательных монахов: «Вреднейшая петиция, представленная Джеком Шэрпом господину Гемфри, герцогу Глостеру, направленная на уничтожение церкви» (Supplicatio pessima porrecta per Johannem Scharpe, regni Protectori in Subversionem Ecclesiae). Приписка, сделанная в конце документа, выражает мнение главы государства по поводу полученных от Шэрпа предложений: «Он разобрал представленную петицию и понял, что она не католическая, но еретическая» (...explicit supplicatio supradicta non catholice sed haeretice porrecto). Нельзя не поделиться некоторыми сомнениями по поводу датировки этой петиции: составители петиции обращаются «к королю и всем лордам королевства, присутствующим на настоящем парламенте», а не к Гемфри Глостеру. Кроме того, в 1431 г. официальным званием Глостера было не лорд-протектор, а лорд-лейтенант Англии. Звания лорд-протектор он лишился в ноябре 1429 г.—W. Stubbs, The Constitutional History, III, p. 113—5.

[564] Цифры одинаковы во всех трех вариантах «билля». Лишь в летописи Уолсингема речь идет о пяти университетах (ACh, p. 54). Вероятнее всего, это является результатом ошибки переписчика.

[565] Сравни соответственно Julius, p. 65, 67; GrCh, p. 88, 89, ACh, p. 33—4. У Р. Рэдмена, который в своей летописи также останавливается на билле 1410 г., нет упоминания об университетах и священниках, говорится только о пожалованиях 1500 «рыцарям или баронам» и 6200 сквайрам (MH, p. 25).

ки, принципах, лежащих в ее основе, наши источники умалчивают. Можно лишь предположить, ссылаясь на последующий анализ «билля», что наличие в его тексте двух рядов несовпадающих цифр отражает процесс отказа руководителей ереси от полной секуляризации церковных имуществ, сокращения категорий собственности духовенства, подлежащих конфискации. В «петиции» нет ни слова об университетах, численность священнослужителей сократилась в 15 раз, значительно уменьшены пожалования дворянству — только 8700 наделов выделяются для рыцарей и сквайров, зато увеличен доход казны: с 20000 ф. ст. до 130000. Совпадает с биллем лишь количество наделяемых землей графов и богаделен.[566]

В «билле» и «петиции» детально описывается то, о чем умолчал Левенхем, какие именно владения церкви подлежат секуляризации. Речь идет о земельной собственности епископов, аббатов и других прелатов, а также более низких категорий клира, описанных в трех вариантах «билля», как «мирские клирики» (worldly clerkes), иначе—«белый клир». В петиции», кроме него, упомянуты и «черноризцы» (wordely clerkys and religyous).[567] Следует сразу подчеркнуть, что лолларды предлагали отобрать далеко не все земли и движимое имущество римской церкви в Англии. Владения кафедральных соборов и приходских церквей,[568] различных монашеских общин [569] и частных молитвенных домов (chantries), колледжей, госпиталей [570] и некоторых других церковных организаций оставались в руках их хозяев.

Предлагалось в первую очередь секуляризировать земельную собственность епископов, аббатов и «приоров, которые называются прелатами». Однако даже эти представители выс-

---

[566] Am, I, p. 453, 455.

[567] Julius, p. 67; GrCh, p. 89; ACh, p. 53, 54; Am, I, p. 456.

[568] В «билле» (GrCh, p. 90; Julius, p. 68) речь идет о «церквах» (Chirches) и о «церквах, аппроприированных монастырями» (Chirches appropred into the houses of Monks), а в «петиции» только о «церквах» (Chyrches) без конкретизации (Am, I, p. 456). Характерно, что сентолбенский летописец пишет об «ecclesiis illis appropriatis», деликатно умалчивая об аппроприаторах (ACh, p. 55).

[569] В «билле» в обоих английских вариантах (Julius, p. 68; GrCh, p. 90) были указаны следующие разновидности монашеских организаций: «frenchmonkes», «ermytages», «crouched fferers», «bonehommes», «spytells», «cleves» (GrCh, p. 90), «gleyes» (Julius, p. 68).
В «петиции» опущены все эти наименования, кроме «Crowched Freres». Возможно, они объединены одним обобщающим наимнованием «монахи» (monks). Зато добавлены монахини (nuns). — Am, I, p. 456.

[570] Упомянуты только в «петиции» (p. 456).

шей церковной знати отнюдь не доводились мероприятиями, предлагаемыми лоллардами, до нищенской сумы: их годовой доход после всех предлагаемых конфискаций определялся с редкой точностью: 143733 ф. ст. 10 шил. 4½ пенса.[571]

Три варианта «билля» 1410 г. и «петиция» Шэрпа содержат список бенефициев прелатов с указанием получаемых от них доходов. В каждом из четырех списков упоминаются владения архиепископов Кентербери и Йорка, 16 епископов: Дарема, Винчестера, Линкольна, Или, Бата и Уилса, Вустера, Честера, Лондона, Солсбери, Экзетера, Карлайля, Чичестера, Герифорда, Норича, Рочестера, Сент-Дэвида, а также приора госпитальеров.[572] В том варианте «билля», который содержит летопись «Julius B II», упомянуто 65 богатейших аббатств.[573] Второй вариант «билля» из «Большой хроники Лондона» разнится от первого: в нем оказались опущенными аббатства Лейстера, Вустера, зато включены восемь других —преимущественно из северных графств: Фаунтейн, Рэйвол, Уолли, Джорвел, Ист-Смитфилд, Уорден, Эриел, Гэли.

В латинской версии «билля» нет Гэли, Уолли, Смитфилда, зато добавлен монастырь Маунт Грейс (Йоркшир). Монастырь в Роустере (Страффордшир) упомянут только в этом варианте «билля». Здесь отсутствуют монастыри в Герифорде, Честере, Нориче, Бэннестере, Эйнсхеме, с которыми мы встретились в обоих английских вариантах «билля». Список «петиции» отличается от всех вариантов «билля». Однако он несколько ближе к «Большой хронике Лондона» и уолсингемовской летописи, так как содержит перечень северных монастырей отсутствующий в «Julius». К ним добавлены наименования двух других монашеских обителей—Сэлли-ин-Грэвен и Вэлергейл, но опущен Маунт Грэйс, который упомянат Уолсингемом. Помимо них в «петицию» включены владения трех кентских аббатств в Остин, Крэйчерч, Феверсхем, а также в Тронтон Кертис (Мидленд) и Ромни. Из «петиции» были исключены несколько монастырей, встречающихся в обоих ан

[571] Обе версии «билля» называют одну и ту же цифру. В «петиции» она несколько уменьшена: 143724 ф. ст. 10 шил. 4 1/2 пенса, что касается уолсингемовской версии, то здесь названы цифры 140724 ф. ст. 10 шил. 4 ½ пенса. Однако как в «билле», так и в «петиции» указаны одни и те же источники доходов: «spiritualites» (Julius, p. 67), «spyrytuals» (Am, I, p. 454), «spiritualtees» (GrCh, p. 90) «de suis spiritualibus» (ACh, p. 55).

[572] Priory of St'John's of Jerusalem of Clerkenwell. Годовой доход от «temporalties» приората оценен в 2000 ф. ст.

[573] Среди них: Вестминстер, Сент-Олбенс, Ивесхем, Эдингдон, Ридинг, Рэмзей, Лейстер, Уолсем, Остин, Мертон, Дувр, Ковентри, Мальмсбери, Тьюксбери, Дэнстепл и др.

глийских текстах «билля»,—в Честере, Бэннестере, Джерчестере, а также в Роустере, названный в латинском тексте. Здесь нет аббатства в Вустере, которое мы видим в «Julius»,[574] зато дважды встречается аббатство Глостер, которое оказалось в одном случае опущенным Уолсингемом и «Большой хроникой Лондона», но также два раза упомянуто «Julius».[575] Оценка доходов отдельных прелатов в анализируемых документах в большинстве случаев совпадает, кроме двух исключений: годовой доход норичского епископа и аббатств в Нориче и Кройленде определяется в «билле», включенном в «Julius B II», а также у сент-олбенского летописца суммой в 10000 марок, в другом же английском варианте «билля» и «петиции» он оценивается значительно выше —12000 марок. В тексте билля 1410 г. и на страницах «Julius» утверждается, что епископы Карлайля, Чичестера, Герифорда, Рочестера, аббаты Сент-Мэри-Оуверк (Saynt Mary Overyk), Варфоломея, Соутри, Гентингдона, Свинсхеда получают 20000 марок ренты в год, а в «билле» из «Большой хроники Лондона» и в «петиции» эта сумма уменьшена вдвое—10000 марок. Всего секуляризация владений прелатов должна была дать 322000 марок по подсчетам составителей английских вариантов «билля». В латинской версии «билля» и «петиции» эта цифра увеличена до 332000 марок. Однако при контрольном подсчете доходов указанных прелатов удалось установить, что составители всех трех документов справились со стоявшей перед ними арифметической задачей далеко не удовлетворительно. Сумма доходов прелатов в «билле» из «Julius B II»—332000 (ошибка в 10000 марок); в «Большой хронике Лондона»—334000 марок (ошибка в 12000 марок). Более точны подсчеты в латинском варианте «билля» и «петиции». Здесь ошибка всего в 2000 марок. Земли прелатов должны были обеспечить, по мнению составителей «билля», 20000 ф. ст. дохода в год королевскому казначейству. Кроме того, из них намечалось выделить лены для 15 графов, 1500 рыцарей, 6200 сквайров.[576] Всего 7715 феодалов оказывалось облагодетельствованными за счет поместий церковной верхушки. Необходимые средства для содержания 100 приютов черпались из этого же источника. В «билле» более подробно, чем удавалось установить по выдержкам Левенхема,

[574] Этого аббатства не встречается и в «билле», помещенном на страницах «Большой хроники Лондона» и у Уолсингема.

[575] Возможно в «петиции» и хронике «Julius» речь идет о двух монастырях этого города.

[576] В обоих вариантах билля цифры одинаковы. — Julius, p. 65, GrCh p. 88.

указывались размеры доходов различных групп «имппропри аторов» церковных богатств: годовая рента графов опреде лялась в 3000 марок, рыцарей —в 100 марок,[577] сквайров—40 марок,[578] приюты для бедноты получали 100 марок в год. В «петиции» Джека Шэрпа также идет речь о размещении на церковных землях 15 графов, 1500 рыцарей и 6200 сквайров, но размер их содержания указан иной: рента графа умень шена в три раза (1000 марок),[579] сквайра — на одну чет верть.[580] О ренте рыцаря ничего не сказано.[581] Цифра до хода казны подтверждена. Если мы теперь сопоставим суммы поступлений от секуляризованных бенефициев с размером по жалований, то обнаружим значительное несоответствие меж ду ними: сумма всех пожалований в «билле» определяется в 483000 марок,[582] а в «петиции» она равна 391000 марок.[583] Цифры, характеризующие предполагаемые пожалования (особенно первая), как видим, мало увязаны с доходами се куляризируемых земель прелатов.

Еще больший «волюнтаризм» заметен, когда дело дохо дит до изъятия владений других категорий клириков. Опреде лив размер годовой ренты с их имуществ в 100000 ф. ст., ина че 150000 марок, составители «билля» думают содержать за их счет еще 6200 сквайров (размеры ренты прежний—40 ма рок) и 15000 священников с годовым содержанием 40 шил Подсчет показывает, что сумма годовой ренты, необходимая для содержания 6200 сквайров, равнялась 248000 марок, для 15000 священников требовалось еще 45000 марок. Кроме того,

[577] У Уолсингема даже в 300 марок (ACh, p. 53).

[578] Кроме того, рыцарь получал домен в 4 «plow lande», «carucates» (ACh, p. 53), а сквайр в два «plow lande». — Julius, p. 65; GrCh, p. 88. Каков реальный размер «plow lande» и «карукат» мы не знаем. Возмож но, что в состав каждой «плужной земли» входило такое количество акров, которое можно было обработать плужной упряжкой в год.

[579] В отличие от «билля» составители «петиции» даровали графу до мен в 4 «plow lande».

[580] Сквайр получал ренту в 20 ф. ст., т. е. в 30 марок, вместо указан ных в билле 1410 г. 40 марок. Домен в две «plow lande» за ним сохраня ся.

[581] Издатель резонно полагает, что это явилось результатом оплошно сти писца.

[582] К ним надо приплюсовать доходы от доменов рыцарей и сквайров, однако вычислить поступления с них, хотя бы приблизительно, не пред ставляется возможным.

[583] В опубликованном тексте «петиции» не указываются размеры до ходов, предоставляемых рыцарям и священникам. Мы предположили, что они равны тем, которые указаны в билле.

«билле» идет речь, как и в более ранней программе лоллар дов, о 15 университетах, размер доходов которых не ука зан.[584]

Более сдержанна фантазия людей, писавших «петицию». Размер ренты с земель «мирского клира» ими определялся в 10000 ф. ст. (что равно 165000 маркам). Пожалования из них выглядят скромнее: «1000 рыцарей well rented», 1000 свя щенников. Величина годового дохода их не указана.

Вольное обращение с цифровым выкладками показывает, что программные документы лоллардов 1410 г. носили глав ным образом агитационный характер. Их составители остав ляли уточнение деталей на будущее, когда дело дойдет до реального воплощения их программы в жизнь. Авторы новой редакции плана секуляризации 1431 года сделали свой план значительно более аккуратным в цифровом отно шении. Это и являлось причиной сокращения числа лиц, им пропринировавших церковные бенефиции, а также ценности по лучаемых ими пожалований. Впрочем, такие редакционные ис правления, как сокращение втрое графских ленов и на доб рую треть феодов сквайров, не могут быть объяснены только бухгалтерскими соображениями. Очевидно, в них отрази лось настроение представителей тех слоев лоллардов, кото рые боялись, что секуляризация земель прелатов приведет к чрезмерному обогащению их светских господ. Эти и другие указанные выше различия между «биллем 1410 г.» и «пети цией Шэрпа» позволяют нам отвергнуть точку зрения тех авторов, которые утверждают полное тождество этих двух до кументов, вышедших из-под пера идеологов лоллардов.[585]

Несмотря на наличие расхождений, и «билль», и петиция Шэрпа, хотя текст последнего документа составлен на 30 с лишним лет позже «определенной книги», представленной Ричарду II, являются близкими модификациями программы Пэрви. Практические мероприятия, предлагаемые в них во жаками лоллардов, никоим образом не могут быть признаны, как это делают некоторые исследователи, чрезмерно ради кальными.[586] Напротив, конкретные предложения еретиков более скромны, чем можно было ожидать по тем общим дек ларациям, которые содержат отдельные их произведения или последние работы Виклифа. Здесь не только не ставится вопрос о ликвидации духовенства, но даже нет и речи об

[584] Цифры и в «Julius», и «Большой хронике Лондона» (p. 89) одина ковы. Сумбурность изложения говорит о том, что эта часть билля не полу чила сколько-нибудь удовлетворительной редакторской правки. Сказанное справедливо и для соответствующей части «петиции» (p. 455).

[585] См., например, W. Stubbs, The Constitutional History, III, p. 115.

[586] Г. Б. Уоркмен, например, называет программу Пэрви «диким пла ном» (II, p. 397).

уничтожении существующей католической иерархии. Во всех вариантах секуляризационной программы говорится о сохранении монастырей, частных молитвенных домов. Она проходит мимо вопроса о праве духовенства на получение десятины. Предлагаемое перераспределение земель духовенства отнюдь не приводит к ликвидации клира, на что недвусмысленно намекали «Двенадцать положений», Вцелом она вполне согласуется с теми осторожными требованиями, которые были нами прочтены в «Тридцати семи положениях» и «Шестнадцати пунктах».

Умеренность Пэрви и его сторонников вполне понятна: «определенная книга» 90 гг. XIV в., «билль 1410 г.» и «петиция Шэрпа» адресовались королю и верхушке феодального класса. Поэтому их составители позаботились убрать все, способное оттолкнуть власть имущих. Если, разбирая теоретические вопросы, мы отмечали колебания Пэрви, то в вопросах политической практики он строго последователен в своем стремлении обеспечить для лоллардов поддержку светской части феодального класса Англии. Сформулированная им и его единомышленниками программа лишена крайних позиций, изложенных в трудах Виклифа последних лет. Однако не все «бедные священники» в начале XV столетия были столь осторожны. Многие из них развивали наиболее радикальные положения антикатолической доктрины первого еретика Англии. Такие проповедники, как Джон Эдвард, Эдмунд Вилли, Ричард Герберт, Джон Сейнонс, привлеченные к ответственности в первые годы XV столетия,[587] единодушно отрицают необходимость существовавшей тогда церкви: «епископ и простой человек, священник и мирянин имеют одинаковый авторитет, пока они живут хорошо», «каждый добрый человек, хотя и неученый, является священником», и каждый мирянин «может проповедовать евангелие в любом месте», не испрашивая на то разрешения.[588] Страстный призыв «противостоять» «врагам и изменникам Христа», сиречь—католическим церковникам, содержится и в «завещании» У. Торпа[589]

Джон Бэдби, отрицая подобно другим лоллардистским проповедникам[590] католическую доктрину о пресуществлении, заявил, что любой нравственно чистый человек, например,

[587] В 1401 г. был сожжен Уил. Соутри. Однако, его взгляды, если судить по обвинительному заключению, малооригинальны. Он отрицал таинства причастия, исповеди, почитание креста и некоторые католические обряды.

[588] Foxe, III, p. 249—9. См. также таблицу № 1.

[589] Ib., III, p. 282—4.

[590] Католический взгляд на евхаристию не признавали ни Эдвард, ни Соутри, ни Сейнонс.

Джон Рэкир из Бристоля, имеет силу совершать это таинство, даже если он не клирик.[591] Намечавшееся у Пэрви стремление расширить критику таинств католической церкви получило в их проповедях дальнейшее развитие, приближаясь к крайней трактовке Виклифом этой богословской проблемы, данной им в «Триалоге». К обычным отрицаниям католического учения о евхаристии и исповеди прибавились другие. По мнению Эдварда, крещение ребенка отнюдь не обязательный акт для спасения его души.[592] Раскаявшийся перед смертью (1402 г.) в своих грехах Клиффорд донес кентерберийскому архиепископу, что еретики[593] отрицали все семь католических таинств, причем это положение сформулировано в исповеди «рыцаря-еретика» с предельной резкостью. «Семь таинств — ничто иное, как знаки погибели; они лишены силы в той форме, в какой ими пользуется церковь». Для вступления в брак достаточным и единственным основанием является взаимное соглашение мужчины и женщины, благословение же церкви объявляется излишним.

Появившийся на свет ребенок «не запятнан грехом»—хуже будет если он окажется в руках у священников. В исповеди Клиффорда отрицается чистилище, целибат монахов и священников. «Каждый день является свободным к труду, еде и питью». Еще более непримиримыми, если верить исповеди, были проповедники ереси, когда речь заходила о церковно-католической организации: «Церковь ничто иное, как синагога сатаны; и поэтому никто не должен посещать ее как для почитания бога, так и для совершения таинств...» Исповедь Клиффорда особенно важна потому, что он принадлежал к числу тех «рыцарей-еретиков», на поддержку которых опиралась группа Пэрви с 90 гг. XIV в.

Лолларды по-прежнему—враги нищенствующих монахов.[594] Хлесткую критику деятельности черного клира можно найти у Джека Эпленда. Главные положения памфлетиста таковы. Монашеская жизнь не имеет ничего общего с заветами апостолов. Монастыри собрали огромные средства, но тем не менее продолжают обирать народ. В них процветают празд-

[591] Foxe, III, p. 235, 237. Сравни с Пэрви—FZ, p. 389.

[592] Дословно: «ребенок, хотя бы он и умер некрещенным, спасется».

[593] Исповедь Клиффорда встретилась нам на страницах летописи Т. Уолсингема (II, p. 252—3) и хроники, изданной Д. Трэклоу (p. 347—8). Существенных разночтений между двумя текстами нет. В своей исповеди Эрунделу Клиффорд сообщил имена проповедников, однако составители летописи опустили их (HA, II, p. 253; Trok, p. 347).

[594] В частности, Эдвард утверждал, что «грех» давать милостыню миноритам, кармелитам или августинцам. —Foxe, III, p.248.

ность, скаредность, склоки, лицемерие и т. п. «Почему вы держитесь за свои богатства крепче, чем мужчина за собственную жену? Многие мужчины оставляют свою жену на год или два, а если кто-нибудь из вас оставляет свое имущество на четверть года, он называется богоотступником».[595]

По мнению Д. Эпленда, монастыри мало занимаются благотворительностью.[596] Он осуждает их за то, что они привлекают в свои стены детей и насильно навязывают им монашеские обеты. Вообще, подчеркивает он, монахов развелось слишком много. Сила Эпленда не в оригинальности идей, а в живом, простонародном языке. Их автор—пропагандист, а не теоретик.

Конфликт церкви и защищавшего ее интересы правительства с еретиками обострился к началу второго десятилетия XV столетия. Руководители лоллардов оказались вынужденными призвать своих приверженцев к оружию: в 1413 г. возник заговор Олдкасла.

Каков идейный багаж заговорщиков? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим в первую очередь два наиболее крупные произведения еретической мысли тех лет — «Апологию взглядов лоллардов» и «Лампаду света». Схоластически грамотный автор первого трактата, судя по всему, неплохо знал теоретические основы религиозных взглядов Виклифа. Источником веры для него является «простой евангельский закон»—ни один человек, указывает он, не может почитаться «учеником Христа», если он не соблюдает «завет Христа».[597] В защищаемом же им положении о церковной недееспособности курата, живущего в «смертном грехе»,[598] и «священстве святого человека»[599] довольно ясно просматривается виклифская интерпретация концепции о предопределении. «Святость жизни», а не положение в католической иерархии является мерилом достоинства того или иного проповедника божьего слова.[600] «Если кто-либо слушает мессу священника, живущего во грехе, и знает о том, тот впадает в смертный грех».[601] Строки трактата изобилуют враждебными выпадами по по-

[595] «Why be ye wedded faster to your habits than a man is to his wife? For a man leave his wife for a year or two, as many men done, and if you leave your habite a quarter of a yeare ye should be houlden apostataes», — Poems, II, p. 18.

[596] В частности, отказываются хоронить бедняков.

[597] Дословно: «...no man is Christ's disciple unless he keep Christ's counsel».—Ap., p. 81.

[598] Ib., p. 37—38.

[599] Ib., p. 58.

[600] Ap., p. 58.

[601] P. 37.

воду пышности католического культа, против свечей и всевозможных амулетов.[602] Отвергался и такой немаловажный элемент римского богопочитания, как посты.[603]

«Папа не является ни викарием Христа, ни викарием св. Петра»—читаем мы в первом пункте «Апологии».[604] Развивая его, составитель трактата отрицает существующую католическую иерархию и провозглашает свободу проповеди.[605] Церковники лишаются права отлучать за грехи и даровать их отпущение за деньги.[606] В полном соответствии с более ранними произведениями еретической мысли в «Апологии» оспаривается целесообразность монашеских обетов.[607] Суждения автора трактата становятся особенно резкими, когда речь заходит о нищенствующей братии.[608] Его определение евхаристии продолжает традиционную концепцию английских еретиков, восходящую к «Триалогу». После консекрации хлеб, находящийся в алтаре, состоит из видимых материальных элементов и «невидимых мяса и крови господа нашего Иисуса Христа, подобно тому как личность Христа является божественной и человеческой, так как он истинный бог и человек».[609]

Проблемы общественного бытия, не связанные с церковно-религиозными преобразованиями, также затрагиваются в анализируемом произведении. Апологет недвусмысленно высказывается против коррупции королевских судов.[610] Он сторонник свободных браков между дальними родственниками.[611]

Большинство вопросов, обсуждавшихся на страницах «Апологии», были близки автору другого анонимного трактата «Лампада света», однако последний обращен не к судьям, а к подсудимым, преследуемым еретикам. На его страницах с большой искренностью отражены чувства, волновавшие лоллардов в трудные годы усиливающихся репрессий со стороны церкви и государства.

Составитель «Лампады» начинает с обращения к всевышнему «явить милосердие и дать силы в эти дни великого несчастия идти дорогой истины». Причина такого призыва

[602] Ap., p. 48, 85—92.

[603] «Посты не нужны человеку, который не согрешил».—Ap., p. 40.

[604] Ap., p. 1.

[605] P. 28—30.

[606] P. 7, 40.

[607] Ap., p. 100: «vow of religion is against Christ's Gospel».

[608] Ap., p. 105, 108.

[609] Ap., p. 45.

[610] Ap, p. 60. Судья, «засудивший» невинного человека, совершает, по его мнению, «смертный грех».

[611] Ap., p. 70.

становится ясной уже из следующей фразы: многие, «страшась потери мирского имущества и телесного наказания», отказываются от своей высокой цели,[612] т. е. покидают ряды борцов с католицизмом. «В это время ужасающей темноты» нужна «Лампада света».[613] Ей является божье слово. Его сияние прогоняет прочь от человека окружающие его «тучи дьявольских соблазнов» и греха, оно очищает сердце...[614] И вот безвестный составитель трактата поднимает перед собой «лампаду божественного света», и тогда—открывается неприглядная картина мира, где царит антихрист.[615] Его господство выражается «в частности» в преследовании «простых братьев»—«лоллардов», которые несут людям слово божье.[616] Формы преследования различны,[617] но особенно зловещую роль играют «эти новые конституции» (thise new constitucioun s).[618]

Имеются в виду, несомненно, постановления архиепископа Эрундела 1408 г. Изящно сплетенное кружево схоластических рассуждений прикрывает уже многократно встречавшиеся нам у его предшественников положения, заимствованные со страниц трактата «О богохульстве»: «римская курия—голова антихриста»; «архиепископы и епископы—его тело»; монахи, в том числе нищенствующие, и каноники—ядовитый хвост чудовища.[619] Осуждаются различные феномены обрядовой практики римской церкви: индульгенции, «идолопоклонство», паломничества.[620] Показывается несоответствие жизни католического клира нравственным заповедям Нового завета.[621] Существующая иерархия безоговорочно отвергается. Все клирики объявляются равными друг другу.[622] Послушание прелатам и священникам, поступающим вопреки божьему слову, оценивается как грех.[623] Христос (а не папа) является «главой тела этой церкви».[624] «Христос и его евангелие» соотносится с церковью как солнце и луна, дух к плоти и т. д.[625] Служить ему надо не в громадных, роскошных, а в простых домах, причем простым людям.[626]

Обличительные пассажи лоллардистского проповедника переплетаются здесь с ободряющими призывами к своим сторонникам.[627] Он предрекает гибель антихристу, всеобщее раскаяние и возвращение всех людей в истинную веру.[628] А пока, по его мнению, человек не может показать большую любовь к богу, чем приняв за него страдания и смерть.[629] «Страдания, которые угнетают нас в этом мире, ничто по сравнению с будущей наградой».[630]

В заключительных восьми главах «Лампады света» мы сталкиваемся с оригинальной трактовкой традиционной и для ортодоксов, и для еретиков схемы трех церквей. Первая церковь—это небольшая часть людей, «избранное их число», которое будет спасено.[631] Все «избранные» мужчины и женщины являются детьми этой церкви. Здесь на земле они образуют «воинствующую» церковь.[632] Они могут принадлежать к различным сословиям.[633] Приведенные суждения ясно свидетельствуют о знании автором виклифской концепции предопределения. Предопределенные, по терминологии автора «Лампады света»—«избранные», входят в состав более обширного объединения людей, как «плод в теле беременной женщины»[634] и соединены с ним посредством тройного шнура—веры, надежды и милосердия.[635] Это — вторая церковь. Третья — церковь дьявола. Она обладает теми чертами, которые привил ей «антихристов» римский клир: «жадность», «обжорство», «разврат», «неверие» и т. п.[636] В длинном перечне лиц различных категорий, составляющих эту порочную церковь, оказываются тираны и разбойники, «угнетатели» и ростовщики, «неверные слуги», продавцы святых таинств, а также купцы, торговцы, продавцы продуктов питания и вина, трактирщики, свечники и др., которые «используют обман в весе, числе и мере».[637] На

---

[612] LL, p. 1—2.
[613] Ib., p. 4—5.
[614] P. 4—5.
[615] P. 2—3.
[616] P. 11.
[617] Автор «Лампады света» насчитывает пять способов притеснения своих приверженцев: «конституция или закон», «угнетение», «преследование», «гонение», «казнь».
[618] P. 17.
[619] P. 14—16.
[620] P. 17—18. См. также p. 84—7.
[621] «Три духа», по мнению анонимного автора, руководят жизнью римского клира: жадность, обжорство, разврат. —P. 19.
[622] P. 76.
[623] P. 81.
[624] P. 33.
[625] P. 31—2.
[626] P. 38, 37, 58.
[627] P. 20.
[628] P. 21.
[629] P. 79.
[630] P. 77, 26.
[631] P. 22: «a litil flok»; p. 23: «the noumbre of hem, that schullen be saved».
[632] Соответственно в чистилище сообщество избранных называется «спящей церковью», а на небе —торжествующей церковью (p. 35).
[633] P. 33—34.
[634] P. 31.
[635] P. 74.
[636] P. 127, 129—130.
[637] P. 131—2.

страницах «Лампады света» встречаются гневные обвинения «духовных и светских» чиновников в том, что они всегда готовы брать взятки у бедных общин (pore communes) деньгами, скотом, зерном и другими продуктами питания. Если верить составителю трактата, то благодаря злоупотреблениям власть имущих «общины» теряют ежегодно половину своего дохода.[638] Впрочем, моральное негодование писателя по поводу взяток, жажды наживы и других «дьявольских» пороков, распространившихся в различных слоях английского населения,[639] не мешает ему оставаться приверженцем и защитником трехсословной структуры феодального общества, при которой существуют «простые работники», светские лорды, держащие «материальный меч» власти в своих руках, и священники.[640] Последние объявляются «высшим сословием». Формулируются пять принципов их деятельности: «благоговейно молиться за народ», изучать божественные, а не человеческие законы ,вести евангельскую проповедь, исполнять все семь «святых таинств», быть скромным в слове и делах...»[641] Здесь важно подчеркнуть, что в «Лампаде света» нет обычных для лоллардов выпадов против евхаристии, исповеди и других таинств. В девятой главе подробно объясняется их польза в «борьбе с семью смертными грехами, которые являются злыми дьяволами».[642] Наш автор возражает только против «торговли таинствами».[643] Последние положения полностью коррелируются с осуждением земельных владений церковников.[644]

Однако, отдавая клирикам первенство среди сословий, составитель «Лампады света» считает необходимым подчеркнуть политическое верховенство светских феодалов над прелатами: первые представляют на земле божественную силу Христа, вторые—его земную человеческую природу.[645]

Проведенный обзор убедительно показывает умеренность автора трактата. Он —приверженец феодальных сословий, хотя с большим рвением выступает за нравственное совершенствование входящих в них людей. Он, подобно лолларду,

---

[638] LL, p. 113.

[639] Стр. 80—118 посвящены анализу нравственного состояния современного автору трактата английского общества с позиции десяти ветхозаветных заповедей. В главе IX дается интерпретация семи смертных грехов.

[640] P. 34—5.

[641] P. 35.

[642] P. 59—60.

[643] P. 60: «thei sellen thise sacramentis... as chapman in feire».

[644] P. 43: «...temperal possessioun... wrongfulli standith in prestis handis».

[645] P. 34; соответственно: «mynystris of Cristis godhed», «mynystris of Cristis manhed».

написавшему «О семи смертных грехах», отказывается от виклифской критики католических таинств и других церковных обрядов. Его позитивная программа сводится в сущности к двум пунктам: лишения церкви всех дорогостоящих атрибутов культа (зданий, икон, гробниц) и свободной проповеди Библии на родном языке.[646] Секуляризационные предложения также не имеют сколько-нибудь четких формулировок.Теоретический фундамент «Лампады света» несколько шире, чем в трудах Пэрви: он использует более смело теорию предопределения в виклифском ее понимании. И хотя в «Лампаде света» нет пацифизма «четвертого ересиарха», здесь нельзя обнаружить и никаких призывов к революционному действию. Автор трактата уповает на «божий суд», «божью милость» и т. д.

Общий вывод не вызывает сомнений: литературные достоинства, а не оригинальность мыслей определили популярность этого произведения.

Главарь заговорщиков Д. Олдкасл[647] в своих религиозно-теоретических суждениях не идет дальше анонимных составителей охарактеризованных двух трактатов. Отказ от исповеди, от почитания креста, икон и других храмовых «святынь» —вот что инкриминировалось ему церковным судом. «Священное писание» — единственная основа богопочитания.[648] Подобно автору «Лампады света» и «Шестнадцати пунктам» Пэрви лорд Кобхем весьма сдержан в своих высказываниях по поводу большинства католических таинств. Он признавал их спасающую силу. Взгляд Олдкасла на евхаристию в точности совпадал с тем, который высказал Виклиф и защищал его секретарь.[649] Исключение составляет лишь отношение к таинству священства: здесь «защитник лоллардов» целиком на платформе Свиндерби, Брэта, Пэрви «образца 90 гг.»

Пресуществление —утверждал он в точном соответствии с одним из «Двенадцати положений»—может совершить лю-

---

[646] См. об этом стр. 18 трактата.

[647] Изложение взглядов Олдкасла см. в FZ (p. 434—46), у Кэпгрейва (p. 122), Бэйла (p. 243 ff), Фокса (III, p. 318 ff), Уилкинса (III, p. 353 ff). в поэме Оклива (p. 8 ff.), «Elmhami Liber Metricus de Henrico Quinto» (MH., p. 152). См. также ACh, p. 70—73, «Archaeologia Cantiana», 1877, No. 2.

[648] Это, по мнению Оклива, приводило к опасному «исследованию» «священных книг» (p. 13). Он советует Олдкаслу и его сторонникам избегать таких вопросов: «Почему стоит это слово здесь?, а другое там? Почему бог говорит так, и где он говорит иначе?».

[649] Дословно: «...very christes body and bloud under the similitudes of bred and wine». Дж. Кэпгрейв передает эту мысль несколько по-иному: «in sacramento altaris post consecrationem remaneat panis» (p. 122). Сравни MH., p. 157.

бой «честный» человек, а не только клирик. Вообще, осуждение существующих церковных порядков формулировалось им весьма резко: «римский клир» отравлен ядом, яд этот «богатства» и земельные владения. Они подлежат секуляризации.[650] Подобно другим идеологам лоллардов «добрый» лорд Кобхем —ярый враг монашества во всех его проявлениях.[651] «Священников и других клириков он ненавидел словно гнусных людей».[652]

Социальные воззрения Д. Олдкасла характеризуются недвусмысленной защитой феодальных порядков. «Простой народ должен иметь добрые намерения, слушать священников, королей и других представителей гражданской власти».

Кэпгрейв причисляет его к врагам существующего брака,[653] однако другие источники не дают подтверждения такому обвинению. Возможно, подобно другим лоллардам, лорд Кобхем разделял убеждение Пэрви о законности браков между дальними родственниками, что и было перенесено в утрированной форме на страницы летописи апологетом «великих Ланкастеров».

Однако осторожность в большинстве теоретических вопросов не помешала барону-еретику принять вооруженное восстание в качестве средства защиты идей своих единомышленников. Отказ от миротворческих настроений манифеста 1395 г. в пользу активной революционной борьбы и было тем новым, что внесло руководство Олдкасла в движение.

Один из ближайших помощников «главаря еретиков» капеллан Роберт Чэпел, как и его патрон, отрицал иконы, мощи и другие атрибуты католического культа, требовал уничтожения орденов нищенствующих монахов ,ратовал за секуляризацию, протестовал против исповеди священнику, особенно, если последний пребывает в «смертном грехе».

Проведенный обзор идей проповедников ереси дает основание для постановки вопроса о тенденциях, наметившихся в развитии лоллардизма на протяжении четверти века после смерти его основоположника. Вожди еретиков оказались не в состоянии выдвинуть какие-либо новые теоретические положения. Больше того, концепция милости (если не считать Герифорда и неназванного продолжателем Найтона проповедника) не использовалась в их проповеди совершенно, а доктрина

[650] Hoccleve, p. 21: « .again possessions yee holden ecke of holy Chirche»; Capgrave, p. 122: «possessiones civiles damnavit».

[651] Foxe, III, p. 333, 346.

[652] Capgrave, p. 122.

[653] P. 122: «Nuptias quoque, quantum in se erat, distruere proponebat»,

предопределения лишь в редких случаях, да и то без той глубины и смелости, с какой она излагается в трактате «О церкви» или «Евангелическом труде». Краеугольным камнем всех религиозных, организационно-церковных и социально-политических построений у лоллардов этого времени стали библейские тексты. Перевод Пэрви и его многочисленные работы, популяризовавшие чтение «священного писания» на «материнском языке», предопределили главную тенденцию движения лоллардистской мысли в ее теоретическом аспекте.

Выводы, которые были сделаны разными проповедниками ереси из их ново- и ветхозаветных изысканий, явились далеко не идентичными. В частности, как уже указывалось, между ними не было единства в общей оценке «святых таинств» — этой основы основ католического богопочитания (сравни исповедь Клиффорда и «Лампаду света»).

Со значительной долей уверенности можно утверждать, что большинство наиболее авторитетных руководителей и теоретиков движения (Герифорд, Пэрви, Олдкасл, авторы «Апологии» и «Лампады света») отходят (возможно по тактическим соображениям) от уничтожающе-резких положений, высказанных первым английским еретиком на страницах «Триалога» и признают «целесообразность» исполнения всех таинств, кроме одного —священства. Брэт, Свиндерби, Пэрви в 90 гг. XIV в., Олдкасл и другие единодушны в отрицании существующих церковных порядков и проповеди «всеобщего священства» «послушных» и «верных» евангельским заветам людей.

Возникает вопрос, как согласовать идею всеобщего священства со сравнительно умеренной программой секуляризации, предложенной Пэрви еще где-то до середины девяностых годов и получившей свое подтверждение в билле 1410 года. Единственно возможным является предположение о сознательном выдвижении вождями антикатолического лагеря (в первую очередь —библиотекарем лоллардов) двойной программы, состоящей из первоочередных (минимальных) и окончательных (максимальных) требований. Создавая программу-минимум церковных преобразований, Пэрви попытался объединить для ее поддержки верхушку неблагородного сословия и дворянство. Специфика политической стратегии секретаря Виклифа состоит в приспособлении «бюргерской ереси» к интересам дворянства. Завоевание победы своему учению он связывал с поддержкой его власть имущими. Именно поэтому он шел на уступки в любых вопросах, кроме главного — бедной церкви, так как только перспектива обогащения за счет земель римского клира, его великолепных соборов и со-

кровищ, заключенных в них, могла заставить баронов и рыцарей отнестись с интересом к евангельской проповеди. Те же дворянские симпатии объясняют отказ «четвертого еретика» от осуждения крепостничества и обсуждения вопроса о судьбах феодальной собственности.

Пацифизм Пэрви также следует оценить как реакцию на революционность народных масс. Подобно Виклифу, он уповал на просветительскую силу евангельских идей и их поддержку в верхах средневековой сословной иерархии. Социально-политическая платформа библиотекаря лоллардов и его единомышленников превалировала в течение последней декады XIV в. и первого десятилетия XV столетия, отодвинув в тень более смелые и широкие идеи трактата «О семи смертных грехах» и латино-язычных творений их учителя.

Программа Пэрви разделялась, судя по всем обстоятельствам, Олдкаслом. Впрочем, последнему пришлось отказаться от миротворческих идей «четвертого ересиарха», поскольку с убеждающей очевидностью стала ясна их бесполезность перед лицом все усиливающихся репрессий.

Анализ следственных дел которые велись церковными властями после разгрома заговора Олдкасла в течение следующего столетия, показывает, что большая часть лоллардов разделяла ту трактовку виклифского учения, которая была дана в «Двенадцати положениях» и «Управлении церковью». Ничего нового по сравнению с ними мы не находим в обвинениях, выдвигавшихся против У. Тэйлора,[654] священника из Мэнудена Дж. Бэгли, сожженного в Лондоне в 1431 г.[655], Т. Хеллса из местечка Бренчли графства Кент,[656] Дж. Вудвор-

[654] Взгляды Тэйлора известны нам по отдельным выдержкам из его работ и проповедей, сохранившихся на страницах судебных протоколов.—Foxe, III, p. 581—4. Подобно автору трактата «О семи смертных грехах», «Шестнадцати пунктам» Пэрви, составителю «Лампады света» он был очень осторожен, когда речь заходила о таинствах.

[655] Chichele, III, p. 218; Foxe, III, p. 600; VH Essex, II, p. 18, note 4. Он придерживался традиционных взглядов виклифитов на почитание образов, паломничество, таинство пресуществления, но признавал полезность других таинств.

[656] Социальное положение нам неизвестно. Суд имел место в 1431 г. Он был сторонником веротерпимости. По его мнению, нельзя осуществлять пресуществление, находясь в смертном грехе. Ему инкриминировалось также отрицание католического культа.—J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 176.

та из Тэнуорта (Дербишир),[657] Дж. Вудхолла из Герифорда[658] или погибшего на костре в 1440 г. Ричарда Вича, проповеднический стаж которого к этому времени насчитывал около полувека.[659]. Можно лишь подчеркнуть особую решительность последнего в вопросе о десятине: «... никто не должен давать десятину» церкви.[660]

Вич активно выступал против репрессий, обрушенных церковью и государством на головы еретиков.[661]

К числу крупнейших процессов над лоллардами, которые происходили в первой половине XV в., принадлежат те, что велись суффраганами норичского епископа в 1424, 1428 гг. Центральными фигурами здесь являлись священники Гуго Пай[662] и Уильям Уайт[663]. Тридцать обвинительных пунктов, предъявляенных последнему на судебном заседании 13 сентября 1428 г.,[664] показывают, что он и его единомышленники[665] защищали идею всеобщего священства,[666] считали недопустимым преступлением для христианина убийство, выступали против войн, предлагали уничтожить нищенствующие ордена, а к конфискации церковных богатств относились ,как к безус-

[657] Уроженец Тэнуорта выступал против поста, пресуществления, крещения, брака (против последнего таинства в особенно сильных выражениях) —VH Warwick, II, p. 21.

[658] Пункты обвинительного акта, предъявленные Дж. Вудхоллу в феврале 1433 г., встречались уже раньше много раз. Речь шла, во-первых, об отрицании католического взгляда на евхаристию. Он отвергал исповедь и призывал молиться о грехах только богу, а не святым, считал церковную десятину «простой милостыней». Ему принадлежит весьма оригинальное этическое суждение: «самый хороший поступок женщины хуже самого дурного поступка мужчины».—J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 31-32.

[659] Вич выступал против мессы, исповеди, крещения детей, поклонения кресту, иконам, веры в святых и их чудеса. Он был за всеобщее священство: «... мальчик может освящать хлеб так же хорошо, как священник». Он настаивал на закрытии монастырей и уничтожении монашества (Foxe, III, p. 702—3; FZ, p. 370-382; 501-6).

[660] FZ, p. 378. Эта категоричность во многом напоминает формулировки, даваемые в трактате «Управление церковью».

[661] Незаконно поступают те, кто сжигает людей.—FZ, p. 503.

[662] Гуго Пай был капелланом в Лэдни (Ludney). На его руководящую роль среди еретиков норичского диоцеза указал Эмендсхем (I, p. 29).

[663] Уильям Уайт проповедовал долгое время в Кенте. В 1422 г. он был привлечен к суду и принужден принести покаяние. Вскоре (1425—26гг.) он перебрался в Норфолк, где, как указано в обвинительном заключении, проповедывал около двух лет (FZ, p. 420).

[664] FZ, p. 417-432; сравни Foxe, III, p. 590-1.

[665] Обвинительное заключение, предъявленное Г. Паю, состоит из четырех пунктов. Все они встречаются в тех тридцати, по которым отвечал У. Уайт.

[666] Каждый мужчина, ведущий добродетельную и справедливую жизнь, может быть священником, и даже женщина.—FZ, p. 422.

ловно полезной мере. Уайт был более последователен, чем Пэрви и Олдкасл, в критике католических таинств пресуществления,[667] крещения, конфирмации, елеопомазания и брака.[668] В трактовке этих вопросов он несомненно близок к тем проповедникам, на которых донес перед смертью Клифорд. Он утверждал: «Никакая десятина не должна платиться священникам и куратам церкви»[669]. Фокс, как и обычно, стремясь сгладить острые углы во взглядах лоллардов, пытается уверить читателя, что позиция Уайта не отличалась от той, какую занимало большинство еретиков, а именно: в определенных случаях, на время, десятина может быть отобрана у дурного священника и использована при этом для помощи беднякам.[670] Однако, в пользу своей точки зрения апологет лоллардов не приводит ни одного аргумента. С другой стороны, несколькими страницами ранее он сообщает, что ремесленник из Шелтона (Норфолк) Джон Флоренс на суде, состоявшемся 2 августа 1424 года, признал себя виновным и публично раскаялся в нескольких еретических заблуждениях.

Среди них было и такое: «священник не должен брать десятины с прихожан, но она должна быть разделена между бедняками».[671] Следовательно, наиболее последовательная формулировка требования о безоговорочном лишении духовенства десятины, которая впервые была произнесена за три десятка лет до этого Уолтером Брэтом и повторена в 1395 г. Пэрви, бытовала среди лоллардов Норфолка еще до появления здесь Уайта. Флоренс, заметим кстати, был единомышленником Уайта во многих других пункта.[672]

Уайт разделял взгляды Виклифа и безвестного автора «Лампады света» на предопределение.[673] Его суждения о евхаристии точно соответствовали тому, что было изложено оксфордским доктором на страницах «Триалога». В критике ка-

[667] Уайта, в частности, обвинили в том, что в пасху 1427 г. он заставил своего ученика Джона Скэтта выполнить обряд по освящению хлеба. «Разломил хлеб и похвалы богу воздал... и присутствующим раздал со словами, примите и ешьте в память о страданиях Христа» (FZ, p. 420).

[668] Он сам вступил в «незаконное сожительство с некой молодой женщиной, по имени Иоанна».—FZ, p. 420.

[669] Ib.

[670] Foxe, III, p. 590.

[671] Foxe, III, p. 584.

[672] Флоренс, например, говорил: «Ни один день не является святым кроме воскресенья». Той же точки зрения придерживался и Уайт.

[673] «Католическая церковь—это только конгрегация избранных».—Foxe, III, p. 590.

толической обрядности им высказано несколько оригинальных умозаключений.[674] В частности, он признавал за верующими право заниматься физическим трудом, несмотря на церковные праздники, во все дни недели, кроме воскресенья, и даже в случае необходимости посвящать ему этот день недели.[675]. Данное суждение Уайта явилось, несомненно, ответом на вопрос, волновавший его паству, которая состояла из крестьян и ремесленников. В его яростных нападках на Фому Бэкета отразилось длительное пребывание в Кенте, где культ этого католического великомученика пользовался широкой известностью.

К. Б. Мак-Фарлен,[676] обратив внимание на то, что представителей Норфолка и Сеффолка не было среди заговорщиков 1413—1414 гг., высказал предположение, что еретические группы восточной Англии не имели связи с Лондоном. Следственное дело «руководителя школы» из Ирсхема Ричарда Белуорда[677] позволяет обратить внимание на другой аспект данной проблемы: норфолкские лолларды являлись единомышленниками Джона Олдкасла. Белуорд назвал Джона Олдкасла «истинным католиком».[678] Как указали епископские судьи в обвинительном акте, он разделял все те мнения, каких придерживался лорд Кобхем, находясь в тюрьме.[679] Поскольку Пэрви и Олдкасл придерживались принципиально одних и тех же воззрений, то, несомненно, следует отнести норфолкских еретиков двадцатых годов к тому крылу лоллардов, идейной базой которым служила программа, созданная в последнюю декаду XIV века секретарем Виклифа.

Значительное количество следственных документов имеется о лоллардах из Бристоля. Бристольские проповедники вели активную деятельность не только на западе, но и в центральных районах страны. Принципиалной разницы у большинства из них с воззрениями, существовавшими среди приверженцев Пая и Уайта, нет.

Они рьяно отстаивали право мирянина на проповедь евангелия и исполнение церковных служб (У. Эмейм и Джон Янг),

[674] Подобно другим лоллардам Уайт—противник постов, паломничества, освящения воды, почитания икон и мощей.

[675] Foxe, III, p. 590.

[676] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 172, 179.

[677] Свою школу по обучению Библии он держал в соседнем от Ирсхема местечке Дайчингем (Dychingham).

[678] Foxe, III, p. 585.

[679] Ib.

и в связи с этим совершенно отрицали таинство священства.[680] Им была известна оценка Виклифом смертного греха (У. Эмейм) и предопределения (Т. Бикенор). Все они последовательно отвергали католическую обрядность[681] и не признавали всех или большей части таинств,[682] принятых римской церковью. Подобно Пэрви одни из них стояли на позициях пацифизма и декларировали несовместимость христианского вероучения с убийством (Т. Бикенор), но другие предрекали скорую войну между лоллардами и католиками, в которой последние «с божьей помощью» будут повержены (Янг). Бристольские лолларды решительно высказывались за ликвидацию нищенствующих орденов (Смит, Янг), платы духовенству за требы (Эмейм) и церковных владений (Смит, Бикенор).[683]

Полемические выпады чичестерского епископа против современных ему еретиков, изложенные им в книге «Усмиритель чрезмерно порицающих клир»,[684] мало чем отличались от обвинений, которые инкриминировались церковными судьями их предшественникам в Лондоне, Норфолке, Бристоле в первое тридцатилетие XV столетия. Лолларды по-прежнему обращали стрелы своей критики против католической иерархии, тунеядства монахов, роскоши церковных зданий и земельных владений клира. Их ненависть к почитанию икон, креста, мощей не угасла. Как и прежде, «некоторые из общинного народа» протестовали против паломничеств к святым местам, мессы, колокольного звона. В числе одиннадца-

[680] Томас Дрейтон, священник из Дрейтон Бьючемп (Бэкингемшир), сделавший Бристоль своей резиденцией, вскоре после провала заговора Д. Олдкасла (1414 г.), сформулировал эту мысль особенно резко: «Молитвы священников имеют не большую цену, чем мычание быков и хрюканье свиней» (J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 25). Против таинства священства выступал и Дж. Джорден (Ib., p. 33). Дж. Янг признавал право проповеди евангелия за всеми людьми кроме женщин.—Ib., p. 35.

[681] У. Эмейм и Т. Бикенор отрицали поклонение иконам, полезность паломничеств. Последний был также решительным противником постов. Пастух из Хэзлетона и Дж. Янг ратовали против молитв святым. Дж. Янг обрушивался на почитание образов. У. Грэнтер не признавал креста, церковных праздников и святых.—VH Somerset, II, p. 27-8; VH Gloucester, II, p. 22-3.

[682] У. Эмейм отрицал исповедь, Джорден—крещение и другие таинства. Бикенор—крещение, конфирмацию, исповедь, таинство брака.

[683] VH Gloucester, II, p. 22.

[684] «The Repressor of Overmuch Blaming of the Clergy» был написан Р. Пикоком около 1449 г. (Introduction..., p. XXII). «Он важен тем, что проливает свет на лоллардистскую мысль в середине XV в.» (V. H. H. Green, Bishop..., p. 88). Важность этой работы признавал Д. М. Тревельян, неоднократно ее цитировавший (England..., p. 344-5).

ти пунктов (practices, governances—по терминологии Пикока), которые защищали его идейные противники, Р. Пикок включил отрицание католической доктрины «святых таинств». Еретики не признавали канонизированных римской церковью святых, осуждали клятву божьим именем.[685] Принцип «не убий» занимал прочное место в учении виклифитов. Они подробно обосновывали пагубность участия в военных действиях для христиан.[686]

Необходимо обратить внимание на последнее положение. Пацифизм, нашедший яркое воплощение в манифесте 1395 г., был отброшен теми руководителями движения, которые объединились вокруг лорда Кобхема. Однако, после того как лолларды потерпели поражение в попытках вооруженной рукой защищать свои права, им пришлось вернуться к старым лозунгам, осуждавшим жестокость римских церковных трибуналов. Все свои положения еретики обосновывали ссылками на библейские тексты, игнорируя хитросплетения логических доводов римских теологов и созданных ими церковных законов.[687]

Крупнейшим процессом против лоллардов в третьей четверти XV века, был тот действующими лицами которого оказались Дж. Виллис и его сторонники из селений южной части Бэкингемшира и юго-востока графства Оксфорд.[688] За два года—1462—1464 гг.—перед судом в качестве подсудимых и свидетелей прошел не один десяток людей. Бывший бристольский ткач Виллис, став на склоне лет профессиональным проповедником, подобно своим учителям из родного Бристоля, порицал колокольный звон, церковную музыку и пение, иконы, исповедь священнику и церковный брак,[689] считал, что полезнее крестить ребенка в реке, чем в баптистерии... Он —враг като-

[685] The Repressor, p. 1-4, 118, 211, 235, 314.

[686] «...Некоторые из светской партии утверждают, что ни один человек не должен быть убит каким-либо другим человеком... Никаким образом и ни при каких условиях война не является законной ни между христианами, ни между христианами и язычниками».—Ib., p. 564-5.

[687] Лолларды, по словам Пикока, утверждали следующее:

1. «ни один закон, не основанный на священном писании, не может почитаться законом бога»;

2. каждый христианин может понять смысл «священного писания»;

3. когда истинный смысл «священного писания» понят «простым» усердием», «все доводы людей не имеют силы».—Ib., p. 5-7.

[688] VH Buckingham, I, p. 296—7; Oxford, II, p. 18—9.

[689] Для вступления в брак достаточно обоюдного согласия мужчины и женщины. Проблемы брака живо обсуждались и учениками Виллиса. Рабочий Джон Квирк высказывался против права церковного суда расторгать браки. Еще один лоллард оправдывал двоеженство ссылкой на то, что церковники владеют двумя приходами и более.

лической иерархии и приверженец бедной церкви. Епископам, по его мнению, надлежит облачиться во все белое и босыми ходить по дорогам, проповедуя слово божие. Высказывания Виллиса и особенно его ученика Уильяма Эйлворда из Хенли по поводу таинства причастия ближе к исповеди Клифорда, нежели к рассуждениям авторов «Шестнадцати пунктов» или «Лампады света». Угрозы, которые произносил в адрес короля Эдуарда IV за его поддержку римской церкви Эйлворд, не являются радикальнее тех, которые произносили сторонники Олдакасла в адрес ланкастерской династии. Впрочем, Виллис был первым лоллардом, выступившим против римского учения о чистилище.[690] Однако вряд ли это, хотя и немаловажное, догматическое расхождение позволит нам выделить группу Виллиса из общего потока еретического движения.

Церковные суды в конце XV — начале XV вв., как уже указывалось, оказались вынужденными уделять лоллардам большое внимание. Те пункты обвинений по делам лондонских горожанок Жоан Бэйкер и Жоан Сэмпсон,[691] одного из крупнейших проповедников тех лет Томаса Менна,[692] У. Свитинга,[693] длительное время сеявшего семена антикатолического учения на востоке Англии, которые приводит Дж. Фокс, убеждают, что в среде еретиков сохранились идейные традиции более раннего времени. Подобно своим предшественникам лолларды раннетюдоровского периода— противники иконопочитания,[694] паломничества к святым местам,[695] исповеди священникам[696] и индульгенций.[697]

Сэмпсон, Свитинг и Менн[698] отрицали католическое учение о пресуществлении, причем—если судить по обвинительному заключению Т. Менна—полностью.[699] Как и бристольский проповедник Дж. Янг, живший на полвека ранее, Менн признавал право быть священниками только за своими единомышленниками. Полное отрицание «богоугодности» римского клира и распространение «благодати священника» только на «святых людей» дают, кажется, некоторые основания предполагать, что Менну не была чужда виклифская доктрина об избранничестве. «...Слово бога и бог—одно и то же, и кто достойно принял божье слово, тот принял бога»[700] — утверждал Менн, несомненно, во имя защиты права мирян на чтение библейских книг. Наряду с Менном, знакомство с еретической литературой вменялось в вину У. Свитингу[701] и Ж. Сэмпсон.[702] Джон Стилмен располагал трактатом Виклифа «Wycket». Социальные воззрения лоллардов конца XV вв., насколько позволяют судить судебные документы, не шли дальше лозунга бедной церкви.[703]

Совокупность, всех этих сведений, почерпнутых из различных источников разных лет, позволяет говорить о наличии в среде лоллардов устойчивого течения, границы которого можно очертить со значительной степенью точности. Его представители отрицали культ, таинства, организацию католической церкви, но не поднимали руку на краеугольные догматы христианского вероучения (троица), бессмертие души и т. д. Секуляризация, полная или частичная, церковных имуществ являлась центральным пунктом их социально-политической доктрины. Многократно повторяемые выступления против убийств и войны между христианами служили средством самозащиты от преследований и расправ со стороны господствующей церкви и поддерживавшего ее государственного аппарата. Умеренное крыло лоллардов, несомненно, рассчитывало на смягчение существовавших в феодальном строе противоречий за счет церкви при сохранении других его общественных институтов (сословного строя, феодальной собственности на землю.) Основные требования еретиков этого толка были рассчитаны на джентри, зажиточное крестьянство и торгово-ремесленные слои британских городов. Феодалам они сулили сокровища, накопленные католическими прелатами, остальным—освобождение от затрат на поддержа-

---

690 VH Oxford, II, p. 18.

691 J. Sampson, жена плотника Джона Сэмпсона из столичного округа Олдерменбери.—Foxe, IV, p. 206ff.

692 Т. Менн начал свой труд в Эмерсхеме, одном из центров лоллардизма на юге Бэкингемшира. Он проповедовал в Лондоне и Колчестере, Норфолке и Беркшире.—Foxe, IV, 208 ff.

693 W. Sweeting, alias-Clerk, вел пропаганду в Бокстеде и Колчестере (Эссекс), Челси (Миддлсекс).—Foxe, IV, p. 214-5.

694 Против икон высказались Сэмпсон, Менн, Свитинг. Бэйкер, помимо того, выражала свою неприязнь к католическому кресту.

695 Поклонение святым местам осуждалось Бэйкером, Сэмпсон, Свитингом.

696 Особенно резко таинство исповеди порицал Менн.

697 В этом призналась церковным судьям Жоан Бэйкер.

698 Против католической доктрины о пресуществлении также высказался на суде 24 сентября 1518 г. Дж. Стилмен.—Foxe, IV, p. 207.

699 Т. Менн отрицал «телесное присутствие» Христа в гостии после консекрации. Это, бесспорно, более резкое суждение, чем соответствующие оценки Виклифа, Пэрви, Олдкасла.

700 «...The word of God and God to be all one, and that he that worthily receiveth the word of God, receiveth God».—Foxe, IV, p. 209.

701 В судебных документах отмечается, что он имел книгу на английском языке. Название ее не сообщается.

702 У Ж. Сэмпсон были две английские книги: «одна — побольше, другая —поменьше». Увы! Опять судебному протоколисту не известны их названия.

703 Foxe, IV, p. 134, 175, 206, 208-9, 214—5 etc.

ние церковной роскоши, а также освящение бытовавшим в их среде моральным принципам.

Но были и другие лолларды... Даже Д. М. Тревельян, рассматривавший ересь XVстолетия только как упрощенную, грубую копию учения Виклифа[704] и начисто отрицавший в их учении наличие социально-активных, революционизирующих положений, отмечает, что «поздние виклифиты» более непримиримы и решительны (violent and harsh), чем их предшественники.[705] К. Б. Мак Фарлен формулирует свое положение более категорично: среди лоллардов XV в. получили распространение самые крайние точки зрения. «Виклиф, отмечает он, вряд ли бы присоединился ко взглядам бристольских ткачей или мясника из Стэндона».[706] Впрочем, те различия во взглядах между умеренными и крайними приверженцами ереси, на которые он обращает внимание, носят преимущественно догматический или конфессиональный характер. Он подчеркивает отрицание бристольцами У. Смитом и Дж. Виллисом таинств учрежденных римскими церковниками.[707] Мясник из Стэндона (Гертфордшир) был привлечен к суду в 1452 г. за заявление о том, что нет никакого иного бога, кроме солнца и луны.[708]

Дж. Э. Ф. Томсон, уделивший целую главу изучению особенностей воззрений лоллардов XV века, также акцентирует свое внимание на теологических различиях между их отдельными группами.[709] Естественно, что подобная методологическая позиция могла привести только к негативным результатам. Он пишет, что среди лоллардов XV столетия «не существовало единства в символе веры». «Религиозные представления варьировали не только от группы к группе, но и от индивида к индивиду».[710] Следовательно, их нельзя привести в систему.

---

[704] Д. М. Тревельян писал: «лолларды — простые люди», их религия —скорее «commonsense», чем учение (England, p. 347).

[705] G. M. Trevelyan, England, p. 348.

[706] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 187.

[707] Ib., p. 184.

[708] Ib., p. 185. Более подробно этот редкий случай в практике церковных судов изложен в книге Дж. Э. Ф. Томсона (The Later Lollards, p. 241).

[709] Он, в частности, стремится размежевать лоллардизм на три течения по их отношению к таинству пресуществления. Ученики Тэйлора, действовавшие в западной Англии, не выступали против евхаристии. Другая группа лоллардов солидаризировалась с тем определением этому акту, которое дал Виклиф в «Триалоге». Третьи совершенно отрицали какое-либо присутствие Христа в гостии.

[710] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 239.

Действительно, у некоторой части еретиков, живших во второй четверти XV в., встречаются представления, которые шли в разрез не только с католической доктриной таинств или обрядности, но и с наиболее существенными догматическими положениями— на это не отваживались ни Виклиф, ни Пэрви, ни их продолжатели. Кроме ставшего знаменитым мясника из Стэндона, учение «отцов церкви» о троице опровергали У. Кобин (Совуп) из Норфолка,[711] Дж. Билтон из Йоркшира,[712] Томас Симер из Бристоля.[713] Последний выступал также против католической концепции Христа. По его мнению, тот был не богом, а лишь «добрым пророком»[714] Симером отрицалось учение христианской церкви о бессмертии души и загробном мире.[715] Он якобы осмелился произнести даже такие «нечестивые» слова, как «вера язычников лучше христианской».

Уместно подчеркнуть, что другие члены группы Смита, к которой принадлежал Симер, не разделяли его представлений. Кобин, привлеченный к ответственности вместе с единомышленниками Пая и Уайта, также являлся,очевидно, уникальным явлением в среде лоллардов восточной Англии: ни один из полутора сотен еретиков, представших перед судом норичского епископа, не был обвинен в столь резких суждениях.

Идеи, подобные тем, которые высказывали Кобин и Симер, находили своих приверженцев к конце XV—начале XVI вв. Так, в 1510 г. суффраганы лондонского епископа Ричарда Фитцджемса потребовали у горожанина Уильяма Поттиера ответа за его скептическое отношение к учению о троице и искупающей благодати страданий Христа.[716]

Особое место, как мыслитель, среди виклифитов XV столетия занимал Уильям Уэйкхем из Дивайзис (Глостершир), суд над которым имел место осенью 1434 г. В его афористическом выражении —«земля выше неба» —возможно усмотреть намек на своеобразное религиозное вольнодумство. Впрочем, остальные пункты, выдвинутые против него во время судеб-

---

[711] Уильям Кобин был привлечен к суду в 1428 г. Он утверждал, что люди больше обязаны Христу, чем богу-отцу. Второй создал человеческий род, первый его искупил. Для него характерно отрицание всех таинств католицизма (J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 130). Последнее обстоятельство сближает его с группой Пая и Уайта.

[712] Процесс Джона Билтона проходил в 1421 г.—Ib., p. 195-6.

[713] Ib., p. 36.

[714] Симер утверждал, что «Христос спас тех, кто до него, а не тех, кто после него».

[715] Симер отрицал существование не только чистилища, но также рая и ада.

[716] Foxe, IV, p. 175.

ного следствия ни чем не отличаются от типично лоллардистских. Он не признавал католическое учение о пресуществлении, мессу, священство, ортодоксальную обрядность, оставал доктрину Виклифа о предопределении.[717]

Некоторые из еретиков не ограничивались, однако, критикой религиозных канонов, они смело подходили к решению «земных проблем». Так, Симер отказывался почитать существовавшие «человеческие» законы. Кобин выступал сторонником общности жен.[718]

Для любого историка, ищущего водораздел между умеренными и крайними идеологами лоллардизма, подобные отклонения от ортодоксальных представлений в социально-политических и этических вопросах во много раз важнее, чем расхождения с католицизмом в области христологии или во взглядах на бессмертие души. Поэтому вызывает недоумение, почему, сообщая факты о Кобине и Симере, Дж. Э. Ф. Томсон дает оценку только богословский стороне их миросозерцания.[719] Как и его предшественники, британский историк недооценивает социально-политическую сторону воззрений еретиков. Даже крайие лолларды—Дж. Э. Ф. Томсон их называет милленариями— «стремились», кажется, только к «церковной революции». Идеи об общности имущества «случайны». Лоллардизм XV столетия, по его мнению, неправильно было бы рассматривать, как проявление социального недовольства.[720] Он всячески стремится отгородить «истинных лоллардов» от «политических», участвовавших в восстаниях против государства.[721]

Более правильной является исходная позиция М. Э. Эстона: «Лоллардизм с момента своего возникновения, конечно, преимущественно и по-существу теологическое движение... Но структура средневековой политики и политической теории была такова, что крайние и острые суждения о природе церкви и священства едва ли могли избегнуть того, чтобы не задеть общества и государства».[722]

Впрочем, подчеркивая революционный характер действий лоллардов в 20—30 гг. XV в., он не пытается ввести какую-либо дифференциацию в анализируемое движение.

Лоллардизм конца XIV—XV вв. представляется нам движением социально-политическим в своей основе. Формально-догматическое, формально-конфессиональное и т. п. различия

[717] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 32-3.
[718] См. также стр. 219 данной работы, прим. 689.
[719] Преимущественно богословским взглядам Симера (p. 248). О Кобине говорится вскользь (p. 130).
[720] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 248-9.
[721] Ib., p. 61, 148 etc.
[722] M. E. Aston, Lollardy..., p. 2.

не адэкватны расхождениям в общественных проблемах и не могут быть положены в основу систематизации. Таковой может помочь только анализ общественно-политических воззрений отдельных представителей лоллардов. Те факты, которыми располагает сейчас историческая наука, дают все основания говорить о существовании, наряду с программой Пэрви, более или менее последовательно поддерживавшейся Олдкаслом и Тэйлером, Уайтом и Смитом, Вичем и пастухом из Хэзлетона, совершенно другой социально-политической программы.

24 ноября 1428 г.,[723] после четырехмесячного заключения в лондонской тюрьме, перед судом кентерберийского архиепископа предстал Ролф Мэнджин, «a notorious heretic».[724] Он был учеником Питера Пэйна и еще в 1408 г. оказался вынужденным первый раз принести покаяние по поводу своих еретических взглядов. Обвинительное заключение, зачитанное ему 2 декабря, включало такие два пункта:[725] он выступал против вооруженного подавления еретиков в Чехии и утверждал, что «не следует иметь имущество в своей личной собственности, но все должно быть общим».[726] Мэнджин отрицал оба предъявленных ему обвинения. Однако они нашли поддержку, притом весьма весомую, в показаниях свидетелей. Согласно словам одного из каноников по имени Ролф,[727] Мэнджин защищал эти два ошибочные суждения (duas opiniones erroneas)[728] на обеде, где привелось присутствовать олдермену Уильяму Истфилду.[729]

Другой свидетель —Уильям Дрэкс (Drax) — несколько конкретизировал первый из приведенных выше обвинительных пунктов: по мнению Мэнджина, «недостойно какому-либо христианину воевать с повстанцами в Чехии и кого-либо из них убивать, а если кто поступит так, то он нарушит заповедь

[723] Chichele, III, p. 195.
[724] Ib., p. 183.
[725] Ib., p. 197.
[726] Дословно: «...Ipse alias dixisset, tenusset et affirmasset quod non est licitum alicui habere proprietatem bonorum, sed quod omnia essent communia».—Ib.
[727] Ролф описан в протоколе суда, как каноник приората в Elsyngspitall, служащий приходским священником в церкви Эбдерменни.
[728] Вот как сформулированы клерком, записывавшим показания свидетеля, эти ошибочные положения: «...Non est licitum alicui christiano bellare seu pugnare contra istos hereticos in regno Bohemie; ...omnia bona essent communia et... nulli liceret habere proprietatem aliquorum».—Chichele, III, p. 201.
[729] Ролф особо оговорился, что он не был очевидцем выступления Мэнджина. О его речах он узнал от У. Истфилда (Ib).

«не убий».[730] Выступление, как он подтвердил, имело место на обеде в присутствии Истфилда.[731]

Сам Уильям Истфилд, допрошенный судом 4 декабря, сообщил, что Мэнджин действительно выступал против войны в Чехии и частной собственности. Он указал время выступления—февраль 1428 г. — и место: дом бывшего олдермена Шэдуорта.[732]

Четвертым, кто уличил Мэнджина, является торговец тканями Джон Рассел, присутствовавший, подобно Истфилду, у Шэдуорта.[733] Приведенные показания позволяют раскрыть, каким патем две «ужасные ошибки» попали в следственные материалы по делу еретика Мэнджина. Очевидно, донос исходил от Истфилда, богатого лондонского купца—именно его показания, как очевидца, и солидаризировавшегося с ним члена той же купеческой гильдии Д. Рассела сыграли решающую роль. Оба каноника ничего не добавили к их показаниям, больше того—прямо указали на Истфилда, как на источник информации. Другие свидетели, тоже клирики, Ричард Коллинг,[734] Джон Ливертон,[735] Томас Колмен,[736] Уильям Бэшел,[737]Томас Колл[738] ничего подобного не слышали. Они лишь утверждали, что Р. Мэнджин выступал против них—«laborat vehemens», а также против монахов.[739] Никакие обвинения доктринального характера против Мэнджина не выдвигались,[740] указывалось лишь в общей форме на его принадлежность к секте лоллардов.[741] Наличие у него «Триалога» и «евангелия Виклифа» служит косвенным, однако очень важным, доказательством справедливости этого обвинения.[742]

---

[730] Ib., p. 203; «...non est licitum alicui christiano bellare contra gentes insurgentes de Bohemia nec aliquem eorum occidere, et si quis fecerit transgressor est illius mandati: «Non occides».

[731] Ib., p. 203.

[732] Ib., p. 203-4.

[733] Ib., p. 204.

[734] R. Collyng—викарий церкви св. Лаврентия «in Judaismo».

[735] J. Leverton—капеллан церкви св. Михаила в Bassingeshawe.

[736] Th. Colman—капеллан церкви св. Альбана.

[737] W. Bushell—ректор церкви св. Георгия.

[738] Th. Calle—ректор церкви св. Михаила. Его показания были подтверждены еще двумя членами капитула этой церкви.

[739] «...Maxime loquitur contra religiosos et fratres».—P. 203.

[740] Поэтому Э. Ф. Джекоб называет его «политическим лоллардом» (Chichele, I, p. CXXXIV).

[741] «...Idem dominus Radulphus fuit et adhuc est de et super secta, ritu et opinionibus eorum, quos in regno Angliae lollardos nuncupamus...»—Chichele, III, p. 199.

[742] Факт наличия у него книг Р. Мэнджин признал. Он же сообщил о продаже их Джону Боггу, капеллану из Гемпшира—Ib.

Существуют и другие свидетельства в пользу данной точки зрения. Р. Мэнджин признал наличие у него дружественных связей с Никласом Хоупером,[743] слугой погибшего «вождя лоллардов» Д. Олдкасла. Не отрицал он частых контактов[744] и с капелланом Ричардом Монком,[745] который был вынужден признать и публично раскаяться в своих «лоллардистских заблуждениях».[746]

Гэрентера, исповедника Шэдуорта, хотя его тесную связь с Р. Мэнджином суд установил с полной ясностью,[747] обвиняли лишь в типично еретических заблуждениях, свойственных большинству лоллардов.[748] Слуга именитого купца, облеченный его высоким доверием, он был резок и последователен, когда речь шла о католической церкви, но требование коренной ломки существовавших тогда социальных порядков, выдвигавшееся Мэнджином, не могло стать его убеждением, или найти поддержку среди его богатых покровителей.

Поэтому столичные толстосумы оказали решающую поддержку ищейкам католических прелатов в изоляции такого на.[749] Материалы процесса над Мэнджином позволяют установить круг людей, испытавших его идейное влияние. Это «мужчины и женщины» Оксфорда, Лондона и других мест. Среди столичных жителей судьи выделяли три имени, помимо Гэрентера,—ремесленника Бартоломея Корнмонгера и упоминавшихся уже Монка и Хоупера.

Последний из названных играл крупную роль в событиях конца 1413 — начала 1414 гг. Генрих V в своей прокламации от 28 марта 1414 г., даровавший свободу всем оставшимся в живых участникам восстания Д. Олдкасла, оговорился, что

---

[743] Как отмечено в одном из протоколов, Мэнджин сказал, что он часто с Хоупером «familiaritatem habuit» (p. 200).

[744] P. 200: «...dixit quod communicavit sepius cum eodem».

[745] Монк описан в протоколе как «capellanum virum de et super secta et ritu lollardorum huiusmodi suspectum et infamatum».

[746] О процессе над Монком см. стр. 197—8, 199, 201, 202, 208—9 третьего тома «Регистра» архиепископа Чайчила.

[747] Мэнджин признал такой пункт обвинительного заключения: «...dominus Radulphus familiaritatem et communicacionem hujusmodi, sepius habuit cum domino Thomae Garenter capellano Nicholai Shadworth' civis civitatis London' viro».—Chichele, III, p. 200.

[748] Гэрентер читал публичное отречение. Из его текста видно, что он был противником папства, отрицал католические обряды, паломничество, культ святых и таинство пресуществления, почитал в качестве единственного источника веры Библию (Chichele, III, p. 206—7; Foxe, III, p. 539).

[749] Р. Мэнджин был приговорен к пожизненному заключению.—Chichele, III, p. 205.

его милость не распространяется на ряд особо важных преступников, в том числе на Хоупера.[750]

Имя Н. Хоупера заставляет вспомнить о тех упреках, которые делали Джону Олдкаслу и его сторонникам некоторые их враги из ортодоксального лагеря—в частности, Томас Оклив (Hoccleve):

«Самонадеянность ума и праздность
И жадность к богатству—вот три порока,
Которые причина всех преступлений ваших.
Вы говорили каждому (подчеркнуто нами—Е. К.):
«Имущество должно быть общим!»
Это не означает ничего другого, кроме как в случае нужды
Посредством насилия или обмана,
Ты бери мое имущество у меня, а я у тебя,
Что является истинным преступлением и грабежом».[751]

Томас Элмхем приписывает «архилолларду» в числе греховных идей и такую: «Он осуждал всех, имеющих земельные владения».[752] Мы не можем принять подобные обвинения со стороны Оклива и Элмхема в адрес руководителя заговора 1413—1414 гг. Проведенный ранее анализ взглядов Олдкасла убедил нас в умеренности его политических идеалов, в верности имущественно-иерархическим основам феодального общества. Все же правомерен вопрос, не находились ли среди заговорщиков 1413—4 гг. люди той же ориентации, как и Мэнджин.[753] Напомним, что сам он привлекался к суду в 1408 г.[754] Подобная точка зрения может найти, на наш взгляд, подтверждение в деле, которое велось судом кентерберийского архиепископа против Роберта Хука, ректора церкви в Брэйбруке, Нортгемптоншир, в мае—июне 1425 г. Среди предъявленных ему обвинений много обычных

---

[750] Foedera, IV, 2, p. 72.

[751] «Presumption of wit and ydilnesse,
And covetyse of good, the vices three
Been cause of all your ydil bysynesse.
Iee seyn ecke: «...goodes commune oghten be!»
That ment is, in tyme of necessitee,
But nat by violence or by maistrie,
My good to take of me or I of thee,
For that is verray wrong and robberie».—Hoccleve, p. 22.

[752] MH, p. 157: «terrea possessa cunctis damnavit habenda».

[753] Ч. Омэн писал: «Некоторые эмиссары возбуждали народ теми же лозунгами, как и в 1381 г., т. е. предлагали покончить с лэндлордами и разделить церковное имущество» (p. 236-7).

[754] Двадцать лет тому назад, как указано в одном из протоколов 1428 г. Характер обвинений, выдвинутых против него в то время, нам неизвестен.—Chichele, III, p. 196.

для лоллардов: он возражал против исповеди, называл все категории монахов фарисеями, о «святой гостии» говорил, что она «вне всякого сомнения является более вредной, чем яд».[755]

Однако один из пунктов его покаянной исповеди никак нельзя отнести к числу обычных. Если это трудноперево-димое место перевести без стилистической обработки, то получим следующее: «светские лорды по закону бога должны держать так, чтобы все вещи стали общими».[756] При всей корявости словесного оформления данная мысль созвучна написанному евангелическим доктором в трактате «О гражданской власти». Попытаемся проверить нашу догадку. Из исповеди и обвинительного заключения Хука мы узнаем, что эта мысль, содержится на страницах одной —к сожалению, не указано, какой именно—из различных написанных как по-латински, так и по-английски книг, содержащих многие ошибки и ереси, которые были запрещены церковными конституциями и статутами короля. Такие книги Хук «тайно у себя, в Брэйбруке сохранял, переписывал сам и отдавал переписывать другим».[757] Упомянутые в исповеди конституции, несомненно, принадлежат конвокации 1408 года и запрещают, о чем уже говорилось, большое число трудов Виклифа. Среди них и известная работа евангелического доктора «О гражданской власти»,[758] которая содержит суждения об обобществлении имущества. Не прятал ли Хук запретную книгу среди других, выражаясь словами судебного протоколиста, «bokes and trees» своего брэйбрукского книгохранилища? Подобное предположение вполне закономерно. Эней Сильвий в «Historia Bohemica» сообщает о чешском студенте, который привез на родину из Англии работы оксфордского еретика о «гражданской» и «божественной» власти. Изучение венских архивов, содержащих копии с произведений евангелического диктора, позволило Р. Л. Пулу и И. Лозерцу выяснить, что чехи Николай Фаульфиш и Георгий Книжнич собирали рукописи Виклифа на территории британского острова в 1407 г. Установлено, что трактат «О божественной власти» был скопирован ими в Брэй-

---

[755] Chichele, III, p. 111: «...is withouten comparison more imperfyt than venym».

[756] Chichele, III, p. 111: «..lordes temporell' been holden by the lawe of god to have all' thinges in commun».

[757] Вот отрывок из обвинительного заключения: «...tu ante post et extra tempus abjurationis hujusmodi et presertim post et circa constituciones provinciales et statuta regia in hac parte edita et contra eadem libros diversos in lingua tam latina quam anglicana conscriptos in se multos errores et hereses continentes composuisti, scripsisti, et per alios scribi fecisti, ac studenter penes te habuisti, tenuisti, servasti...»

[758] Wilkins, III, p. 347-8.

бруке, а редактирование тома, содержащего «Об истинности священного писания», завершено в Оксфорде.[759] Вопрос о месте, где чешские студенты списывали труд «О гражданской власти, остается открытым, но в судебном протоколе архиепископского суда, нам кажется, можно видеть важное указание, помогающее ответу на него.

Параллельно с разбирательством дела Хука происходил процесс над Томасом Дрейтоном. Ему были предъявлены те же обвинения, что и Хуку.[760]

В судебном протоколе от 30 июня 1425 г. мы читаем: «В тот день субботний... выше названный господин Т. Дрейтон по приказу господина (архиепископа—Е. К.) и собратьев его вышепоименованных в доме вышеуказанного капитула во всех пунктах принес точно такую же клятву, как господин Роберт Хук принес прежде»[761]. После признания своей вины он «отрекся» от своих ересей и ошибок и проклял их «подобным же образом, как названный господин Роберт».[762] Отсутствие текста исповеди в архиепископском «регистре» лишает нас возможности конкретизировать эти наблюдения.

Т. Дрейтон сыграл выдающуюся роль в заговоре Олдкасла. 28 марта 1414 г. королевские чиновники включили его имя в список особо важных преступников.[763] Манор Дрейтон Бьючемп, где ректором был Т. Дрейтон,[764] являлся в то время резиденцией знатного рыцарского дома Чейни, покровительствовавшего еретикам. Возможно, что их заступничество спасло Дрейтону жизнь, когда в мае 1415 г. он предстал перед церковным судом. После суда 1415 г. Т. Дрейтон оказался вынужденным покинуть Бэкингемшир. Он перебрался в Бристоль, где, однако, продолжая пропаганду лоллардизма, вступил в тесный контакт с Тэйлором.[765] Хук также привлекался к ответственности кентерберийской конвокацией по делу о заговоре 1413—1414 гг. Судебное разбирательство имело место в октябре 1414 г. Это вторая судимость Хука.

[759] ДСД, I, p. VIII—XI; IV, p. XVII—XIX; DE, p. XVII—XVIII; K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 146.

[760] И Хуку (p. 107), и Дрейтону (p. 108), в частности, ставилось в вину обладание еретическими книгами, причем в одинаковых выражениях.

[761] «...Quidem die sabbati... praefatus dominus Thomas Drayton coram domino et confratribus suis predictis in domo capitulari predicto prestitit in omnibus et per omnia consimile juramentum sicut predictus dominus Robertus Hoke faciebat».—Chichele, III, p. 109.

[762] Ib.

[763] Foedera, IV, 2, p. 72.

[764] Chichele, III, p. 106—7.

[765] J. A. F. Thomson. The Later Lollards..., p. 24—5.

Первый раз он отвечал за свои ереси перед трибуналом линкольнского диоцеза в январе 1405 г. в Нортгемптоне.[766] Судя по приведенным фактам, Хук и Дрейтон являлись людьми твердых убеждений, а, следовательно, возможно предположить, что они вели пропаганду христианско-коммунистических идей задолго до процесса 1425 г. Приведенная цитата из поэмы Оклива—немаловажный аргумент в защиту данной точки зрения.

У Мэнджина, Хука, Дрейтона в 30—50 гг. XV в. нашлись продолжатели. Разбиравшаяся выше «петиция Джека Шэрпа»[767] отнюдь не исчерпывала требований заговорщиков 1431 г.[768]—во всяком случае какой-то их части. По словам Холла, некоторые захваченные в 1431 г. сподвижники Шэрпа признали себя виновными в двух пунктах: «...священник не должен иметь никаких владений» и «все вещи по закону христианской милости должны находиться в совместном владении среди христиан».[769] Лозунги ликвидации существующего феодального строя и свойственных ему форм собственности выдвигались руководителями ряда повстанческих отрядов в 1450 г.[770] Идея общности имущества у лоллардов этого периода сочеталась с призывами к полной ликвидации церковной организации вплоть до физического истребления духовенства,[771] экспроприации феодальной собственности мирян, убийства короля и др.[772]

Итак, различные источники —поэма Оклива в 1415 г., судебные материалы Хука и Дрейтона в 1425 г., Мэнджина в 142 8г., сподвижников Шэрпа в 1431 г., повстанцев Сессекса и Кента в 1450 г. —свидетельствуют о наличии в еретическом движении первой половины XV столетия, наряду с идейным течением Пэрви—Олдкасла, другого отличавшегося от первого по социально-политическим идеалам участников, которое можно условно назвать течением Хука—Мэнджина. Первое из них, более умеренное, выражало интересы джентри, торгово-ремесленной верхушки города, зажиточных слоев крестьян. Идеология второго, радикального, теснейшим обра-

[766] Chichele, III, p. 105.

[767] См. характеристику петиции на стр. 198 след.

[768] Более подробно о событиях 1431 года см. в следующей главе.

[769] Hall, p. 166: «...all thinges, by the ordre of charitie emongest Christen people should be in common».

[770] См. далее стр. 276.

[771] Истреблением духовенству угрожали Д. Шэрп (1431 г.), феверсхемские еретики 1440 г.

[772] Подобные намерения были четко сформулированы Джоном Рассе-том в 1431 г. и нашли поддержку у бунтарей в следующие два десятилетия. См. далее, стр. 270—2.

зом была связана с чаяниям городской и сельской бедноты, видевшей единственный путь к созданию себе человеческих условий существования в коренном перераспределении всей совокупности материальных благ. Их взгляды лежат в русле того течения, которое Ф. Энгельс классифицировал как «крестьянско-плебейскую ересь».[773]

Где источник идей Мэнджина, Хука, Пендера и др.? С полной достоверностью ответить на данный вопрос при современном уровне знаний нельзя. Несомненно, в их взглядах немало общего с проповедью «безумного священника» из Колчестера. Однако едва ли они были хоть сколько-нибудь обстоятельно знакомы с Боллом, который не оставил потомкам письменных текстов своих проповедей. Больше доверия вызывает приведенная выше версия о знакомстве лоллардов, действовавших в первую половину XV столетия, с рассуждениями Виклифа об общности имущества. Библиотека Хука, в частности, вполне была доступна Мэнджину. По свидетельству Гаскойна, в 1407 г. его учитель П. Пэйн послал письмо в Прагу с теми двумя студентами, которые работали в Брейбруке и Оксфорде и в числе других сняли копию с трактата «О гражданской власти».[774] Впрочем, если заимствование уравнительно-коммунистических положений у евангелического доктора лоллардами XV столетия и имело место, то интерпретация этих положений ими была вкорне противоположной виклифской. Для первого английского еретика общность имуществ была почти недостижным идеалом. Его же последователи видели в ней конкретный политический лозунг, отвечавший насущным потребностям общественной жизни Англии того времени. Два течения лоллардов не были обособлены организационно. Они тесно взаимодействовали в едином потоке движения. Хук и Мэнджин блокировались с людьми, занимавшими куда более умеренные позиции. Среди заговорщиков в 1431 г. сторонники обобществления имущества также действовали рядом с более осторожным большинством, к которому принадлежал Перкинс. Ту же картину мы наблюдаем во время восстания Джека Кэда, летом 1450 г. Только когда Парминтер, Пендер и другие возглавили народное движение в Кенте и Сессексе, единственный раз в Англии XV столетия, уравнительная программа крайних стала основным лозунгом движения.

Как могли «сосуществовать» в одном движении люди со столь разными социальными взглядами, как Мэнджин и Олдкасл? Однозначный ответ невозможен. По крайней мере, три

[773] К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. VII, стр. 363, 361.

[774] E. F. Jacob, The Fifteenth Century..., p. 96.

фактора способствовали такому положению: во-первых, отсутствие четкой организации и неразрывно связанных с ней общепринятой программы и формального членства; во-вторых, близость радикальных и умеренных лоллардов в трактовке теологических вопросов,[775] в-третьих, концентрация внимания преимущественно на негативной антикатолической пропаганде при слабой разработке позитивных вопросов, а порой и сознательном замалчивании последних во имя достижения первоочередной цели. Их объединяла, бесспорно временно, общая задача борьбы с католицизмом. Несомненно, это был один из тех непрочных союзов, которые не редко можно встретить в жизни разных народов,—союз до первой победы.

Влияние лоллардов на социально-политическую жизнь Англии конца XIV—XV вв.

Борьба против церкви,стремление заменить католицизм «истинным» евангельским учением столкнули лоллардов лицом к лицу с правящими кругами страны, заставили их искать пути к установлению своего воздействия на органы власти, побудили активно влиять на политическую жизнь. Это влияние проявлялось трояким образом: в организации виклифитами различных по форме и масштабу выступлений с целью осуществления религиозно-церковных преобразований; в участии еретиков вместе с правоверными католиками в широких общественных движениях, не направленных на изменение существовавшего способа богопочитания; во влиянии социально-политических идей лоллардов на политических деятелей и народных бунтарей, которые не разделяли их вероучения.

В последние годы XIV в. и первое десятилетие XV столетия лолларды стремились достигнуть своих целей исключительно мирными средствами. Они развернули широкую пропаганду своих религиозных и социальных воззрений[1], многократно обращались за поддержкой в различные инстанции, ответственные за политический курс государства, прежде всего—в парламент.

[775] На эту особенность идейного развития бюргерской и крестьянско-плебейской ереси указал Ф. Энгельс. Он писал, что последняя разделяет «все положения бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления ранне-христианского церковного строя...».—К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. VII, стр. 362.

[1] Данная ранее характеристика деятельности «бродячих священников» и созданных ими литературных памятников делает, на наш взгляд, эту мысль очевидной.

Открывает этот поток апелляций к власти имущим петиция в парламент 1382 г. В 1388 г. лолларды повторили свое обращение.[2] В 1382, 1391 гг. к членам парламента апеллировал У. Свиндерби—это происходило после осуждения его убеждений судебными трибуналами линкольнского и герифордского диоцезов.[3] В 1395 г., в канун открытия парламентской сессии, виклифиты обнародовали манифест, несколько раньше «a certeyne book» была направлена королю. Однако, эти усилия принесли лишь частичный успех: еретические идеи оказали влияние на чехов, окружавших Анну Богемскую,[4] к их взглядам сочувственно относились некоторые авторитетные королевские советники (Монтегю, Стэри). Антицерковные настроения существовали среди дворянства и городской верхушки. Об этом свидетельствует отказ палаты общин осенью 1382 г. санкционировать изданный королем за ее спиной в мае-месяце закон против свободы проповеди.[5] В 1388 г.[6] и 1390 г. нижняя палата парламента приняла билли, значительно расширявшие сферу действия знаменитого «Statute of Provisors». Например, по постановлению 1390 г. бенефиции, полученные прелатами от римского папы без позволения короля, объявлялись конфискованными.

Согласно смыслу этого закона церковники, живущие в Риме, были обязаны либо переселиться в Англию, либо лишиться всех прав на землю и движимое имущество, находящиеся в пределах ее территории. Контроль за проведением выборов на различные церковные должности, посредничество в случае споров из-за таковых и попечение о вакантных бенефициях клириков возлагались на королевскую администрацию. Строжайше запрещалось «покупать» или как-то хлопотать о доходных постах католической иерархии в Риме, минуя короля.[7] В 1383 и 1392 гг.[8] парламент обращался к «Statute of Praemunire». Во время последнего из указанных обсуждений было поставлено, что лицо, нарушившее судебные прерогативы короны и подавшее иск в папскую курию должно быть арестовано, его имущество подлежит конфиска-

[2] SEW, III, p. 507ff; Kn, II, p. 260.

[3] FZ, p. 340; H. G. Richardson, Heresy, p. 24.

[4] Архиепископ Эрундел на похоронах королевы Анны обмолвился, что она имела и изучала «евангелия на английском языке».— Foxe, III, p. 202.

[5] См. об этом Foxe, III, p. 129.

[6] Характеристика статута 1388 г. дана Найтоном (II, p. 298, 308) и Уолсингемом (II, p. 172).

[7] SR, p. 60—1, 69—72; RP, III, p. 266—7, 292—3.

[8] SR, p. 35, 84—6. На парламенте 1389—90 гг. разбиралось дело Д. Мэндора, осмелившегося обратиться с тяжбой по поводу должности архидиакона епископа Дэрема в папскую курию.—RP, III, p. 258.

ции. Круг церковных проблем, обсуждавшихся на парламентах Ричарда II и его предшественника, настолько широк, что заслуживает особого исследования. В 1380 г. нижняя палата парламента требует изгнать всех иностранцев, занимавших должности приоров монастырей, а англичан поставить на их место. В 1385 г. предлагается ,так называемые, «первые плоды» с церковных бенефициев отдавать королевскому казначейству, а не отправлять в Рим. На сессиях парламента 1389-90 гг. дебатируется вопрос о замене всех чужеземных сборщиков «денария св. Петра» на острове уроженцами Англии. На следующий год католический клир защищался от обвинений в ростовщичестве. Несколькими днями позже, во время очередной сессии, палата общин добилась заключения в Тауэр рыцаря Уильяма Бриена, купившего в Риме среди других привилегий буллу, которая предоставляла ему право предать отлучению своих врагов, и т. д.[9]

Однако не следует преувеличивать коэффициент полезного действия всех этих выступлений против привилегий католической церкви. Многие из них не были утверждены королевским советом. Действия других оказались парализованными, так как король и прелаты находили немало способов сговориться и обойти принятые постановления, в том числе и «статут в провизорах». Признанием фактического положения дел является данное парламентом в 1393 году королю разрешение вносить в этот статут необходимые, по его мнению, изменения.[10] Что же касается «Statute of Praemunire», то он был фактически уничтожен, когда в 1397 г. Ричард обратился к папе с просьбой утвердить акты, принятые шрусберийским парламентом. Последовательных сторонников еретического учения в нижней палате времени Ричарда II находилось мало.[11] Все более решительная поддержка, оказываемая королевской администрацией и судом церковным феодалам, не встречала со стороны коммонеров после 1382 г. никакого протеста. Больше того, «Безжалостный парламент» (1388 г.) поддержал петицию духовенства об усилении преследования еретиков[12], а в 1397 г. «коммонеры» высказались в пользу тех

[9] RP, III, p. 96, 214, 270, 280—1, 288 etc.

[10] Борьба против «Statute of Provisors» активно велась церковными феодалами во главе с архиепископом Эрунделом. С 1392 г. Эрундел добился для короля права выдавать лицензии прелатам, разрешающие им не жить в Англии. В 1393 г. его усилия принесли новые немаловажные результаты.—HA, II, p. 208; RP, III, p. 284, 294, 301-4.

[11] Мы согласны в данном случае с оценкой Г. Б. Уоркмена, четко отграничившего оппозицию против католицизма от поддержки ереси (II, p. 380).

[12] Текст петиции не сохранился в парламентских свитках. Сведения почерпнуты из хроники Найтона (II, p. 264-265). См. также HP, p. 171, 176.

мер пресечения антикатолических выступлений, которые применялись в странах континентальной Европы.[13] Активность государства в преследовании еретиков, как хорошо показал Г. Д. Ричардсон, увеличивалась на всем протяжении правления Ричарда II, особенно после 1388 г.[14] С этого момента делами виклифитов стала заниматься не только местная королевская администрация, но и канцлерство.[15]

Династический переворот способствовал усилению гонений на лоллардов.

Возглавляемые энергичным Эрунделом католические иерархи с первых лет правления нового монарха перешли в решительное наступление на своих врагов. Так, в 1399 г. они добились смещения с поста спикера Джона Чейни, подозревавшегося в ереси.[16] В начале 1401 г. церковники провели через парламент, не взирая на некоторое противодействие нижней палаты,[17] знаменитый акт «De heretico comburendo».[18] 2 марта 1401 г. на его основании был отправлен на костер священник из восточной Англии Уильям Соутри.

Однако уэльское восстание и резко ухудшившееся в связи с ним финансовое положение государства[19] привели к тому, что атаки ортодоксов на лоллардов временно заглохли: с 1401 по 1410 гг. не было ни одного сожжения.[20] В этот период антицерковные настроения и, следовательно, симпатии к виклифизму оживилась вновь—пожалуй, в большей степени, чем в 80-начале 90 гг. В парламенте и среди членов королевского совета отвергавшийся прежде секуляризационный проект Пэрви нашел в эти годы немалое число приверженцев. В 1402 г. во время очередного похода против Оуэна Глэндоуэ-

[13] H. G. Richardson, Heresy, p. 22. Этот закон также не сохранился в парламентских свитках.

[14] Г. Д. Ричардсон не без основания связывает это с выступлением против ереси на «Безжалостном парламенте» (p. 10, 16—17).

[15] Так, перед канцлерством отвечал в мае 1388 г. за распространение еретических книг и памфлетов рыцарь У. Лэтимер (H. G. Richardson, Heresy, p. 17). В 90 г. XIV ст. канцлерство занималось делами Томаса Крэфта, Джона Крофта, мэра Нортгемптона Джона Фокса (PR, p. 45, 50).

[16] E. F. Jacob, The Fifteenth Century, p. 19.

[17] О некотором противодействии общин принятию закона свидетельствует одна из внесенных ими поправок: закон должен вступить в действие лишь после праздника Троицы (июнь 1401 г.), однако с этой поправкой, как свидетельствует дело Соутри, не считались ни церковные, ни светские власти.—Ch. Oman, op. cit., p. 171. Дж. Рамзей утверждает, что статут был принят королем и лордами без согласия общин (I, p. 33, note 2).

[18] SR, p. 125-128.

[19] Уэльс обрел самостоятельность на несколько лет. Это означало для казны потерю нескольких тысяч ф. ст. дохода в год. Велики были военные расходы (Usk, p. 64 ff).

[20] В 1410 г. в Лондоне был сожжен Джон Бэдби.

ра, рыцари короля требовали отобрать у епископов их лошадей и богатую упряжь для того, чтобы добыть необходимые средства для оплаты солдат.[21] В нижней палате парламента бедные священники нашли настолько сильную поддержку, что один из их доброжелателей Джон Чейни, смещенный с поста спикера королем по требованию духовенства в 1399 г., в 1404 г. вновь начинает играть ведущую роль среди членов нижней палаты.[22] В 1406 г. Уильям Тэйлор стал членом палаты общин, где произнес две речи против духовенства. В тот же год Тэйлор осмелился выступить в защиту взглядов Виклифа и не где-нибудь, а в соборе св. Павла. Если верить сент-олбенскому хронисту, центральным пунктом учения евангелического доктора он провозгласил требование секуляризации церковных богатств.[23] Проповедь получила значительный общественный резонанс и вызвала оживленную дискуссию.

На парламенте в Ковентри 1404 г. Дж. Чейни, выступая перед королем и лордами, выдвинул от имени общин предложение о конфискации церковных богатств. Согласно Уолсингему[24] речь шла о полной конфискации церковного имущества на всей территории страны. Аргументы, выдвигаемые «королевскими рыцарями», носили чисто политический характер. Они в борьбе «против разбойников и врагов» не только жертвуют своим имуществом, но и подвергают опасности свою жизнь, в то время как клирики праздно сидят дома (clericis interim domi otiose sedentibus).[25] Впрочем, в пылу полемики с архиепископом Эрунделом Чейни провозгласил, что он мало ценит церковные молитвы.[26] Проект Чейни был встречен баронами королевского совета не без интереса. Свидетельством тому служит замечание Уолсингема о колебаниях короля во время дискуссии между Эрунделом и Чейни.[27]

Прелатам удалось провалить предложение членов палаты общин. «Рыцари, которые дерзко упорствовали в своей

[21] HA, II p. 259.

[22] E. F. Jacob, The Fifteenth Century..., p. 79.

[23] О его выступлениях сохранились замечания в протоколах парламента. —RP, III, p. 581. О полемике в соборе св Павла см. ACh, p. 1—2.

[24] Вот текст летописи: «...selecti milites Parliamentales pro relevando Rege non aliud invenire potuere remedium quam confiscandi Christi per totum regnum patrimonium; scilicet, ut Ecclesia generaliter de bonis temporalibus privaretur».—HA, II, p. 265. Уолсингем называет Чейни спикером парламента. Это—ошибка, так как из «парламентских свитков» известно, что обязанности спикера на ковентрийском парламенте выполнял Уильям Стерми.

[25] Ib.

[26] Дословно «...Prolocutor militum vultu voceque praetendisset publice se preces Ecclesiae parvipendere».—HA, II, p. 265.

[27] «Архиепископ, между тем, заметив колебания короля, встал...»—HA, p. 266.

ошибке», были принуждены принести свое покаяние архиепископу.[28] Особую остроту борьба католиков и виклифитов приняла во второе пятилетие XV в. Наметившийся перелом в войне с валлийскими повстанцами, разгром антиланкастерских заговоров внутри Англии и другие проявления политической стабилизации послужили Эрунделу сигналом для начала новой атаки против лоллардов.

Используя то обстоятельство, что в парламенте активную работу против лоллардов вели друзья его невольного союзника уэльского принца Генриха,[29] Эрундел решил сосредоточить по примеру Куртнэ свои усилия против Оксфордского университета, профессора которого в 1406 г. открыто высказалась в поддержку виклифизма.[30] В конце 1407 г.[31] специальный совет, созванный в Оксфорде, утвердил «конституции Томаса Эрундела».[32]

В 1409 г. последовало их подтверждение. Тридцать пунктов программы борьбы с ересью были сформулированы Т. Эрунделом. От церковных иерархов требовалось установление строгого контроля над проповедниками и идейным содержанием их выступлений (пункт 1). Строжайшим образом предлагалось преследовать священнослужителей, отважившихся проповедовать без лицензии епископа или духовного ордена (пункты 2,19). Проповедник в своих речах ни на иоту не должен уклоняться от принятых римской церковью канонов, особенно в таких вопросах как таинства пресуществления и брака, исповедь грехов, поклонение кресту, иконам, мощам и т. д. (пп. 4, 5, 9), высказывать сомнения или даже обсуждать декреты, изданные папской курией или главами церковных диоцезов (пп. 9, 10). Соблюдение церковных законов должно быть более строгим, чем законов светских (п.

[23] HA, II, p. 267.

[29] Уже в 1406 г. принцем Уэльским был инспирирован билль в нижней палате, требовавший от правительства ареста лоллардов и предания их суду парламента.—J. Ramsay, Lancaster, I, p. 103.

[30] Это произошло, как указал Дж. Рамзей, 6 октября 1406 г. Из текста постановления, обнародованного от имени канцлера и «сената» университета, явствует, что Джон Виклиф—истинный христианин, радевший «о славе божьей и прибыли церкви». В этом документе совершенно отрицались обвинения в еретических суждениях и особенно подчеркивались его ученые доблести: «In logicalibus, philosophicis, theologicis, et moralibus scripserat inter omnes nostrae universitatis ut credimus sine pari».—H. Brougham, History..., p. 354, note 2.

[31] H. Rashdal, The Universities..., p. 129.

[32] Текст конституции в том виде, в каком он получил повторное подтверждение церковного совета кентерберийского архиепископа, мы нашли у Фокса (III, p. 242-8). Анализ ее дается в работах Рэшдела (p. 134) и Робсона (Wiclif, p. 244). Некоторые интересные наблюдения содержатся во «Введении» ,написанном Э. Ф. Джекобом к изданному им «Register of Henry Chichele» (I, p. CXXXff).

13). Безоговорочно запрещалось переводить Библию, читать ее кроме тех избранных мест, изучение которых одобрено церквью (пп. 5, 7). Труды Виклифа провозглашались вредными для христианской религии (п. 6). Пункт 11 был посвящен Оксфорду. В нем говорилось о необходимости решительной борьбы с ересью вплоть до ежемесячной проверки «настроения умов» у студентов и преподавателей его колледжей. Конституция предписывала строгие меры по отношению к ослушникам. В университетах вводилась цензурная комиссия — «комитет 12». Оксфордский университет должен был подчиняться надзору архиепископа. Согласно церковным постановлениям 1407—1409 гг. епископы получили право приговаривать изобличенных в ереси к вечному заточению. Ссылаясь на папскую буллу 1395 г.,[33] которая предоставляла университетской общине иммунитет от судебного надзора архиепископа, руководители университета отказались подчиниться конституциям Эрундела 1407 г.

В январе 1409 г. в соборе св. Павла состоялся новый совет прелатов английской церкви. Он высказался против оксфордской автономии.[34] Однако, и повторное решение не возымело ожидаемого действия, конгрегация университетских преподавателей раскололась: одни искали «разумного компромисса», другие—особенно философский факультет, а также члены Ориэльского колледжа, которых возглавлял Джон Берч,[35]—настаивали на продолжении сопротивления.

В 1410 г. английские прелаты обратились за поддержкой к королю и потребовали от папы отменить ранее выданную Оксфордскому университету хартию. В такой обстановке обостренной борьбы приобрел огромную важность для судеб движения «лоллардистский билль» 1410 г. Это обращение в высший законодательный орган страны явилось последней попыткой руководителей антикатолического движения добиться осуществления своих целей мирными средствами.

Требования лоллардов нашли поддержку в нижней палате (Р. Рэдмен говорит о большей части дворян, собравшихся на парламент), а также у придворных.[36] Но против петиции решительно выступил «светлейший принц» (serenissimus Princeps), как почтительно величает будущего короля Генри-

[33] H.Rashdal, The Universities..., III, p. 128.

[34] J. Ramsay, Lancaster, I, p. 118; H. B. Workman, op. cit., II, p. 358.

[35] H. Rashdal, The Universities, III, p. 134-5; J. A. Robson, Wyclif, p. 245.

[36] MH, p. 25; дословно: «Auculis, qui aliensis fortunis inhiarunt, praeclara res visa est. По мнению Р. Рэдмена, клирики, «почти обессиленные отчаянием» (desperatione pene fracti), не надеялись сохранить свое добро далее нетронутым (illibata bona sua diutius conservarent).

ха V сент-олбенский хронист. Характерно, что в опубликованном Гэлбрайтом списке хроники имя принца Уэльского предшествует имени короля: «Princeps catholicus et ortodoxus rex ipse...». Его вмешательство сыграло решающую роль. Потерпели провал и две другие петиции общин: одна требовала подчинения церковников светскому суду, другая предлагала смягчить статут «О сожжении еретиков».[37] Король направил письмо в Оксфорд, которым смещал канцлера с занимаемой им должности и требовал от университетской корпорации, под угрозой штрафа в 1000 марок, подчиниться архиепископу.[38] В то же время принц Уэльский лично принял участие в расправе над Бэдби.[39] Опираясь на поддержку королевского двора, Неттер сумел взять верх во время очередного диспута над Пэйном.[40] Университет был вынужден подчиниться: созданный в соответствии с «конституцией» комитет из 12 докторов, осудил 61 «ошибку», содержавшуюся в работах Виклифа. 14 его рукописей подверглись торжественному сожжению.[41] Правда, университет еще отрицал право архиепископской «визитации», но протест был лишен сколько-нибудь надежного подкрепления. Сила была на стороне церковных прелатов. В августе 1411 г. дружина племянника архиепископа графа Эрундела Томаса, выполняя предписание короля, заняла университет. А следом за ней в городе появился и сам архиепископ. Сторонники Виклифа оказались либо за решеткой тюрьмы, либо бежали. На город был наложен интердикт.[42] Пришедшая в Англию в январе 1412 г. папская булла положила конец юридической стороне спора, ограничив привилегии Оксфорда. Над преподавателями и студентами университета устанавливался, как того требовали конституции Эрундела, неослабный надзор.[43] Покорность университетского начальства стала столь раболепной по отношению к церковным князьям, что в 1414 г. оно приняло визитацию епископа Линкольна.[44] Два зарева, вспыхнувшие в разных частях страны на погребальных кострах Бэдби и творений Виклифа, ознаменовали конец мирного еретического движения. Лолларды вышли на «божью брань (bateil of god),

[37] HA, p. 293; ACh, p. 56.
[38] H. B. Workman, op. cit., II, p. 371.
[39] Julius, p. 68.
[40] V. H. H. Green, Bishop, p. 106.
[41] H. Rashdal, The Unversities..., III, p. 131.
[42] J. Robson, Wyclif, p. 245—6.
[43] H. B. Workman, op. cit., II, p. 369 ff. Все еретические заблуждения Виклифа были занесены в особую книгу. Главы колледжей получили ее по экземпляру. Любой человек, занимавший преподавательскую должность либо претендующий на ученую степень в Оксфорде, должен был принести клятву, что не будет поддерживать виклифизма.
[44] H. B. Workman, op. cit., II, p. 373.

как говорили тогда в Англии. Политическая ситуация в стране благоприятствовала им. Еще не были залечены раны от уэльской войны и внутренних междуусобиц, налоговый пресс, завинченный чиновниками Генриха IV до предела, заставил многих людей искать кардинального решения финансовых проблем за счет церковных богатств.

Проводом к вооруженному выступлению лоллардов послужило «дело Олдкасла». Разгром «нечестивых еретиков» в Оксфорде был лишь одним звеном в плане кентерберийского архиепископа. Вторым—являлось нападение на политические позиции еретиков. Уже в декабре 1411 г. с кафедры собора св. Павла была произнесена проповедь, в которой подчеркивалась опасность, грозящая римской церкви со стороны еретиков.[45] Ранней весной 1413 г., когда медленно угасала жизнь в вестминстерских покоях первого Ланкастера и королевский престол готовился занять его сын, стяжавший себе славу яростного защитника ортодоксальной веры, Эрундел понял, что его час настал. Третьего марта 1413 г. на очередном заседании конвокации[46] предметом обсуждения прелатов стал вопрос о Джоне Олдкасле—фигуре, занявшей к тому времени важное место на политическом горизонте Англии и в основном благодаря этому ставшей признанным лидером противников католической церкви.[47] Биография «мятежного лорда Кобхема» привлекала внимание нескольких исследователей. Но многие важные факты ранних лет его жизни до сих пор не раскрыты. Он являлся сыном герифордширского рыцаря Ричарда Олдкасла. Родовой замок Олдкаслей—Олмели (Almeley). Общепризнанной датой рождения Джона считается в настоящее время 1378 г.[48] Как и другие дворянские семьи пограничных с Уэльсом областей, семья Олдкаслей имела тесные связи с валлийцами. Неудивительно, что первой женой Джона Олдкасла была Катерина, дочь дворянина из Уэльса

[45] H. B. Workman, op. cit., II, p. 372.
[46] E. F. Jacob, The Fifteenth Century, p. 129. Конвокация работала до 26 июня. Все время вопрос о борьбе с Джоном Олдкаслом занимал важное место в происходивших дебатах.
[47] Один из хронистов того времени прямо называет его «...princeps sectae cujusdam nephariaeque superstitionis.»—Livius, p. 6-7. Аналогичную оценку дает Уолсингем (II, p. 291). Сравни также описание Олдкасла, данное Джоном Стау (p. 560).
[48] Ранние историки относили его рождение к 1360 году или дате, близкой этой. Так Томас Гэспи указывает, что он родился во время правления Эдуарда III (op. cit., p. 48—9). Даже В. Т. Во в своей работе, увидевшей свет в 1905 г., колебался в выборе между 1360 и 1378 г.. —Sir John Oldcastle, p. 440. Однако суждения Д. Тэйта, мотивировавшего свое предпочтение 1378 г. ссылкой на «Liber Metricus», составленную Элмхемом было признано наиболее авторитетным.—DNB, XVII, L. 1895, p. 87.

Ричарда эп Джевана.[49] Кто и как учил Джона, под чьим воздействием формировалось его мировоззрение, можно только гадать. Предполагают, что он мог слышать проповеди Свиндерби и Брэта, немало исколесивших дорог на его родине.[50] Несомненно, Олдкасл был грамотным человеком, о чем свидетельствует его переписка с чешскими единомышленниками,[51] любовь к книге,[52] те «билли», которые он действительно составил[53] или написание которых ему приписывалось современниками и ближайшими поколениями потомков—впрочем, иногда без должных оснований. Протоколы процесса 23—25 сентября 1413 г. обнаруживают неплохое знание им библейских текстов.[54] Несколько больше известно о военно-административной карьере Олдкасла. Он был участником похода в Шотландию в 1400 г.[55] С первых лет восстания Оуэна Глэндоуэра ему пришлось участвовать в защите западных графств. В ноябре 1401 г. он был послан охранять крепость Близ.[56] Позднее защищал Кидвелли. Военная доблесть открывает Олдкаслу дорогу к почету. В 1401 г. он—член парламента, затем—мировой судья и, наконец, шериф Герифордшира.[57] На последнем посту он воспринял львиную долю ответственности за оборону графства в то бурное время. Позднее Олд-

[49] Richard ap Jevan. Вступление Д. Олдкасла в брак с дочерью этого валлийского дворянина можно установить приблизительно, так как первый из 5 детей, родившихся от этого брака, появился на свет в 1396 г.—K. B. Mc cFarlane, op. cit., p. 160. Д. Тэйт сообщает, что среди валлийцев Джон Олдкасл из Герифордшира был широко известен. Его имя передавалось как «Sion Hendy o Went Iscoed» (DNB, XVII, p. 86).

[50] H. B. Workman, op. cit., II, p. 337; W. T. Waugh ,Sir John Oldcastle, p. 441; K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 134.

[51] Письма Д. Олдкасла составлены, на латинском языке и адресованы чешскому дворянину, приверженцу Яна Гуса, Яну из Вальдштейна—Wan von Waldstein. Их опубликовал И. Лозерц в «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung» (1891, № 12) B. T. Во предполагает, что в составлении своих посланий Д. Олдкасл использовал Р. Вича в качестве секретаря (p. 441). Как указал Мак-Фарлен, он переписывался также с королем Чехии Вацлавом и, возможно, с самим Яном Гусом. —Op. cit., p. 162.

[52] Он посылал Яну Гусу книги. —W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 442. Одной из улик против него явились рукописи, захваченные в мастерской лондонского рисовальщика (см. далее).

[53] Таковы «билли», составленные им во время судебного разбирательства 1413 г.

[54] Полемизируя с богословами, он приводил цитаты из евангелий, дважды пророка Исайи. (Bale, p. 250, 252), упоминает послание Павла к коринфянам.—Bale, p. 249.

[55] W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 441.

[56] W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 441: DNB, XLII, p. 87.

[57] Тэйт указывает, что Д. Олдкасл был шерифом в 1406—7 гг.—DNB, p. 87. B. T. Во более точен: в 1406 г. он—мировой судья, в 1407 г. участвовал в походе против валлийцев, в 1408 г.—шериф.—Sir John Oldcastle, p. 440—1.

асл не раз выполнял ответственные поручения принца Уэльского[58] на западных рубежах страны и к югу от Ла-Манша. Особенно большую славу принес ему поход во Францию в 1411 г. Во время него он командовал отрядом.[59] Однако, наивысший успех ждал герифордширского рыцаря не на поле брани: в 1408 г. он стал четвертым мужем Жанны де ла Поль, внучки и единственной наследницы лорда Кобхема,[60] скончавшегося годом раньше. Этот брак отдал в его руки шесть маноров в Кенте, немало земель в Уэльсе и Мидленде,[61] а также новую[62] считавшуюся одной из лучших в Англии крепость Кулинг близ Рочестера (30 миль к востоку от Лондона). По праву своей жены он в 1409 г. был вызван в парламент, как пэр королевства. Упрочившееся социальное положение и значительные материальные средства он использовал для активной поддержки своих единомышленников. Эрундел понимал, что новый лорд Кобхем — его главный политический враг. Поэтому агенты церкви приняли необходимые меры по сбору материалов, которые скомпрометировали бы Олдкасла и заставили Генриха V отдать пэра Англии[63] в руки архиепископского трибунала. К марту 1413 г. два факта были твердо установлены. Уже весной 1410 г. стало известно об активной проповеднической деятельности еретиков в приходах Гу (Hoo), Гэлтоу (Haestow) и Кулинг. С пропагандой антикатолических взглядов выступал некий Джон, «называвший себя капелланом и живший вместе с Дж. Олдкаслом».[64] Весной 1413 г. в Лондоне оказался задержанным другой капеллан—Джон Лэй, также изобличенный в ереси. Он признался в своих связях с лордом Кобхемом, что служил перед ним мессу, не имея на то лицензии от церковных властей.[65] Вскоре после этого в Лондоне у одного рисовальщика были найдены два антикатолических трактата, хозяином которых являлся лорд Кобхем.[66]

[58] Д. Олдкасл был в частности комендантом крепости Дайнс (Dines) в Глэморганшире.

[59] См. подробнее в работе B. T. Во (p. 442).

[60] См. подробнее о родословной Кобхемов в работах B. T. Во и Д. Тэйта.

[61] W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 442 ff.

[62] Стены Кулинга построены в 1402 г.—J. Gaspey, op. cit., I, p. 181.

[63] W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 442 ff.

[64] 3 апреля 1410 г. письмо об этом было направлено архиепископом Кентербери в адрес декана рочестерского собора.—W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 442.

[65] DNB, XLII, p. 88, см. также работы B. T. Во (p. 442) и K. Б. Мак-Фарлена (p. 163).

[66] Этот рисовальщик жил на «Paternoster Row». Он признался на допросе, что заказ на оформление трактатов был им получен от Джона Олдкасла. DNB, XLII, p. 88; W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 442—3; K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 163.

Прелаты увидели в этих книгах решающее доказательство виновности Олдкасла в распространении еретических взглядов и в начале лета подали официальную просьбу Генриха V о предании его суду.[67] Король попытался в личной беседе заставить своего способного военоначальника отказаться от своих убеждений, но безуспешно. Поэтому 15 августа 1413 г. Эрундел получил официальное разрешение королевской канцелярии на привлечение Олдкасла к суду.

21 августа последовал королевский указ об аресте всех проповедников, не имеющих епископских лицензий, и конфискации их имущества. Генрих V предписывал строго карать всех, кто слушает проповеди лоллардов.[68] Позиция нового монарха по отношению к антикатолическому движению тем самым оказалась точно очерченной. «Принц священников» — так стали называть его лолларды.[69] Несмотря на энергичные усилия Эрундела, Олдкасл оказался за решеткой только через 40 дней.

В течение этого срока он упорно игнорировал все вызовы, направлявшиеся ему церковным судом, отсиживаясь за прочными стенами замка Кулинг.[70] Возникает вопрос, какими мотивами руководствовался Д. Олдкасл, всеми способами отсрачивая неотвратимо нависшее над ним судебное разбирательство. Думал ли он, что у церкви не найдется средств насильственно извлечь его из надежно укрепленного замка? Едва ли. Он не мог не понимать, что в нужный момент примасу Англии придут на помощь королевские войска, оборонять против которых крепость не представлялось возможным—во всяком случае, сколько-нибудь продолжительное время. Для спасения жизни и свободы у него были другие более верные пути. Он имел возможность бежать морем—эстуарий Темзы был рядом —в Германию и Чехию. В послед-

[67] Биографы Д. Олдкасла рассказывают о том, как делегация прелатов, явившаяся в манор Кэнингтон, в присутствии королевского двора и самого Д. Олдкасла зачитывала выдержки из захваченных ими трактатов. Лорд Кобхем не отрицал, что книги принадлежат ему, но сказал, что он не читал их дальше двух первых листов. Объяснение было малоубедительным, а реакция короля казалась настолько обнадеживающей, что клерки архиепископского совета вскоре сформулировали основные пункты формального обвинительного заключения. Подробнее других этот эпизод рассказан у В. Т. Во (Sir John Oldcastle, p. 442—3) и К. Б. Мак-Фарлена (op. cit., p. 163).

[68] Foedera, IV, 2, p. 44.

[69] Hoccleve, p. 17.

[70] Первый вызов Олдкаслу на суд имел место 5 сентября, второй — 11 сентября. Вызовы были преданы гласности: их прибили на дверях соборов в Мэдстоуне и Рочестере. Лишь 23 сентября в соответствии с письменным распоряжением короля лорд Кобхем был арестован и оказался под стражей у коменданта Тауэра.—Bale, p. 241 ff; FZ, p. 437.

ней его, несомненно, встретили бы и поддержали верные единомышленники. Наконец, хорошо знакомый Уэльс и пограничные с ним графства также предоставили бы ему достаточно безопасный приют, в чем легко убедиться, знакомясь с маршрутами странствий в 1414-1417 гг. Очевидно, не личного спасения искал «глава секты». Как нам кажется, уже в конце августа—сентябре 1413 г., когда враждебная позиция короля стала непреложным фактом, замысел заговора созрел у него, причем Лондону в грядущих событиях отводилось столь важное место, что потеря постоянной связи с ним представлялась существенной оплошностью. Исторические факты, характеризующие события последних месяцев 1413 г., дают немало для подтверждения этой мысли.

23 сентября, когда Олдкасл был доставлен Р. Морли, комендантом Тауэра, в собор св. Павла, где заседал во главе с архиепископом Эрунделом высший церковный трибунал Англии,[71] он хорошо подготовился к тому, чтобы разыграть затеянный его врагами публичный судебный «спектакль» с максимальной пользой для осуществления своих планов. Два документа[72] —составленная еще в июле 1413 г. «Христианская вера лорда Кобхема»[73] и «Заявление»,[74] зачитанное суду,—позволяют судить о том, что тактика, избранная им, была гибкой и глубоко продуманной. «Добрый лорд Кобхем» всячески стремится подчеркнуть свою верность христианской религии и «символу веры». Подобными заверениями открывается «Заявление»; развернутое, вполне богословски грамотное изложение основных положений никейского кредо дается Д. Олдкаслом и в «Христианской вере». В последнем произведении он декларирует свою верность социальным идеалам христианской церкви. Вполне в духе идеологов феодальной эпохи лорд Кобхем описывает обязанности трех сословий: священников, дворян и «общин». Долг людей, принадлежащих к последнему,—иметь «добрый разум» и «должное послушание» «служителям бога», «королям», «гражданским правителям». Он нарочито умерен и осторожен в вопросах, которые являлись предметом долгих споров между лоллардами и ортодоксами: признает существование чистилища

[71] Среди присутствующих судей были епископ Винчестера Генрих Бофорт и Ричард Клиффорд, глава лондонского диоцеза.—FZ, p. 437; Bale, p. 246.

[72] Тексты приводятся у Бэйла (p. 243-5, 246-7), в «Fasciculi...»; текст второго документа можно найти в подборке документов, составленной Дж. Г. Уоллером (J. G. Waller. The Lords of Cobham, their Monuments and Church.—«Archaeologia Cantiana» 1877, II, p. 95-6).

[73] «The Christian Belief of the Lord Cobham».

[74] Это название дано условно. В источниках речь идет о «бумаге» («paper», «bill»).

(«Христианская вера»), необходимость таинств христианской церкви (тем же). Принц еретиков подчеркивает, что верит в святость алтаря (оба документа). Формулировка его взглядов на то, что представляет из себя хлеб и вино после пресуществления, нарочито туманна и двусмысленна: «тело Христа в форме хлеба»[75] («Заявление»), «истинное христово тело и кровь под видом хлеба и вина».[76] («Христианская вера»). После этого в обеих случаях следует пассаж, смысл которого состоит в том, чтобы искусственно концентрировать внимание слушателей и читателей на близости его взглядов к ортодоксии, затушевав различие, имеющиеся в первой части фразы: «...того тела, которое родила пресвятая богородица, распятого на кресте, умершего и погребенного, и на третий день воскресшего от смерти к жизни».[77] Столь же осмотрителен Олдкасл при определении своей позиции в вопросе о покаянии («Заявление»). Совершенно ясно, что «глава секты» маскировал свои взгляды. Его задача состояла в том, чтобы в различных кругах населения, главным образом среди лондонских горожан, развеять впечатление о своем «богоотступничестве». Его умеренность и кротость выглядели, несомненно, очень привлекательно в глазах толпы, собравшейся поглазеть на суд и не очень искушенной в богословских тонкостях.

Следует иметь в виду, что проблема «общественного мнения» имела тогда отнюдь немаловажное значение. Прелаты отлично знали о сочувствии многих горожан лоллардам и надеялись без большого труда развенчать в глазах лондонцев покровителя еретиков, который не получил богословской подготовки. Они хорошо понимали, что провал лорда Кобхема будет разнесен и приукрашен тысячеустной молвой по всей стране. Поэтому, чтобы привлечь внимание к начинающемуся судилищу, духовенство провело торжественное шествие преступника из Тауэра в сопровождении коменданта крепости к собору св. Павла.[78] Сам выбор первой церкви Англии не являлся случайностью. Он преследовал цель подчеркнуть важность суда. Однако лавров церковные судьи не стяжали. Лорд Кобхем сочетал умеренность с твердостью. Это обнаружилось в первый же день суда, причем именно в тех самых вопросах, которые могли бы вызвать сочувствие у очевидцев. Уже в «Христианской вере» он недвусмысленно подчеркивает, целиком в духе доктрины Виклифа, что священнослужители «должны отказаться от всего мирского», «вести жизнь по апостольскому образцу, быть более умеренными и скромными, чем какое-либо другое сословие». Там же он указывает на божественный закон, изложенный в Библии, как на единственный авторитет в религиозных вопросах, и заявляет, что «для христианина вполне достаточно соблюдать его, чтобы спастись». Подтекст последнего замечания не может быть спорным: отрицание церковных законов и предписаний, далеко уходивших от «простых» норм Нового завета. Подобные же мотивы звучат и в «заявлении». Здесь Д. Олдкасл противопоставляет «добрую жизнь» по «заповедям Христа» поклонению иконам и паломничеству к «святым» местам. Он считает последние совершенно ненужными и вредными. Роскошь церковников, те немалые доходы, которые они собирали от святых мощей и иных реликвий, давно уже были «притчею во языцах» у английского народа, а поэтому смелость Д. Олдкасла в этих вопросах многое добавила к его популярности. Попытки судей навязать подсудимому свою волю не принесли успеха. Олдкасл или отказывался отвечать, или повторял заученные фразы из своего «Заявления». Архиепископу ничего не оставалось делать, как прервать заседание. Оно было вновь назначено только через день—25 сентября, т. к. на 24 число пришлось время воскресного отдыха. Перед закрытием судебного заседания архиепископ предложил Олдкаслу ответить на четыре вопроса, сформулированные Джоном Кэмпом, доктором церковного и светского права. Они требовали недвусмысленного ответа по вопросам о евхаристии, об исповеди, почитании икон и мощей, правах римского папы и его суффраганов.[79] Второе заседание происходило в доминиканском монастыре в Людгейте. Джон Олдкасл провел его в совершенно ином ключе, чем первое. Маскировка оказалась отброшенной. Суждения стали более определенными и резкими. Он явно «играл» на толпу, собравшуюся на галерее зала.[80] Было все: слезы, коленопреклоненная молитва и пламенные речи. Его ораторское искусство удачно подкреплялось изрядным числом библейских цитат. Читая протокольные записи, можно убедиться, что диспут с целой «толпой» (по терминологии Бэйла) епископов и богословов лидер лоллардов выдержал с честью. Он очень кстати обвинил одного из членов судебного трибунала теолога Джона Уайтхеда

[75] «...Christes body in form of bred».

[76] «...Very Christes body and blood under the similitudes of bred and wine.»

[77] Текст дан по «Заявлению». В «Христианской вере» формулировка несколько пространнее.

[78] Бэйл замечает, что Олдкасл был доставлен «in solemn form» (p. 240). Ср. FZ, p. 437.

[79] Bale, p. 248.

[80] Заключительное слово было обращено Олдкаслом именно к горожанам, собравшимся в зале суда.—Bale, p. 256.

(Whighthead) в том, что во время их разговоров в Кулинге тот совершенно отрицал присутствие Христа в гостии после произнесения заклятия.[81] Эта реплика не могла не быть оцененной по достоинству слушателями. 25 сентября Д. Олдкасл открыто провозгласил ложность законов римской церкви.[82] Прелаты церкви получили от него «лестный» для них эпитет «истинных антихристов».[83] Он заявил, вполне в духе писаний Пэрви, что церковь отравлена ядом, а потому лишена заступничества Христа. Когда же архиепископ его спросил, что он понимает под ядом, Д. Олдкасл ответил: «Ваши владения и маноры».[84] Он указал на распри и раздоры, вызываемые проповедниками римской церкви.[85] Монахи всех монастырей были им приравнены к фарисеям.[86] С большей резкостью, чем два дня назад, он обличал идолопоклонство и решительно отвергал не только мощи и иконы, но и поклонение кресту.[87] Апологетически звучат его высказывания о Виклифе.[88] Характерно, что, сосредоточившись на обличении церкви и насаждаемого ею культа, Д. Олдкасл по-прежнему был предельно сдержан в догматических вопросах. Его взгляд на евхаристию, как и 23 сентября, был искусно затушеван игрой двусмысленных слов и выражений.[89] Это делалось им, вне сомнения, с учетом психологии людей, которые занимали колеблющуюся позицию. Сдержанность в «святых» вопросах религии больше могла импонировать им, чем яростное обличение учения римской церкви. Подобной же тактической линии лорд Кобхем придерживался и на августовской встрече с королем. Он просил Генриха V поручить его дело суду из ста рыцарей и сквайров. Чтобы доказать правоту своих взглядов, он предложил выступить на поединке против любого бойца, которого предложит ему король. Подчеркивая свою верность законам бога, он наотрез отказывался подчиниться решению католических иерархов.[90] Олдкасл явно стремился зарекомендовать

---

[81] Bale, p. 250. Бэйл отмечает, что это замечание Д. Олдкасла вызвало ярость епископов, и они хором стали возражать ему.

[82] Bale, p. 248—9.

[83] Ib., p. 250, 252, 253.

[84] Ib., p. 252.

[85] Ib., p. 252.

[86] Ib.

[87] Bale, p. 254.

[88] «...Я заявляю здесь перед богом и людьми, что пока я не знал духовного учения его (Виклифа), я не мог избежать греха, но как только я научился посредством его бояться моего господа-бога—все, воистину, изменилось во мне».—Ib., p. 250.

[89] Он неоднократно повторял данные выше формулировки по вопросу об евхаристии.—Ib., p. 250, 253.

[90] J. Gaspey, op. cit., p. 189 ff.

себя в качестве нелицеприятного защитника христианства. Вот его последние слова, прямо через головы судей обращенные к зрителям: «Добрые христиане! Пусть божья любовь предостережет этих людей, ибо иначе погубят вас и приведут вас ослепленных вместе с собой в ад».[91] Лорд Кобхем дважды намекал на грядущее изменение существующего положения вещей в христианской церкви: он грозил судьям, что бог «сократит их дни»,[92] предрекал, что законы церкви—«по слову божьему»—«будут уничтожены».[93] Это не были пустые угрозы или абстрактный хилиазм, в чем враги лоллардов убедились через три месяца.

Несомненно, именно неблагоприятный ход дискуссии побудил архиепископа Эрундела прекратить настойчивые требования отречься и провозгласить судебное решение, обрекавшее Олдкасла на смерть. Церковь торжественно отлучала его и всех тех, кто решится защищать его заблуждения. Все кураты и приходские священники должны были огласить судебный приговор своей пастве, а отчет о том, как это сделано, довести до сведения архиепископа.[94]

Однако принять судебное решение для церкви оказалось намного легче, чем привести его в исполнение. Нельзя умолчать о том, что этот огромный политической важности документ слишком медленно двигался—даже для феодальной эпохи—по нисходящей лестнице церковно-бюрократического аппарата. Только 10 октября текст приговора получил лондонский епископ из архиепископской канцелярии, и лишь 23 октября приговор был отправлен герифордскому епископу. В конце ноября его текст получили деканы соборов в Шрусбери и Герифорде.[95] На прохождение бумаги повлияло, вероятно, решение короля отсрочить приведение приговора в исполнение.[96] Но тогда возникает вопрос: какими же соображениями руководствовался правитель государства, проявляя снисхождение к преступнику, вина которого была публично доказана? Может быть, Генрих V рассчитывал сломить волю Олдкасла, заставить его отречься от своих убеждений? Возможно... Но нам представляется не менее правомерной другая версия событий. Осуждение Олдкасла не прекратило борьбы

---

[91] Bale, p. 256.

[92] Вот более точный текст этого отрывка из речи Олдкасла: «Христос учил, что если дни ваши не будут сокращены, то едва ли кто-нибудь спасется. Поэтому внимательно поразмыслите над этим, так как бог сократит ваши дни».—Ib., p. 252.

[93] Ib., p. 249.

[94] Текст приговора см. у Бэйла (p. 255 ff.).

[95] Bale, p. 256.

[96] Ib., p. 257.

лоллардов. С юридической почвы она лишь сместилась в иные сферы. Вскоре после того, как владелец Кулинга был переведен из доминиканского монастыря в Тауэр, в различных районах столицы было распространено письмо.[97] Оно содержало обращение к «народу» (comen people). В нем утверждалось, что вопреки клевете врагов, лорд Кобхем полностью придерживается основных положений христианского вероисповедения, признает все таинства церкви необходимыми для спасения души. Он верит, что в святилище алтаря присутствует «истинное и правильное тело Христово в форме хлеба». Легко заметить здесь ту же линию, которая уже наблюдалась во время судебного процесса: настойчивое утверждение верности христианским идеалам, особенно—в тех конфессиональных вопросах, о которых хорошо был осведомлен каждый верующий. Главный еретик старательно драпировался в тогу христианского великомученика, несправедливо преследуемого князьями церкви. Вероятно, действия Олдкасла и его приверженцев имели успех. Примерно в это время[98] католические прелаты, выражаясь словами Бэйла, «состряпали подложное отречение (an abjuracion counterfayted) лорда Кобхема и распространили его».[99] Как в нем утверждалось, Олдкасл, раскаявшись в своих «ересях», признал право римского папы «управлять всеми христианскими людьми», а также непререкаемый авторитет других членов католической иерархии. Акцент на этих вопросах ясно показывает, что в большей степени, чем конфессиональные, церковно-политические проблемы волновали руководителей английского клира. Именно в политике, а не в абстрактных теологических формулировках, они ожидали раньше всего уступок от главы лоллардов.

Зачем понадобилось опубликование этой фальшивки? Разве не является вопиющим противоречием то, что, отправив Олдкасла на костер, архиепископская канцелярия тотчас начала распространять документ, из которого явствовало, что он принес покаяние и, следовательно, избежал в соответствии с нормами действовавшего канонического права уготованной ему лютой казни? Ответ, на наш взгляд, может быть только один: церковь и Генрих V, осудив Олдкасла, не решились сжечь его и оказались вынужденными прибегнуть к маневрам. Король отсрочил казнь, церковники задержали обнародование приговора и постарались распространить версию о раскаянии лорда Кобхема, чтобы, как замечает Бэйл,

[97] Текст письма опубликован Бэйлом со следующим знаменательным примечанием «ex vetusto Exemplari Londiniensium».

[98] Бэйл утверждает, что это случилось после распространения лоллардами «письма», хотя никаких данных в пользу этого не сообщает (p. 257).

[99] Текст смотри Bale, p. 257-58.

«затуманить» глаза неученого большинства.[100] Эти меры являлись вынужденными. Они были продиктованы той трудной обстановкой, которая сложилась в стране, особенно в столичном районе. Олдкасл не был изолирован. Из Тауэра он поддерживал связи со своими сторонниками. Бэйл прямо говорит о том, что «письмо» к народу было инспирировано вождем секты. Возможно, он сам подготовил текст письма, который его друзья отредактировали и размножили.[101]

Согласно слухам, циркулировавшим в Лондоне, 100000 человек были готовы взяться за оружие, чтобы спасти от гибели своего вождя.[102]

Церковный совет, собравшийся 20 ноября 1413 г., был взволнован слухами о готовящемся мятеже.[103] 4 декабря Генрих поручил арестовать «нескольких лиц» рыцарю Элиасу Лайвиту (Lyvet).[104] Весьма показательно и то, что королевский совет избрал Лейстер, а не Лондон для проведения очередного парламента. Его созыв намечался на 29 января.[105] Как указывает Фокс, выбор места определялся страхом короля перед лондонскими горожанами, которые «очень благосклонно относились к лорду Кобхему».[106] Наконец, веским доказательством большого политического влияния в этот промежуток времени Олдкасла и его сторонников является дерзкий побег опаснейшего преступника из Тауэра.[107] Он совершился, как полагает большинство исследователей,[108] во вто-

[100] Bale, p. 259.

[101] Текст Бэйла, к сожалению ,весьма не ясен именно в этом ответственном месте. Он пишет, что Олдкасл из Тауэра «послал тайно своим друзьям, а они по его просьбе написали это маленькое письмо (bill) и распространили в различных районах Лондона» (p. 257). Но что именно писал Олдкасл из Тауэра—текст письма или предписание составить таковое, остается неясным.

[102] DNB, XIII, p. 90.

[103] Предполагалось, что мятеж произойдет в начале декабря 1413 г. — W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 648.

[104] CCR, 1413-9, p. 114.

[105] Данный факт, как справедливо отмечал Т. Гэспи, свидетельствует о подозрениях в отношении готовящегося заговора, которые существовали у короля (I, p. 254).

[106] Foxe, III, p. 339-40.

[107] GrCh, p. 91.

[108] Лишь Дж. Тэйт полагает, что побег произошел раньше 10 октября. Однако документ, содержащий обвинение Уильяма Парчминера в содействии побегу Олдкасла из Тауэра, указывает 19 октября, как день, когда совершилось это событие.—W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 648. Также думает Дж. Рамзей (Lancaster, I, p. 178). К. Б. Мак-Фарлен предпочитает другую дату—16 октября (p. 166). Ч. Омэн—14 октября (p. 236—7). И Во, и Мак-Фарлен сообщают, что 28 октября королевская канцелярия издала прокламацию, запрещавшую жителям страны давать беглецу кров и пищу. Последний факт служит косвенным подтверждением того, что побег произошел в более позднее время, чем первая декада октября или первая половина этого месяца.

рую декаду октября. Беглец был укрыт в одном из предместий Лондона—Смитфилде—в доме переплетчика и торговца книгами Уильяма Фишера, где и прожил более полутора месяцев, вплоть до роковых событий 8 января 1414 г.[109] Вряд ли бегство Олдкасла из самой надежной тюрьмы феодальной Англии, тем более пребывание на конспиративной квартире, фигурально выражаясь, под боком у церковных властей и короля были бы возможны без помощи большого количества сторонников в Лондоне. Следует учесть, что, скрываясь в доме смитфилдского торговца книгами, он не просто прятался, но вел работу по подготовке восстания. А она была немалой, о чем свидетельствуют планы заговорщиков. Двадцать тысяч людей[110] из разных мест Англии—Бристоля, Лейстера, Дерби, Честера, даже Йорка[111] —предполагалось собрать близ стен столицы на поле св Джайлса,[112] чтобы дать бой прелатам и выступившему в их защиту Генриху V. Основной контингент собираемой армии должны были составить лондонцы. Рождественские торжества, по расчетам заговорщиков, могли бы притупить бдительность королевских шпионов. Это увеличивало возможность для нанесения внезапного удара по резиденции правящего монарха в окрестностях Лондона. Предполагать, что этот план руководитель движения выдвинул после его выхода из Тауэра и привел в жизнь за 70 дней— в полной тайне, при усиленной слежке церковных и королевских шпионов—абсурдно: срок слишком мал для средневековой Англии и ее тогдашних средств связи. За такой промежуток времени он мог только внести в план отдельные уточнения, назвать дату восстания и разослать приказ о выступлении отдельным руководителям групп. Принципиальные же вопросы, связанные с подготовкой военного переворота, были разработаны заранее.

Поскольку лондонские приверженцы лорда Кобхема являлись основной ударной силой, Д. Олдкасл в ноябре—декабре упорно оставался в самом на первый взгляд «неудобном» месте —в столице, уверенный в своей безопасности благодаря многочисленности здесь своих приверженцев, которые сумели сделать так, что до критического дня 8 января ничто не угрожало их вождю.

---

[109] ML, p. 641.

[110] Цифра 20 тысяч человек приводится в официальных документах.—Foedera, IV, 2, p. 92, 101. Отсюда она перекочевала в хроники. Д. Стау называет даже 25000 человек (p. 500—1).

[111] См. «карту—схему № 2.»

[112] Летописцы сообщают, что поле св. Джайлса отстояло на одну милю от стен столицы. См., например, CrCh, p. 91.

Когда размышляешь над смыслом той смелой игры, которую вел Джон Олдкасл на судебных заседаниях, и событиями, последовавшими тотчас после его осуждения, трудно отказаться от мысли, что возможность освобождения из Тауэра отлично учитывалась главой секты уже в критические для него дни 23—25 сентября. Весь «спектакль» в суде руководители заговора недурно использовали как важный этап агитационной подготовки мятежа. Кротость и лойяльность к королю Д. Олдкасла понадбилась, чтобы ослабить бдительность церковных и государственных органов.

Программа подготовляемого мятежа нам известна лишь из тех документов, которые вышли из-под пера клерков государственных учреждений.[113] Хронисты — как католического, так и протестанского лагеря—ничего существенного не добавляют к официальной версии.[114] Заговорщики, судя по этим источникам, намеревались «полностью уничтожить как звания и должности прелатов, так и духовные ордена в королевстве Англии» (...quam statum officium Praelatatorum necnon ordines Religiosorum infra dictum Regnum Angliae penitus adnullare). Богатства церкви подлежали конфискации. Старый клир заменялся новым —теми людьми, которые разделяли виклифитские убеждения. Все ниценствующие монахи изгонялись из страны (omnis in exilium frater paupericulus iret). В планы руководителей лоллардов входила расправа с королем и его братьями, прелатами и магнатами государства.[115] Лорд Кобхем собирался стать регентом. Главным требованием в «программе Олдкасла» был захват государственной власти, как единственного условия для проведения желательных лоллардам преобразований. Пацифистские идеи Пэрви оказались отброшенными под влиянием практических условий развернувшейся борьбы. Олдкасл и его сторонники осознали, что отбить атаку врагов можно лишь оружием. Вместо

---

[113] Наиболее точное изложение замыслов лоллардов мы нашли в хартиях о помиловании, выданных королевской канцелярией участникам движения (в частности Джону Лэнгекру из Викомба).—Foedera, IV, 2, p. 77—77, 100—1. Кое-что добавляют к ним «De Proclamatione facienda contra Johannem Oldcastel».

[114] Мы пользовались летописями Т. Уолсингема (HA, II, p. 297), Джона Хардинга (Hardyng, p. 371—2), Кэпгрейва (p. 112—3), Д. Стреча (p. 14—5), Тита Ливия (p. 6—7), HE (p. 363), MH (p. 22—68), 82—83, 26—7), Брэта (p. 373), Julius B II, (p. 69), анонимной хроникой Лондона (ChL, p. 97), хрониками Грегори (p. 107—108), Davies (p. 39), Фабиана (p. 441), Грэфтона (p. 508), Холла (p. 48), GrCh (p. 91), Стау (p. 560—1), летописца монастыря в Кроиленде (CC, p. 499).

[115] Лишь небезизвестный Джон Росс в своей «Истории жизни Ричарда Бьючемпа, графа Уорвика», утверждает, что смерть не грозила принцам ланкастерского дома. Заговорщики, якобы, стремились только к тюремной изоляции короля.—HE, p. 363.

просветительства ими было предложено военнополитическое решение вставших неотложных проблем. Являлось ли подобное решение авантюрой или оно имело под собой какие-либо основания? У историков нет на этот счет единого мнения.[116] Если среди летописцев XV в. и у большинства авторов последующих столетий не было сомнений в серьезности опасности, угрожавшей второму Ланкастеру со стороны лоллардов, то в настоящее время широко распространилось скептическое отношение к заговору Олдкасла.

Наиболее аргументировано и последовательно изложил негативное отношение к планам Олдкасла К. Б. Мак-Фарлен. По его мнению, источники XV столетия преувеличили численность мобилизованных Д. Олдкаслом бойцов. Число участников восстания равнялось не 25000 человек,[117] а едва ли превышало полторы тысячи.[118] Среди людей, явившихся к Лондону для борьбы с королем, почти не было лиц, искушенных в воинском деле. Поэтому они не могли сражаться с королевскими рыцарями.[119] Он обращает внимание на то, что мятежники пошли в поход на Лондон, получив плату, как наемные солдаты.[120] Наконец, не все лолларды примкнули к Олдкаслу: в числе привлеченных к ответственности нет ни Тэйлора, ни Вича.[121] Вывод его[122] категоричен: «...the response to Oldcastle's appeal was miserable small». В суждениях К. Б. Мак-Фарлена много спорного. Конечно, официальные документы и летописцы преувеличили численность того войска, которое собралось под стенами Лондона, но следовало бы пояснить, как сложилась эта версия. Очевидно, она основывалась на показаниях самих участников восстания, сделанных в ходе следствия. Отсюда сведения попали в полученные ими хартии о помиловании[123] и стали достоянием летописцев. Следовательно, рядовые заговорщики и вожаки повстанческих отрядов считали эту цифру вполне реальной. Участники восстания ввели в заблуждение судей невольно, ибо и сами оказались дезинформированными своими вождями, которые ради поднятия их боевого духа называли это нереальную для военных действий того времени цифру. Совершенно ясно, что такой опытный в военных делах человек, каким являлся владелец замка Кулинг, не мог надеяться скрытно сосредоточить в окрестностях столицы такое огромное количество бойцов. Появление на дорогах к Лондону больших масс вооруженных людей с фатальной неизбежностью было бы замечено, а, следовательно, привело бы к срыву основного фактора стратегического замысла руководителей восстания—внезапности.

Допустим даже, что К. Б. Мак-Фарлен был прав, на поле св. Джайлса собралось бы при благоприятном стечении обстоятельств около 1500 человек, тем не менее мощью этих сил нельзя пренебрегать: едва ли королевские слуги, застигнутые врасплох, сумели бы отразить внезапный натиск такого вооруженного отряда. Когда в 1400 г. небольшая дружина графа Солсбери и др. готовилась атаковать Виндзорский замок, Генрих IV счел за лучшее не искушать судьбу и укрылся в Лондоне под охраной городского ополчения. Кроме того, нельзя преувеличивать, как это делает К. Б. Мак-Фарлен,[124] осведомленность ведущих следствие судебных органов. Какая-то часть участников заговора осталась вне подозрения судей. Порукой тому—отличная конспирация, проявленная руководителями восстания: их план был раскрыт шпионами буквально накануне решающих событий.[125] Умению скрывать свои замыслы лолларды научились за долгие годы гонений.

Нельзя принять всерьез и такой аргумент К. Б. Мак-Фарлена в пользу слабости движения, как отсутствие в рядах повстанческой армии Вича и Тейлора. Вероятно, причины к тому могли быть совершенно иные, чем несогласие с действиями Олдкасла: неумение владеть оружием, забота об этих людях, являвшихся идейными руководителями движения, и т. д. Кроме того, оценивая масштабы «лоллардистской опасности», нельзя не учитывать огромной территории, ставшей базой для движения. Многочисленные контингенты повстанцев прибыли из центральной Англии, Эссекса, бассейна Темзы, даже из западных районов страны.

---

[116] Мы, естественно, не учитываем здесь точку зрения протестантских апологетов, начисто отрицавших всякие действия лоллардов против правящего монарха, или Т. Гэспи, который признавал существование заговора, но отрицал участие в нем Д. Олдкасла.

[117] Число заговорщиков, отмечает К. Б. Мак-Фарлен, «было дико преувеличена хрониками» — «were wildly exaggerated by the chronicles» (op. cit., p. 168).

[118] Ib., p. 176.

[119] Ib., p. 169.

[120] Ib., p. 177.

[121] Ib., p. 179.

[122] «Отклик на обращение Олдкасла был ничтожно мал...»—Ib., p. 176.

[123] См., например, упоминавшуюся уже выше хартию о помиловании Лэнгекра.

[124] См., например, стр 176 его книги.

[125] Один из них, Томас Бартон, получил мзду в размере 5 ф. ст. Другой плотник, Джон de Burgh—десять марок ежегодно от доходов графства Норфолк, так как «он обнаружил различные изменнические замыслы против его величества короля определенных лиц, в просторечии называемых лоллардами».—CPR, 1413—6, p. 157.

Большой отряд подошел из Бристоля, немалое число людей прислал Оксфорд и т. д. В районах, откуда прибыли повстанческие отряды, надо полагать, кто-то оставался в резерве: заговорщики не могли предполагать, что с захватом королевской семьи закончится борьба за власть. События ближайших лет показывают, что резервы у руководства лоллардов были. Современник событий Роберт Рэдмен очень высоко оценивал авторитет Олдкасла среди «всех сословий».[126] Беда Олдкасла отнюдь не в том, в чем стремится ее найти К. Б. Мак-Фарлен. Лорд Кобхем в 1413-14 г г., как и в последующие годы, мог расчитывать на значительно более внушительный «ответ» на свою агитацию, если бы он и его помощники действовали иначе. Основную часть участников движения составляли различные слои трудящихся английских сел и деревень.[127]

Однако дворяне Олдкасл, Эктон, Толбот, готовившие заговор, не осознали этого, или, поняв, не захотели использовать. Не поддержка народа была слаба, плохо использовали ее «глава секты» и его ближайшее окружение. Они пытались руководить народным движением чисто феодальными методами. Вместо организации массового восстания руководители секты пошли по пути типичного феодального путча. Создавая армию ремесленников и крестьян, они действовали так, как если бы они собирали дружину для похода на Францию, применяя ставшую традиционной в годы Столетней войны систему «вассалов по договору»—retainders by indenture.[128] При всей тенденциозности Уолсингема в его описании процедуры вербовки бойцов для армии Олдкасла очень четко оттенены просчеты и самого вождя и его помощников «как рыцарей, так и сквайров, которые (замечает летописец) не были

[126] MH, p. 17: «Tanta fuit illis temporibus apud omnes ordines Cobhami gratia tantumque valuit auctoritate, ut rescriptum principis contra salutem optimi militis nihil efficere posset...».

[127] Э. Рейд, Е. Ф. Джекоб, К. Б. Мак-Фарлен, Дж. Э. Ф. Томсон собрали в английских архивах немалое число сведений, подтверждающих это положение. Е. Ф. Джекоб считает, что среди бойцов армии Д. Олдкасла преобладали ремесленники (Henry V, p. 52). Солидарный с ним в этом пункте К. Б. Мак-Фарлен особо выделяет роль ткачей и других рабочих суконной мануфактуры (op. cit, p. 169). Английское «простонародье» более активно, чем люди высших сословий, поднималось на борьбу. Интересный факт приводит по этому поводу К. Б. Мак-Фарлен: некий Томас Тикхилл из Эстон-эпон-Трент (Дербишир), наняв для похода в Лондон четырех человек, сам предпочел остаться дома (op. cit., p. 174-5).

[128] Подробное описание этой системы дает A. F. Prince в своей статье: «The Indenture System».—«The Historical Essays in Honour of James Tait», ed. by J. E. Edwards, V. H. Galbraith, E. F. Jacob, Manchester, 1933, p. 283 ff.

бедными»: «...Повсюду разбежались послы лоллардов, которые приманивали обещаниями необычно большого жалования сельских жителей и других, кого могли, быть готовыми в определенный день, который будет им назначен, к тому, чтобы восстать вооруженными и исполнять воинскую службу. Многим незнавшим, которые спрашивали, за что или во имя чего они должны сражаться, было отвечено, чтобы они не заботились об этом, поскольку они получают такое большое жалование и за труды их ожидает обильное вознаграждение...»[129] В данном случае сент-олбенский летописец несомненно несколько односторонен, преувеличивает и финансовые возможности сторонников доброго лорда Кобхема и неразборчивость «послов» лоллардов.

В другом варианте хроники подчеркивается популярность идей заговорщиков[130].

Просчет эмиссаров Олдкасла состоял в отсутствии массовой агитации, ясных лозунгов, способных поднять массу. Даже фанатичные еретики при практикуемой «послами» Олдкасла системе найма из борцов за свои убеждения превращались в наемных солдат барона Кобхема. Именно несоответствие народному в своей основе движению феодального руководства и применяемых им методов привело к трагическим последствиям, значительно облегчив задачу церкви и феодального государства. В этом, хотя и не единственная, но важная причина быстрого и сокрушительного провала заговора.

События в начале января 1414 г. развивались стремительно. Какие-то сведения о готовящемся нападении на свою семью Генрих V получил 5 января. На их проверку и уточнение пришлось потратить сутки (6 января). Поскольку донос получил подтверждение, 7 января королевская канцелярия направила секретное письмо шерифу Кента.[131] Оно содержало «строгий приказ под страхом наказания» сделать оповеще-

[129] ACh, p. 76-77: «...discurrabant undique lollardorum nuncii qui rurales et quoscunque poterant excessivis promissis stipendiis allectarent quatinus in certum diem, eis denunciandum, parati forent ad standum viriliter et actus marcios peragendum. Multis ignaris querentibus causam pro qua vel in qua certare deberent, responsum fuit non esse curandum dum modo stipendia largo reciperent et pro meritis affluenter remunerandos proculdubio se sperarent».

[130] HA, II, p. 199. Здесь обращено внимание на то, что огромная награда, назначенная за поимку Олдкасла, не помогла его схватить, «...из чего можно заключить, что его безрассудства высоко ценились почти всем отечеством.»

[131] CCR, 1413-9, p. 114.

ние на подведомственной ему территории, чтобы «ни один человек, какого бы он не был сословия и звания, ни под каким видом не организовывал и не проводил собраний и запрещенных законом сборищ и не принимал участия в них под страхом лишения головы и членов». Шерифу предписывалось арестовывать каждого, кто попытается поступить вопреки данному приказу.Столь чрезвычайные меры мотивировались тем, что лолларды «намереваются организовать подобные собрания в различных частях королевства». Последняя фраза, кажется, убедительно свидетельствует о том, что место и время намечавшегося штабом заговора нападения еще не стали известными королевскому двору.

Копия письма шерифу Кента была направлена во все области и города Англии.[132] Одна из них пришла в Лондон. Очевидно,[133] она послужила толчком к тем решительным действиям, которые предприняли мэр и шерифы столицы. В 10 часов вечера, производя облаву, городские власти близ Бишопс Гэйт, в доме, принадлежавшем плотнику Джону Бэргейву, задержали семь человек, кроме домохозяина. Один из арестованных оказался сквайром лорда Кобхема.[134]

Задержанные были тотчас отправлены в манор Илсем,[135] где королевский двор предавался рождественским празднествам. Они-то и выдали план заговора.[136] 8 января[137] Генрих V с братьями, архиепископом Эрунделом, епископом Норича и многими другими лордами прибыл в Лондон.

Не теряя времени, он собирает там вооруженные отряды, блокирует все коммуникации, ведущие из Лондона в окрестные районы и, прежде всего, заставляет мэра и олдерменов ввести на территории столицы осадное положение.[138] Последняя мера стала решающей. Как и в других народных восстаниях Англии, позиция лондонских властей и стоящей за их спиной торгово-ремесленной верхушки предопределила судьбу «заговора Олдка́сла». Ни один человек из «многих тысяч»,

---

[132] Ib., p. 115.

[133] Мы не можем утверждать этого с большой уверенностью, так как Д. Стау не называет дату описываемых событий.

[134] Stow, p. 560.

[135] Eltham—манор в 7 милях от Лондона.

[136] Stow, p. 560—1. Утверждение К. Б. Мак-Фарлена (p. 167), что арест Бэргейва и других, а следовательно, и разоблачение планов лоллардов произошло 5 января, опровергается текстом цитированного выше королевского приказа (CCR, 1413-6, p. 114).

[137] Эту дату называет анонимный лондонский хронист (ChL, p. 97).

[138] Livius, p. 6-7; Stow, p. 561.

ожидавшихся на поле св. Джайлса, в ночь с 8 на 9 января[139] не смог проникнуть туда. Опираясь на собранные им за сутки вооруженные отряды, король рассеял те группы повстанцев, которые порознь приближались к стенам Лондона.[140] Многие из военных отрядов, получив известие о готовящейся расправе, рассеялись, другие были задержаны на пути следования местными властями. Напомним, что приказ о борьбе с незаконными сборищами был распространен 7 января.[141] Многие повстанцы были убиты в ночных стычках, во время погони за ними.[142] Немалое число их попало в плен.[143] Последователи казни,[144] Их было так много, что королевские чиновники соорудили специальный эшафот.[145] Однако среди захваченных не оказалось Дж. Олдкасла. Специальное письмо короля, датиро-

---

[139] Это время называет Е. Ф. Джекоб (The Fifteenth Century, p. 131). К. Б. Мак-Фарлен называет другую ночь, с 9 на 10 января (p. 167). Мы считаем более правильной датировку Е. Ф. Джекоба. Едва ли Генрих V готовивший внезапный контрудар по заговорщикам, дезавуалировал свои намерения за сутки до начала мятежа. Это дало бы время Олдкаслу для принятия ответных мер. Та пятница после праздника св. Эпифана (он отмечается 6 января), о которой говорится в официальных документах, изданных после разгрома заговора (Foedera, IV, 2, p. 101), приходилась на 9 января 1414 года.

[140] Король под покровом ночи вышел из Вестминстера и расположился «возле госпиталя св. Иоанна Крестителя» (Strecche, p. 15) на «Fikettis feld», (Davies, p. 39; MH., p. 22; Livius, p. 7). О разгроме повстанцев подробнее других повествуется в хрониках Livius, p. 6—7; Strecche, p. 14—5.

[141] По-видимому действиями местных властей объясняется отсутствие на поле св. Джайлса контингентов из Кента, Серри.

[142] Strecche p. 14—5; Livius, p. 7. Последний хронист пишет: «...Собрав и вооружив некоторые отряды, напал на тех (еретиков—Е. К.) и без большого труда победил, взял, истребил (их) и приковал захваченных к кресту и продержав несколько дней своих врагов в оковах, учинил им достойную казнь» (convocatis armatisque nonnullis turmis eos agressus nulla pene vi devicit, cepit, occidit, affixitque captos cruci, ductoresque suos nonnullos dies in vinculis detentos digno affecit supplicio).
Р. Рэдмен, единственный из современников, дает другую версию поведение «славнейшего английского короля»: он снисходительно позволил бежать многим из повстанцев, бросивших оружие, лишь некоторые погибли в сражении (nonnulli in bello et certamine occiderunt).—MH, p. 23.

[143] Фабиан сообщает что было схвачено 30 человек (p. 441), Стау—69 человек (p. 561). Позднейшие изыскания увеличили именной список до 80. —J. A. E. Thomson. The Later Lollards.., p. 6.

[144] 13 января было казнено 37 человек (ChL, p. 97, Stow, p. 561), 19—еще четверо (Stow, p. 561). Отдельные летописцы называют иные цифры: всего в январе нашли смерть от рук королевских палачей 28 человек (MH, p. 23), казнено 38 еретиков (Gregory, p. 108); 39 лоллардов взошло на эшафот 13 января (GrCh, p. 91). Казни продолжались и позднее: в частности, 10 февраля расстался с жизнью Рожер Эктон (Stow, p. 561). См. также GrFr,p. 12.

[145] Strecche, p. 15.

ванное 10 января, обещало крупную награду за его поимку.[146] Однако обещания награды не помогли. Еще четыре года — вплоть до декабря 1417 г.—глава лоллардов, скрываясь, продолжал борьбу. В 1415 г. его видели на западе, в родных местах между Шрусбери и Освестри.[147] Задержался он и среди воспетых Лэнглендом Мальвернских холмов[148]. Именно в это время его едва не схватили люди Ричарда Бьючемпа, лорда Эбергавенни. Они не остались без трофеев: были захвачены несколько человек из его свиты, а также открыт тайник с деньгами и другими ценными вещами.[149] Существуют данные, позволяющие предполагать наличие связей у Олдкасла с «саутгемптонским заговором».[150]

Он интриговал с шотландскими феодалами, думая еще раз поиграть с тенью Ричарда II.[151] Его посредник Томас Уорд из Трэмпингтона, иначе—Thomas Trumpingtone, один из последних преданных слуг погибшего короля, обещал шотландскому барону Уильяму Дугласу три тысячи фунтов стерлингов за поддержку. Сент-олбенский летописец сообщает, что Дуглас, находившийся в марте 1417 г. в Англии, дал согласие на переговоры с лордом Кобхемом и их встреча состоялась близ Понтефракта.[152] О том, что шотландская опасность представлялась английским политическим деятелям реальной, свидетельствует Томас Элмхем. Рассказывая об объединении недругов английского королевства—еретиков внутри страны с шотландцами и валлийцами извне, он указывает на подготовляемое шотландскими дворянами нападение на пограничные крепости Бервик и Роксбург. Чтобы отразить предполагаемое вторжение, было собрано на берегу реки Трент ополчение простолюдинов и церковной милиции невероятной численности—100000 человек: «Plebs et militia clero sunt millia centum; Anglorum turmis limite Trenta stetit». Среди командиров отрядов летописец выделяет герцога Экзетера и архидиакона Ричмонда. Даже архиепископ Йорка собрал вооруженный отряд из многих тысяч бойцов.[153] К сожалению, хроника не позволяет точно датировать время этих военных приготовлений. Из ее текста ясно лишь одно: «страх перед богом» и решимостью англичан заставил их северных соседей бежать, отказавшись от агрессивных замыслов.

Лорд Кобхем зондировал также почву в Уэльсе, где еще продолжали тлеть угли потушенного пожара народного восстания. О свидании его осенью 1416 г. с Гриффитом эп Оуэном сыном Оуэна Глэндоуэра, сохранились известия. В рождество 1416 г. его сторонники покушались на жизнь Генриха V в Кенильворте. Спасаясь от погони, Д. Олдкасл исколесил Мидленд, юг и запад страны, скрывался в доме крестьянина в Сент-Олбенсе,[154] но особенно часто дороги странствий приводили его в родные места: установлено, что в третьем квартале 1417 г. он 5 раз посетил родовое имение Олмели.[155] Однако, интриги, которым Д. Олдкасл уделял столь много внимания, не принесли ожидаемых плодов. Все глубже и глубже втягивался он в феодальные распри, все дальше и дальше уходил от народа—единственной силы, способной придать мощь возглавляемому им движению, превращаясь в заурядного авантюриста.

В 1417 г. наступила неизбежная развязка. После яростной потасовки лорд Кобхем был захвачен людьми Эдуарда Черлетона, лорда Пауиса (Powis),[15] близ Уэшпула.[157] Вско-

---

[146] Конкретно: 1000 ф. ст. тому, кто его поймает; 500 марок (333 ф. ст.) тому, кто поможет задержать. А город или деревня, задержавшие его, навсегда освобождались от налогов.—Foedera, IV, 2, p. 61; CCR, 1413—9, p. 106. Обещание такой же награды содержалось в письме короля, датированном 23 января 1417 г.—CPR, 1416—22, p. 83.

[147] ACh, p. 88—9.

[148] DNB, XLII, p. 91.

[149] Июль 1415 г.—HA, II, p. 306; GrCh, p. 92, ACh, p. 89.

[150] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 11.

[151] О том, что Ричард жив, находится в Шотландии и является его истинным сувереном, Олдкасл заявил на заседании парламента во время суда над ним в 1417 г.—Stow, p. 581—2.

[152] MH, p. 150; HA, p. 325. Как установили поздейшие историки, слуги лорда Кобхема, в частности его секретарь Т. Пэйн, готовили побег наследника шотландского престола Джемса из Виндзора. —DNB, XLII, p. 92. J. A. F. Thomson, The Later Lollards..., p. 17.

[153] «Archiepiscopus hic Eborci praesto notatur, cum cuneis cleri millia plura parans. Hic pater, ut patriam defenderet, arma paravit».—MH, p. 151—2.

[154] ACh, p. 103; HA, II, p. 317, 326. В начале 141 7г. его едва не схватили слуги сент-олбенского аббата в доме монастырского держателя. «Вождь неверных» бежал, но в руках преследователей оказались принадлежавшие ему еретические книги, написанные по-английски (libri in Anglicis scripti litteris).—HA, II, p. 326. См .также MH, p. 17.

[155] H. G. Richardson, John Oldcastle in Hiding, 1417. — EHR, 1940, IV, p. 432—8.

[156] Список лиц, которым удалось арестовать неуловимого лорда, можно найти в одном письме, опубликованном Г. Эллисом. (Ellis's Letters on English History, second series..., p. 86). Среди захвативших его — все валлийцы. Из них два дворянина — сыновья рыцаря Гриффита Вогена (Vaughan). Подробно о стычке, закончившейся арестом Олдкасла, рассказали Д. Кэпгрейв (p. 122) и Т. Элмхем (MH, p. 156—8). Элмхем, в частности, сообщает, что судьбу поединка между бароном Кобхемом и дружинниками лорда Пауиса решил удар по затылку, который нанесла вожаку лоллардов хозяйка постоялого двора.—MH, p. 158.

[157] Strecche, p. 15.

ре он был доставлен в Лондон.[158] В один и тот же день осужден парламентом и сожжен.[159] Перед казнью он отказался исповедоваться католическому священнику. Это произошло 14 декабря 1417 г.[160]

Движение лоллардов еще теплилось, их выступления имели место в различных местах Англии зимой и весной 1414 г., о чем рассказывает одна из петиций парламента 1414 г.[161]

Накануне рождественских торжеств 1416 г., когда Джон Олдкасл готовил против Генриха V засаду в Кенильворте, в Сент-Олбенсе, Ридинге, Нортгемптоне было, как отмечает Уолсингем, распространено большое количество «scedule Lollardorum», направленных против церкви. Основным требованием сторонников лорда Кобхема, если верить бенедиктинцу из Элмхема, явилось возвращение земельных владений и движимого имущества церкви их законному собственнику—королю.[162] Несколько раньше, в августе, в Лондоне удалось задержать троих, распространявших прокламации, в которых находились призывы конфисковать церковные земли, а также утверждалось, что Ричард II живет в Шотландии. Казнь одного из них Бенедикта Вулмена последовала в конце сентября.[163] Джон Кэпгрейв и Томас Элмхем сообщают о Генрихе Грейндоре, глашатае Олдкасла, доставившем королю билль с требованием «взять в собственные руки все земли духовенства», так как они по праву принадлежат ему. Король отдал приказ бросить посланца лорда Кобхема в тюрьму.[164] Но эти отдельные вспышки активности быстро гасли. И неудивительно... На головы еретиков обрушились, начиная с 1414 г., жесточайшие гонения, которых Англия еще не знала. В них принимали участие не только церковь,[165] но и феодальное государство. «Statutum contra Lollardos»,[166] принятый парламентом в Лей-

---

[158] Приказ о его быстрой доставке в столицу датирован первым декабря 1417 г.— CPR, 1416—22, p. 145.

[159] О последних событиях жизни Олдкасла сообщают все хронисты того времени.—HA, II, p. 327, Livius, p. 218—26, Strecche, p. 15 ff.; MH, p. 158.

[160] Stow, p. 582. О расследованиях, проводившихся по поводу его земель казначейством, сообщают приказы короля, направленные 15 декабря 1417 г. в Герифордшир и 14 января 1418 г. в Кент (CCR, 1416—22, p. 146, 148).

[161] SR, p. 186—7.

[162] Дословно: «...ab Ecclesia bona quaeque terrea possessa jure resumat ei».—MH, p.147; HA, II, p. 317.

[163] HA, II, p. 317. См. также MH., p. 151.

[164] Capgrave, p. 121; см. также MH., p. 147.

[165] Резко активизировали свою деятельность, направленную против еретиков, даже иерархи английского севера, например, дэремский епископ, хотя лоллардизм был там мало влиятелен.—Langley, p. 46—8; 51—2.

[166] SR, p. 181—184.

стере весной 1414 г., требовал, чтобы все чиновники короля—от канцлера до мирового судьи графства—приносили клятву сделать все от них зависящее для борьбы с ересью. Преследование лоллардов должны были вести судьи и администрация государства, как если бы они являлись государственными изменниками. Принципиально новым в этом законе являлось то, что светские власти получили полную возможность вести дела о лоллардах и их покровителях, преследуя и наказуя, а не только карать их, как было прежде. Им же вменялось в обязанность осуществлять предлагавшиеся статутом конфискации имущества преступников.[167] Согласно другому статуту была создана специальная комиссия по борьбе с мятежом.[168] Неудивительно, что сожжения еретиков и казни «изменников» посредством повешения или отсечения головы перестали быть редкостью в те годы. Так, хроникальные записи за 1415 г. бесстрастно повествуют о гибели в Лондоне скорняка Джона Клэйдона, булочника Ричарда Тэрмина.[169] Тогда же окончил жизнь на эшафоте и Уильям Парчминер, способствовавший побегу Олдкасла из Тауэра 2 года назад.[170] В 1416 г. «конвокация» слушала дела капеллана Олдкасла Роберта Чэпела[171] и Джона Бэртона (Burton). Позднее последовали процессы над такими видными идеологами ереси, как У. Джемс, У. Тэйлор, а также священниками Д. Двэрфом (Dwarf), и Д. Джордли (Jourdelay). Даже «старая дева» Кэтрин Дертфорд не избежала бдительного внимания архиепископских ищеек.[172]

Епископские судьи также не сидели сложа руки, и хотя у нас нет документов, протокольно отражающих их деятельность, однако косвенные данные достаточно убедительно показывают, что дел у них было «невпроворот». Очередная «конституция» английской церкви,[173] разработанная новым, пришедшим на смену умершему в начале 1414 г. Эрунделу, архиепископом Чайчилом предписывала епископам не реже двух раз в год проверять умонастроения своей паствы. В каждом приходе должно было проводиться дознание о «подозрительных людях». Каждый, на кого поступал донос, подвергался аресту.

---

[167] Подробный анализ юридического содержания этого статута дан впервые Э. Ф. Джекобом (Chichele, I, p. CXXIXff).

[168] SR, p. 184—6.

[169] ChL, p. 99.

[170] ML, p. 642—3.

[171] R. Chapel (иначе—Holbech). —Foxe, III, p. 536.

[172] Подробности об этих процессах можно почерпнуть у Фокса (III, p. 536—7), Вилкинса (III, p. 377, 493 etc.); см. также J. Gairdner, Lollardy, I, p. 92 ff.

[173] «Statutum editum contra hereticos» — так называется эта конституции. Она была принята конвокацией в июле 1416 г. (Chichele, III, p. 18—9).

В марте 1425 г. на сессии парламента зачитывалась петиция, составители которой просили короля, чтобы еретики, заключенные долгое время в Тауэре, могли, наконец, получить должное правосудие в церковном или гражданском суде. В ноябре 1432 г. последовала вторая аналогичная просьба. Ее строки прямо говорят о большом количестве заключенных лоллардов, ожидавших своей участи в лондонских и иных тюрьмах.[174] Но не только неправильная политика вождя или жестокие репрессии загнали движение лоллардов в подполье. Не ограничиваясь преследованиями, руководство английского клира приняло немало мер для поднятия пошатнувшегося авторитета и увеличения идеологической боеспособности своей многочисленной армии. Именно в эти годы стяжал себе славу выступлениями на диспутах и учеными трудами Джон Неттер. Не меньшей известностью пользовались в XV веке сочинения приора августинского ордена Джона Мирка (Myrc, Mirk) «Liber festivalis», увидившая свет в 1420 г., содержала 60 образцовых проповедей для приходского клира. В отличие от строгих речей бедных проповедников, проповеди Мирка строилась на образной основе, с использованием нравоучительных басен и рассказов античных авторов. Тот же автор написал «Руководство для приходских священников» — «Manuele Sacerdotum» (латинская версия), «Manuele, Junstuctions for Parish Priests» (английский вариант).[175] Труды Мирка призваны были улучшить работу приходского клира.

Уделялось большое внимание и другим рычагам римской церкви. Генрих V основал, отправляясь в французский поход, несколько монастырей.[176] Нищенствующие монахи, единственные, кто эффективно мог бороться с лоллардами за влияние на народные массы, получили невиданную доселе свободу в их проповеднической деятельности.[177] Немало усилий католические иерархи и феодальные владыки затратили на реорганизацию монашеской жизни и приведение ее в соответствие с идеалом. На «провинциальном синоде» бенедиктинцев, собравшемся в 1421 году, с требованиями «реформ» в монастырской жизни выступил сам король Генрих V.[178] Правящие круги Англии сумели найти удовлетворительное решение сложных общественных

[174] RP, IV, p. 174, 192.

[175] T. Harjunpaa, Preaching in England during the later Middle Ages. —Acta Academiae Aboensis, Abo, 1965, p. 7, 8, 26 etc.

[176] ACh, p. 82.

[177] M. E. Aston, Lollardy..., p. 14.

[178] Documents illustrating the activities of the general and provincial chapters of the English Black Monks, 1215—1540, ed. W. A. Pantin, The Camden Third Series, vol. XLVII, 1933, p. 99—100.

проблем, выдвинутых перед ними историческим развитием их страны. Чтобы изолировать приверженцев барона Кобхема, следовало отвлечь внимание возможно большего числа классовых групп от церкви и социальных, политических и экономических вопросов, связанных с ее существованием. Данной цели послужил лозунг возобновления борьбы за земли во Франции. Тот же самый лейстерский парламент, который принял «Статут против лоллардов», санкционировал подготовку похода во Францию. Инициаторами возобновления Столетней войны выступали церковные феодалы. Бэйл указал, что духовенство толкнуло народ на войну с Францией, чтобы отвлечь внимание от своих богатств. Церковная десятина являлась первым вкладом в военный бюджет,[179] а архиепископ Чайчил открыл парламент длинной речью, в которой с большим тщанием изложил юридические аргументы, доказывавшие неоспоримость прав Генриха Ланкастера на французскую корону.[180] Перспектива военного грабежа и захвата плодородных земель к югу от Ла-Манша не могла не придтись по вкусу феодалам. Союз с Бургундией и расширение владений во Франции открывали радужные перспективы для различных групп английских горожан. Военные приготовления давали дополнительный заработок сельской и городской бедноте. Существовшая система найма солдат открывала молодым парням разных сословий обманчивую надежду оружием проложить дорогу к благополучию, богатству и славе.

Победа при Азенкуре и последующие военные успехи принесли доход казне и прибыль солдатам, подогрели военный ажиотаж в Англии. Политика разрешения внутренних трудностей за счет победоносной войны привела в данном случае к частичному успеху. Государство преодолело финансовый и политический кризис. В революционной активности масс наступил спад. Князья церкви могли надеяться на скорую победу над внутренним врагом.

Загнанный в подполье во втором десятилетии XV столетия, лоллардизм, однако, не был уничтожен окончательно. Когда благоприятная политическая коньюктура, созданная военными успехами «великого Ланкастера», вследствие дурного правления пришедших ему на смену регентов и все возраставших трудностей в континентальной войне начала бис-

[179] Bale, p. 259. Рэдмен указывает, что на конвокации английского духовенства «было единогласно принято общее решение огромное количество золота предоставить и деньги приготовить» (...omnium consensu decretum fuit ingens auri pondus subministrare et pecuniam comparare), чтобы король имел необходимые средства для ведения войны (MH, p. 27).

[180] R. Baker, A Chronicle..., p. 169.

тро изменяться к худшему, он опять поднял голову.[181] Народ, отрезвев от пьяного угара кровавых побед на континенте, стал вновь прислушиваться к речам «бедных проповедников». Блестящих результатов добился в эти годы в восточных графствах изгнанный из Тентердена капеллан У. Уайт. Среди своих последователей он пользовался редким авторитетом.[182] В Ковентри в 1425 г. недавно вышедший из заточения проповедник Джон Грейс (Grace) выступал с таким успехом, что городские и церковные власти оказались бессильными выполнить закон о лоллардах 1414 г. из-за сопротивления народа.[183] Своеобразной популярностью пользовался в 20 гг. XV в. Уильям Воу. О его разбойничьих операциях шла широкая молва.[184] Описание его казни, имевшей место в Лондоне в 1425 г., содержится почти во всех летописях XV в.[185] В одном из королевских приказов он характеризуется как «известный публичный разбойник, жулик с большой дороги, грабитель церквей и защитник еретиков».[186] Последние обвинения имеют твердое основание в том факте, что его духовным наставником (исповедником) был лоллард Роберт, ректор Хеджерли,[187] привлеченный к суду архиепископом Кентербери в 1429 г.[188] Возникает вопрос, не под его ли влиянием этот рыцарь большой дороги стал обращать особое внимание на кошельки прелатов, монахов или монахинь? В числе наиболее известных его разбойничьих деяний—ограбление в начале 1427 г. женского монастыря в Сопвелл (Sopwell).[189] В конце марта этого же года он ограбил ректоров и викариев округа Слифорд (Линкольншир).[190] Позднее разгрому подвергся женский

[181] В. Г. Г. Грин считает, что «агитация Д. Шэрпа» указывает на «скрытое недовольство в стране» (Bishop, p. 103).

[182] Некая М. Райт заявила: «если бы меня заставили молиться какому-то святому, то я молилась бы ему» (т. е. У. Уайту).—Foxe, III, p. 591.

[183] 14 декабря 1425 г. королевский совет направил письмо королевскому оруженосцу Роберту Пессемеру (Pessemere), шерифам Стаффордшира, Шропшира, Уорвикшира, в котором выражалось удивление, что они до сих пор не сумели арестовать «лживого пророка» Дж. Грейса, возбуждающего волнения и мятежи. — CPR, 1422—1429, p. 275—6. См. также VH Warwick, II, p. 91.

[184] По мнению Эмендсхема, Воу — «latro et praedo sceleratissimus» (I, p. 17).

[185] Воу действовал в центральной, восточной и южной Англии. Одно время находился в тюрьме Маршалси, но бежал. Наконец, его удалось схватить шерифу Гэмпшира Дж. Рэтклифу в аббатстве Бьюли. Голова Воу была отсечена в Тайберне, на бочке сладкого вина. Подробнее всего его биография рассказана Джоном Эмендсхемом (I, p. 11, 12, 14, 17). См. также Gregory, p. 160—1.

[186] CPR, 1422—9 p. 422.

[187] Hedgerley расположен в семи милях от Эмерсхем (Бэкингемшир).

[188] Он спас себе жизнь раскаянием.

[189] Am, I, p. 11.

[190] Ib., p. 12.

монастырь в Бэрнхем (Burnham, Burham), Бэкингемшир.[191] Уместно заметить, также, что двое членов его разбойничьей шайки[192] были четвертованы в феврале 1430 г., а внутренности сожжены.[193] Последняя мера наказания для еретиков, не бандитов. 1 марта 1431 г. в тюрьме скончался еще один участник разбойничьих налетов Воу Джеффри Айриш, о котором даже монах сент-олбенского монастыря пишет с уважением, называя его «благородным переписчиком». Фигура тоже малопонятная среди заурядных грабителей с большой дороги.[194]

Как и первый, второй этап «божьей брани» не являлся порождением только деятельности проповедников ереси. В обоих случаях кризисная ситуация, сложившаяся в общественной жизни страны, давала возможность лоллардам привлекать на свою сторону людей из различных социальных слоев, которые надеялись в предлагаемых им реформах найти решение острых экономических и политических вопросов, осуществление своих классовых интересов. Надежным барометром оживления еретического движения являются церковные суды. Источники единодушно отмечают их возросшую активность к концу двадцатых годов. В 1428 г. лондонская конвокация разбирала дела большой группы еретиков—Р. Менджина, Т. Гэрентера, Р. Монка и других.

В январе[195] 1430 г. на костер, разложенный на Тауэрском холме, взошел лондонский упаковщик шерсти—Ричард Ховеден.[196] На казни присутствовали герцог Глостер, графы Уорвик и Стаффорд. В норичском диоцезе в третье десятилетие XV в. процессы над еретиками не являлись редкостью, но судилище, организованное главой этой епархии осенью 1428 г., может претендовать на общеанглийский рекорд по количеству подсудимых за ересь.[197] В Кенте, не взирая на репрессии, имевшие место в начале 20 гг., в 1428 г. властям пришлось принимать экстраординарные меры по «утишению» вражды к католической церкви. Как пишет один из современников, архиепископ лично, «разъезжая день и ночь», схватил чуть ли не 30 лоллардов.[198] Несколько позднее разгрому под-

[191] Ib., p. 17.

[192] Имя одного из них известно —Уильям Venables.—Ib., p. 47.

[193] Ib., p. 47—8.

[194] Ib., p. 61.

[195] Brut, p. 451.

[196] Hoveden (Am., I, p. 46), Hunden (ChL, p. 118, Brut p. 451), Hounden (J. Gairdner, Lollardy..., 1, p. 159). Из книги Фокса известно, что Ховеден отрицал, все таинства, кроме брака, и культ святых. Не исключено, что он был связан с заговором, который готовил в то время другой упаковщик шерсти — У. Рассел.

[197] Речь идет о суде над Уайтом и его группой. — Foxe, III, p. 586 ff.

[198] Chichele, I, p. CXXXVII.

верглись группы лоллардов в Эссексе. Характерно, что этот взрыв репрессий 1428 г. и последующих лет, знаменующий повышение активности лоллардов, произошел одновременно с неудачами под Орлеаном и отчаянными мерами, предпринятыми королевским казначейством для спасения своего финансового положения.[199] Хотя между событиями во Франции или Вестминстере и норичским процессом нет прямой связи, но это совпадение далеко от «чистой» случайности. Материалы процессов над лоллардами позволяют судить о классовом составе этого движения. Среди осужденных во вторую четверть XV в. еретиков только один дворянин из Кента и лишь три представителя клира с университетским образованием, Бернард Вич. Мэнджин; остальные—представители социальных низов. Это не могло не отразиться на характере их выступлений. В 1431 г. лолларды подготовили новое восстание. Нити заговора шли из двух центров: Лондона и Эбингтона (Беркшир). Во главе первого центра стоял ремесленник Джон Рассел:[200] «Woolman»[201] или, конкретнее, «woolmonger» (продавец шерсти), «woolpacker» (упаковщик шерсти)[202]—так описывают его источники. В 1416 г. он уже привлекался к судебной ответственности за выступления против казни лолларда Ричарда Тэрмина.[203] Еще более видной фигурой являлся руководитель другой группы лоллардов, скрывавший свое истинное имя под конспиративной кличкой «Джек Шэрп из Вигморленда в Уэльсе».[204] Нет фактов, чтобы точно объяснить возникновение этого замысловатого девиза. Вероятно, уничижительное Джек, как и другие аналогичные прозвища народных бунтарей—Джек Строу в 1381 г., Джек Кэд в 1450 г. Робин из Хильдернис или Робин из Ридесдейла (1469 г.), долженствовало подчеркнуть близость вождя к народу. Фамилия Шэрп—«хитрый, ловкий»— возможно, указывала на

[199] Уместо указать, что, начиная с 1428 г. налоговый гнет резко возрастет. К 1433 г. долг королевского казначейства достиг весьма внушительной суммы—164. 815 ф. ст.—E. F. Jacob, The Fifteenth Century, p. 255.

[200] Вообще, ересь в Лондоне в третье десятилетие XV в. тесно связана с людьми, носящими фамилию Рассел. В 1425—7 гг. суд кентерберийского диоцеза вел дело минорита У. Рассела. Он был противником церковной десятины. В 1424 г. за протест против целибата отвечал Джон Рассел. Перед верховным церковным судом Англии его обвинял ректор церкви св. Марии в Стэмфорде. — Chichele, III, p. 98—9, 101. Существовали ли какие-либо родственые связи между этими людьми? Задача для будущих исследователей отнюдь не праздная.

[201] Julius, p. 97; Stow, Summary, fol. 269—70; GrCh, p. 156; Stow, p. 610.

[202] Brut, p. 457; M. E. Aston, Lollardy..., p. 25; ML, p. 630.

[203] ML, p. 630—4.

[204] Jakke Sharp of Wygemoresland in Wales. — ChL, p. 119; GrCh, p. 155; Davies, p. 53—4.

то основное качество, которым обладал этот человек, взявшийся в годы жестоких преследований за большое и трудное дело организации разобщенных групп лоллардов на сопротивление католической церкви и поддерживавшему ее феодальному государству. Вигморленд—это родовое владение Мортимеров, расположенное в Уэльсе. Надо полагать, «царистские настроения», традиционные для народных масс средневековья, влияли и на идеологию постанцев 1431 г., заставляя освящать свои мятежные действия не только евангельским авторитетом, но и покровительством земных владык. Естественно, поэтому, что, готовясь к беспощадной борьбе с ланкастерскими королями, руководители лоллардов позаботились о признании, хотя бы чисто символическом, своей «легитимности», указав, впрочем, весьма неопределенно, на связь с другой ветвью Плантагенетов—йоркским домом. Последний тогда представляли вдова казненного в Саутгемптоне графа Кембриджа Анна Мортимер и ее молодой сын Ричард, которому судьба уготовила важную роль в событиях первого периода «войны Роз».[205]

Впрочем, наши источники называют подлинное имя этого человека, хотя и не слишком уверенно: Уильям Перкинс или Уильям Мэндевил.[206] Он был ткачем, одно время занимал пост бейлифа небольшого городка Беркшира Эбингтона.[207] За активную пропаганду еретических идей его преследовали

[205] Другие объяснения появления слова «Вигморленд» в девизе вождя повстанцев кажутся нам менее убедительными. Нельзя видеть в нем указания на связь повстанцев с Уэльсом (M. E. Aston, Lollardy..., p. 24) или проявлениями валлийского «национализма» (J. A. F. Thomson, The Later Lollardy, 60). О каких-либо волнениях в Уэльсе в третье-четвертое десятилетия XV в. ничего не известно. Любой намек на связь с валлийскими повстанцами мог бы только помешать делу лоллардов, так как национальные предрассудки были свойственны англичанам той эпохи, к какому бы сословию они не принадлежали. Кровавые, а порой жестокие события валлийской войны 1401—1410 гг., не могли к тому времени выветриться из народной памяти. Если бы руководителям заговора требовалось подчеркнуть свою связь с Д. Олдкаслом, то, вероятно, появилось бы иное конспиративное имя—Джек Шэрп из Олмели или из Герифорда, или, на худой конец, Кулинга. К тому же зачем напоминать бойцам восстания о печальной участи предшественников?

[206] Уильямом Перкинсом (Perkins) называет Джека Шэрпа Эмендсхем, подчеркивая, что этот «мошенник» назывался тройным именем (I, p. 63). Холл полагает, что Шэрп и Мэндевил различные лица (p. 166). Фамилия Мэндевил встречается у Стау (p. 610), Фабиана (p. 601), в ChL, p. 118. В современной исторической литературе фамилия Перкинс получила большее признание, чем Мэндевил. Сошлемся на К. Б. Мак-Фарлена (p. 182), М. Э. Эстона (p. 24). Впрочем не исключительное—см. книгу Дж. Э. Ф. Томсона (p. 58). Утверждение Сэммерса, что У. Мэндевил и Джек Шэрп—разные люди, надо думать, является результатом небрежности при чтении источников (p. 59).

[207] ChL, p. 118—9; Fabyan, p. 601.

давно. Приказы об его аресте были изданы в 1424 и 1427 гг., но не привели к желаемому результату.[208]

Эбингтонский центр был тесно связан с другими—к югу и северу от Темзы. Эмендсхем пишет о Ковентри, Оксфорде и других поселениях.[209] В Солсбери видным руководителем готовящегося восстания был Джон Кимридж.[210]

Лолларды готовились к борьбе в Оксфорде,[211] Ковентри,[212] Нортгемптоне,[213] Фроме,[214] Лейстере.[215] К судебной ответственности за участие в мятеже оказались привлеченными Томас Пэтток-клирик из Вестбери (Уилтшир),[216] мелочный торговец из Стевентона[217] некий Рожер Легтон (Leghton) из Вендовера (Бэкингемшир).[218] Следственные комиссии работали в Гертфордшире, Сомерсете, Уилтшире.[219] Все эти местности—традиционные очаги еретического движения. Можно отметить, что по сравнению с 1413 г. район наибольшей активности лоллардов переместился из Мидленда на южный берег Темзы—в Беркшир и Уилтшир.

Говоря о лозунгах движения, следует подчеркнуть, что «петиция Шэрпа»—это лишь «программа-минимум».[220] При успехе вожди заговора надеялись пойти значительно дальше. Если в «петиции» говорилось лишь о секуляризации определенных категорий церковно-феодальной собственности, то в других обращениях к народу руководители еретиков угрожали клиру физическим истреблением. У. Перкинс собирался продавать головы монахов столь же дешево, как овечьи—по три или даже четыре за одно пенни.[221] Кроме «сословия и звания прелатов», предлагалось уничтожить и «светских лордов».[222] Список лиц, расправиться с которыми намеревались

[208] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 59.

[209] Am, I, p. 63.

[210] У. Кумгугge. Иногда его фамилия изображалась так: Keteridge, Keterige.

[211] В Оксфорде в апреле 1431 г. были распространены У. Перкинсом агитационные листовки. Туда же он бежал, спасая жизнь. Здесь его и схватил сквайр Уил. Уогбертон (17 мая 1431 г.).—PO, IV, p. 104.

[212] Am, I, p. 63. На важность этого города в подготовляемом восстании указывает тот факт, что сам герцог Глостер руководил здесь следственным трибуналом в мае 1431 г.

[213] M. E. Aston, Lollardy..., p. 25.

[214] Ib.

[215] В Лейстере работала следственая комиссия.

[216] J. A. F.Thomson, The Later Lollards, p. 61.

[217] Ib., p. 60.

[218] Ib.

[219] Am, I, p. 64; M. E. Aston, Lollardy..., p. 29.

[220] См. стр. 198—204, 213 данной работы.

[221] Julius, p. 97: «...they seid they wolde have three prestes heedes for a peny». См. также GrCh, p. 155.

[222] Davies, p. 53—4: «...purposing with his fals feleshippe to have destroid the chirche and the lords spiritual and temporal».

лолларды, открывал малолетний король Генрих VI, герцоги Йорк, Норфолк, Бедфорд, Глостер, граф Гентингдон.[223] Перешагнув через это море крови, заговорщики думали сконцентрировать всю политическую власть в своих руках и сделать из числа своих единомышленников «новых лордов, герцогов и баронов».[224] Рассел составил список из двадцати «определенных бедных людей» (the certain poor people)—преимущественно лондонских ремесленников, которые должны были воспринять земли и титулы свергнутой знати, включая такие «высокие», как герцогов Бэдфорда, Глостера и Норфолка. Шэрпу предназначалась роль «принца». Рассел и его единомышленники предполагали создать новые органы управления взамен старого государственного аппарата. Вместо королевского канцлерства намечалось организовать «Lollard Chancery в составе двух «masters» и одного секретаря. Среди новых постов в управлении страной мы видим такие как «regis controrotulator» и «ambasiator». Появление в этом списке «custos» Лондона указывает на намерение лоллардов изменить существующую городскую конституцию.[225] Наконец, по сведениям Холла, среди заговорщиков были люди, которые на следствии признались в своем намерении провести ликвидацию свойственных феодальному строю типов собственности,[226] хотя все выше изложенное позволяет с уверенностью говорить о том, что вожди движения подобных намерений не разделяли.

Эбингтонский и лондонский центры в какой-то мере координировали свои усилия, о чем говорит синхронность их действий. [227]Известно, что заговорщики планировали начать вооруженное восстание 22 мая 1431 г. Сбор был назначен на поле, называемом «Gyldyngmylle», у деревни Ист Хендред близ селения Стевентон в «Восточной сотне» (East Hundred).

[223] GrCh, p. 156; Stow, p. 610, См. также M. E. Aston, Lollardy..., p. 98

[224] Gregory, p. 172: «...wolde have made newe lordys, dukes, erlys, and baronys, aftyr hys entente and oppynyon». См. также GrCh, p. 156.

[225] M. E. Aston, Lollardy..., p. 28.

[226] Цитату из хроники Холла см. на стр. 231 данной работы. М. Е. Эстон сомневается, чтобы «ученики Хука или Мэнджина» присоединились к Перкинсу и Расселу, вознамерившимся сохранить ради своих корыстных интересов существующую феодальную иерархию (Lollardy..., p. 27—8). Сомнения, нам кажется, не имеют серьезных оснований. Ведь Хук и Дрейтон блокировались с Олдкаслом, программа которого была менее радикальной, чем у бунтарей 1431 г.

[227] Так, листовки, призывавшие к конфискации имущества клира, появились в Лондоне в марте, в апреле они стали известны жителям Эбингтона. В эти же месяцы они распространялись и в других городах —J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 58.

Беркшира.[228] Выбор места между Лондоном и Эбингтоном должен свидетельствовать о том, что на помощь их периферийным единомышленникам должны были придти лондонские горожане.

Однако ход событий опередил планы руководителей лоллардов. В Солсбери вспыхнул стихийный мятеж. Толпа горожан, возглавляемая Джоном Кимриджем, атаковала кафедральный собор. Нападение оказалось неудачным. Многие были схвачены—в том числе вождь бунтовщиков. Это дезавуалировало остальную сеть заговора.[229] В мае правительство распространило приказ, грозивший тяжелыми репрессиями тем, кто осмелился бы распространять листовки, призывающие к мятежу.[230]

В этих условиях руководство эбингтонской группой пошло на отчаянный шаг: оно перенесло срок начала восстания на неделю раньше. 15 мая собравшиеся у Ист Хэндред,[231] очевидно, отнюдь немногочисленные бойцы, атаковали эбингтонское аббатство. Лолларды были разбиты и рассеяны. Вскоре Перкинс, выслеженный сквайром Уильямом Уорбелтоном, оказался схваченным администрацией Оксфордского университета[232] и 22 мая[233] в присутствии главы карательной экспедиции в Беркшир герцога Глостера окончил жизнь на эшафоте в Эбингтоне.[234] 9 июня казни подвергся Кимридж.[235] Голова Джека Шэрпа была выставлена на Лондонском мосту.[236] Вместе с Шэрпом подверглись казни, как отмечено в хронике Гергори, пять его сторонников.[237] Эмендсхем говорит о семи «повешенных», кроме Перкинса.[238] Казни «для устрашения» имели место и в других графствах.[239] Выражаясь словами летописца, «погибло также много его последователей во многих других местах королевства.»[240]

---

[228] M. E. Aston, Lollardy..., p. 28.
Стевентон расположен в четырех милях от Эбингтона. Деревня Ист-Хэндред в полутора милях южнее Стевентона.

[229] Следственные органы установили связь Кимриджа с Джоном Локтоном из Эбингтона —следовательно с Перкинсом. От них солсберийские лолларды и получали «billes seditioses».—PO, IV, p. 141.

[230] Королевский совет грозил такими карами, как тюрьма и конфискация имущества.—PO, IV, p. 140.

[231] Фабиан отмечает, что собрание было у Эбингтона (p. 601).

[232] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 59.

[233] PO, IV, p. 101, GrCh, p. 156.

[234] M. E. Aston, Lollardy..., p. 28.

[235] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 59.

[236] Am, I, p. 64, Fabyan, p. 601.

[237] Gregory, p. 172.

[238] Am, I, p. 63.

[239] Stow, p. 610.

[240] «...Many mo of his felas, and in many mo othere places of the reaume also».—ChL, p. 119.

Рассел не смог организовать восстания. Листовки с призывом к восстанию, распространенные им в приходе св. Джайлса (близ Креплгейт) 18 мая,[241] явились последним известным нам проявлением его активности. Он также попал в руки королевских чиновников и 23 июля взошел на эшафот в Тайберне.[242] Его сторонники попытались продолжать борьбу. Пропаганду программы секуляризации церковных земель[243] вел в второй половине 1431 г. Ричард Лейн, «a holy water clirk».[244]

Наряду с заговором Олдкасла, бунт Кимриджа, Перкинса и Рассела является наиболее крупным по своим масштабам движением английских еретиков. Ничего подобного им позднее организовать не удалось. Пройдя свой апогей, политический лоллардизм стал клониться к упадку. Но разрозненные попытки некоторых руководителей лоллардов организовать массовое восстание продолжались и позднее.

О напряженном положении на фронте борьбы с ересью свидетельствует обращение канцлера к парламенту 1432 г.[245] В мае 1434 г. группа лоллардов собралась у беркширской деревни Уокингем (Wakingham) «in warlike array». Цель была прежней: убийство королевской семьи и захват церковных богатств.[246]

Более крупным явилось восстание в Кенте 1438 г., которое возглавил рыцарь Никлас Конвей (Conway).[247] Н. Конвей, судя по всему,—случайная фигура в движении лоллардов. В 1432 г. он убил в стычке человека.[248] Процесс об убийстве тянулся несколько лет. На 28 июня 1437 г. дело было назначено к слушанию в королевском совете, куда он и получил приглашение.[249] Конвей на заседание не явился. Вскоре

---

[241] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 147. Это именно та «schedule», в которой указывались земли и титулы для 20 бедных лондонских горожан.

[242] Он был утоплен, повешен, четвертован—Gregory, p. 172. Впрочем другие летописцы называют иную дату его казни—13 июля (Brut, p. 457; Julius, p. 97), 12 июля (Stow, p. 610) и 14 июля (GrCh, p. 156).

[243] К сожалению, невозможно судить: «программу-минимум» или ту, что изложена в агитационной листовке 18 мая 1431 г., пропагандировал Р. Лейн.

[244] Суд над Лейном имел место в ноябре 1431 г.

[245] Он заявил, что некоторые люди отрицают веру и хотят уничтожения клира (RP, IV, p. 388).

[246] J. A. E. Thomson, The Later Lollards, p. 61.

[247] О том, что Конвей был руководителем —«capitaigne»—повстанцев, сообщается в письме, сохранившемся в архиве монастыря Бэри-Сент-Эдмундс. Оно имеет дату 5 июня 1437 г.—J. A. E. Thomson, A Lollard Rising in Kent..., p. 100-101.

[248] J. A. E. Thomson, A Lollard Rising in Kent..., p. 101-2.

[249] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 178, note 3.

мы видим его в роли руководителя восстания. Трудно сказать, почему Конвей примкнул к лоллардам: страх перед ответственностью за тяжелое преступление или отчаянная смелость авантюриста. Забегая вперед, скажем, что оба «смертных» греха были прощены ему королевскими судьями. 3 мая 1440 г. он выхлопотал себе в канцлерстве хартию о помиловании.[250]

Выступление началось в начале июня.[251] Местом сбора повстанцев явились окрестности Мэдстоуна. Однако движение оказалось быстро подавленным. Немногим больше, чем через неделю после начала восстания, 13 июня, лоллардов рассеял карательный отряд, немалое их число попало в плен.[252] Головы пяти казненных были отправлены с поля сражения на Лондонский мост, в Кентербери и другие места, чтобы «внушить людям страх».[253] Какая-то часть участников восстания оказались в тюрьмах Ньюгейт (Лондон) и Маршалси (Саутворк).[254] Пять казненных являлись уроженцами Тентердена.[255] Летописцы характеризуют их, как еретиков и нарушителей королевского мира.[256] В письме к аббату монастыря в Бери-Сент-Эдмундс также отмечается, что среди них были как лолларды, так и другие «разбойники и грабители» О том, что не столько ересь, сколько политические мотивы руководили бунтарями, говорит и способ их казни. Всех их либо повесили, либо обезглавили и даже «четвертовали», но не сожгли, как требовал того закон об ереси. Наконец, никаких обвинений в нарушении католической ортодоксии, очевидно, нельзя было предъявить и к рыцарю Конвею—иначе он не избежал бы заслуженной кары от церкви.

Данное выступление, следовательно, нельзя оценивать как чисто лоллардистское, но несомненно оно проходило при их участии. По мере нарастания политического кризиса в сороковые годы эта тенденция ослабления еретических и усиления чисто «мирских» мотивов в выступлениях жителей английских сел и городов неизбежно должна была усиливаться. Однако определить меру соучастия этих двух при сегодняшнем уровне исторических знаний не представляется возможным. В сосуществовании стихийного протеста социальных низов с еретическим течением проявляется особенность рассматриваемого восстания. Отсутствие сведений о требованиях повстанцев лишает нас возможности сделать эти наблюдения более конкретными и точными.

[250] CPR, 1436-41, p. 398.

[251] Упоминавшееся выше письмо заставляет говорить о том, что восстание началось раньше 5 июня, поскольку оно датировано этим числом. В тексте сообщается, что выступление лоллардов началось на троицыной неделе (Whitsonwoke) Праздник «троицы» в тот год отмечался, как установил Томсон, 1 июня.

[252] Brut, p. 472.

[253] Gregory, p. 181.

[254] CCR, 1435-41, p. 147-8.

[255] Brut, p. 472.

[256] Brut, p. 472; Gregory, p. 181

В 1438 г., одновременно с Кентом, проходили волнения в Кембриджшире. К сожалению, нет данных о развитии здесь событий, о тех поселениях, где они происходили. Лишь в двух строках письма из королевской канцелярии аббату монастыря св. Эдмунда,[257] расположенного в Сеффолке близ границ графства Кембридж, сообщается, что выступления лоллардов происходят неподалеку от Бери-Сент-Эдмундс и предлагается принять необходимые меры по предотвращению дальнейшего расширения движения. Немаловажная деталь: мятежные действия еретиков в Кембриджшире связывались чиновниками короля с кентским восстанием.

Новая попытка поднять восстание имела место в Кенте весной 1440 г. Тогда казнили некого Алена Элиса (Alan Elys). Его голова оказалась выставленной на шесте в Тентердене, а четверти тела «украсили» собой улицы Крэнбрука и Эппелдора. Это служит указанием на местности, откуда собирались волонтеры под знамя мятежа.[258] Они те же, как и два года назад, причем все три населенных пункта, особенно Тентерден, являлись зоной активных действий сеятелей еретических плевелов.

Примерно в то же время образовался другой очаг восстания—опять-таки в старом лоллардистком центре—Фернхеме (Серри). В 1440 г. королевские чиновники схватили «risers of ffernam of Sotherey».[259] Их руководители Уильям Айриш (Irish), капеллан, и ткач Эдем Миллуорд (Millward) призывали, как и вожаки лоллардов соседнего Беркшира в 1431 и 1434 г., к убийству короля и экспроприации церковного имущества, сжигали иконы.[260] Некоторые повстанцы были подвергнуты смертной казни: повешены и сожжены.[261]

Все эти факты, несмотря на их отрывочность, говорят о том, что в конце 20-30 гг. XV в. государству пришлось выдержать упорную борьбу с лоллардами. Их действия отличались большой настойчивостью и упорством. Однако массового восстания им организовать не удалось. В чем причина этого?

[257] Письмо было опубликовано в 1830 г. в «Archaeologia» (XXIII, p. 339-43). Точную его дату установил Дж. Э. Ф. Томсон (A Lollard Rising..., p. 101).

[258] CCR, 1438-41, p. 313.

[259] Vitellius, p. 154.

[260] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 64.

[261] Vitellius, p. 154.

Исчерпывающего ответа при современном уровне знаний на такой вопрос дать нельзя. Несомненно, что бдительность церковных и государственных органов сыграла здесь огромную роль. Не могло не сказаться и отсутствие среди еретиков политического и военного вождя такого калибра, как Джон Олдкасл. Но, пожалуй, самой важной причиной послужило сужение социальной базы еретического движения. Лолларды второй четверти XV столетия сохраняли влияние на городское плебейство, сельскую бедноту, какую-то весьма малую часть крестьян и ремесленников.

Выступления еретиков 30 гг. XV в. по времени близки массовому восстанию, которое вспыхнуло в Англии 1450 г. Они происходили на территории тех же графств (Уилтшир, Серри, Кент), где позднее действовали Кэд и Парминтер. Поэтому вполне закономерен вопрос о влиянии лоллардов и их взглядов на повстанцев середины XV в. Следующие данные, как нам кажется, должны быть учтены при ответе на него. Во-первых, часть участников восстания, которые дольше и упорнее всех вели борьбу с правительством в отрядах Парминтера, находилась под заметным воздействием идей наиболее революционного крыла лоллардов, выступавших за обобществление собственности.[622] В «грамотах о помиловании», выданных бойцам отрядов «второго капитана Кента», неоднократно указывается на стремление повстанцев захватить землю и имущество «лордов духовных и светских» и «держать их сообща».[263]

Идея общности имущества существовала среди участников революционной борьбы против ланкастерского правительства задолго до осени 1450 г. Плотник Джон Клипсхем организовал в мае 1450 г. близ Гастингса (Сессекс) отряд, бойцы которого приняли решение низложить короля и «держать все вещи сообща».[264] Аналогичные решения были приняты на тайных собраниях в Хорсхеме и Истборне.[265]

В представлении современников подобные взгляды тесно связывались с лоллардами. В документе, характеризующим деятельность Джона Клипсхема и его единомышленников, прямо говорится, что они действовали «как лолларды и ере-

[262] Подробно о повстанцах, действовавших осенью 1450 г. и позднее мы рассказали на страницах статьи «Из истории классовой борьбы английского крестьянства».—Средние века, вып. 30, стр. 242 и след.

[263] Имеются в виду грамоты о помиловании, выданные Дж. Скурму, братьям Бейкерам, Т. Майклу—«Восстание», стр. 63—65. В документе, полученном Бейкерами, особо оговорены среди подлежащих обобществлению владений «бенефиции клириков в Кенте».—Там же, стр. 64.

[264] VH Sussex, I, p. 514.

[265] Е. В. Кузнецов, «Из истории классовой борьбы английского крестьянства...», стр. 248.

тики».[266] Чтобы рассеять возможные сомнения относительно происхождения этих лозунгов, один из руководителей повстанцев ректор из Селси (Сессекс) Уильям Пендер прямо призывал к передаче власти в руки «еретиков и лоллардов», как одного из необходимых условий ликвидации частнособственнических отношений.[267] К другим условиям повстанцы относили уничтожение «лордов духовных и светских»,[268] ликвидацию действующих законов[269] и даже убийство короля.[270] Лозунг цареубийства сближает бунтарей 1450 г. с участниками лоллардистских заговоров 30 гг. XV в.

На связь ереси и революционного движения в Эссексе указывает королевский приказ от 12 февраля 1451 г.[271]

Все сказанное не означает, что Парминтер, Смит, Коул и другие вожаки повстанцев на юго-востоке британского острова в 1450 г. являлись лоллардами. Но, несомненно, крестьянско-плебейское направление ереси, «выдвигавшее вместе с радикальными требованиями реформации идею общности имущества»[272] оказало влияние на формулировку их требований. Нельзя совершенно исключить возможность наличия в их отрядах людей, придерживавшихся еретических представлений. В этой идейной связи с революционным крылом лоллардизма проявляется важная особенность второго этапа кентского восстания 1450-51 гг., отличающая его от более раннего «кэдовского». Анализируя прокламацию Кэда,[273] Ю. М. Сапрыкин отметил, что «...свои взгляды на монархию составители прокламации излагали без ссылок на библию и бога, вполне в светском духе...» «Вообще влияние идей реформации и политических взглядов лоллардов во всех программных документах Кэда не выявляется».[274]

Известно, что революционное движение в Кенте не окончилось тотчас после гибели Парминтера в конце зимы 1450 г. Из протоколов парламента явствует, что королевская администрация испытывала беспокойство в связи с действиями

[266] VH Sussex, I, p. 514.

[267] «Восстание», стр. 65.

[268] Там же, стр. 63-65.

[269] Там же, стр. 63-65.

[270] Этот пункт мы встречаем в хартиях о помиловании Д. Году, У. Соли, Бейкерам и Т. Майклу.—Там же, стр. 62, 63, 64.

[271] CRR, 1446—1452, p .440. Аналогичные правительственные распоряжения, касающиеся Эссекса, Дж. Э. Ф. Томсон нашел в «Public Record Office». (Ancient Indictments file 268, nos. 19, 22). — J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 132.

[272] Ю. М. Сапрыкин. Восстание Джека Кэда и социально-политические взгляды английского крестьянства.—Вестник МГУ, 1968, № 6, стр. 36.

[273] Восстание..., стр. 52 и след.

[274] Ю. М. Сапрыкин, «Восстание Джека Кэда...», стр. 27.

в Кенте и смежных графствах повстанческих отрядов.[275] Тем знаменательнее находка Дж. Э. Ф. Томсона в «Public Record Office» на страницах судебных документов кентских мятежников, схваченных в 1452 г., таких обвинений, которые созвучны лозунгам Бейкера, Пендера и лоллардов тридцатых годов. Это их подобие отмечено и в судебном протоколе: «ut heretici et lollardi dicentes». Повстанцы отрицали за священниками право владеть землей и имуществом «кроме кафедры и свечи для освещения их книг». (preter cathedram et candelabrum ad inspisiendum super libros suos).[276]

Среди другой группы бунтовщиков, оказавшихся под судом весной 1456 г.,[277] оказались люди, стремившиеся истребить «плюралистов» (т. е. высший клир) и кастрировать всех других. Клерки суда описали их в документах в качестве лоллардов.[278] Обращает на себя внимание, что в списке наиболее «мятежных» поселений Кента осенью 1450 г., в 1452 и 1456 гг. фигурируют Эппелдор,[279] Тентерден,[280] Крэнбрук,[281] Мэдстоун,[282] жители которых поднимались на борьбу против церкви и государства 10—15 лет тому назад. Другие населенные пункты, откуда рекрутировались повстанцы, также расположены по соседству от них и преимущественно в юго-западной части Кента—Мэрден, Уэлдинг в 1452 г., Ролвенден, Уодхерст—в 1456 г. Вряд ли подобное могло быть чистой случайностью.

В событиях, развернувшихся летом 1450 г. на территории Уилтшира, также можно обнаружить отзвуки борьбы лоллардов с католической церковью. Здесь жертвой народного гнева оказались епископ Солсбери Уильям Эскью, монастырь в Эдингтоне и только. Никаких выступлений против королевской администрации источниками не отмечено. Расправа над епископом произошла в Эдингтоне 14 июня. Его схватили в церкви во время мессы, выволокли на ближайший холм и обезглавили.[283] Толпой руководил мясник из Солсбери—одного из наиболее старых очагов лоллардизма.[284] Богатства,

[275] RP, V, p. 248, 346. Подробнее см. нашу статью «Из истории классовой борьбы...», стр. 247.

[276] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 180-1.

[277] Их вождем был Джон Перси из Эрит.

[278] J. A. F. Thomson, The Later Lollards, p. 182.

[279] Эппелдор фигурирует как центр восстания в 1450 г. Среди задержанных бунтовщиков в 1456 г. также были уроженцы этого поселения.—См. таблицу № 3.

[280] Тентерден выставлял повстанцев в 1450 г.—См. таблицу № 3.

[281] Крэнбрук фигурирует, как родина участников восстания, в документах 1450, 1452, 1456 гг.—См. таблицу № 3.

[282] Жителем Мэдстоуна является У. Коул, «третий капитан Кента».—Восстание..., стр. 65.

[283] «Восстание», стр. 45.

[284] Напомним, что в мае 1431 г. улицы Солсбери уже были свидетелями революционного выступления еретиков.

принадлежавшие Эскью, оказались разграбленными. Вот как описывает хроника Грегори этот дележ: «...Его движимое имущество было роздано каждому человеку жившему там, где какая-либо часть его имущества находилась, как-то его быки, овцы, лошади, свиньи, телеги, плуги, зерно, сено, древесина, солома, украшения из его замков, его одежда, книги, церковная утварь, и все то, что относилось к нему каким-то образом. И даже свинец, который покрывал его дома, и дерево были свезены в некоторые места, как Шерборн в Дорсетшире, и люди, которые совершили это самоуправство, когда поняли то зло, которое они сделали как ему, так и особенно королю, тотчас прошли через все село Шерборн и велели каждому мужчине, женщине и ребенку в селении, который достиг 12 лет и трижды исполнял домашнюю работу, взять каждому по 6 шиллингов (из имущества епископа), и они заставили их поклясться быть верными и держаться всем вместе».[285] Далее в летописи содержится указание на то, что подобный раздел епископского имущества имел место и в других местах, с той целью, «чтобы если король пожелал бы наложить наказание за это (преступление), он должен был бы наложить его на все графства и округа, где было имущество (епископа)».[286] Неизбежно возникает вопрос: не был ли подобный уравнительный раздел практической попыткой осуществить то, к чему призывал своих сторонников Мэнджин, Хук, и их единомышленники? А о том, что раздел в Шерборне проводили сторонники лоллардов, достаточно ясно показывает письмо епископа Бата и Уилса Томаса Бекингтона Эдмунду, герцогу Сомерсету, написанное 18 апреля 1447 г., немногим более как за три года до гибели его соседа по епархии. Письмо содержит жалобу на держателей Шерборна и Лэнгпорта, которые «... не живут по законам святой церкви, осмелились совершать церковные таинства без какого-либо священника или клирика (wythout any prest or clerc presume to do sacraments of the cherche), не пожелали позволить их курату, который «властью данной ему богом и мной имеет заботу об их душах, ни вести церковную службу, ни выполнять какое-либо из таинств церкви». Слуги епископа, пытавшиеся силой принудить крестьян к соблюдению церковных порядков, потерпели неудачу. «Никто из них не осмеливается больше приходить туда из-за страха потерять жизнь». Епископ квалифицирует происходящие здесь события как «крупнейшие и в высшей степени тяжелые, открытые неповинование и мятеж».[287] И хо-

[285] Цитируется по «Восстанию», стр. 46.

[286] Расчет оказался правильным: «...Король даровал общее помилование всем таким людям».—«Восстание», p. 46.

[287] Bekyngton, II, p. 340—1.

тя в тексте письма Бекингтона слово «лолларды» не встречается, его содержание ясно свидетельствует о том, что нарушители законов римской церкви являлись их единомышленниками. Толпа эдингтонских жителей, расправившаяся с солсберийским епископом, мотивировала свой поступок вполне в духе тех идейных противников римских прелатов, с которыми в эти годы полемизировал Р. Пикок: «этот человек находился всегда при короле и никогда не жил в своем диоцезе с нами, не выполнял пасторских обязанностей, поэтому он умрет».[288] Кстати, в 1449 г., за год до характеризуемых событий, Пикок с тревогой писал о «многих из светской партии», которые «несправедливо и жестоко преследуют и позорят клир и всех других их соседей из мирян...»[289]

Нельзя не указать на некоторые события, связанные с казнью Вича. Ричард Вич—в прошлом соратник Олдкасла,[290] последний из оставшихся в живых образованных лоллардов —в последние годы жизни занимал различные приходы на юго-востоке страны, в частности в Дептфорде (Кент),[291] а позднее в Гермедсуорте (Миддлсекс).[292] Осужденный церковным судом лондонского епископства, как нераскаявшийся еретик, он был передан городским властям, которые сожгли его вместе с учеником Рожером Норманом[293] «в одной бочке»[294] на холме Тауэра летом 1440 г.[295] Один из современных хронистов отмечает, что Вич взошел на костер, как подобает «доброму христианину».[296] Место казни стало объектом паломничества: «мужчины и женшины из Лондона» «в огромном множестве» (in maxime multitudine) приходили туда.[297] Кто

[288] Repressor, I, p. XVII, note 2: «That fellow always lived with the king, and did non reside in his diocese with us, nor keer hospitality, therefore he shall die».

[289] Ib., p. 5: «...manie of the lay partie... uniustly and overmyche wijten and blamen the clergie and alle her othere neizbouris of the lay side...».

[290] Известно о его переписке с Яном Гусом. Существует мнение, что он редактировал латинский язык писем Д. Олдкасла.—W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, p. 441—2.

[291] Brut, p. 476.

[292] Hermodesworth (CPR, 1436—41, p. 426), Hermetesworth (Brut, p. 508), Hermetsworth (Stow, Summary, fol. 272).
Викарием Гермедсуорт Вич стал в 1436 г., обменяв его с Джоном Сеттоном на Ливленд в Кенте (CPR, 1436—41, p. 32).

[293] Р. Норман был рожден в Нормандии, в еретической семье.— Brut, p. 476, Vitellius, p. 153.

[294] Brut, p. 475.

[295] Известно, что казнь Р. Вича произошла в семь часов утра (ChL, p. 173). Дату сожжения нет возможности установить с полной точностью. Хронисты называют 16 июня (Vitellius, p. 156), 17 июня (TFCh, p. 101), 18 июля (Stow, Summary, fol. 272), 2 августа (ChL, p. 125).

[296] Brut, p. 508: «...at his deth he died A gode Cristen man».

[297] TFCh, p. 101.

были эти мужщины и женщины? «Многие из его секты» (manye of his secte),[298] «люди его мнения».[299] но не только они. На месте костра была насыпана груда камней, на ней был водружен крест,[300] сюда приносили подношения,[301] брали в качестве амулетов угли и пепел.[302] Подобные формы поклонения совершенно недопустимы для истого лоллларда. Очевидно, в те тяжелые для Англии годы моральный авторитет проповедников ереси был велик и среди массы людей, оставшихся верными католической конфессии. Не догматика, а этические и социальные стороны их учения привлекали умы и сердца лондонцев и жителей окрестных районов.

Летописцы сходятся в одном: посетители тауэрского костра были «низшие люди»,[303] «общинники»[304] и «неученые люди».[305] Понадобились аресты паломников и круглосуточная охрана тауэрского холма, чтобы «умиротворить» то «большое волнение среди людей», которое вызвала казнь Р. Вича.[306]

Как уже указывалось, во вторую половину XV века ересь сохранила немалое число приверженцев среди «простых» людей. Неизбежен вопрос, какова роль лоллардов в остром политическом кризисе, который переживал тогда английское общество, в социальных конфликтах, возникавших в тот период на городских улицах и манориальных полях? Инициаторы и руководители «больших» и «малых» феодальных распрей, так называемой, «войны Роз» начисто лишены высоких социальных, политических или религиозных принципов.[307] Нет ни малейшего намека на наличие антикатолических воззрений среди низших дворян, йоменов и горожан, примыкавших в отдельные моменты борьбы (1469, 1470, 1485-7 гг.) к одной

[298] ChL p. 125.

[299] Vitellius, p. 156.

[300] Brut, p. 508.

[301] «...Offred at the same place». (ChL, p. 125); «...made... grete offering» (Vitellius, p. 153); «...made there many offeryngys» (GrCh, p. 175).

[302] Stow, p. 622.

[303] Vitellius, p. 156.

[304] «Stow, Summary, fol. 272: «common people».

[305] GrCh, p. 174—5. Автор этой хроники подчеркивает, что особенно много было женщин.

[306] Gregory, p 183. Многие из его почитателей попали в тюрьму.—GrCh, p. 175; ChL, p. 125.

[307] Характеристика борющихся за власть феодальных группировок дана нами в следующих статьях: «Борьба магнатских партий в Англии в пятидесятые годы XV века. Политическая программа йоркской партии» (УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, вып. XLVI, Горький, 1959, стр. 123 след.); «Была ли битва при Босворте концом войны Роз?». (УЗ ГГУ, серия историческая, вып. 67, стр. 138 след.). Некоторые из «малых» дворянских войн мы рассмотрели в статье «Из истории политического кризиса в Англии второй половины XV века» (УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, вып. 65, Горький, 1964, стр. 508 след.).

из соперничавших баронских группировок.[308] Последнее замечание справедливо и для значительных народных выступлений при Йорках (восстание 1469 г. в области Хильдернис)[309] и при первом Тюдоре: восстания на севере Англии в 1489 и 1491 гг., «корноульский мятеж» 1497 г.[310] Даже в Лондоне неоднократно вспыхивавшие в течение 50-90 гг. XV века волнения были лишены какой-либо связи с лозунгами Рассела или взглядами светских оппонентов епископа Пикока.[311] Следовательно, после бурных событий 1450 г. последователи Виклифа отказались от активного вмешательства в социальную жизнь своей страны. Некогда широкое движение было загнано жестокими репрессиями в глубокое подполье и превратилось в одну из типичных для феодальной Европы сект. Виклифизм тех лет—это пассивная форма протеста «униженных» и «обездоленных» против гнетущего их общественного зла.

Общие итоги;

Политическая история виклифитов после событий, связанных с революционным кризисом 1381 г., может быть разделена на три периода: первый из них охватывает почти тридцатилетний промежуток времени (1381-1410); второй имеет продолжительность в сорок с лишним лет (1410—1451); а третий включает в себя шестьдесят последних лет XV столетия и первое двадцатилетие XVI века, предшествовавшие началу общеевропейской реформации. Такая схема, на наш взгляд, точнее, чем те, которые предлагали Г. В. Лехлер, Д. М. Тревельян, Дж. Гайрднер или Г. Г. В. Паркер.

Первый период характеризуется неуклонным расширением влияния виклифизма и стремлением руководителей движения достичь желаемой цели мирными средствами—так, как учил их евангелический доктор. 1410-1450 гг.—время вооруженных выступлений, направленных против церкви и правящей монархии во имя осуществления идей бедных священников. Среди целой цепи организованных различными группами лоллардов заговоров и мятежей два—1413—1414 гг., руководимый Д. Олдкаслом, и Джека Шэрпа из Вигморленда 1431 г.—явились наиболее опасными для английских прелатов и ланкастерской династии. Именно названные неудавшиеся восстания, а не обращение к парламенту 1395 г., как это думают Г. В. Лехлер и Д. М. Тревельян, следует, по нашему мнению, считать кульминационными моментами движения. Толпы эдингтонских горожан (1450 г.) и повстанческие отряды Кента (1450-1456 гг.) были последними «из могикан», несущими идейное знамя революционного крыла лоллардов. Приверженцами «бедных священников» во второй половине XV столетия становятся люди, которые безропотно переносят страдания на грешной земле, терпеливо ожидая награды в потустороннем мире. Лолларды третьего периода—секта, глухой стеной отгораживающая своих прозелитов от кипучей повседневности социальной жизни. Численность сектанских общин этого времени резко уменьшилась по сравнению с предшествовавшими годами.

Разнятся по периодам не только масштабы и формы движения, не был одинаков и социальный состав приверженцев идей бедных проповедников. На первом этапе среди лоллардов, наряду с «неблагородными состояниями» горожан и крестьянства, немалую роль играли и представители университетской интеллигенции, а также «дворяне-еретики». К. Маркс отмечал, что билли палаты общин 1410 г. «доказывали ее явное сочувствие к лоллардизму».[1] Ф. Энгельс считал объединение «низшего дворянства» и горожан «против попов» типичным для средневековых еретических движений, которое «...объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции князьям и прелатам».[2] После разгрома заговора Олдкасла (1415 г). и победы при Азенкуре «благородные» покровители ереси покинули «бродячих священников» навсегда. Городские ремесленники и плебеи, отдельные группы крестьянства оставались социальной базой движения. Уже к 1414 г. обнаружилось «переливание лоллардизма среди новых индуг-

---

[308] См. нашу статью «Крестьяне и горожане в войне Алой и Белой Розы 1469—1470 гг.».—«Научные доклады высшей школы, исторические науки», 1960, № 3, стр. 168 след. См. также «Была ли битва при Босворте концом «войны Роз»... стр. 142—143.

[309] Е. В. Кузнецов. Антифеодальные выступления английского крестьянства в конце XIV—XV вв. — УЗ ГГУ, серия историко-филологическая, часть 2, Горький, 1968, стр. 79 след.

[310] Е. В. Кузнецов. «Народные восстания в Англии последних лет XV века».—Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1959, № 1.

[311] Речь идет, в частности, о выступлениях в Лондоне 1456—1457 гг. (Е. В. Кузнецов, Лондонское восстание 1456 года. Тезисы докладов ко второй научной региональной сессии Совета по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам Волго-Вяского экономического района, историческая секция, Горький, 1965, стр. 88—92); 1470 г. (Е. В. Кузнецов. Крестьяне и горожане..., стр. 184—5); 1484—1486 гг. (Е. В. Кузнецов. Восстания лондонской бедноты. Тезисы докладов конференции молодых научных работников Горьковского государственного университета, секция гуманитарных наук, Горький, 1966, стр. 148 след.).

[1] Архив К. Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 390—1.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. VII, стр. 362.

стриальных групп в городе и деревне».[3] Эта тенденция усилилась в последующие годы. Крестьянская община цепко придерживалась не только хозяйственных традиций, но и традиционных идеологических норм, освящавших незыблемость ее бытия. Поэтому, исключая отдельные районы юга и центра страны, где процесс разложения общинных порядков зашел к рассматриваемому времени уже далеко, крестьянство оказалось менее восприимчивым, нежели городские жители, к еретическим идеям. Лишь те элементы крестьянства, которые по той или иной причине, оказались вырванными из застойного общинного мирка, обращались в поиске решений волновавших их вопросов, на которые сросшаяся с феодальными порядками католическая церковь была не в состоянии дать ответ, к лоллардизму. Наметившееся во второй период сужение социальной базы ереси продолжалось и во вторую половину XV столетия. Общины виклифитов покидали из-за страха перед репрессиями в первую очередь состоятельные элементы—люди, которым было, что терять.

Изменение социального состава не могло не влиять на бедных проповедников. Если первый период прошел под знаком господства «бюргерской» по своему характеру программы Виклифа—Пэрви, то во второй период какая-то часть идеологов движения начинает выдвигать лозунги, проповедовавшиеся в 1381 г. Дж. Боллом и его единомышленниками и наиболее полно выражавшие чаяния сельской и городской бедноты. Этот рецидив крестьянско-плебейских еретических идей прослеживается, хотя и очень слабо, во время революционного кризиса 1413-14 гг. Он значительно усиливается после отхода от движения социальных сил, игравших первенствующую в заговоре Олдкасла. После 1431 г. мы ничего не слышим о программе Пэрви, зато «болловская» ересь—ясное указание ухудшения положения тружеников сел и городов, увеличения среди них плебейского элемента—звучит весьма отчетливо, особенно—в устах некоторых вожаков повстанческих отрядов в Кенте. Но в отличие от 1381 г. крестьянско-плебейская ересь во вторую четверть XV в. не развилась также, как это было в XIII столетии у альбигойцев, в «резко выделяющееся партийное воззрение»,[4] а сосуществовало с приверженцами идей Виклифа-Пэрви в единой армии борцов против католической иерархии и защищавшей ее ланкастерской династии. После 1450 г. лолларды утрачивают четкую программу социальных и церковных преобразований. Ни лозунги Болла, ни предложения по секуляризации церковных богатств Пэрви уже не привлекают их. Впрочем, потеря позитивной программы по социальным вопросам сопровождается сохранением ряда крайних теологических суждений, далеко выходящих за рамки отрицания католического конформизма. Общины еретиков этого периода движения включали по-преимуществу низы общественно-феодальной иерархии, их идейный багаж не трудно уложить в рамки той формы ереси, которую историки-марксисты называют бюргерской. Утопические мечты о ликвидации феодальных общественных порядков и создания иного строя жизни, основанного на общей собственности, оказались утерянными. Стремление наиболее смелых идеологов плебейства «выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности...».[5]

Движение лоллардов на всех его этапах оставалось слишком слабым и малозрелым, чтобы его можно было, как это делают многие из наших предшественников, сравнивать с реформацией в Германии и других странах Западной Европы XVI столетия. В противовес гиперкритикам, подобным К. Б. Мак-Фарлену, следует подчеркнуть, что идея секуляризации церковных имуществ, защищаемая Пэрви-Олдкаслом, являлась для Англии начала XV в. более правильным способом решения стоящих перед ней трудных политических и финансовых проблем, по сравнению с программой военного грабежа во Франции второго Ланкастера и его советника кентерберийского архиепископа Чайчила. Провал попыток лорда Кобхема в 1414 г., Шэрпа и Рассела в 1431 г. провести выработанный секретарем Виклифа проект дворянского землеустройства и облегчения налогового бремени народа за счет церковных земель дорого стоил государству. Военные поражения в тридцатых—сороковых годах XV века во Франции, восстание Д. Кэда и баронские усобицы в последующие десятилетия явились в какой-то мере расплатой за победу князей церкви над еретиками. Авантюристическая завоевательная политика, противопоставляемая правителям Англии предложениями лоллардов, завершилась крахом и задержала дело общественного прогресса. Напротив, осуществление, хотя бы частичное, секуляризационных планов бедных священников, несомненно, рас-

[3] K. B. Mc Farlane, op. cit., p. 180.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. VII, стр. 363.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии..., стр. 79.

чистило бы дорогу для более быстрого развития передовых социальных и политических отношений, на несколько десятков лет сократило бы английскому обществу длинный и сложный процесс трансформации феодальной социально-экономической формации в буржуазную. Ф. Энгельс относил лоллардов к той «форме ереси», которая продолжала «революционную традицию во времена реакции». Хочется добавить, что данное замечание справедливо ко всему движению вцелом. И господствующее направление лоллардизма и его левое крыло с разных позиций, но с большой решимостью атаковали наиболее реакционные институты существующего общественного порядка и проводимую во имя их интересов политическую линию, служа тем самым делу прогресса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Восстание	—Восстание в Англии 1450—1451 гг. под руководством Джека Кэда и Уильяма Парминтера. Сост. Т. А. Кантемировой и Е. В. Кузнецовым. Горький, 1966.
УЗ ГГУ	—Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
ACh	—St'Alban's Chronicle, 1406—1420, ed. V. H. Galbraith, Ox., 1937.
Am	—J. Amundesham, Annales Monasterii S'Albani, 1421—1440, ed. H. Th. Riley, vols I-II, L., 1870.
Ap	—An Apology for Lollard Doctrines attributed to Wicliffe, ed. J. H. Todd, L., 1842.
Bale	—J. Bale, The Brefe Chronicle concernyng the Examynacyon and Death of the blessed Martir of Chryst, sir Johan Oldcastell the Lord Cobham, non canonysed of the Pope, but in the hevyous Bloude of his Lord Jesus Chryst, Parker Society's Publications, vol. XXXVI, L., 1849.
Bekington	—The official Correspondence of Thomas Bekyngton, Secretary to King Henry VI and Bishop of Bath and Wells, ed. G. Williams, vols. I, II, L., 1872.
R. Bird, The Turbulent London	—R. Bird, The Turbulent London of Richard II, L., 1949.
F. F. Bruce. The English Bible	—F. F. Bruce, The English Bible. A History of Translations from the earliest English Versions to the New English Bible, L., 1961.
Brut	—The Brut, or the Chronicles of England, ed. F. W. D. Brie, L., 1908.
Capgrave	—J. Capgrave, Liber de Illustribus Henricis, ed. F. C. Hingeston, L., 1858.
CC	—Historiae Croylandensis Continuatio, Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum, Tom. I, Ox., 1684.
CCR, 1413—9	—Calendar of the Close Rolls, Henry V, vol. I. 1413—9, L., 1929.[1]
ChA	—Chronicon Angliae, ab anno 1328 usque ad annum 1388, auctore monacho quodam Sancti Albani, ed. E. M. Thompson, 1874.
Chichele	—The Register of Henry Chichele, Archbishop of Canterbury, 1413—1443, ed. E. F. Jacob, Ox., vols. I, II, III, 1943, 1938, 1949.
ChL	—A Chronicle of London, ed. H. Nicolas and E. Tyrell, L. 1827.

[1] Соответственно все остальные тома данной серии.

CPR, 1416—22	—Calendar of the Patent Rolls, Henry, V, vol. II, 1416—1422, L., 1911.
Davies	—An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the Year 1471, ed. S. Davies, L., 1856.
DB	—J. Wyclif, Tractatus de Blasphemia, ed. M. H. Dziewicki, The Wyclif Society, L., 1893.
DCD	—J. Wyclif, De Civili Dominio, The Wyclif Society, L., vol. I, ed. R. L. Poole, 1895, vol. II, III, —IV, ed. J. Loserth, 1900—1904.
DDD	—J. Wyclif, De Dominio Divino, ed. R. L. Poole, The Wyclif Society, L., 1890.
DE	—J. Wyclif, De Ecclesia, ed. J. Loserth, The Wyclif Society, L., 1886.
M. Deansly, The Lollard Bible	—M. Deansly, The Lollard Bible and other Medieval Biblical Versions, Cam., 1920.
DNB	—Dictionary of the National Biography.
DOR	—J. Wiclif, Tractatus de Officio Regis, ed. J. Loserth, The Wyclif, Society, L., 1837.
Dymmok	—R. Dymmok, Liber contra XII Errores Lollardorum, ed. H. S. Cronin, The Wyclif Society, L., 1921.
EHR	—The English Historical Review.
Fabyan	—R. Fabyan, The New Chronicles of England and France, ed. H. Ellis, L., 1811.
Foedera, IV, 2	—Foedera, conventiones, literae, et cujuscumque generis acta publica. Accurante Thoma Rymer, editio tertio, tomi quarti, parte 2, L., 1740.
Foxe	—J. Foxe, The Acts and Monuments of the Church, 4th ed., rev. and corr. with appendices, glossary and indices by the rev. J. Pratt, also an introduction, biographical and descriptive, by the rev. John Stoughton, vols. III, IV, L., 1877.
FZ	—Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico, ed. by W. W. Shirley, L., 1858.
J. Gairdner, Lollardy	—J. Gairdner, Lollardy and the Reformation in England, An Historical Survey, vol. I, L., 1908.
Grafton	—Grafton's Chronicle, or History of England, ed. H. Ellis, vols. I, II, L., 1807.
GrCh	—The Great Chronicle of London, ed. A. H. Thomas and J. D. Thornley, L., 1938.
J. R. Green, History, II	—J. R. Green, The History of the English People, L., 1890, vol. II, (V ed.).
V. H. H. Green, Bishop	—V. H. H. Green, Bishop Reginald Pecock, A Study in Ecclesiastical History and Thought, Cam., 1945.
Gregory	—Gregory's Chronicle. The Historical Collection of a Citizen of London, ed J. Gairdner, L., 1876.
GrFr	—Chronicle of the Grey Friars of London, ed J. G. Nichols, L., 1852.
HA	—Chronica Monasterii S'Albani Thomae Walsingham, quondam monachi S'Albani, Historia Anglicana, vol. II, 1381—1422, ed. by H. Th. Riley, L., 1864.

Hall	—E. Hall, Chronicle of Lancaster and York, 1399-1547, ed. H. Ellis, L., 1809.
Harding	—The Chronicle of John Hardyng, in metre, from the first begynnyng of England into the reigne of Edwarde the Fourth, where he made an end of his Chronicle. And from that tyme is added with a Continuation of the Storie in prose to this our tyme (1543), ed. H. Ellis, L., 1812.
HE	—Historia vitae et regni Ricardi II, Angliae Regis, a monacho quodam de Evesham consignata, ed. Th. Hearne, Ox, 1729.
Hoccleve	—Hoccleve's Works, ed. F. J. Furnivall, The Early English Text Society, Extra Series, No. 61, L., 1937.
HP	—Polychronicon Ranulphi Higden monachi Cestrensis, vol. IX (A Continuation of the Polychronicon by J. Malverne), ed. J. R. Lumby, L., 1886.
E. F. Jacob, Henry V	—E. F. Jacob, Henry V and the Invasion of France, L., 1947.
E. F. Jacob, The Fifteenth Century	—E. F. Jacob, The Fifteenth Century, 1399-1485, The Oxford History of England, ed. G. Clark, vol. VI, Ox., 1961.
Julius	—Julius B II, Chronicles of London, ed. Ch. L. Kingsford, Ox., 1905.
Kn	—H. Knighton, Chronicon, ed. J. R. Lumby, vol.II, L., 1893.
Langley	—The Register of Thomas Langley, bishop of Durham, 1400—1437, vol. II, ed. R. L. Storey, The Publications of the Surtees Society, vol. CLXVI, Durham, 1951.
LL	—The Lanterne of Light, ed. L. M. Swinburn, The Early English Text Society, L., 1917.
Livius	—Titi Livii Foro Juliensis Vita Henrici Quinti Regis Angliae, ed. Th. Hearne, Ox., 1716.
M. Mc Kisack, The Fourteenth Century	—M. Mc Kisack, The Fourteenth Century, 1307-1399, The Oxford History of England, ed. G. Clark, vol. V, Ox., 1959.
MH	—Memorials of Henry the Fifth, King of England, ed. Ch. A. Cole, L., 1858.
ML	—Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV Centuries, ed. Th. Riley, L., 1868.
OE	—J. Wyclif, Opus Evangelicum, ed. J. Loserth, 2 vols, The Wyclif Society, L., 1895, 1896.
OM	—J. Wyclif, Opera Minora, Ed. J. Loserth, The Wyclif Society, L., 1913.
G. H. W. Parker, The Morning Star	—Parker, The Morning Star, Wycliffe and the Dawn of the Reformation, The Paternoster Church History, vol. III, Exeter, 1965.
PO, IV	—Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England, Ed H. Nicolas, vol. IV, L., 1834
Poems	—The Political Poems and Songs, ed. Th. Wright, vol. I,II, L., 1859, 1861.

PR	—The Peasants' Rising and the Lollards. A Collection of unpublished documents forming an Appendix to «England in the age of Wycliff», ed. E. Powell and G. M. Trevelyan, L., 1899.
PW	—J. Wiclif's Polemical Works in Latin, ed. R. Buddensieg, the Wyclif Society, vols I, II, 1883.
J. Ramsay, Lancaster	—J. Ramsay, Lancaster and York, vol. I, II, 1892.
H. Rashdall, The Universities	—H. Rashdal, The Universities of Europe in the —Middle Ages, ed. F. M. Powicke and A. B. Emden, vol. III, Oxford University Press, L., 1936 (2nd ed.).
E. J. B. Reid, Lollards of Colchester	—E. J. B. Reid, Lollards at Colchester in 1414, EHR, 1914, vol XXIX, No. 113.
Pepressor	R. Picock, The Pepressor of Overmuch Blaming of the Clergy, ed. C. Babington, The Rolls Series, L., 1860.
H. G. Richardson, Heresy	—H. G. Richardson, Heresy and the Lay Power under Richard II, EHR, 1936, vol. LI, No. 201.
J. A. Robson, Wyclif	—J. A. Robson, Wyclif and the Oxford Schools. The Relation of the «Summa de Ente» to scholastic Debates at the Oxford in the Later Fourteenth Century.—Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, New Series, vol. III, Cambridge, 1961.
RP	—Rotuli Parliamentorum.
SEW	—J. Wycliffe, Select English Works, ed. Th. Arnold, vols. I—III, 1869—1871.
Trok	—Johannis de Trokelowe et Henrice de Blanefor-de, monachorum S'Albani, necnon quorundam anonymorum, Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio, Edwardo Primo, Edwardo Secundo et Henrico Quarto, A. D. 1259-1296, 1297—1324, 1392—1406, ed. by. H. Th. Riley, L.,
Usk	—Chronicon Ade de Usk., ed. E. M. Thompson, L., 1904.
VH Sussex, I	—The Victoria History of the country of Sussex, vol. I, L., 1905.
VH Warwick	—The Victoria History of the country of Warwick, vol. II, L., 1907.
VH Wilt	—The Victoria History of the country of Wilt, vol. III, L., 1956.
Vitellius	—Cotton Vitellius A –XVI, Chronicles of London, ed. Ch. L. Kingsford, Ox., 1905.
W. T. Waugh, Sir John Oldcastle	—W. T. Waugh, Sir John Oldcastle, EHR, vol. XX (1905).
WEW	—The English Works of Wyclif hitherto unprinted, ed. F. D. Matthew L., 1902 (2nd. ed).
Wilkins	—D. Wilkins, Concilia Britanniae Magnae et Giberniae, vol. III, L., 1737.
XXXVII	—The Thirty Seven Conclusions of the Lollards, ed. H: E. B. Compston, EHR, XXVI (1911). No. 104.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Н. П. Соколов. Из истории социальных движений в Венеции в первой половине XIV века 3

Е. В. Кузнецов. Движение лоллардов в Англии (конец XIV—XV вв.) 25

Историческая наука о лоллардах 32

Распространение лоллардизма в Англии в конце XIV—XV вв. 59

Развитие учения Виклифа бедными священниками 115

Влияние лоллардов на социально-политическую жизнь в Англии конца XIV—XV вв. 233

Список сокращений 287

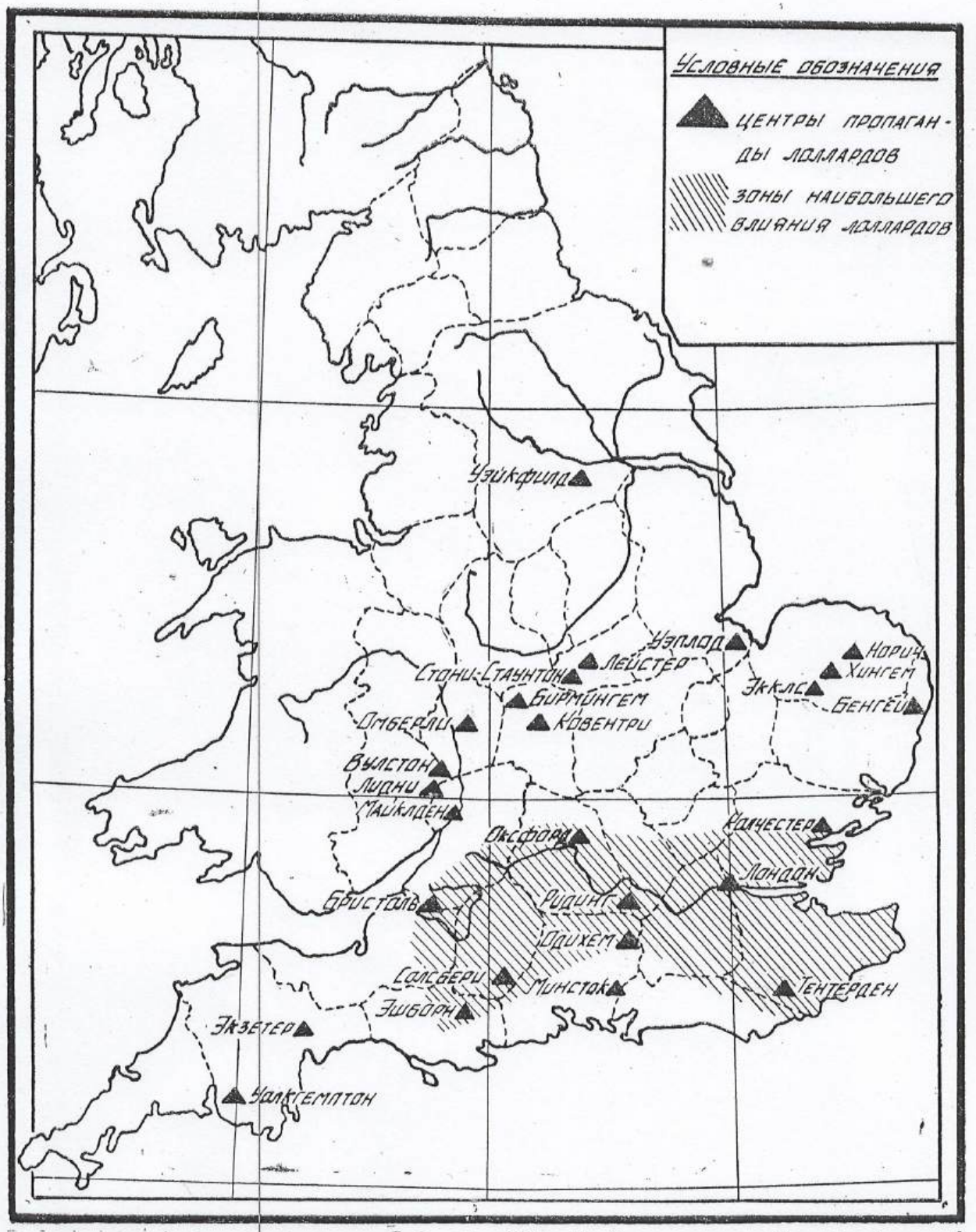
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Сдано в набор 5-X-1970 г.
Подписано к печати 22-VI-1971 г.
Формат бумаги 60x90
Печатных листов 18,25
МЦ 00090. Заказ 2972, Тираж 1300.
Цена 1 р. 80 коп.

Балахнинская типография,
Управления по печати Горьковского
облисполкома.
ул. Демьяна Бедного д. 26.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
29	1 сверху	против ошибок	против XII ошибок.
30	13 сверху	контроля	короля
43	14 сверху	Саутри	Соутри
51	6 снизу	1945	1965
61	16 снизу	Historcal	Historical
81	11 снизу	errores	Errores et Hereses
83	9 сверху	cariendo	capiendo
91	1 сверху	Saddigton	Saddington
121	18 сверху	fordis	lordis
127	14 сверху	основной	основы
129	10 снизу	supperfluae	superfluae
133	17 снизу	ВД	ДВ
146	5 сверху	подержали	поддержали
160	18 снизу	стихотворений	стихотворный
160	15 снизу	slnt	sint
161	25 снизу	Эпленка	Эпленда
189	15 сверху	религиозной арены	арены религиозной
198	21 снизу	Глостеру	Глостеру, протнктору королевства
218	20 снизу	Scharpe	Scharpe, Domino Humfredo, Duci Gloverniae, regni
225	12 снизу	tenusset	tenuisset
227	18 сверху	такого	Мэнджи
228	14 снизу	поставлено	постановлено
243	24 сверху	Haestow	Halstow
252	1 снизу	CrCh	GrCh
270	16 снизу	Уогбертон	Уорбелтон
283	3 снизу	переливания	преобладания
290	19 снизу	Ade	Adae

Условные обозначения
Центры пропаганды лоллардов
Зоны наибольшего влияния лоллардов
Уэйкфилд
Уэллод
Норидж
Хингем
Лейстер
Стони-Стаунтон
Бирмингем
Экклс
Бенгей
Ковентри
Омберли
Вулстон
Лудни
Майкладен
Оксфорд
Колчестер
Лондон
Бристоль
Ридинг
Одихем
Солсбери
Минстоук
Тентерден
Эшборн
Экзетер
Уолтгемптон

Цена 1 р. 80 коп.